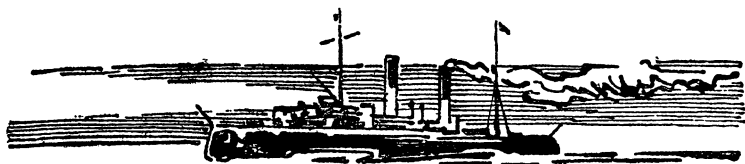

*** ГЕОРГИЙ КУБЛИЦКИЙ * ПО МАТЕРИКАМ И ОКЕАНАМ * ***

ГЕОРГИЙ КУБЛИЦКИЙ
ПО МАТЕРИКАМ
И
ОКЕАНАМ

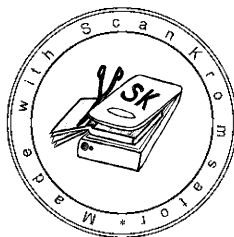
*Рассказы
о путешествиях и открытиях*

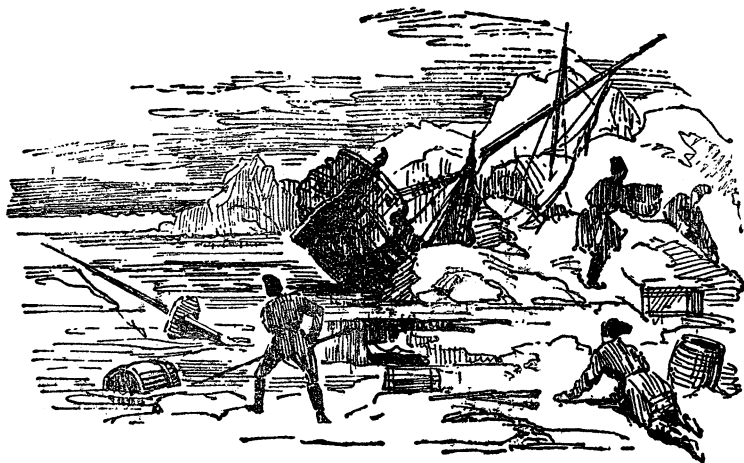
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва 1957

Рисунки
В. Алфеевского

Карты
М. Гетманского

Scan AAW

НАХОДКА НА НЕОБИТАЕМОМ ОСТРОВЕ

же много дней «Норд» качался в море Лаптевых.

Это было гидрографическое судно. Люди, находившиеся на его борту, промеряли глубины, наносили на карту подводные мели, искали подходы к небольшим островам, скалистым, угрюмым. Их населяли птицы. Чайки поднимали страшный гам, едва шлюпка подходила к берегу. Галька хрустела под тяжелыми сапогами, и, вспугнутые незнакомым звуком, тревожно кричали кулики.

Промерять глубины полезно, но что говорить — работа это довольно однообразная. А тут еще погода — хмурая, осенняя, ветреная.

В середине сентября 1940 года «Норд» подошел к островам Фаддея. Они расположены в ста тридцати километрах к юго-востоку от самой северной точки Азии — мыса Челюскин. Ничем эти пустынные, каменистые острова не славились, но моряки не преминули заглянуть и сюда. Они намеревались кое-что уточнить на карте.

Шлюпка, разогнавшись, прочертила носом по гальке. Четверо выпрыгнули из нее и пошли вдоль берега. Трое

из них были опытными полярниками и цеплялись глазом за всякий пустяк: все важно на новом, незнакомом месте.

Один из них свернул к груде камней, похожей на другие, но только чуть побольше. Его возглас заставил остальных поспешить туда же.

— Смотрите-ка, целый склад!

Между камнями зеленели старой медью бока больших котлов.

— Какая-нибудь экспедиция, вроде нашей, бросила, — сказал молодой матрос.

— А где банки?

— Банки?

— Ну да. Если бы тут был экспедиционный лагерь, то уж чего-чего, а консервных банок вокруг набросали бы. Будьте покойны, верная примета. А ну-ка, дружно!

Моряки отвалили камень, осторожно разгребли гальку.

— А ведь посуда-то древняя! — удивился матрос, ковыряя пальцем зеленый налет на темной меди котла.

Они стали рыть дальше.

— Гляди, кастрюля!

— И сковородка. Склад ширпотреба. Только за такое качество мастеру руки надо обломать.

Перебрасываясь шутками, они извлекли на белый свет топор, медный колокольчик, ножницы, медную гребенку. В мелкой гальке ярко голубели бусинки. Все было необычного, музейного вида.

— Стоп! — сказал старший гидрограф поднимаясь. — Тут дело серьезное, как бы не напортить. Давайте посоветуемся с капитаном.

Когда разведчики вернулись на «Норд» и рассказали о находке, никто не мог вспомнить о каких-либо экспедициях, посещавших острова Фаддея. У мыса Фаддея, на материке, бывал Харитон Лаптев, заходил туда Амундсен. Но на островах... Пересмотрели справочники, книги судовой библиотеки — нет, на островах Фаддея никто из путешественников не бывал; во всяком случае, в книгах об этом не упоминалось.

Несколько дней спустя с «Норда» отправилась на остров целая экспедиция. Выбрали небольшой участок и начали пробные раскопки. Нашли оловянные тарелочки, отрыли старинную пищаль, серьги, остатки мехов, разную мелкую утварь и, наконец, множество серебряных монет.

— «Царь и великий князь», — с трудом разобрал один

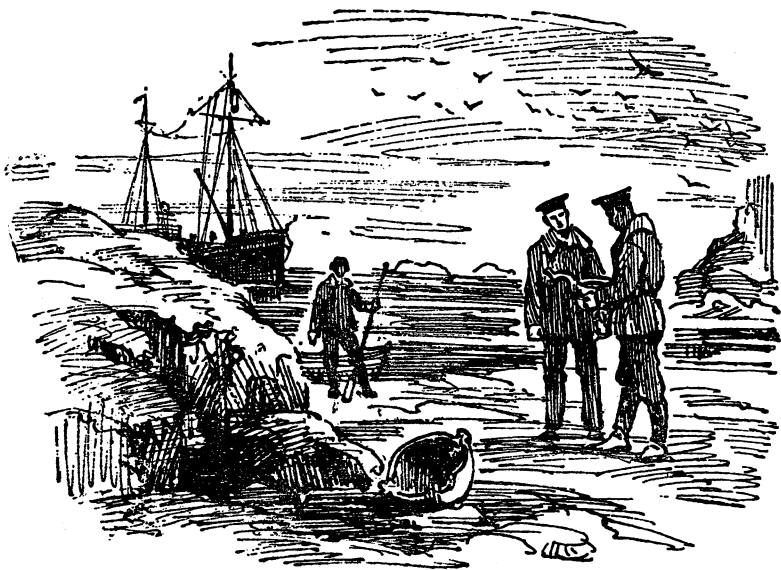
из моряков надпись на монете. — Тут, как видно, побывали наши деды!

— А не прадеды ли? — поправил другой.

Моряки стали совещаться. Ясно, что им удалось напасть на след какой-то старинной экспедиции. Но как она сюда попала? Откуда? Когда именно? Жаль, что среди моряков не было людей, знакомых с археологией. Археолог и в каменном веке как у себя дома. А такие монеты и вещички для него — открытая книга.

— Вот что, товарищи, — сказал капитан. — Беда, коль сапоги начнет тачать пирожник. Так и мы с вами. Хватит копать. Прикроем-ка пока все это получше камнями и сообщим по радио о находке. Прямо в Москву. А то потом археологи будут ругаться, что моряки все испортили, взявшись не за свое дело. И поделом нам будет.

На зимовку «Норд» встал недалеко от островов. Моряки часто ездили за плавником — остатками деревьев, принесенных реками в океан и выброшенных штормами на берег. Этот плавник — единственное топливо для зимующих на побережье.

Как-то один из моряков поехал на нартах к заливу Симса, расположенному на материке еще ближе к мысу Челюскин, чем острова Фаддея. Упряжка мчалась по плотной снежной корке, как вдруг ездок резко затормозил, бороздя палкой.

Он заметил недалеко от берега остатки какой-то крохотной избушки. Бревна были темные, старые. Ездок тотчас вспомнил о медных котлах и монетах с островов Фаддея.

Он разрыл снег, попробовал долбить мерзлую землю. Она звенела под топором: какие уж тут раскопки!

Разведчик приметил место находки, и в конце полярной весны люди с «Норда» через топкую тундру добрались до развалин избушки. Первое, что они увидели, были позеленевшие медные котлы. Забыв о мокрой одежде, об усталости, моряки принялись разгребать мусор. Что за чудеса! Внутри остатков сруба лежали оловянная посуда, серебряные монеты, колокольчики, остатки мехов, куски тканей, голубые бусинки. Все как на островах Фаддея! Только тут были еще компас и солнечные часы.

Но вот моряки обнажили головы: в углу сруба белели человеческие кости...

Находки были доставлены на Большую землю. На острова Фаддея и в залив Симса выехала специальная экспедиция археологов. Шаг за шагом изучала она следы давно минувших дней. И вот куда привели эти следы.

* * *

Шумит Мангазея, «златокипящая государева вотчина», в наиглухом углу Руси, вблизи берега сибирской реки Таз.

Кого только не встретишь в этом городе, основанном русскими землепроходцами в первый год XVII века! На улочках возле рубленных из крепчайшей лиственницы домов и лавок толпятся казаки, служилые люди, охотники. Подгулявшая компания дразнит у кабака привязанного на цепи медведя. К воеводскому дому волокут мужичонку в латаном кафтане. На гостином дворе покупатели прицениваются к сыромятным козам, соли, охотничьим припасам, ножам, алым сукнам, свинцу, котлам из красной меди, бисеру. Много всякого добра в Мангазее!

Народ тут лихой, предприимчивый, выдавший виды.

И то сказать — что делать в городке у Полярного круга ленивым, изнеженным боярским сынкам? Ведь пока доберешься сюда на парусном коче через студеные моря — на-терпишься и горя и напасти. Вон у стен, где разгружаются кочи с мукой, только что пришедшие с запада, седой кормщик жалуется мангазейцам:

— Ох, труден был путь наш, и прискорбен, и зело страшен от ветров! Не чаяли уж и живыми сюда добраться.

Акакий Мурманец молча слушает кормщика. Завтра-послезавтра Мурманец поведет свой коч на восток. Это потруднее, чем пройти к Мангазее с запада.

Вчера Акакий встретил на гостином дворе человека, ходившего недавно, в 1610 году, с Кондратием Курочкиным и Осипом Шептуновым на кочах не только к Енисею, но и подальше, к устью реки Пясины, что стекает в ледовитое море с таймырской земли. После третьей кружки хмельной браги тот разговорился:

— Иди, коли смел. Коч-то у тебя добрый? Смотри, а то мы с Кондрашкой аж в Петрово заговенье в Енисейском заливе на лед наткнулись. А от Енисейского устья повернули мы вправо и шли подле берега два дня. И пришли в Пясину. Впадает она в море одним устьем.

— А за Пясиной что?

— Не бывал, врать не буду. Сказывают, что ходили здешние мангазейские людишки и много дальше — туда, куда и самоеды не заходят. Медведей белых там видимо-невидимо.

— А соболь как?

— Ишь ты, соболь... Дойдешь — увидишь.

Много путей уходит от Мангазеи во все стороны. И по рекам, и по тундре, и по морю. Все дальше вглубь Сибири проникают мангазейцы, ища новых земель, драгоценных мехов, соболя. Это люди своего жестокого века. Они торгуют, меняют, воюют. Врагов у них не меньше, чем друзей. Древние жители Таймыра многое перенимают у русских, многому учатся; иные даже рождаются с пришельцами. Но свистят еще в лихой час оперенные стрелы — и падают казаки на холодную землю...

Акакий Мурманец решил плыть морем на восток за Пясины. Жалованная грамота с государевой печатью охраняет его с товарищами от притеснений своевольного мангазейского воеводы. Коч у Акакия — хоть куда, това-

рищи — молодец к молодцу. Вот только баба... Не хотел брать ее Акакий на судно — упросили: полюбил его помощник, молодой Иван, черноволосую узкоглазую ненку. Жаль их разлучать. Конечно, баба на корабле — дурная примета. Ну, да ведь баба бабе рознь: эта и шкуру может выделывать, и к холоду привычна, и толмачом — переводчиком — будет, когда начнется торговля с инородцами.

И вот коч, шестью оттолкнутый от берега, медленно идет по реке. Пронзительно кричат чайки. Уплывают назад бревенчатый частокол мангазейских стен, церковные крыши. Долго еще слышен слабый перезвон колоколов.

Акакий сам стоит у руля. Хорошо бы попутного ветра! Вчера Акакий узнал, что не он один собирается на восток: соболь ведет туда и других торговых людей. Мурманец думал, что придет первым в эти неведомые края, где зверь не пуган, а оказывается, вдоль Таймыра за Пясино хаживали и другие. На Пясине даже зимовья поставлены. Что же, пусть... Он все равно поведет коч дальше всех.

Коч хорошо оснащен, проконопачен, осмолен. Паруса прочные, якорных канатов достаточно. Запася Акакий компасами и компасными солнечными часами — взял с собой целых шесть штук: собрал у знакомых поморов. Особенно хороши часы, вырезанные из мамонтовой кости — подарок кормщика, который учил когда-то Акакия на Мурмане мореходному делу.

Снова и снова перебирает Акакий в памяти: все ли взято? Пожалуй, бус надо было еще прикупить. До них северные люди большие охотники. Зато оловянной посуды, иголок, цветных сукон, медных перстней для торговли набрал он довольно, даже с лишком...

Плавно идет коч в открытом море. Невелик он, да зато легок, поворотлив, может при нужде пройти у самого берега.

Сколько уже дней плывут они вдоль Таймыра — и хоть бы дымок где, хоть бы знак какой, что был здесь человек. Ничего, только голый, унылый берег.

Все дальше и дальше на северо-восток тянется он покрытой лишайниками плоской тундрой. Вот, кажется, за

тем мысом быть наконец повороту к югу. Но дрожит стрелка компаса, и, вздыхая, видит Акакий Мурманец, что другой дальний мыс выдается еще севернее.

Уж не на эти ли проклятые места намекали старики, когда рассказывали о самых северных людях? Будто живут те люди в воде, а на земле им жить нельзя — кожа трескается. Говорили еще, что у этих людей рты на темени, что еду они кладут под шапку, а потом начинают двигать вверх и вниз плечами, чтобы легче было глотать. Или все это сказки?

Просыпаются как-то мореходы — смотрят, а берега залива, в котором они укрылись на ночь, побелели. Плохо дело — зима идет!

— Впору шубы да шапки надевать, а конца-краю пути не видно! — ворчит тщедушный купец. Он упрямился на коч уже перед отплытием, внес большой пай, и теперь горько раскаивался, что не остался торговать в Мангазее. — Надо назад поворачивать, вот что.

Тяжелая рука берет его за ворот. Никто и не заметил, как из своей «казенки» — каюты на корме — вышел Акакий.

— Назад, говоришь? — Он трясет купца. — А куда назад? Назад-то дальше, чем вперед. Эх ворона, перья опустила! Разве до нас не плавали люди в студеные моря? Плавали да со славой и с казной возвращались. Смотри, высажу на берег, чтобы смуту не разводил! Ишь, заныл! Что ж тогда ей говорить?

Он кивает в сторону черноволосой смуглой женщины. Испуганная ссорой, она прижалась к мачте. Трудно ей на судне — всем сготовь, всех обстирай. Но никто не слышит от нее жалоб.

Оттолкнув купца, Акакий снова уходит в полутемную казенку. Ох, как смутно, беспокойно у него на душе, хотя и скрывает он от других невеселые свои мысли. До каких же пор идти на север? Куда ведет эта морская дорога? Где ее конец?

Но вот наступает день, когда за темным каменистым мысом, уже припорошенным снегом, открывается берег, повернувшийся на юг.

Коч медленно огибает мыс. Плещется в борт волна. С берега ползет осенний туман.

Что это за мыс? Может, севернее его нет выступа на всей великой сибирской земле?

Но не это занимает Акакия Мурманца. Мало ли мысов обогнул коч! Поморы хаживали и подальше на север, да не вдоль берега, а в открытом море.

На юг, скорее на юг! Только бы добраться до человеческого жилья.

Все скупее светит солнце. Теперь оно не поднимается высоко даже в полдень. Стужей дышит океан. Подули встречные ветры. Видно, зима заморозит коч у опостылевшей тундры.

Мурманец присматривается к берегам. Вот, кажется, подходящий залив. На косе много крупного плавника. Снегом его не занесет: место открыто ветрам. В тундре должны быть песцы и олени.

Коч поворачивает в залив.

— Ну, братцы, — говорит Акакий и размашисто крестится, — прибыли! Придется, видно, бедовать здесь. Беритесь-ка за топоры. Руби поварню.

Не раз зимовал Мурманец в таких «поварнях» — избушках из плавника. Поставили ее крепко, сложили из камней печь. Соорудили и нарты — легкие санки, чтобы ездить за дровами.

Пришла полярная ночь. Мореходы возили плавник, ладили охотничью снасть, отливали свинцовые пули, сделали рогатину на случай, если пожалуют белые медведи. Играли в шахматы, вырезанные из мамонтовой кости, от нечего делать наводили оловянные узоры на рукоятки ножей.

Потом настали трудные дни. Ржаных сухарей и толокна осталось совсем мало. За стенами избушки не первую неделю выла пурга. Когда она немного приутихла, Акакий пошел на охоту. Но тундра была мертва. Он вернулся ни с чем.

— Погибнем тут ни за грош... — начал было купчишка, но осекся под тяжелым взглядом Мурманца.

Акакий отогрел озябшие руки и опять ушел в тундру. Вечером он принес песка. Поморы считали эту полярную лисицу нечистой, поганой пищей. Купец, преодолевая отвращение, первым потянулся к котлу. Жадно чавкая, он глотал песцовое мясо. Потом украдкой сунул под нары брошенную Мурманцем белую шкурку.

— Помирать собираешься, а мех прячешь. В рай, что ли, торговать будешь? — усмехнулся Акакий.

Дни тянулись черные, похожие на ночи. Тьма придавила тундру. Оленьи стада ушли от океанского берега, песцы попадались в ловушки все реже. Охотники возвращались с пустыми руками — усталые, голодные, злые.

К весне уже не все могли подниматься с нар по утрам. Накрытые шубами, ко всему безучастные, стонали больные. Бывало, что по нескольку дней зимовщики не ели ничего, кроме раздробленных костей песцов; жевали сыромятные ремни.

А когда подули теплые ветры, случилось непоправимое несчастье: подвижкой льда раздавило коч. Уцелела лишь шляпка.

Что делать дальше? Те, которые еще держались на но-

гах, говорили, что надо плыть на юг: ведь должны же быть где-нибудь недалеко становища кочевников.

Иван, помощник Акакия, думал так же. Но он не мог покинуть избушку: жена его была совсем плоха. И сам Акакий не мог плыть: его мучила цынга. Он понимал, что на шлюпке будет лишним, бесполезным. Лучше уж помереть на берегу. А может, прилетят сюда птицы, придут олени, будет охота — тогда, накопив силушку, можно по суше пойти назад, к пясинским казацким зимовьям. Летом тундра прокормит — живности в ней хватает.

Порешили, что каждому — своя дорога. Собрали имущество, сосчитали деньги и разделили всё поровну, по-братски. Долго смотрели оставшиеся в избушке, как ныряла в волнах шлюпка, направляемая слабыми руками.

Потом нахмурился океан, разгулялся. Еле дотянули мореходы до небольшого островка, едва успели вытащить на берег свой подмокший скарб, как волны бросили на камни их шлюпку.

И не увидели больше родных мест ни те, кто остался в избушке, ни те, что нашли ненадежный приют на острове. Может, доканал их голод, может погубила цынга...

* * *

19 августа 1878 года против мыса Челюскин появились два корабля знаменитого путешественника Норденшельда. Праздничные флаги развевались на мачтах, корабельная пушка дала салют, обративший в бегство белого медведя.

«Мы достигли великой цели, к которой люди стремились в течение столетий. Впервые судно стояло на якоре у самой северной оконечности Старого Света», — записал в этот день Норденшельд.

Путешественник зачеркнул бы в дневнике эти строки, позже обошедшие весь мир, если бы во время дальнейшего плавания его корабли спустили шлюпки у островов Фаддея. Он, возможно, узнал бы, что неведомая русская экспедиция достигла морем самой северной оконечности Азии за два с половиной века до него.

Но корабли Норденшельда прошли мимо островов Фаддея. За путешественником незаслуженно укрепилась слава первого человека, обошедшего морем мыс Челюскин.

Только теперь мы знаем истину, и свет этой истины наполняет нас гордостью за наших славных предков.

На долгие века затерялся след людей, совершивших одно из самых выдающихся плаваний первой половины XVII века. Ничего не знали мы об их подвигах до тех пор, пока моряки с «Норда» не увидели старинные медные котлы среди камней островов Фаддея. Вполне возможно, однако, что экспедиция Акакия Мурманца была не единственной русской экспедицией, которой удалось еще в начале XVII века обогнуть морем мыс Челюскин. Поиски следов древних мореходов в Арктике продолжаются, и сделано уже немало новых находок.

Но вы спросите: где же доказательства, что плавание Мурманца происходило хотя бы приблизительно так, как об этом только что рассказано? Разве удалось найти в архивах летописи, в которых сообщается об экспедиции?

Нет, таких летописей пока не найдено.

Единственные доказательства — это находки команды «Норда» и плававшего позднее к месту раскопок знатока истории Сибири, крупного советского археолога Алексея Павловича Окладникова, с которым мы еще встретимся на страницах этой книги.

Каждый предмет сказал свое слово тому, кто умеет понимать язык древностей.

О том, когда была снаряжена экспедиция, рассказали монеты. Их удалось собрать очень много — более трех тысяч. Такие большие деньги могли понадобиться только для торговли. Треть монет относилась ко временам Ивана Грозного. Многие монеты были отчеканены в царствование Федора Иоанновича и Бориса Годунова. Попадались также монеты Лжедмитрия, Василия Шуйского и Михаила Романова. Последних было совсем мало. Значит, экспедиция отправилась вскоре после 1613 года, когда Михаил только что вступил на царство и не успел еще выпустить много денег.

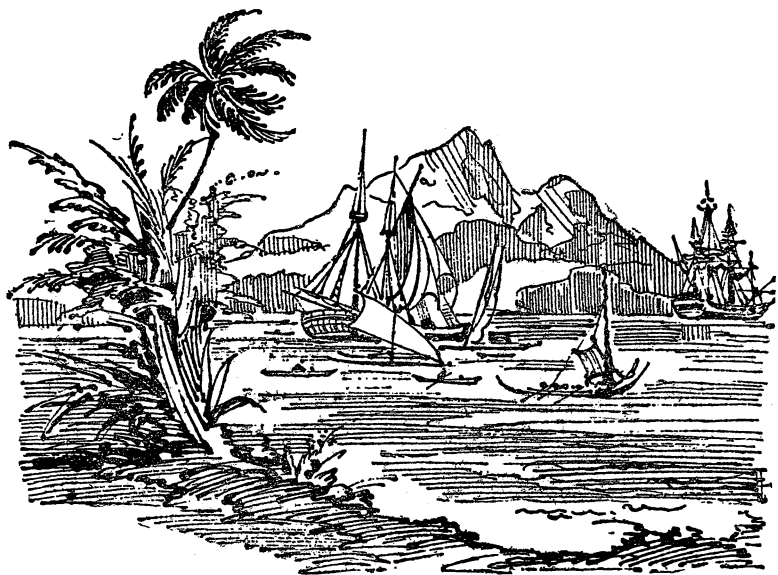
Досказали повесть о мореплавателях другие находки: обломки лодки, раздробленные кости и черепá песцов, разная утварь, прядь черных женских волос, вышитая женская сумочка, разбросанные шахматные фигуры. Мореходы, несомненно, разделились — иначе предметы на островах и на берегу залива вряд ли могли бы быть так поразительно схожими, как бывают схожими только вещи, сделанные одним мастером и взятые из одного места.

Нам неизвестны имена этих отважных мореходов. Единственное имя, которое может помочь тем, кто ищет теперь следы экспедиции в старинных документах, затейливо вырезано на украшенной оловянным орнаментом ручке ножа, найденного среди развалин избушки: «Акакий Мурманец». На другом ноже чуть видно слово «Иван». К несчастью, засунутый в ножны обрывок бумаги, на котором едва можно разобрать надпись «жалованная грамота», очень плохо сохранился.

А как бы помогла эта грамота археологам!

Возможно, отдельные подробности путешествия были не такими, как описаны в нашем рассказе: пока они неизвестны никому. Но Алексей Павлович Окладников, прочтя этот рассказ, сказал: «Да, так вполне могло быть». А ведь профессор Окладников сам побывал на островах Фаддея и в заливе Симса; он же руководил работой многих ученых, которые исследовали все найденные там предметы, до обрывков шерстяной нитки и ворсинок меха включительно.

КОНЕЦ КАПИТАНА КУКА

Когда английские корабли «Резолюшн» и «Дисковери» пришли на острова вечной весны и бросили якоря в этой бухте, все обещало спокойную и веселую стоянку.

Толпа полуголых гавайцев приветствовала капитана Джемса Кука радостными криками. Сам верховный жрец, худой, костлявый старик, приехал на корабль. Он накинул на плечи Кука что-то вроде красной мантии и подал ему поросенка. При этом жрец бормотал заклинания, какие обычно произносятся только перед деревянными идолами или другими божествами островитян.

Капитан Джемс Кук был принят жителями Гавайских островов за божественного О-Роно! По преданию, этот О-Роно в давние годы покинул гавайцев, пообещав вернуться на пловучем острове, чтобы принести народу до-

вольство и счастье. Когда же не один, а сразу два пловучих острова с белыми полотняными крыльями появились в бухте, жрецы не сомневались, что это пожаловал О-Роно со своей свитой.

Кук вскоре убедился, что быть божеством не так уж заманчиво. Когда за тобой целый день ходит орава жрецов и вопит: «О-Роно! О-Роно! О-Роно!», то это может довести до неистовства. Если бы не свиньи и плоды, обильно приносимые при этом в жертву, то Кук разогнал бы крикунов. А эти жертвоприношения были так кстати: запасы продовольствия на кораблях совсем истощились.

Однако, как ни простодушны были гавайцы, но и они поняли, что с богом О-Роно вышла какая-то ошибка. Вместо того чтобы принести довольство и изобилие бедным туземцам, О-Роно усердно собирал на свои пловучие острова все съедобное. Наиболее смысленные смекнули, что пришельцы, как видно, простые смертные, только с другим цветом кожи и с аппетитом акулы.

Местный царек Тараи-Опу побывал на корабле у Кука и деликатно осведомился: как скоро божественный О-Роно думает покинуть гавайцев? Кук сказал, что очень скоро. Обрадованный Тараи-Опу поторопился прислать ему на дорогу фруктов, съедобных кореньев и других припасов.

Перед отплытием Куку понадобились дрова. Матросы могли бы нарубить их сколько угодно. Но Кук позвал верховного жреца и потребовал, чтобы в обмен на два железных топора ему отдали деревянную ограду вокруг священного храма гавайцев. Жрец с негодованием отверг сделку. Тогда разгневанный О-Роно приказал матросам сломать ограду, а строптивому жрецу насильно заткнуть за пояс топоры. Туземцы безропотно снесли такое неслыханное надругательство над своими святынями, рассчитывая, что это последняя жертва, которую они приносят божеству.

Но каково же было разочарование гавайцев, когда через несколько дней пловучие острова О-Роно снова появились в бухте. Кук вернулся для того, чтобы исправить поврежденную бурей фок-мачту «Резолюшн».

Если бы англичане мирно и дружески обошлись с гавайцами, то, конечно, получили бы и дерево для мачты и

продукты. Однако чуть не с первого часа новой стоянки кораблей начались ссоры и стычки.

Один из гавайцев, прельстившись клещами и долотом, не удержался от искушения и, схватив эти чудесно блестящие вещички, нырнул с ними в воду. В него стали стрелять, но промахнулись.

Гавайцы сами наказали воришку и вернули вещи боцману «Дисковери». Но тот, грубо бранясь, потребовал, чтобы ему выдали самого вора, которого он пригрозил застрелить. В залог боцман пытался забрать лодку одного из туземных вождей. Когда тот, не давая лодку, схватил боцмана за руку, один из матросов ударил вождя веслом. Англичанам непоздоровилось бы в завязавшейся драке, если бы вождь не остановил своих соотечественников и не приказал отпустить пришельцев с миром.

Кук, узнав о случившемся, рассердился.

— Боюсь, что эти островитяне заставят меня прибегнуть к энергичным мерам, — сказал он.

На другой день, когда с «Дисковери» из-за оплошности и ротозейства вахтенных исчезла шлюпка, Кук сам отправился на берег с вооруженным отрядом и позвал Тарай-Опу на корабль для переговоров. Престарелый царек заподозрил неладное, однако не решился перечить.

На самом берегу, когда Кук считал, что Тарай-Опу уже его заложник, прибежала жена царька и с плачем стала умолять своего повелителя не ездить на корабль. На ее крик и причитания сбежалось множество гавайцев. Они увидели, что их вождя хотят похитить, и тоже стали просить Тарай-Опу не садиться в шлюпку. Тот стоял в нерешительности. Но Кук, которому надоело все это, нетерпеливо потянул царька за руку.

Тотчас в воздухе просвистел камень: один из гавайцев, защищая вождя, поднял руку на самого О-Роно. Кук обернулся и выстрелил. Матросы последовали примеру капитана. Но гавайцы не разбежались.

Тогда Кук попятился к шлюпкам, стоявшим у берега. Гавайцы размахивали перед ним копьями, прогоняя его в воду. Капитан повернулся, чтобы скомандовать людям на шлюпках, и тут один из гавайцев ударил его дубиной по голове. Кук выронил ружье, шатаясь сделал несколько шагов, упал, снова приподнялся, протянул руку к шлюпкам, как бы прося о помощи. Но на шлюпках растерялись или испугались.

Гавайцы потащили Кука в более глубокое место и стали его топить. Он вырвался еще раз, но тут удар копья оборвал его жизнь. Тело англичанина с торжествующими криками поволокли вглубь острова. Это произошло 14 февраля 1779 года в бухте Кеалакекуа.

* * *

Капитану Чарльзу Клерку, принявшему начальство над экспедицией, казалось, что все случившееся — кошмарный сон. Пустая ссора, удар палицы дикаря — и Англия лишилась лучшего своего мореплавателя.

Завтра он, капитан Чарльз Клерк, потребует выдачи тела Джемса Кука под угрозой объявления войны всем гавайцам. На «Дисковери» и «Резолюшн» достаточно пуль и ядер.

Капитан Клерк поднимается на палубу. Глубокая ночь, но вдоль берега острова пылают костры. Доносятся возбужденные крики, мелькают силуэты дикарей. Что они сделали с телом? О, только бы дождаться рассвета!

От борта отделяется тень: вахтенный лейтенант Кинг. Сразу после гибели капитана Кука он с вооруженным отрядом неудачно пробовал высадиться на берег.

— Капитан, — говорит Кинг, — ни один из них не должен уйти живым. Ночь темна, и мы могли бы до рассвета высадить десант. Их надо перебить всех, даже младенцев, спалить селенья...

— Я противник бессмысленной жестокости, лейтенант Кинг. Это было бы недостойно памяти нашего великого друга... Проверьте часовых и не отлучайтесь с палубы: дикари могут напасть с лодок.

Оставив недовольного Кинга, Клерк идет в опустевшую каюту Джемса Кука. Мундир, карты, пистолеты, книги, раскрытый дневник... Никогда уже капитан Кук не допишет начатую и оборванную на половине фразу...

Сердце Клерка болезненно сжимается. Он вспоминает Кука таким, каким видел его вчера, и таким, каким был лейтенант Кук много лет назад, когда судьба впервые свела их.

Тогда шел 1768 год. Кука назначили капитаном «Индевора». Ему было лет сорок, если не больше, и невысокий чин лейтенанта, который он получил уже перед самым выходом в плавание, служил поводом для насме-

шек этих чванливых господ из адмиралтейства. Но как бы они ни кривили губы, лучшего моряка, чем Кук, на флоте не нашлось. И сыну батрака, самому испытанному на море все, что может выпасть на долю юнги, матроса, боцмана и шкипера, доверили вдруг командование военным кораблем.

И не ошиблись, чорт возьми! Что это было за славное плавание! Каждый, кто шел тогда на корабле, мог убедиться, что Джемс Кук столь же смел, сколько расчетлив, что у него ясный ум и твердая рука. Капитан привел «Индевор» к неведомой земле, которую чуть не приняли за таинственный Южный материк. Оказалось, однако, что это восточный берег той земли, начало открытию которой положил голландец Тасман. Они обследовали и нанесли на карту эту землю — два больших острова Новой Зеландии, А следом были открыты восточные берега Новой Голландии¹, и британский флаг, поднятый здесь, гордо развевался на скале.

И вот теперь на расстоянии пушечного выстрела от судна убийцы издеваются над телом человека, украсившего корону Британской империи такими крупными жемчужинами. И что самое нелепое — эти дикари убили своего заступника! Не лейтенант ли Кук приказал публично ударить несколько раз плетью судового мясника за то, что тот грубо приставал к жене одного из туземных вождей? Не он ли осуждал ту поразительную жадность, с которой офицеры и матросы выменивали у островитян за старый гвоздь, цветную тряпку или осколок стеклянной бутылки различные ценные безделушки, на которые так падки эти господа коллекционеры? А когда один офицер застрелил из мушкета юношу, не пожелавшего обменять на гвоздь кусок красивой ткани, Кук отчитал этого офицера, сказав, что тот слишком сурово покарал дикаря за такую пустяшную вину.

И ведь если говорить честно, офицеры и матросы иногда бывали виноваты сами. Взять хотя бы случай с новозеландцами. Этому выскочке Банксу, богачу, путешествующему на корабле за свой счет с кучей слуг и двумя рисовальщиками, почудилось, будто дикарь хочет стянуть у него кинжал. Чепуха! Туземец просто вздумал посмотреть незнакомую вещь. Но Банкс выстрелил в новозеландца

---

¹ Так первоначально называлась Австралия.

дробью, а доктор Монкгауз добил его пулей. Этого не снесли даже терпеливые туземцы. В общем, пришлось пустить в ход не только ружья, но и пушки. Сколько тогда их было убито, этих дикарей! Кто будет считать...

Но все-таки во время первого путешествия таких случаев было мало. Лейтенант Кук говорил, что нужно избегать кровопролитий. Он жалел, что пришлось проучить картечью новозеландцев на острове Мэра, стащивших кусок парусины; он рассердился, когда матросы проделали в ухо таитянской моднице дужку замка, закрыли его, а ключ выбросили в море. Ухо потом пришлось резать: замок весил не меньше фунта.

Но во время второго путешествия, когда они отправились на кораблях «Резолюшн» и «Адвенчур», капитан Кук — да будет вечно светла его память! — стал все чаще изменять правилам доброго христианина. У бедного капитана Кука начал портиться характер.

Характер же стал портиться у Джемса Кука потому, что завистливые и надменные лорды из адмиралтейства дали ему чин капитана второго ранга, хотя он бесспорно заслуживал за свое первое путешествие производства в капитаны первого ранга. Джемс Кук понял, что если он

даже совершит невозможное, его все равно постараются отгеснить, ущемить, попрекнуть низким происхождением.

Их корабли снова искали тогда Южный материк. Из благословенных теплых вод они вошли в царство полярных льдов. Нужно было обладать смелостью и волей капитана Кука, чтобы не повернуть назад при виде сталкивающихся между собой пловучих ледяных гор. Корабли прошли так далеко к югу, как не проходил никто до них. Они открыли там несколько островов и крайние из них называли Землею Сандвича. И если им все же не удалось найти никакого Южного материка, то, разумеется, только потому, что этот материк существовал лишь в воображении кабинетных ученых. Капитан Кук заявил потом всему миру, что он неоспоримо отверг возможность существования этого материка и что вряд ли кто сможет совершить на дальнем юге больше, чем совершил он. Превосходные слова! Но все же капитан Кук предпочел бы найти землю, чем сказать, что если она и есть, то лишь у полюса, в местах, не доступных для смертного...

Их корабли во время второго плавания снова посетили не только полярные, но и тропические моря, открыли большой остров Новую Каледонию.

Да, капитан Кук стал забывать прежние советы и все чаще говорил, что лучше всего показать туземцам в действии огнестрельное оружие, чтобы они были всегда во власти белого человека. На острове Анамока он сам разрядил в туземца мушкет. А какая перестрелка завязалась на острове Тан! Туземцы отбивались камнями, но что камни против пушек!

И вот это несчастное третье путешествие. Они должны были побывать в южных водах и осмотреть там кое-какие острова, открытые французами, а затем уйти на север, проникнуть через пролив между Азией и Америкой в Северный Ледовитый океан и, обогнув Американский материк, попасть в Атлантику. Такую задачу мог решить только капитан Кук, которого после второго путешествия если не лорды адмиралтейства, то уж, во всяком случае, народная молва называла первым моряком Англии.

За какие же тяжкие грехи покарал всевышний этого великого моряка, ниспослав ему такую смерть? Разве Джемс не поступил по-христиански, простив диких новозеландцев, убивших несколько лет назад десять моряков с корабля Фюрно? Да, но, с другой стороны, этот случай

на Таити... Пропавшая овца стоила совершенные пустяки, и, конечно, не следовало из-за этого сносить с лица земли деревушку таитян. И уж совсем незачем было отрезать уши несчастным туземцам, замеченным в мелких кражах. Ведь матросы тоже не раз обкрадывали плантации островитян.

А потом, после Таити и островов Дружбы, корабли наткнулись в океане на эти вот Гавайские острова, которые, говорят, были уже известны испанцам. Проклятые острова, лучше бы туман скрыл их! Тогда бы не он, Клерк, а капитан Кук сидел бы сейчас в этой каюте над раскрытым дневником.

Набив трюмы свежей провизией, они пошли, полные надежд, на север. У берегов Аляски трудно было ждать больших открытий — там уже побывало много русских кораблей. Когда же «Резолюшн» и «ДисCOVERи», обогнув самый западный мыс Американского материка, вышли Беринговым проливом в Ледовитый океан, льды преградили им путь. Целый месяц тщетно пробовали они найти проход на восток — и наконец Кук вынужден был отступить. Нет, он не признал себя окончательно побежденным — он только решил перезимовать где-нибудь в теплых краях, чтобы на следующий год снова повторить попытку. И вот корабли оказались в этой роковой бухте...

Выстрел за стеной каюты отрывает Чарльза Клерка от воспоминаний. Он бросается на палубу. Вспышка освещает матросов, целящихся куда-то в темноту.

— Лодка, капитан! Туземцы! — докладывает лейтенант Кинг.

Теперь Клерк и сам различает гавайскую лодку с двумя гребцами. Они что-то кричат, машут руками. Может, их послали для переговоров?

— Прекратить стрельбу!

В лодке — жрецы. Они поднимаются на палубу и с плачем кладут перед Клерком окровавленный узел. В нем части тела божественного О-Роно, доставшиеся при дележе жрецам.

С поразительной отчетливостью Клерк вспоминает вдруг, как один из офицеров корабля купил однажды отрубленную человеческую голову. Человеческое мясо сварили и дали туземцам...

Клерк яростно хватается одного из жрецов:

— Они хотят съесть О-Роно?

Жрец отрицательно мотает головой: гавайцы не едят

людей. Если бы О-Роно не схватил Тараи-Опу, если бы не убивал гавайцев маленькими молниями, то его кровь не пролилась бы никогда.

Клерк уходит в каюту. Он долго сидит там, продолжая мучительно размышлять о жизни и гибели Джемса Кука. Мысли путаются в его голове. Ему начинает казаться, что трагическая смерть капитана — возмездие за жестокость моряков...

Иллюминатор каюты голубеет, пламя свечи становится тусклым. Светает так быстро, как светает только в тропиках. Капитан достает оплетенную бутылку, стакан и залпом пьет пахучий, крепкий ром. К чорту колебания, ко всем чертям сентиментальность!

Через несколько минут капитан Клерк выходит к офицерам.

— Господа! — говорит он. — Мы попробуем сначала договориться о выдаче того, что осталось от его тела. Но думаю, что они не отдадут. Я почти уверен в этом. И мне понятно ваше общее желание...

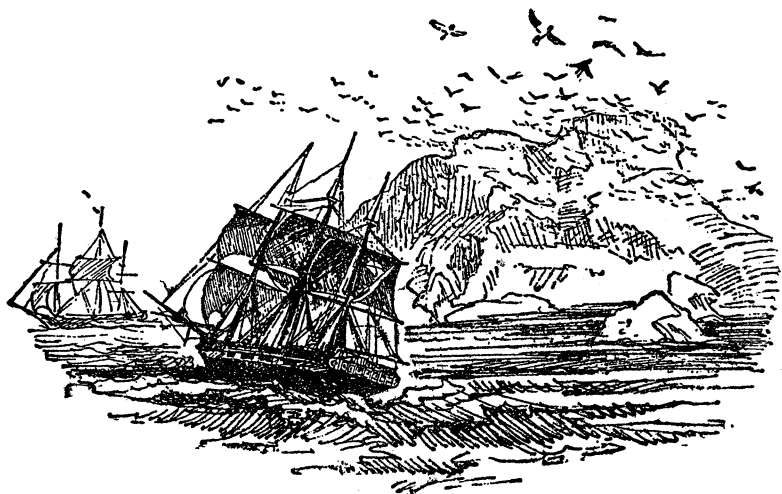
21 февраля 1779 года под звуки пушечного салюта гроб с останками мореплавателя Джемса Кука был опущен в море с борта корабля «Резолюшн».

На берегу, в рощах, на вытоптаных плантациях — всюду, где их застали ядро, пуля или штык, — валялись трупы гавайцев. Смерть не пощадила ни стариков, ни грудных младенцев. Над зеленою пальм стлался едкий дым: догорали зажженные селения.

После того как гроб погрузился на дно, капитан Чарльз Клерк приказал поднимать паруса.

АНТАРКТИДА

диннадцать часов...

Последний час уходящего года корабли лавировали между айсбергами, мерцавшими призрачным светом. Воздух над океаном жил своей обычной беспокойной жизнью. Множество птиц кружило низко над мачтами, как бы стараясь получше разглядеть неведомых пришельцев.

Внезапно повалил густой мокрый снег. Вахтенный офицер идущего впереди «Востока» расставил вдоль бортов матросов. Они прислушивались, не зашумят ли где-нибудь поблизости волны, разбивающиеся о невидимую за снежной пеленой ледяную громаду. В тишине ясно слышались резкие крики пингвинов.

Снег облеплял паруса мокрыми хлопьями. Чтобы стряхнуть его, корабли временами резко поворачивали в сторону, и парусина полоскалась, потеряв ветер.

Матросы вспоминали далекую Россию, где, может быть, в эту новогоднюю ночь вот так же кружится белый хоровод и снежинки ложатся на ели, на крыши, под которыми теплятся огни. Родина, милая родина...

Но вот на палубе «Востока» глухо рывкнула пушка и взвилась ракета. Где-то поблизости тотчас отозвался пушечным выстрелом «Мирный». Приближалась полночь. Сосульки срывались с обмерзшей снасти и, звеня, разбивались о палубу.

За праздничным столом моряки в парадных мундирах сдвинули стаканы с горячим пуншем. Начальник ледовой экспедиции сказал короткую речь. Он напомнил, что Россия послала моряков в самые негостеприимные воды мира, что цель трудна и путь опасен.

— Пожелаем же друг другу счастливо окончить предлагаемое нам плавание и снова увидеть любезное отечество наше. С Новым, тысяча восемьсот двадцатым годом!

И каждый перенесся мыслью в другое полушарие, туда, где родные и друзья поднимают бокалы за них, ушедших в море. Удастся ли маленькой эскадре со славой вернуться к родным берегам из этого царства льдов и бурь или подстережет ее гибель в темной пучине...

А корабли плыли среди призрачных ледяных гор, над мачтами бесшумно носились буревестники, Южный океан плавно катил тяжелые волны.

В первые дни нового года «Восток» и «Мирный» достигли того места, где капитан Джеймс Кук на карте своего второго плавания обозначил самую южную землю Южного полушария — Землю Сандвича и описал ее, как высокую горную страну.

Русские моряки убедились в невольной ошибке Кука: перед ними были три небольших острова. Должно быть, в тумане английский мореплаватель принял за высокий берег ледяные горы, тесно набившиеся в проливах между островками.

Самый большой из островков моряки называли именем Кука. Начальник экспедиции записал в корабельном журнале: «Капитан Кук первый увидел сии берега, и потому имена, им данные, должны оставаться неизгладимы, дабы память о столь смелом мореплавателе могла достигнуть до позднейших потомков. По сей причине я называю сии острова Южными Сандвичевыми островами».

Корабли пошли дальше на юг.

Последняя земля осталась за кормой. Безбрежен, суров океан. Но множеству ледяных гор и ледяных полей тесно

в нем. Большие, малые, они сталкиваются друг с другом, дробясь в обломках, перевертываясь, поднимая волну.

Среди всего этого хаоса — два корабля. Нет у них ни извергающих дым труб, ни гудящей в трюме могучей машины, ни стальных бортов, ни антенн на мачтах. Это деревянные суденышки, не достигающие в длину и сорока метров.

Борта невысоко приподняты над водой, в них поблескивают стекла кают. На палубе нет ни рубки, ни капитанского мостика. Лишь в кормовой части выделяется высокий помост: это шканцы, самое почетное место корабля.

Кутаясь в шинель, стоит там вахтенный офицер, ведущий корабль. Резкий ветер со снегом слепит ему глаза. То справа, то слева угрожающе маячат айсберги.

В кубрике и каютах холодно, сыро. Плохо греют чугунные печки, дрова на кораблях берегут. Чтобы не уходило тепло, люки закрыты просмоленной парусиной, в которую вшиты куски стекла, пропускающие в трюм совсем мало света.

У трех высоких мачт, под заиндевевшими парусами, — матросы. Они дуют на руки, кровоточащие от работы с обмерзшей снастью.

Ни одной минуты матросы не знают покоя. Чуть переменился ветер — и вот уже залился унтер-офицерский свисток, раздается команда:

— Подтяни крьюйс — марса бык — гордени!

Это означает, что нужно среди нескольких десятков прямых и косых парусов корабля быстро и безошибочно найти один, чтобы подтянуть его нижнюю часть. А через несколько минут слышится уже новая команда...

Весь январь экспедиция боролась со льдами. Ей удалось пробиться наконец в очень высокие южные широты. Курс кораблей пересек 69-ю параллель. И тогда впереди появилась сплошная белая полоса.

Она росла, приближалась. На «Востоке» и «Мирном» убавили паруса.

Ледяная стена, к которой 16 января 1820 года подошли корабли, не походила на встречавшиеся до тех пор льды открытого океана. В ней не было трещин, не было прохода. Местами ровная, местами бугристая, она напоминала обледеневший низменный берег.

Отступив от стены и пройдя несколько десятков миль к востоку, корабли снова устремились на юг.

Вскоре они достигли самой южной точки своего плавания — $69^{\circ} 25'$. И что же? Перед ними снова выступила из вод океана необозримая ледяная преграда.

Командир «Востока» Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен в волнении шагал по шканцам. Что мог означать этот необычный ледяной барьер?

Он должен иметь твердую опору, в противном случае ветры давно бы уже разрушили, раздробили его. Но если это неведомая земля, то неужели вся она покрыта льдом? Сколько ни всматриваются матросы с мачт, нигде не видят они черного пятнышка какой-нибудь скалистой осыпи или выступа. Всюду лед, лед и лед.

Нет, надо продолжать поиски. Наука требует точных, бесспорных фактов. Принял же Кук лед между островами за высокую горную страну. И, тщательно описав вид странной ледяной преграды, Беллинсгаузен приказал отойти от нее, чтобы через некоторое время снова повторить «покушение к югу».

* * *

Джемс Кук, вернувшись из путешествия в Южном Ледовитом океане, сказал:

— Риск, связанный с плаванием в этих необследованных и покрытых льдинами морях в поисках Южного материка настолько велик, что я смело могу сказать, что ни один человек никогда не решится проникнуть на юг дальше, чем это удалось мне.

Пять частей света лежали на картах мира, и голубые моря омывали их со всех сторон. Стоит ли искать шестую? Ведь для нее в морях, доступных человеку, просто не осталось места. Географы, утверждающие, что далеко на юге может быть какой-то таинственный Южный материк, заблуждаются: сам Кук, бесстрашный Джемс Кук, заявил об этом.

После плавания Кука прошло десять, двадцать... сорок лет, пока, наконец, нашлись люди, которые не побоялись губительных льдов высоких южных широт и не уstraшились слова «никогда».

В июле 1819 года два парусных корабля — шлюпы «Восток» и «Мирный» — покинули гавань Кронштадта.

Их повели лучшие офицеры и матросы, добровольно вызвавшиеся плыть на поиски Южного материка.

Начальником экспедиции был назначен командир «Востока» Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен. Эту фамилию носил русский моряк, за сорок лет своей жизни многое повидавший и испытавший. Еще мичманом плавал он во время первой русской кругосветной экспедиции и был правой рукой знаменитого Крузенштерна.

Шлюпом «Мирный» командовал Михаил Петрович Лазарев, заслуженный офицер, несмотря на молодость уже совершивший самостоятельное кругосветное плавание на бриге «Суворов».

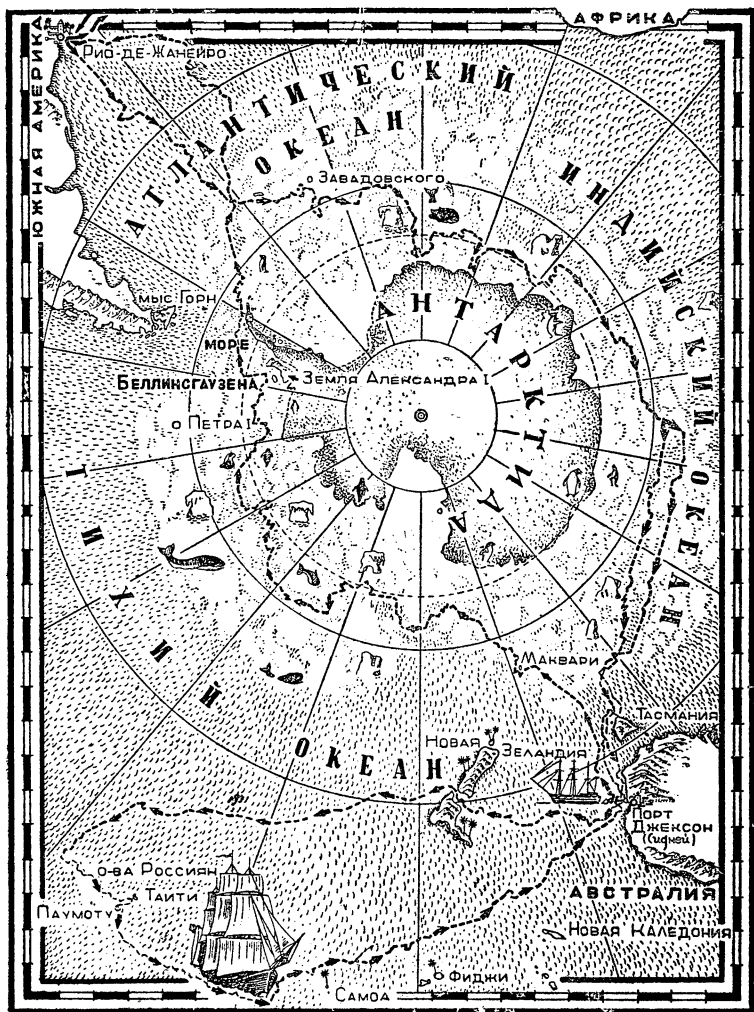
Вместе с моряками отправился казанский профессор астрономии Иван Михайлович Симонов. Он не испугался трудностей экспедиции, которой было предписано: «...употребить всевозможное старание и величайшее усилие для достижения сколько можно ближе к полюсу, отыскивая неизвестные земли, и не оставить сего предприятия иначе, как при непреодолимых препятствиях».

Корабли обогнули Европу, пересекли Атлантический океан и после стоянки у берегов Бразилии пошли к югу, навстречу опасностям и приключениям.

Сначала моряков удивляли фонтаны, выпускаемые китами, птицы, разгуливавшие по плавающим островам из переплетенных между собою бурых водорослей, альбатросы, в мощном и неутомимом полете сопровождавшие корабли. Удивляло их и то, что декабрь считался в Южном полушарии самым теплым летним месяцем. Впрочем, теплым он был относительно: снег почти не таял.

Экспедиция открыла несколько скалистых островов. Им дали имена офицеров «Востока» и «Мирного», первыми заметивших землю в океане. Один из островов был окутан черными тучами густых и смрадных паров. Их извергал кратер вулкана. Его тепло согнало снег и лед с красных и желтоватых склонов.

Моряки убедились, что земли в Южном океане похожи на острова других морей. И неудивительно, что когда в январе 1820 года корабли подошли к странному ледяному барьеру, не схожему ни с обычными полярными льдами, ни со скалистыми уступами недавно открытых островов, начальник экспедиции не мог твердо решить: суша ли перед ним, закованная в ледяной панцырь, или пловучие льды невиданной величины и формы.

* * *

Мало кто на корабле «Восток» знал о том, что матрос первой статьи Егор Киселев вел дневник. В грамоте матрос был не очень искушен, но старательно записывал все самое главное.

«Месяца генваря 1820 года. ...Премножество льдов, такие есть престрашные горы ледяные сажен по 30-ти сверх воды. И самые опасные места... И престрашные бывают штормы, и престрашный холод, и часто бывают шквалы со снегом».

Киселева не мучили сомнения по поводу природы гигантской ледяной стены, и он заносил в свой «памятник» более мелкие текущие события.

«Генваря 18-го. Наловили на ледяном острове руками птиц пеньдвин, штук до 70-ть и которых употребляли в пищу господа и служители, как вареное мясо».

С пингвинами Киселев познакомился еще на том острове, где дымил вулкан. Миллионы этих птиц облюбовали его склоны. Когда моряки сошли на берег, постоянные «жители» острова и не думали уступать им дорогу. Лишь удары палки заставляли посторониться забавных птиц, встречающихся только в Южном полушарии.

— Это птицы — не птицы, звери — не звери, на них перья — не перья, шерсть — не шерсть: вид у них птичий, но они не летают под облака, зато плавают скорее корабля, — смеясь, говорил о них профессор Симонов.

Крылья пингвина напоминали ласты. Они годились только для плавания, а не для полета. И покрыты они были перьями, больше похожими на чешую.

Пингвины показались сначала неподвижными, как пни, и матросы их так и окрестили: «пеньдвины». Но на самом деле это были очень подвижные и забавные существа.

Иногда они выныривали из воды около самых шлюпов и вскарабкивались на льдины. Сидели и ходили пингвины вертикально, как люди. Наглядевшись на корабли, они, точно по команде, поднимали крик и со странным звуком, напоминающим хрюканье, снова прыгали в воду. Тут они чувствовали себя как дома, плавая и ныряя за рыбами и рачками с поразительной быстротой и проворством.

Особенно занятыми были самые крупные, так называемые «королевские пингвины». Разгуливая по льдине и выставив вперед брюшко, словно господа в черных фраках и белоснежных жилетах, они отрывисто и сердито кричали «кре-кре-кре» или молча отвешивали друг другу поклоны...

Ловля пингвинов вносила некоторое разнообразие в матросскую жизнь, расписанную до минуты уставом корабельной службы.

Вот ударили восемь утренних склянок — четыре часа утра. Унтер-офицеры поднимают оглушительный свист и кричат на весь корабль:

— Вторая вахта, навверх!

Не хочется покидать подвесную парусиновую койку, когда даже в кубрике так холодно, что на железных болтах нарастает за ночь слой льда. Но мешкать нельзя. Крепок боцманский кулак, ох, как крепок! И матросы спешат навверх.

Промозглая сырость охватывает их. Ну и погодка!

Снова надрываются дудки. Сверху, с мачт, по вантам, а то и просто скользя по снастям, спускается первая вахта.

— По ма-а-рсам!

Часть матросов второй вахты поднимается на мачты, часть начинает утреннюю уборку — скребет, скоблит, моет палубы, начищает медные части.

В восемь часов утра, с последним ударом склянок, под звуки барабана и флейты поднимается флаг.

Капитан отдает приказания об ученьях. Астроном и вахтенный офицер ходят по шканцам с секстантами в руках, определяя, где находится судно. С камбуза тянет дымом и запахом щей.

Вскоре свистки возвещают обед. В полдень — смена вахт. В шесть часов — ужин, потом свистками же вызывают навверх песенников и плясунов, а в восемь свободные от вахты матросы подвешивают свои выстиранные на холоде парусиновые койки и укладываются спать. Судовой флаг медленно сползает вниз.

И так день за днем. Одни сутки напоминают другие. Поэтому и охота и поездка на шлюпке за пресным льдом к ледяным горам — уже целое событие.

Беллинсгаузен сам ездил осматривать некоторые айсберги. Недавняя ледяная стена неотступно стояла перед его глазами. Он отчетливо помнил ее выступы, выемки... До чего же они походили на выступы и выемки ледяных островов! Как будто кто-то отломил от стены куски и пустил гулять по морю.

У ледяных гор своя жизнь. Вот процессия их движется из сумрачной дали. За каждой горой тянется хвост мел-

ких обломков. Иной раз айсберги плывут против ветра: их подводная часть в несколько раз больше надводной, и глубинное течение, толкающее ее, оказывается сильнее ветра. Куда повернет этот строй ледяных гигантов? Никто не скажет этого, потому что нередко они движутся с разной скоростью и не в одном направлении.

Вахтенные офицеры мучительно прикидывают: успеет корабль проскочить перед какой-нибудь горой или лучше ствернуть? И куда отвернуть: «приводить», то-есть сделать так, чтобы ветер был менее попутным, или «увалиться» под ветер? А через минуту новый айсберг и старые вопросы.

В начале февраля экспедиция снова попыталась проникнуть на юг. Сквозь снежную муть трудно было разобрать, что впереди, и когда корабли подошли к какому-то препятствию, вахтенный офицер «Востока», уверенный, что перед ним большой айсберг, попытался обойти гору. Тщетно!

Это опять была ледяная стена, уходящая в обе стороны за пределы видимости.

Вдоль нее корабли поплыли на восток, и тут-то на «Мирном» заметили нечто, о чем стоило записать в шкапенный журнал.

— Смотрите, морские ласточки!

— Где, где?

Над кораблем пронеслись небольшие дымчатые птицы. Моряки уже видели таких птиц у острова Южная Георгия. В открытом океане они не встречались. Ласточки — вестники близкого берега.

Но как продолжать его поиски, если уже начались антарктические штормы? Густой снег, смешиваясь с брызгами и пеной, покрывал ледяным налетом борта, палубы, нижние концы парусов. Чуть долетали издали слабые звуки пушечных выстрелов, которыми давал о себе знать другой корабль. Ракетные огни то вспыхивали на гребне волны, то потухали за ее стеной.

Почти сто дней «Восток» и «Мирный» находились в антарктических водах.

Трижды их курс пересекал Южный Полярный круг. Износились паруса и такелаж.

Расстелив на столе своей каюты карту, Беллинсгаузен писал донесение в Россию, в Петербург. Может, не скоро еще удастся отправить его из какого-нибудь порта с по-

путным кораблем, но надо заранее собраться с мыслями, изложить их на бумаге.

Первая часть написана. Теперь — о самом главном: о том, что произошло в январе и начале февраля.

«...с 5 на 6 число дошел до широты $69^{\circ} 7' 30''$ южной, долготы $16^{\circ} 15'$ восточной. Здесь за ледяными полями мелкого льда и островами виден материк...»

Начальник экспедиции задумался и отложил в сторону перо. Вправе ли он написать так определенно? Где неопровержимые доказательства, что это был материк? Честная, прямая натура моряка протестовала против малейшей неясности, которая могла остаться при споре с учеными, отрицавшими возможность существования Южного материка.

Он пробежал глазами написанное и после некоторого колебания дописал:

«...виден материк льда, коего края отломаны перпендикулярно и который продолжается по мере нашего зренья, возвышаясь к югу подобно берегу».

Так будет лучше, скромнее.

Многое передумал и командир «Мирного». Который уже раз перечитывал Лазарев книгу Кука! Ногтем на полях были отмечены слова: «Я обошел океан Южного полушария в высоких широтах и отверг возможность существования здесь материка...»

Но ведь океан напоминает о близости какой-то неизвестной земли не только стеной неподвижных льдов и множеством айсбергов. А морские ласточки?

Нет, какая-то неизвестная земля должна быть недалеко!

И она действительно была совсем близко от кораблей, первыми достигнувших ее берегов. В январе и феврале русские моряки не раз почти вплотную приближались к ней. Она лежала перед ними за барьером льда, вдоль которого плыли корабли. Подробно описывая расположение этих льдов, моряки в действительности описывали расположение берега. Там, где с кораблей видели птиц, до него оставались считанные мили. Если бы не туман, русские увидели бы даже горные хребты неведомой земли, и тогда рассеялись бы все сомнения.

...На южной половине небосклона появился мерцающий свет, потом возникли синевато-белые столбы. Вскоре холодным фосфорическим огнем пылало уже все небо.

Было так светло, что от мачт и парусов легла тень. Возбужденные матросы толпились на палубе:

— Братцы, гляди, небо горит! Совсем близко занялось!

Уже не столбы, а волнистые ленты, красные и розовые по краям, золотистые к середине, колыхались и дрожали в небе. Постепенно они расплылись, растаяли. Но легкое свечение неба осталось. На другой половине небосклона ясно обозначились звезды. Они напоминали о скором наступлении долгой зимней ночи, когда завоют вьюги и замрет все живое.

На «Востоке» замелькали флажки: начальник экспедиции приглашал к себе Лазарева для совета.

Командиры кораблей разложили отсыревшие карты.

Беллинсгаузен прикинул циркулем расстояние до ближайших берегов: от австралийского порта Джексон корабли отделяло почти пять тысяч километров.

— Я решил оставить дальнейшее покушение к зюйду, — сказал начальник экспедиции. — Медлить с возвращением в теплые воды больше нельзя ни часу.

Лазарев и сам очень хорошо знал, что другого выхода нет. Тяжело было этим двум упорным и храбрым людям уходить, не получив неопровержимых доказательств, что льды скрывают сушу, может быть огромный неведомый материк. И не без колебаний они приняли затем рискованное решение — идти к Австралии разными путями. Но только так можно было осмотреть более широкое пространство океана, не осмотренное Куком.

На следующий день семь пушечных выстрелов с борта «Востока» прогремели сигналом разлуки. Лазарев ответил салютом из двадцати выстрелов. Корабли стали медленно отдаляться друг от друга.

Как бы напоминанием о чрезвычайной опасности и рискованности одиночного плавания на корабли налетел жестокий шторм. Особенно плохо пришлось «Мирному».

Давно уже свистали всех наверх. Вода едва успевала стекать с палубы. От парусов, которые придавали управляемость кораблю, остались одни клочья. Гулко лопнул фок-стаксель — последний из них. Шлюп перестал слушаться руля.

— Ставь гафельные трисели, братцы! — стараясь перекричать вой ветра, скомандовал Лазарев. — Живо!

Эти косые штормовые паруса были его гордостью. Он сам заказывал их по своим чертежам в Кронштадте. Матросы чуть замешкались — ураган сшибал их с ног. Лазарев вдруг скинул шинель и побежал к мачте...

Ветер туго натянул поставленные трисели. Но порвать их шторм не мог. Хотя нос шлюпа зарывался в волны, кораблем снова можно было управлять.

Прошли сутки, другие. Барометр начал медленно подниматься, и в клубящихся тучах мелькнул кусочек голубого неба.

На палубе, среди обломков, среди разложенных для сшивания рваных парусов, среди вещей, вынесенных для просушки, Лазарев построил команду и поблагодарил матросов за ловкость, за смелость, за отличное несение службы. С любовью смотрели моряки на своего командира, который был хладнокровен и смел в минуты опасности, постоянно заботился о команде, не давая в обиду матросов.

Прошло еще несколько дней — и в небе засверкали созвездия Ориона, зажглись четыре звезды Южного Креста. С каждой милей к северу становилось теплее. Появились птицы, «запахло землей». Блеснула на горизонте первая молния, вестница далекой грозы.

На исходе марта 1820 года, после ста тридцати дней, проведенных под парусами в океане, моряки «Мирного» увидели зеленые берега Австралии и порт Джексон, на рейде которого уже стоял «Восток».

* * *

«Пришли в новую открытую Голландию, в город-порт Зексон. Обыватели в городе — англичане, по островам живет множество диких, в лесу, как зверь, живут, не имеют никаких квартир, питаются с деревьев шишками и рыбой. Есть тоже король, имеет знак у себя на груди, пожалован английским королем».

Матрос Киселев верно описал «Новую Голландию». Австралийцы получили медные нагрудные знаки, а английские купцы — богатейшую колонию. Сам город Сидней у порта Джексон был полон джентльменами, по которым давно плакала веревка. Основными австралийскими

поселенцами были сосланные сюда неисправимые воры и разбойники. Эти головорезы, которые открыто говорили, что убить дикаря не более преступно, чем подстрелить кенгуру, были тем не менее убеждены, что они принесли в Австралию все блага цивилизации.

Несколько дней наслаждались моряки отдыхом, а затем принялись за работу. Матросы прибывали оторванные льдинами листы медной обшивки, смолили и конопатили борты, заменяли прогнившие доски, чинили паруса.

Теперь, когда свирепая зима сделала вовсе недоступными южные полярные моря, русские корабли собирались посетить те воды в Тихом океане, где европейцы либо не плавали вовсе, либо плавали мало.

...Ветер снова надувает белые паруса шлюпов. Корабли идут на восток, в тропическое сердитое море Полинезии, к «опасному архипелагу» Паумоту.

Вот они уже у берегов Новой Зеландии, лежащей среди океана на две тысячи триста километров восточнее Австралии.

Не альбатросы, привычные спутники моряков, а крикливые зеленые попугаи, пролетев низко над водой, расселись по вантам. Лодки новозеландцев, украшенные резным изображением человеческой головы с высунутым языком и глазами из зеленой раковины, плыли навстречу кораблям. Моряки махали гостям белыми платками.

Среднего роста, смуглые, крепкие, с живыми, выразительными лицами и сверкающими глазами, новозеландцы были одеты в короткие накидки из дикого льна, застегнутые камешками или раковинами и подпоясанные веревками из морской травы. Яркие перья в волосах придавали гостям воинственный вид.

Их щедро одарили бисером, зеркалами, ножами. С вождем племени командиры кораблей обнялись и потерлись носами: таково дружеское новозеландское приветствие. Новых знакомых накормили отличным обедом. Но когда Беллинсгаузен попробовал дать им вино, гости пили совсем неохотно.

— Вот вам первый признак, что тут еще не побывали просвещенные европейцы! — рассмеялся начальник экспедиции. — Они быстро приучили бы зеландцев пить, курить, класть за губу табак, а потом принялись бы доказывать им, как гнусно вдаваться в пьянство и приобретать прочие вредные склонности.

Старому вождю в знак дружбы подарили во время обеда топор. Необычайно обрадовавшись подарку, старик выскочил из-за стола и вприпрыжку помчался на палубу, чтобы похвастаться своим сокровищем перед земляками...

Новозеландцы показали русским воинственную пляску. Став в ряд, они принялись скакать, громко напевая:

Гина реко!
Гина реко!
Тове гиде!
Ней ропо!

На прощание островитянам подарили в числе многих полезных вещей семена репы, брюквы, моркови, гороха и показали, как надо их сажать. При разлуке старый вождь несколько раз обнимал то Беллинсгаузена, то Лазарева и грустным голосом тянул: «Э-э-э-э!»

Покинув Новую Зеландию, шлюпы почти весь июнь плыли на северо-восток, в тропики. На протяжении чуть не четырех тысяч километров — ни малейшего признака земли. Каждый день с «Востока» видели «Мирный», а с «Мирного» — «Восток» и ничего более. Приходилось беречь каждую каплю тепловатой пресной воды. Днем раскаленная палуба жгла ноги. Ночами появлялась луна, поразительно яркая, блестящая, совсем не похожая на бледную и задумчивую красавицу, озаряющую золоченый церковный крест в какой-нибудь российской спящей деревеньке.

В конце июня со шлюпов увидели небольшой остров Опаро. Оттуда направлялись к кораблям быстрые лодки туземцев.

Островитяне обогнули шлюпы и не без опаски причалили к ним. Однако, получив подарки, они стали смелее и вскоре вскарабкались на борт, с изумлением разглядывая незнакомые вещи.

Вдруг один из туземцев лег на палубу «Востока», широко раскинув руки, затем быстро вскочил и снова лег немного подальше.

— Да ведь он измеряет длину корабля! — догадался кто-то. — Аршина у него нет, вот и мерит сам собой.

Островитянин расположился на палубе и отрицательно качал головой, когда ему показывали на берег. Он, как видно, решил плыть на этом прекрасном большом судне, где не скупятся на подарки.

Но когда лодки его сородичей уже отстали и корабли

далеко отошли от берега, на лице островитянина отразилась борьба противоречивых чувств. Неожиданно он вскочил и, разбежавшись, прыгнул в море. Его гибкое тело замелькало в волнах. Он плыл к родному острову.

От Опаро корабли направились к архипелагу Паумоту, расположенному в Океании примерно на полдороге между Австралией и Америкой. По пути экспедиция обнаружила небольшой остров там, где на карте было изображено чистое море. Жители острова, вооруженные пиками и деревянными лопатками, высыпали навстречу шлюпкам. Взяв подарки, полинезийцы, однако, преградили морякам дорогу, свирепо потрясая своим оружием.

Беллинсгаузену очень хотелось побывать на острове, но, видя враждебное настроение его обитателей, он не без сожаления приказал шлюпкам повернуть обратно. Наивные полинезийцы сочли это за проявление слабости моряков и принялись дразнить и задирать их.

— Разрешите, Фаддей Фаддеич, хоть дробью пальнуть, — попросил вахтенный офицер.

Но начальник экспедиции сердито покачал головой:

— Обойдемся без пороха. Предоставим времени познакомиться островитян с мореплавателями Западной Европы.

Следующие дни плавания в «сердитом море» и «опасном архипелаге» были днями непрерывных открытий. За десять дней экспедиция обнаружила тринадцать неизвестных островов — в большинстве коралловых атоллов, кольцообразных полосок суши с голубыми заливами (лагунами) посередине. Эти атоллы воздвигли морские животные — коралловые полипы.

Весь новый архипелаг был назван Островами Россиян.

Плавание среди коралловых островов подходило к концу. Один из них экспедиция хотела миновать не останавливаясь, но в это время с бака закричали:

— Люди! Флагом машут!

Вахтенный офицер взял подзорную трубу: на скале среди кокосовых пальм трое размахивали ветками, один — какой-то тряпкой, привязанной к палке.

— Это дикие, — сказал офицер. — Что же им понадобилось?

Вскоре шлюпка вернулась с пассажирами — четырьмя смуглыми мальчиками. Кроме них, никого на острове не оказалось. Впрочем, недалеко были обнаружены зола

костров, обглоданные кости и другие следы пребывания людей.

Старший из мальчиков не столько словами, сколько жестами поведал окружившим его морякам печальную историю. Его племя жило на соседних островах. Однажды островитяне были застигнуты бурей в море. Их лодки выбросило вот к этому острову — мальчик показал рукой на берег. Тут оказались злые люди. Сородичи мальчиков были перебиты.

Рассказчик сделал несколько жестов, смысла которых сначала никто не понял. Он показал, как разжигали костры, много костров, клали туда какие-то предметы, потом что-то с аппетитом ели.

— Гйика? (Так туземцы называли рыбу.)

Мальчик отрицательно затряс головой. Потом он схватил своего товарища за руку и сделал вид, что хочет ее отгрызть.

— Они съели убитых! — с ужасом воскликнул астроном Симонов.

Значит, враги племени, к которому принадлежали мальчики, были каннибалами. Тут только моряки поняли, что за кости валялись в золе среди пальмовой рощи...

Мальчики во-время юркнули в густые заросли и поэтому остались живы. Когда море успокоилось, победители уплыли с острова.

Мальчики ели кокосы, ловили рыбу и ждали, пока их найдут земляки.

— Этим робинзонам жилось на острове не так уж плохо, — заключил Беллинсгаузен, потрепав старшего мальчика по плечу. — Но на военном корабле разгуливать без штанов не полагается. Одеть их и зачислить на довольствие!

В тропиках всегда обедали на открытом воздухе. Достав ложки, матросы расселись на парусине. Мальчики исподлобья наблюдали за ними.

— Эй, ребята, а вы чего стоите? Айда в нашу артель!

Мальчуганы, не понявшие ни слова, переминались с ноги на ногу.

— Ишь, не понимают, — сокрушенно сказал один из матросов. — А мы с ними по-другому поговорим.

Он поднялся, подошел к мальчуганам и стал легонько подталкивать их к матросскому кругу. Тут появился артельщик с огромным деревянным баком — братским

котлом, из которого валил аппетитный пар. Бак подвесили на крюк, артельщик разлил щи по мискам и роздал сухари.

Мальчики попробовали незнакомое блюдо сначала робко, с опаской, но, войдя во вкус, быстро опорожнили свои миски.

— Гляди, братцы, как уплетают русские-то щи! — смеялись матросы.

На другой день вымытые и постриженные «робинзоны» щеголяли уже в полосатых штанах и куртках. Одно лишь стесняло их и причиняло видимые страдания: башмаки. Мальчики так неуклюже и с такой осторожностью ступали по палубе, так испуганно озирались, что пришлось отказаться от затеи одеть их по полной форме.

От Островов Россиян экспедиция направилась на Таити.

Теплой июльской ночью появилось темное пятно этого большого острова. Смутно угадывались очертания гор. В пучине океана мелькали светящиеся рыбы. Ветер доносил еле уловимый аромат апельсинов.

Утром таитяне окружили шлюпы, наперебой предлагая лимоны, ананасы, бананы, кокосовые орехи, вкусные корни.

Вскоре пожаловал и сам король острова — Помари с королевой.

Гости и хозяева обменивались любезностями и подарками. Едва ли не больше всего Помари обрадовался подаренным ему несколькими простыням: король и его семья одевались только в светлые одежды, а белая ткань у королевских портных была уже на исходе.

Что касается вкусов королевы, то они оказались несколько неожиданными. Оставшись наедине с Лазаревым, ее королевское величество на ломаном английском языке попросила дать бутылку рома.

— Я уже послал королю несколько бутылок, — почтительно сказал моряк.

— Он все выпьет один и мне ни капли не даст, — с грустью ответила королева.

Пришлось посылать за ромом..

Заманчивы были открытия в теплых водах, щебра природа Таити, но мысль о неведомой земле у Южного полюса не оставляла моряков. В душные тропические ночи они говорили о полярных льдах. Слушая трели птиц,

порхавших в яркой зелени, они вспоминали резкие крики пингинов.

Прощание моряков с таитянами было самым сердечным. Хотя на шлюпах запасли всего вдоволь, островитяне снова и снова везли в подарок плоды и корни. Апельсины и лимоны пришлось солить в бочках — так много их оказалось.

Простились моряки и с мальчиками, найденными на необитаемом острове. Суровые, огрубевшие в скитаниях по морям люди всем сердцем привязались к доверчивым ребятам, очень понятливым и смышленным. Своими проделками, шалостями, любознательностью они так напоминали вихрастых Ванек и Петек, оставшихся там, за океаном...

«Месяца сентября 9-го. Пришли в Новую Голландию обратно. И ходили в теплом климате 121 день и открыли новых островов 31 остров, из сих островов есть хорошие острова», — заключил Киселев свои записи о плавании в Тихом океане.

* * *

В середине декабря 1820 года «Восток» и «Мирный» в четвертый раз пересекли Южный Полярный круг.

В прошлое антарктическое плавание русские побывали в той части земного шара, центром которой является Южный полюс и о которой наука знала немногим больше, чем о природе Марса. Они пробивались туда, где на всех картах за расплывчатой линией границы неприступных льдов изображалось огромное белое пятно.

Корабли описали вокруг этого пятна гигантскую дугу. Экспедиции удалось исследовать места, расположенные гораздо южнее тех, где плавал Кук. В январе 1820 года она дважды подходила к берегам земли, в феврале русские были возле нее снова и вплотную приблизились к разгадке величайшей тайны Южного полушария.

Теперь, продолжая прерванное на зиму движение к востоку, они должны были во время второго антарктического плавания замкнуть круг у берегов Южной Америки. Русские моряки задумали пересечь все триста шестьдесят меридианов в тех местах, где те, приближаясь к Южному полюсу, сходятся всё теснее.

Они решили завершить обход гигантского белого пят-

на, снова и снова повторяя попытки пробить брешь в ледяном кольце.

Они решили любой ценой увидеть коренной берег неизвестной земли.

И вот почти одновременно с четвертым пересечением кораблями Южного Полярного круга произошло событие, на первый взгляд незначительное, но имеющее самое прямое отношение к этой ускользавшей земле.

Дело было так. На одной из ледяных гор с «Востока» заметили жирных пингвинов.

— Шлюпку спускать!

Вскоре охотники вернулись обратно с хорошей добычей и привезли на «Восток» необыкновенной величины королевского пингвина. Птицу постигла участь многих сородичей: беднягу поволокли в камбуз.

Но вскоре судовой кок выскочил из своего помещения, размахивая кулаком:

— Смотрите, братцы, камни!

— Да что за камни?

Кок разжал руку, показывая кучку темных камешков.

— Эко диво! — заворчали разочарованные матросы.

— Сам камень — не диво, а ты лучше скажи мне, зачем его пеньдвин в животе носил? — обиделся кок.

О находке доложили вахтенному офицеру. Маленькие кусочки горного камня были бережно разложены на столе кают-компания. Откуда они попали в желудок пингвина? Ведь до ближайших островов по карте выходило примерно две тысячи миль.

Значит, пингвин недавно был на каком-то неизвестном берегу. И этот берег — недалеко!

Снова неуловимое ощущение близости земли, как и в прошлое южное плавание, овладело людьми.

Но именно последние дни 1820 года, когда цель вновь казалась близкой, почти осязаемой, едва не оказались роковыми для «Востока». Однажды корабль попал в узкий проход между двумя айсбергами. Ледяные горы сближались. Одна из них была так высока, что отняла ветер у самых верхних парусов, и те беспомощно обвисли. Судно потеряло ход. Уже могильным холодом пахнуло на палубу, уже темно стало в каютах, когда верхние паруса снова наполнились, шлюп встрепенулся и оставил за собой опасный проход.

За одним происшествием — другое. Резкий толчок сва-

лил людей с ног. Вещи в каютах полетели на пол. Послышался сильный треск — едва ли не самый зловещий из всех звуков, рождающихся на корабле.

«Проломились о льдину» — эта мысль мелькнула у каждого. Прошло несколько страшных минут, прежде чем вахтенные донесли, что льдина ударила по толстым доскам, набитым там, где якорь висит за бортом. Острый ее край сорвал под водой медные листы, но не проломил борта.

Уже совсем незадолго до Нового года корабли разошлись в тумане. «Мирный» немного отстал от «Востока». Он был где-то недалеко, и каждые полчаса глухой пушечный выстрел давал знать об этом. Но вот после одного из таких выстрелов оттуда, где должен был находиться «Мирный», вдруг послышались грохот, треск, и затем все стихло.

Неужели пушечный выстрел разрушил какую-либо ледяную громаду, уже подточенную солнцем и водой? А что, если шлюп находился близко от айсберга и обломки ледяной горы задели его?

Выстрелы «Мирного» прекратились. Вахтенные слышали лишь, как тонко свистел ветер в снастях. Беллинсгаузен велел поднять все паруса. Можно представить себе радость моряков, когда через некоторое время они увидели «Мирный». Обломки айсберга не задели его.

Вот и Новый год. Только что в пятый раз пересечен Полярный круг. Праздничные флаги трепещут на мачтах. Шумят и веселятся матросы, получившие изрядную порцию кофе с ромом вместо сливок. Хлопают двери кают, и офицеры в парадных слежавшихся мундирах, сверкая золотом эполет, торжественно идут в кают-компанию. Все в сборе. Поднимается Беллинсгаузен:

— Уже второй раз встречаем мы Новый год в большой опасности. Будем же надеяться, что счастье в новом году станет сопутствовать нам более, чем в старом!

Встает профессор Симонов:

— Позвольте пожелать, чтобы, презрев все опасности, пройдя в места непроходимые и с успехом окончив возложенное на нас дело, возвратились мы в свое отечество, распространив круг человеческих знаний многими открытиями!

Тост следует за тостом. Раскраснелись лица. Кое-кто тайком расстегнул крючки мундира. Вспоминают морские походы, друзей и близких, пошли в ход занятные истории, великое множество которых хранит память каждого моряка.

Так сидят они тесным кругом, молодые, полные сил, полные надежд.

Разные будут у них дороги, и имена не всех их сохранит для потомков история.

Высоко взойдет звезда Лазарева. Вся Россия услышит о нем, сначала как о герое полярных морей, потом как о герое Наваринского боя, наконец как о выдающемся адмирале, преобразователе Черноморского флота, ставшего лучшим парусным флотом мира. Из школы Лазарева выйдут такие адмиралы, как Корнилов и Нахимов. Историки будут говорить о «Лазаревском периоде» — периоде блистательных морских успехов России.

Мундир адмирала наденет и Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен. Отличившись в морских сражениях, он станет военным губернатором Кронштадта и многое сделает для его укрепления. Благодарные потомки воздвигнут ему памятник в этом городе-крепости.

Слава ждет астронома экспедиции Ивана Михайловича Симонова. За работы по земному магнетизму Академия наук и многие ученые общества мира изберут его своим членом.

Почести, отличия ждут многих из тех, кто пирует в кают-компаниях плывущего среди льдов шлюпа. Но одному из этой дружной семьи готовится иная участь.

Тот, кого товарищи называют «рыцарем честности», хмурыми сумерками в декабре 1825 года твердой поступью, со спокойным лицом пройдет под конвоем со скрученными за спиной руками по Невскому проспекту. Его станут судить вместе с другими декабристами. Беспощаден будет приговор: «...бывшему морскому офицеру Торсону положить голову на плаху, а потом сослать вечно в каторжную работу».

А пока новогодняя пирушка продолжается, и бледные отблески льдин плывут по стенам кают-компаний...

День 10 января 1821 года начался так, как начинались многие другие дни. Птицы кружили в воздухе. Легкий туман таял над водой. Темные спины китов мелькали в зеленых волнах.

Но среди птиц появились вдруг старые знакомые — морские ласточки. В воде показался какой-то зверь, напоминающий тюленя. Цвет воды стал меняться.

Что же все это значило? Беспокойное ожидание больших и важных событий овладело всеми.

В три часа дня во льдах появилось неопределенное серое пятно. Беллинсгаузен взял подозрную трубу.

— Берег, — сказал он странным, чужим голосом.

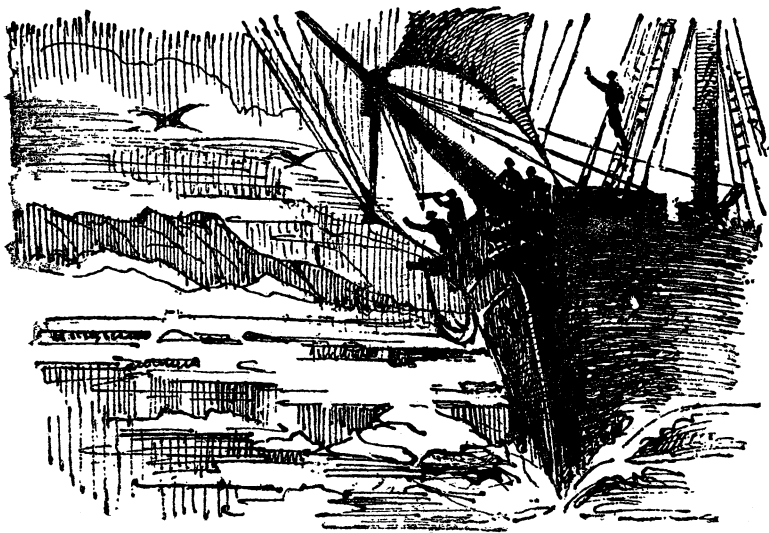
Как хотелось всем находившимся в эти минуты на шканцах верить, что впереди действительно берег! Но вдруг это огромный айсберг? Вдруг пятно расплывется, рассеется, растает?

На «Мирном» замелькали сигналы. Нет, пятно не было призрачным! Лазарев тоже видел землю.

В это время небо посветлело. Отчетливо обрисовались черные осыпи скал неизвестного берега.

И тут без всякой команды загремело такое «ура», какого никому из участников плавания не доводилось слышать ни до, ни после.

Земля показалась ненадолго и снова исчезла в тумане. На следующее утро корабли подошли к ней ближе. Это был высокий остров. С его черных скал сползали ледники, шумно падали в море потоки.

Шлюпы сошлись, чтобы их экипажи могли разделить радость открытия.

Загремели слова команды:

— К вантам на правую! Пошел по вантам!

Мгновение — и смелые матросы, словно птицы, усеяли сверху донизу веревочные перекладыны. Борты корабля окутались дымом, и гром салюта отозвался в скалах.

— Обретенный нами остров подает надежду, — сказал Беллинсгаузен офицерам, — что поблизости есть еще и другие берега.

— И мы найдем их! — воскликнул Лазарев. — А остров... Полагал бы, что и в южных морях должны мы увековечить того, кому Россия обязана могуществом своего флота.

— Да, пусть имя Петра Первого вечно напоминает о том, что именно россиянам удалось обрести землю у Южного полюса!

Через неделю, 17 января 1821 года, когда корабли медленно шли вдоль невысоких ледяных полей, набежал порывистый шквал, туман рассеялся — и перед моряками открылся берег, концы которого терялись вдаль.

Ближайший к кораблям мыс оканчивался высокой горой. За ней виднелись еще горы, то покрытые снегом, то обнаженные. До самого горизонта уходила ледяная равнина, черные скалы, безжизненная холодная поверхность огромной земли.

— Южный материк! Южный материк!

С этими возгласами люди обнимали друг друга.

Перед ними, окаймленная барьером льда, лежала таинственная Антарктида.

Лежал материк, в полтора раза превосходящий Европу. Материк, берегов которого на других меридианах русские корабли впервые достигли год назад. Самый холодный и недоступный материк земного шара. Родина айсбергов, родина свирепых полярных бурь, шестая и последняя часть света нашей планеты.

Небо между тем совсем очистилось от туч. Свежий ветер надувал паруса, трепал волосы моряков, без шапок стоявших на палубе. Льды искрились, переливались, сверкали в лучах солнца.

Казалось, сама природа радуется победе человека над темными силами стихии.

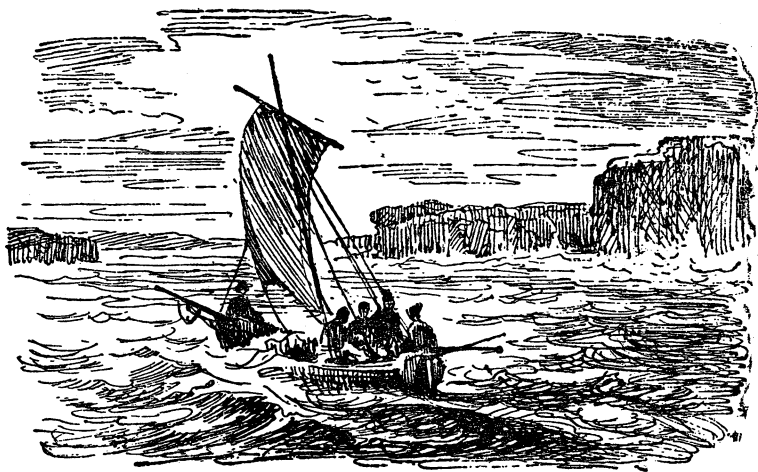
Прошло с тех пор больше ста тридцати лет. Но и теперь еще много загадок таит закованная в ледяной панцырь Антарктида.

Берег Александра Первого — так назвал Беллинсгаузен ее гористое побережье — был достигнут вторично лишь девяносто лет спустя после плавания русских моряков. До сих пор по-настоящему исследована едва ли десятая часть «Великого белого материка». Антарктида все еще необитаема, и единственными человеческими поселениями здесь остаются лишь временные лагеря экспедиций.

Советские люди продолжают дело, начатое их прадедами. И первая наша научная станция-обсерватория на материке Антарктиды названа «Мирный», а вторая — «Восток».

ВГЛУБЬ ТАЙМЫРСКОЙ ЗЕМЛИ

Озеро Таймыр расположено примерно в трехстах километрах от мыса Челюскин. Вокруг него — беспредельная тундра. Это одно из тех глухих мест, о которых говорили: «медвежий угол». Правда, недалеко от озера водятся не бурые, а белые медведи...

Несколько лет назад газеты напечатали заметки о возвращении с Таймырского полуострова экспедиции, которая провела там лето. Почти два месяца пробиралась она к озеру пешком и на оленях. Ей удалось исправить «маленькую» ошибку: площадь озера оказалась по крайней мере на двести тысяч гектаров меньше, чем предполагали. Вот насколько слабо знала географическая наука до самых недавних дней этот далекий полярный водоем!

«Пробираясь через весеннюю тундру, увязая в грязи, переплывая вздувшиеся реки, мы особенно отчетливо представляли все величие научного подвига выдающегося исследователя Таймыра — русского академика Мидден-

дорфа и его спутника топографа Ваганова, более ста лет назад осуществивших то, что удалось повторить только советским людям», — писал в газете один из участников экспедиции.

* * *

Кто бы мог подумать! Этот хилый городской мальчик так закалил себя, что после ночевки на болоте, да еще осенью, в заморозки, не подцепил даже насморка!

Но все же отец совершенно неправильно воспитывает его. Саше только десять лет, а отец подарил ему настоящее охотничье ружье и разрешает по два дня не показываться дома. Гувернера заменяют мальчику грубые охотники, простые мужики. Фи!

Но отец относился к подобным разговорам с полнейшим безразличием.

— Ничего, пусть растет на воле, ближе к натуре, — твердил он. — Будет настоящим мужчиной. А петербургских франтиков и шаркунов паркетных без того развелось предостаточно. Да-с...

Когда самого Сашу спрашивали, кем он станет, когда вырастет, мальчик отвечал:

— Путешественником.

Саша много читал. Прочитав о каком-нибудь необыкновенном путешествии, старался испытать себя: а смог бы он найти выход из трудного положения, в каком оказался книжный герой?

И для пробы уходил в лес без куска хлеба, питаясь только тем, что там росло и что давал меткий выстрел. Сам строил лодки. Переплывал реки в одежде, с ружьем и в тяжелых охотничьих башмаках. Ходил по тридцать-сорок верст в день без дорог, по компасу и карте.

Как-то Саша Миддендорф прочел изречение: «Тому, кто хочет видеть свет, чуждый цивилизации, я советовал бы запастись докторской шляпой, как самым спокойным колпаком для путешествия». Эти слова поразили юношу. Действительно, врач всюду лучший друг!

И Саша, поступив в Юрьевский университет, принялся изучать медицину. Та же настойчивость, которая помогала ему без конца шагать по болотам, пригодилась и в лаборатории.

Из города Юрьева Саша уехал уже с дипломом доктора. На заглавном листе своей диссертации он, к удивлению профессоров, крупно написал то самое изречение о

докторской шляпе, которое заставило его заняться медициной.

Теперь молодой Миддендорф стал искать возможность отправиться в какое-либо трудное путешествие. Куда — это, в сущности, не имело для него большого значения. Он говорил, что с одинаковой охотой поедет в центр Африки и к Ледовитому морю, в Пекин и к подножию Арарата.

Первым испытанием было для него путешествие на север вместе с русским академиком Бэром. Миддендорф пешком пересек Кольский полуостров, чувствуя себя в тундре почти так же уверенно, как в окрестностях Петербурга. Во время путешествия обнаружились его незаурядные способности к научной работе, в короткий срок позволившие ему стать профессором зоологии.

Вскоре после этого Миддендорф и попросил Академию наук послать его в неведомую Таймырскую землю для изучения полярного континентального климата и для разрешения поднявшихся споров о вечной мерзлоте.

Кроме участников Великой северной экспедиции XVIII века Лаптева и Челюскина, никому не удавалось проникнуть вглубь Таймыра. Полуостров был едва ли не самым большим «белым пятном» на картах России. Таймырское озеро картографы либо не обозначали вовсе, либо изображали его как кому вздумается.

Академия наук охотно приняла предложение профессора Миддендорфа, который, несмотря на свои двадцать семь лет, уже был известен как серьезный ученый.

Таймырская экспедиция покинула Петербург в конце 1842 года. Но при слове «экспедиция» на этот раз не представляйте себе большую группу людей в дорожных костюмах, множество ящиков и тюков со снаряжением. Нет, вся экспедиция Миддендорфа состояла из него самого, лесничего Брандта и слуги, обученного препарированию птиц и зверей. Уже в Сибири присоединился к ним молодой топограф Ваганов, который сделался любимым, неразлучным товарищем Миддендорфа, его ближайшим помощником.

Путешественники проехали без малого пять тысяч верст на лошадях, добрались до реки Енисея и отправились дальше на север сначала по торной дороге сибирских золотоискателей, потом по неровному, торосистому льду реки.

В большом селе Назимове экспедиция сделала оста-

новку. Миддендорф первым делом разыскал сосланного сюда декабриста Якубовича.

— Мы путешествуем, как моряки, — сказал Миддендорф после первых приветствий. — Плаваем по необозримому снежному морю, пристаем к попутным селениям. Сегодняшняя наша пристань для меня особенно приятна, верьте мне. Я так рад познакомиться с вами.

Якубович был немало смущен. Не часто приходилось ему слушать сердечные слова.

— Я хотел бы покорнейше просить вас помочь русской науке, — продолжал Миддендорф. — Наслышан, что вы, по собственному почину, изучаете здешний климат. Если бы вы согласились производить здесь правильные барометрические и метеорологические наблюдения, собирать сведения о минералах...

— Господин Миддендорф, — отвечал взволнованный Якубович, — если бы вы знали, как я благодарен вам! Но енисейский губернатор...

— Не беспокойтесь, я постараюсь все уладить... — И профессор крепко пожал руку ссыльному.

Губернатор действительно уступил настойчивой просьбе ученого, но поставил условием, чтобы имя декабриста ни в коем случае не было упомянуто при сообщении в печати собранных им данных о климате. Губернатор намекнул также профессору, что общение со ссыльными бросает тень на репутацию ученого в глазах всех верных слуг государя императора.

В феврале 1843 года экспедиция оказалась в заштатном городке Туруханске, расположенном уже недалеко от Полярного круга. Здесь к ней присоединились трое сибирских казаков.

Лошадей заменили собаками, а собак — оленями. Над Енисеем часто бушевала пурга. Сначала ветер гнал снег только над самой землей, а бледноглубое небо оставалось чистым. Потом набегали тучи, становилось темно, как в поздние сумерки, и жесткий снег начинал хлестать по лицу.

В Дудинке — последнем селении на реке — Миддендорф узнал, что в Таймырской тундре вспыхнула эпидемия кори. Охотники, ездившие на восток, занесли болезнь и в Дудинку, причем захворало много взрослых.

Лесничий Брандт тоже стал жаловаться на озноб. Миддендорф осмотрел его: корь!

Задерживаться в Дудинке профессор не мог. Но и оставлять товарища без присмотра врача тоже не годилось. Миддендорф надумал лечить Брандта в дороге, соорудив для него удобный ящик, обшитый оленьими шкурами. Докторская шляпа пригодилась в самом начале путешествия.

Вместе с походной больницей, установленной на оленьих нартах, экспедиция двинулась на северо-восток от Енисея, к реке Пясине.

На Пясине профессор встретил очень нужного человека. Это был маленький, ссохшийся старичок лет семидесяти, похожий на сказочного гнома. Несмотря на свой возраст, Тит Лапуков (так звали старика) был вполне бодр. Он изъездил Таймыр, знал языки его кочевников и вполне мог быть переводчиком.

За Пясиной в снежном океане совсем редки темные пятна оленьих стад и накрытые шкурами чумы — жилища кочевников. Зато как ходко несутся к ним упряжки, почуяв легкий запах дыма!

Но никто не встречает гостей. Вход в один из чумов занесен большим сугробом.

— И здесь беда... — вздыхает профессор.

Он идет к тому чуму, над которым еще вьется дымок. Внутри темно. Глаза, привыкшие к монотонной белизне тундры, сначала различают только угли костра. В полутьме кто-то стонет. Две фигуры поднимаются навстречу вошедшим. Одна из них — в странном костюме, украшенном лентами и медными побрякушками.

— Ихний шаман, — шепчет старик Лапуков.

Так вот каков этот почитаемый кочевниками знахарь и колдун! Не обращая внимания на посторонних, он начинает кружиться, что-то бормоча и ударяя в бубен. Его движения все ускоряются, он начинает подпрыгивать, словно одержимый.

— Болезнь, вишь, изгоняет, — почтительно шепчет Лапуков.

Шаман бросает в костер горсть какого-то порошка. Смрадный дым наполняет чум. Шаман хрипло выкрикивает заклинания, на губах его появляется пена. Еще секунда — и он падает на пол, обессиленный своей нелепой пляской.

— Говорят, эти мошенники за свои кривлянья забирают у бедняков последних оленей? — спрашивает профессор.

Лаптуков кивает головой, но ему не по себе от этих слов: видно, он сам побаивается «колдуна».

Профессор хочет осмотреть больных. Шаман, приоткрыв глаза, следит за незнакомцем, который наклоняется над мальчиком, мечущимся в жару на оленьей шкуре. Едва профессор подносит ко рту больного лекарство из походной аптечки, как шаман вскакивает и толкает его под руку.

Профессору хочется дать мошеннику хорошую затрепину, но он сдерживается. Так больному не поможешь. Пусть Тит Лаптуков разъяснит шаману, что русский не хочет ему мешать, а своим зельем только усилит шаманские волшебные чары. И платы за лечение русскому не надо, шаман может забрать все себе.

В середине апреля экспедиция была уже у становища Коренного-Филипповского, расположенного возле 71-й параллели. Никто не соглашался здесь дать профессору оленей для переезда дальше на север, пока не начнется весенняя перекочевка. Но Миддендорф не особенно жалел о задержке: становище находилось как раз на границе тундры и лесотундры, и здесь стоило заняться кое-какими исследованиями.

На пригорке, расчищенном от снега, походный бур с трудом проник в твердую, как камень, землю. Дошли сначала до пяти, потом до десяти-двенадцати метров.

— Александр Федорович, все то же! — удивлялся Ваганов, помогавший профессору. — Уму непостижимо! Когда же земля успела так промерзнуть?

Профессор снял меховые варежки и достал записную книжку:

— Может, за многие тысячи лет.

Он вспомнил утверждение немецкого ученого Буха: «Я вполне убежден, что нужно считать ненадежными все известия, в которых сообщается, будто на глубине нескольких футов от поверхности залегают почвы, не оттаивающие даже и в летнее время».

Вот тебе и «вполне убежден»! Да чтобы оттаял этот слой, который они прошупали буром, нужна по крайней мере жара Сахары. А ведь еще неизвестно, как глубоко он залегает. Может, под верхним покровом, немного оттаивающим летом и снова замерзающим зимой, ледяная почва, до которой не доходят ни жара, ни мороз, залегает на десятки, сотни метров.

Но не только вечная мерзлота интересовала молодого ученого. Он устроил в становище метеорологическую станцию, присматривался к быту кочевников, записывал их обычаи, а в хорошую погоду уезжал далеко в тундру.

Однажды оленья упряжка вынесла его к берегу Хатангского залива. Миддендорф знал эти места по описаниям своих предшественников. С волнением рассматривал он старую лодку, на которой, однако, сохранилась не только обшивка, но даже смола и гвозди.

То была лодка Харитона Лаптева, оставленная здесь сто два года назад.

Долго простоял над ней профессор.

Да, Россия начала исследование севера с достойным размахом и смелостью. Почти шестьсот человек — моряки, врачи, ученые, геодезисты, рудознатцы — отправились в минувшем XVIII веке к ее полярным окраинам. На огромном протяжении побережья Северного Ледовитого океана — от Печоры до Колымы — они боролись со льдами, мерзли в дымных зимовьях, хоронили товарищей, погибших от цынги и неслыханных лишений. И, несмотря ни на что, выполнили свой долг, обследовав и положив на карту самые недоступные места материка. Не зря историки науки назвали их поход Великой северной экспедицией.

На этой лодке, что лежит теперь на берегу залива, не раз плавали, наверно, Харитон Лаптев и Семен Челюскин.

Могучая Лена вынесла их корабль «Якутск» в океан. От ленского устья они повернули на запад. С великими трудностями смог пробиться «Якутск» до мыса, обозначенного ныне на картах именем Фаддея. Это ведь там Лаптев записал в дневник: «У сего мыса стоя, видели морских зверей, великих собою, подобных рыбе — шерсть маленькая, белая, яко снег, рыло черное. По-здешнему называют белуга». Лаптев описался: не «белуга», а «белуха».

На зимовку «Якутск» вернулся вот сюда, в этот Хатангский залив. Жизнь на зимовке была невыносимо тяжелой. Лаптев часто слышал от матросов «неистовые и нерегулярные слова».

На следующий год «Якутск» был раздавлен льдами. Почти двое суток команда с примерным мужеством боролась за сохранение своего наполовину затопленного корабля. Люди покинули судно лишь после того, как вода

поднялась до палубы. Лаптев и Челюскин сошли на лед последними. Это было за 75° северной широты. Надвигалась полярная зима, а над морьями вместо крыши было холодное небо, постелью им служил влажный мох, пищей — кислые ягоды тундры да ржаные сухари.

Но Лаптев, этот храбрый моряк, не пал духом. И стоит ли обвинять его в том, что он пускал в ход даже плеть, чтобы заставить отчаявшихся встать с мерзлой земли, идти туда, где жалкие избы покинутой зимовки могли защитить их от гибели.

Крепкие люди были лейтенант Лаптев и штурман Челюскин! Корабль погиб — но они не сдались и к тем мысам, куда их в море не пустили льды, пошли по суше, через тундру. Не дошли, вернулись в Туруханск. Декабрьской темной порой, в пятидесятиградусные морозы, когда человек слышит шорох дыхания, железо становится хрупким, птица мерзнет на лету, Челюскин с тремя солдатами, оставив занемогшего Лаптева в Туруханске, вновь отправляется к северному краю материка. Он идет через тундру пять месяцев, пересекает весь Таймыр и оказывается у того самого мыса Фаддея, от которого «Якутску» пришлось повернуть назад. Идет дальше вдоль побережья, описывая бухты, мысы, острова. Пересекает 77-ю параллель. На всем материке не было тогда человека, который находился бы севернее его. 9 мая 1742 года Семен Челюскин, этот железный штурман с деревянного корабля, пишет в путевом журнале: «Погода пасмурная, снег и туман; пополудни в 5-м часу поехали в путь свой около морского берега... Приехали к мысу... Здесь поставлен маяк — одно бревно, которое вез с собой. Сей мыс каменный прирый, высоты средней, около оною льды гладкие и торосов нет. Здесь именован мною оный мыс: «Восточно-Северный мыс».

Можно ли короче, скромнее сказать о подвиге, равных которому наберется не так уж много в истории полярных странствований! Первым в мире достигнуть с суши крайней северной точки Азии — и не написать об этом ни одного торжественного слова, не похвалиться перед потомством хотя бы чуть-чуть...

Лаптев и Челюскин засняли берега Таймыра. Они сделали как бы рамку, внутри которой целое столетие так и оставалась во многих местах пустота. Теперь предстоит заполнить ее.

Пока профессор ездил на побережье, Ваганов собирал сведения о Таймырском озере. Но узнал он немного: сами кочевники — нганасаны — редко бывали в тех диких местах.

— Камни там острее ножа — подошвы из лучшей оленьей кожи рвутся за день, — говорили старики. — Однако совсем плохие места — олешкам кушать нечего.

— У нас сапоги кованы железом... Так как же пройти к озеру?

— Зачем тебе? — удивлялись старики настойчивости Ваганова. — Пойдем лучше с нами к большой соленой воде. Рыба есть, птица есть. Хорошо!

Наконец с помощью Тита Лапукова Ваганов узнал, что путь кочевников проходит недалеко от реки Таймыры, по которой можно спуститься к озеру. Топограф приказал делать лодку. Вернувшийся профессор немало удивил казаков, взявшись вместе с ними плотничать: барин, а топором орудует почище мужика.

Все длиннее становились дни. Нганасаны уже осматривали нарты, чинили упряжь, готовясь к перекочевке на север; женщины костяными иглами шили из оленьей замши летнюю одежду.

Однажды профессор собрал своих спутников.

— Мы начинаем дело, небезопасное для жизни, — сказал он, внимательно всматриваясь в лица слушавших его. — Буду говорить прямо. Тот, кто заболит во время дальнейшей нашей поездки в глубину севера, должен будет остаться на дороге один, где бы это ни случилось, и ждать, пока остальные вернутся к нему на обратном пути.

Брандт съежился, слуга Фурман побледнел. Ваганов закивал головой. Старик Лапуков и казаки слушали со спокойными, бесстрастными лицами.

— Я думаю, — подчеркивая каждое слово, продолжал Миддендорф, — что нам нет надобности отправляться всем вместе. Господину Брандту, а также тебе, Фурман, лучше остаться здесь. Томилов, — он кивнул на одного из казаков, — поможет вам заниматься наблюдениями на нашей метеорологической станции.

Брандт затеял вялый спор, говоря, что ради бескорыстного служения науке он готов идти на любые лишения и даже на смерть. Но Миддендорф без труда убедил его, что интересы науки требуют присутствия такого опытного метеоролога именно здесь, на этом становище...

Майским днем нганасаны по уплотненному ветрами снегу, похожему на застывшую морскую рябь, тронулись на север. Далеко по тундре растянулся «аргиш» — олений караван. Девять саней заняло имущество экспедиции: остов лодки, разные приборы, провиант на все лето и даже немного дров. Кто знает, найдется ли подле озера топливо...

Над весенней тундрой боролись холодные и теплые воздушные течения. Туманы, синевато-серой пеленой прикрывавшие тундру, внезапно исчезали, и воздух становился необыкновенно прозрачным. Глаза как бы превращались в подзорные трубы, различая какой-нибудь крохотный бугорок чуть не за версту. Даурские лиственницы, самые морозостойкие деревья на земном шаре, забравшиеся даже за 72-ю параллель и превратившиеся здесь в хилых карликов, казались лесными исполинами.

Однажды во время привала профессору вздумалось осмотреть два невысоких холма, до которых было, что называется, рукой подать. Подвязав лыжи и взяв с собой одного из казаков, он добежал до первого холма. Но едва лыжники заскользили ко второму, как тот медленно поплыл куда-то вбок.

Миддендорф, приписав столь странное поведение холма сильному утомлению глаз, повернул к лагерю. Но тут переменявшийся ветер принес густой туман, и профессор едва успел по компасу заметить направление. Они пошли, и злополучный холм снова промелькнул перед ними. Миддендорф взял в руки подзорную трубу. Как сквозь густое матовое стекло, он увидел свою палатку и сани возле нее:

— Бежим, лагерь рядом!

Они поспешили к палатке, которую теперь ясно видел и казак. Вдруг лагерь, до которого оставались считанные шаги, исчез, растаял.

Лыжники остановились. Уж не проскочили ли они сгоряча мимо палатки?

Повернули обратно. Лагеря не было.

Уже в первые дни весеннего путешествия по тундре Миддендорф замечал, что временами отражения идущих впереди оленьих упряжек начинали дрожать, приподниматься над снежной поверхностью. Как-то раз он даже увидел расплывшееся отражение оленя, перевернутое вверх ногами. Эти явления, напоминавшие миражи пу-

стынь, тогда только позабавили его. Теперь марево тундры сыграло с ними злую шутку.

Снова и снова меня направление, метались они по тундре, падая и опять поднимаясь. Ветер заметал, сглаживал их следы. Прошло пять, десять часов, мгlistая полутьма рассеялась, туман из лилового стал перламутровым. Совершенно обессилев, голодные, замерзающие, они повалились на снег. С трудом приподнявшись на коленях, казак потянулся к подзорной трубе, в сотый раз поднес ее к глазам и вдруг радостно вскрикнул.

Миддендорф выхватил у него трубу. В молочном кружке вздрагивала, плясала палатка. На исходе двадцать третьего часа непрерывных блужданий по тундре профессор и казак доползли наконец до нее.

Часть кочевников, ушедших раньше других с зимнего становища, должна была заранее устроить на речке Новой промежуточный лагерь. Но Миддендорф застал там одного здорового и тридцать больных. Профессору, выражаясь фигурально, опять пришлось надевать докторскую шляпу...

— Ты хороший человек, болезнь тебя боится — убеждает. Мы дождемся тебя здесь осенью, — прощались с профессором кочевники несколько дней спустя. — А один не ходи — пропадешь.

Последний проводник расстался с экспедицией, когда олени упряжки вышли на невысокий берег реки Верхней Таймыры.

— Плыви — приплывешь в озеро, — сказал он профессору, показывая на реку. — А лучше оставайся, кочуй с нами. Лечить нас будешь. Лучший чум тебе дадим, олешек.

— Что это за место? — спросил Ваганов.

— По-нашему Сяттага-Мылла... Оставайся и ты, друг, Тебе тоже дадим маленько олешек, будешь доктору помогать.

— Ладно, ладно! — смеялся Ваганов. — Приезжай сюда на твоих олешках осенью. Может, надумаем совсем у вас с доктором остаться.

Дожидаясь ледохода, экспедиция стала лагерем в Сяттага-Мылла. Весна на Таймыре была сырой, туманной. Солнце светило тускло, как лампа в парной бане. Вокруг него появлялись огромные радужные круги, которые, пе-

ресекаясь между собой, образовывали яркие, светящиеся пятна «ложных солнц»: это солнечные лучи преломлялись во множестве ледяных кристалликов, носившихся в воздухе.

Хотя ртуть в термометре еще редко поднималась выше черточки, отмечающей тридцать градусов мороза, на крутых береговых утесах снег уже подтаивал. Весна и зима попеременно теснили друг друга, и лишь к середине июня весна победила окончательно.

На южных склонах холмов ноги вязли в раскисшей глине. Веселые пуночки прыгали по первым проталинам, появились голосистые лапландские подорожники, а вслед за ними потянулись косяки гусей. Весенние трели куропаток не затихали даже солнечными ночами. Под прозрачной корочкой льда ожили первые растения — мохнатые, покрытые защищающим от холода пухом; и вот уже рядом с ними распустила желтый бутон сиверсия, таймырская роза, цветущая раньше, чем стает снег.

Ледоход продолжался почти неделю. С клокотаньем выныривали из воды глыбы льда, образовавшегося осенью на дне. Серые от вмерзших камней и песка, они сталкивались, вползали на берег, чтобы медленно дотаивать здесь чуть не все лето.

Следом за льдом в лодке, которую называли «Тундрой», отправилась к Таймырскому озеру и экспедиция. Сзади тянулся на веревке легкий нганасанский челнок.

За несколько теплых дней на защищенных от ветра береговых склонах, сильно нагреваемых солнцем, едва заметная зелень превратилась в пестрый ковер цветов. Кроме яркожелтых сиверсий, расцвели голубые камнеломки, красные армерии.

Плавание было спокойным, даже слишком спокойным для Таймыра. Только раз, во время сильного ветра, река заставила путешественников понервничать. Возле скалистого мыска они услышали вдруг шум бурлящей воды. Не иначе, как водопад!

Хотели пристать к берегу, но лодку неудержимо несло вперед и вынесло в шумный, но вполне проходимый порог. Тут ее несколько раз подбросило, наклонило — и только.

Но вот и озеро. Не озеро, а настоящее пресное море — свинцовое, угрюмое. Противоположного берега не видно. Чуть приподнимается какой-то островок. На отлогих бере-

говых склонах нагромождены валы из гальки: должно быть, работа льда, вытолкнутого ветром.

Выгрузив на берег содержимое лодки, путешественники поплыли назад за оставшейся частью груза. Снова вернувшись к озеру, они застали его донельзя сердитым. Шторм гнал на берег такие волны, что бедной «Тундре» могло и непоздоровиться.

Но полярное лето так коротко, а всех штормов не переждешь. И Миддендорф повел лодку к ближайшему островку — низкому, обильно покрытому травой.

У Ваганова уже был готов первый набросок карты пути к озеру и его южных берегов. Сначала он наносил мысы и речки под теми названиями, которые слышал от кочевников. Но теперь с островка, где сделали остановку, виднелись горы, заливы и острова, неизвестные жителям Таймыра и никаких названий, естественно, не имевшие. Ваганов забеспокоился:

— Александр Федорович, нельзя так. Что же это будет за карта? Давайте придумывать.

— Ну что ж... Пишите: остров Купфера.

— Александр Федорович, а кто это?

— Купфер? Русский физик. Из нашего Юрьевского университета. А другим мысам, заливам и островам будем давать имена наиболее почитаемых астрономов и натуралистов.

На карте западной части Таймырского озера, постепенно пересекаемого экспедицией, появились острова Федорова, Савича, Бетлинга, мыс Ленца, полуостров Гофмана.

«Тундра» вошла в залив. Вода в нем медленно текла на север. Потом сильно сузившийся залив снова раздвинулся, образовав довольно большое озеро. Когда пересекли и его, за мысом открылся исток реки Нижней Таймыры.

Отсюда можно было повернуть назад. У Миддендорфа накопились уже ценнейшие и единственные в своем роде материалы о природе Таймыра, климате, почвах, животном и растительном мире тундры. Ваганов заполнил на карте некоторые «белые пятна» полуострова.

И не только успешное окончание большей части намеченных работ могло заставить ученого подумать о возвращении: он сам, да и его спутники были измотаны. Чего стоили хотя бы ночевки в тундре, когда комары и мошки

плотным слоем облепляют лицо, руки, забираются в каждую дырку! Профессор пробовал спать под меховой одеждой кочевников; проснувшись, он обнаружил на руке красную татуировку, повторяющую орнамент нганасанской вышивки. Оказывается, комары проникли хоботками во все отверстия, оставленные вышивальной иглой. Ваганов зарывался в мох с головой, но и это плохо помогало.

По утрам профессор едва узнавал своих спутников: распухшие веки, лица, как подушки. Даже Тит Лаптуков, ссохшийся словно мумия, приобрел несвойственную ему округлость лица. Не раз вспоминал профессор путешественника Гумбольдта, говорившего, что он в любой момент готов променять сибирских комаров на самых кровожадных москитов реки Ориноко.

Но «комар-пора», как называют ее кочевники, кончалась. Днем, во время остановки у берега, профессор босиком бегал по тундре, гоняясь за редкими экземплярами насекомых, а в ночь тонкая корка льда уже покрывала лужицы. Это тоже был сигнал к возвращению. Вон и птицы потянулись на юг, в теплые края.

И все же «Тундра» от истока Нижней Таймыры не повернула назад.

Ведь осталось так недалеко до побережья океана, где, наверно, много интересного для натуралиста. Ваганову тоже хотелось побывать в устье Нижней Таймыры и заснять линию побережья: тогда его съемка сомкнулась бы со съемкой Великой северной экспедиции.

Воды Нижней Таймыры подхватили лодку...

Она то скользила над темными, глубокими омутами, то царапала днищем гальку перекатов, то черпала бортами воду в порогах.

Глубокая пещера, темневшая среди скал, сильно взволновала профессора:

— Она! Она! Давайте к берегу.

— Да кто «она»? — с недоумением откликнулся Ваганов.

— Пещера Харитона Лаптева.

И профессор, осматривая пещеру, рассказал Ваганову, что после гибели своего корабля Лаптев пошел из Хатанги через пустой и мертвый полуостров к озеру Таймыр. Голодные собаки с трудом тащили нарты. Снежная слепота жестоко мучила Лаптева, но он все же пересек замерзшее озеро и пошел по Нижней Таймыре к океану, навстре-

чу Челюскину, чтобы вместе с ним вернуться в Туруханск. Судя по дневникам Лаптева, он во время похода по Таймыру был у этой самой пещеры.

Сослужила она службу и нашим путешественникам: разложив у входа костер, они только утром почувствовали, что ударил первый морозец.

Дня три спустя Ваганов, отправившись на берег за топливом, нашел мамонтовый бивень, аккуратно распиленный на три части. Он лежал рядом с лошадиным черепом, обгоревшими головнями и топоричесем.

— Опять Лаптев... — сказал профессор.

— Да, может, вовсе и не он?

— А череп? Ведь с Лаптевым были якуты, охотники до конины... Но смотрите, как отлично сохранились щепки и головни в этом климате! Будто и не пронеслось над ними столетие...

А назавтра, когда плыли вдоль высокого правого берега, Миддендорф заметил вдруг торчащие из земли исполинские кости. Ваганов так круто повернул «Тундру», что она едва не перевернулась. Профессор выпрыгнул на берег, следом за ним выскочили топограф и казаки. Только Тит Лаптуков равнодушно поглядывал на других и не трогался с места.

Наполовину прикрытый мерзлой землей, из яра торчал скелет исполинского мамонта.

— Вот так страшилище! Как в сказке. — Ваганов почтительно потрогал кость толщиной чуть не с человеческое туловище.

— Отличный экземпляр. Жаль, что придется оставить его здесь. Его место — в петербургском музее.

— А может, попробуем? — Ваганов посмотрел на лопату, лежавшую в лодке.

— Такой подвиг нам не по силе, — отозвался профессор. — Эта мерзлота тверда, как железо. Да и как мы его увезем?

Он пальцем копнул грунт вокруг огромного ребра мамонта. У самой кости земля была темнобурой, рыхлой, жирной. Дальше начинался мерзлый слой глины.

— А ведь жирная-то земля — остатки мамонтового мяса.

Ваганов взял щепотку, растер между пальцами, понюхал:

— Гм! Да-а...

— И ясно, что грунт еще не был мерзлым, когда наше чудовище попало в него. А коль скоро мамонты жили десятки тысячелетий назад, то и мерзлота в здешних местах им ровесница.

Друзья забрали в лодку зуб исполинского ископаемого и нанесли на карту «Яр мамонтов».

На следующей стоянке профессор попробовал раскопать на холме нору песка — полярной лисицы. Над входом свисали острые сосульки с клочьями прилипшей к ним шерсти, как видно изрядно мешавшие обитателям норы. Под землей пищали маленькие песцы. Вылинявшие, облезлые папаша и мамаша, отбежав чуть подальше, долго и гневно облаивали профессора.

«Тундра» обогнула большой остров, названный Фоминым в честь спутника Лаптева, якута Фомина. Вот и последний мыс, за которым — взбаламученная даль морского залива.

— Ну-ка, нанесите на карту мыс Ваганова, — обратился профессор к топографу. Тот смутился. — Пишите, пишите! Мыс Ваганова, сторожащий вход в Таймыру.

В три часа утра 13 августа 1843 года лодка причалила к скалистому островку, который омывали уже волны Ледовитого океана.

К востоку уходило изрезанное заливами скалистое побережье. Шумел прибой. Море было чистым: сильные ветры отогнали льды на север. Очень далеко над тундрой чуть синели отроги хребта, который кочевники называли Бырранга.

Но какой же неказистой была сама тундра вблизи океана! Волнистую ее поверхность едва прикрывали редкие пятна мхов, освещенные бледным, затуманенным солнцем. Истертый и потрепанный ковер тундры с желтыми, уже умершими травами напоминал бумагу, испачканную грязными, серо-желтыми пробами кисти живописца.

Воздух у океана был очень влажным: кожаные ремни, палатки отсырели, одежда прилипала к телу, на сухарях появилась плесень. Тит Лаптуков сетовал на то, что у побережья не было белых медведей. Старик надеялся увезти с собой их клыки, которые очень ценятся южнее, в тайге. Лесные охотники носят их, как амулеты. Они верят, что страшные зубы «дядюшки» — белого медведя — от-

пугнут его бурого «племянника», если он вздумает нападать на человека...

На следующий день лодка поплыла на восток, вдоль побережья.

Это была смелая, но обреченная на неудачу попытка: внезапно переменившийся ветер легко отбросил «Тундру» назад, к устью Таймыры.

Разведя на берегу костер, чтобы обсушиться, Миддендорф и Ваганов обсудили положение. В сущности, оставалось только из всех сил спешить к Сяттага-Мылла, чтобы еще застать там кочевников.

— Эх, задним умом мы с вами крепки, вот в чем беда. Купи мы в свое время на Енисее шкуры да сделай кожаную лодку...

Ваганов вздохнул: верно.

— И вместительнее и легче, — продолжал профессор. — В такую лодку мы захватили бы из Сяттага-Мылла к озеру всё сразу. Успели бы, пожалуй, и пройти на восток вдоль побережья. А в общем, каким бы судном ни пользовался будущий полярный путешественник, он, думается мне, должен помнить, что в полярных странах с помощью собак можно достигнуть гораздо большего, чем с помощью корабля. Челюскин доказал это.

Казаки приволокли к костру расщепленное, измочаленное дерево. Вырванное половодьем в верховьях какой-нибудь сибирской реки, оно было вынесено ею в океан и теперь выброшено волнами. Дерево бросили в костер. Столб искр взметнулся кверху.

— А все-таки Челюскин не оценен потомками, как он того заслуживает, — задумчиво сказал Ваганов.

— На всех своих картах я назвал мыс, которого достиг Челюскин, его именем. Кажется, это название принято ныне уже многими. Челюскин, бесспорно, самый смелый и настойчивый из наших моряков, действовавших в этом крае!

Казаки, пригревшись у костра, дремали. Старый Тит Лаптуков, более чем когда-либо напоминавший гнома, мешал ложкой в котле, по обыкновению что-то бормоча себе под нос.

— Итак, решено, — сказал профессор: — завтра — назад. Нагрузите-ка только на «Тундру» побольше сухого плавника. Кто его знает, найдем ли мы теперь топливо, если повалит снег. А сейчас — спать.

Плохо поздней осенью на Таймыре, когда над тундрой вступают в единоборство вихри с материка и с океана, когда солнце почти не греет, а ночи тянутся бесконечно.

То под парусом, то на бечеве лодка медленно уходила от зимы. Нижняя Таймыра обмелела, вязкой тиной у берегов засасывала ноги. Пороги стали еще злее и опаснее.

Постоянно менявшие направление ветры изводили путешественников. Ветер, с которым они тщетно боролись час назад, внезапно налетал оттуда, куда только что промчался. Можно было подумать, что он, пролетев второпях мимо цели, спешил теперь исправить свою оплошность.

Достаточно было солнцу на минуту скрыться за облаком, как немедленно налетал холодный, пронизывающий вихрь. Однажды сильным током воздуха из бокового ущелья «Тундру» так сильно бросило на утес, что сломался руль.

— Бечевой идти вернее, — посоветовал Лапуков. Последнее время старик стал деятельным, даже суетливым. Прожив жизнь на Таймыре, он лучше других знал, что грозит людям, если они застрянут в безлюдной тундре.

— Силы надо беречь, — возразил Лапукову профессор. — Ветер — наш единственный помощник...

Ваганов, чинивший руль, зло ответил:

— Больно норовист этот помощничек! Тут в спину, а там вон, глядишь, задует в лоб.

— Да вы становитесь ворчливым, как наш Тит! — рассмеялся профессор. — Представьте-ка лучше, что по тундре плывут парусные суда и каждое имеет свой собственный ветер. Под всеми парусами одно плывет с попутным ветром на юг, а соседнее — с попутным же ветром на север. Где еще возможно такое чудо? А вы еще ворчите, неблагодарный!

Под вечер с неба посыпалась снежная крупа. Лодка, обледенев и покрывшись сосульками, сильно отяжелела. Она протекала по всем швам, и перед плаванием через Таймырское озеро ее пришлось заново конопатить мхом.

В ветреный день «Тундра», прыгая с волны на волну так, что трещало днище, понеслась под парусом по озеру. Зачерпнув бортом при особенно яростном порыве ветра, она пошла бы ко дну, если бы Ваганов не успел направить ее к узкой косе, похожей на спину кита.

Пока путешественники лихорадочно разгружали полузатонувшую «Тундру», через корму которой свободно гуляли волны, их одежда смерзлась и при резких движениях с хрустом ломалась. Простучав зубами ночь на сыром островке, они наутро переплыли к мысу, откуда начиналась уже самая широкая часть озера. Попробовали было плыть дальше, но снова едва не потопили лодку и вернулись под укрытие мыса.

Прошло еще три дня, а погода не улучшалась. Временами ветер дул менее яростно, но зато — навстречу.

В мешках оставались лишь крошки от сухарей. Пробовали закидывать сеть: что забросили, то и вытащили. Хорошо еще, что профессору удалось подстрелить куропатку.

На четвертый день, поднявшись во время охоты на холм, Миддендорф увидел на озере серебряную полоску. Взглянув туда в подозрную трубу, профессор поспешил к лагерю.

— Что случилось? — Ваганов видел, что начальник экспедиции сильно взволнован.

— Льды, — с трудом переводя дыхание, ответил тот. — Ветер гонит их сюда... Они отрежут нас.

Казачи тотчас побросали в лодку весь скарб. Сознание опасности удвоило силы, и лодка, подгоняемая частыми ударами весел, поплыла к западному берегу озера, поблескивавшему каймой прочного льда.

Гребцы, сменяя друг друга, работали до полного изнеможения, но ветер то гнал лодку на юг, то отбрасывал ее обратно, в сторону от устья Верхней Таймыры.

28 августа неожиданно наступило полное безветрие. Льдины, вынесенные в озеро пока еще невидимой, но уже близкой рекой, с невероятной быстротой начали смерзаться.

— Конец приходит... — крестясь, бормотал старик Лаптуков. — Вмерзнем тут. Ни плыть, ни идти... Никола, угодник милостивый, не дай умереть без покаяния...

Профессор встал на скамейку, осмотрелся.

Сбоку, за перемышкой смерзшихся глыб, чернела чистая вода. Да ведь это Таймыра, Верхняя Таймыра, ее устье! Там — спасение!

Даже молодой лед успел уже так окрепнуть, что его едва разбивали веслами. Более же старый уступал только топору.

До входа в реку осталось совсем немного, когда снова

подул сильный ветер и лед тронулся с места. Челнок был раздавлен и затонул почти сразу. «Тундра», стиснутая с двух сторон, разошлась в пазах, и светлые фонтанчики ледяной воды хлынули в нее.

— Коллекции, ружья! — крикнул профессор, соскальзывая на лед.

* * *

Снежная тундра. Пять человек. Четверо еще кое-как держатся на ногах. Пятый, больной, лежит недвижимо. Пурга с воем несется от берегов океана, напоминая о «белой смерти», которая ждет всякого, заблудившегося зимой в тундре. Больной делает знак рукой, чтобы все приблизились.

— Я просил вас... Теперь приказываю... Слышите — приказываю, — с трудом выговаривает он, облизывая запекшиеся губы.

— Ни за что! Ни за что! — упрямо повторяет Ваганов. — Вы хотите...

— Я хочу, — перебивает больной, — чтобы воля моя была выполнена... Неукоснительно, слышите? Зная ваше благородство и преданность...

— А предлагаете поступить бесчестно!

— Приказываю: тотчас отправляйтесь! Ищите кочевников. Найдете — вспомните обо мне.

Напрасно Ваганов убеждает, что не сегодня-завтра силы вернутся к больному, и тогда можно будет идти всем вместе.

— Я ведь врач, — говорит тот. — Глупо обманываться. Моя болезнь может длиться две-три недели. Разве вы хотите моей и своей смерти? Хотите смерти людей, доверившихся нам? А результаты нашей многотрудной экспедиции? Они тоже погибнут.

Ваганов, спотыкаясь, бредет по снегу. За ним с опущенными головами уходят казаки и старый переводчик.

...Силы больного быстро угасали. Мучительный озноб сотрясал его тело. Он снова видел себя студентом Юрьевского университета. Николай Фаддеевич, профессор анатомии, о чем-то спрашивал его, а он все забыл и не мог ответить ни слова. Потом Николай Фаддеевич начал вдруг шаманскую пляску и так громко, гулко бил в бубен, что можно было сойти с ума...

В минуты просветления больной видел перед собой все

ту же белую пустыню, по которой ветер перегонял снежные струйки. Потом началась пурга. Когда больной снова приподнялся, что-то холодное обрушилось на него: пурга намела над ним сугроб.

Так продолжалось три дня.

Больной почти смирился с неизбежностью смерти, как вдруг у него мелькнула спасительная мысль. Спирт! Как это он раньше не догадался!

Стараясь беречь силы, больной отгреб снег от кучки мелко изрубленного плавника, сложенной казаками перед уходом. Веселое пламя побежало по сухой щепе. Растопив в котелке немного снега, профессор взял банку с зоологическими препаратами и вылил из нее спирт в котелок.

Морщась, он выпил тепловатую жгучую жидкость и почти тотчас же заснул. Сон был долгим и крепким. Проснувшись, профессор почувствовал, что лихорадка оставила его.

Он выбрался из своего убежища.

За дни его болезни окончательно установилась зима. Озеро замерзло. Улетели на юг подорожники — последние птицы, распевавшие свои песенки даже после того, как снежные вьюги уже обрушились на Таймыр. Морозный воздух обжигал щеки. Далеко над тундрой клубились темные тучи. И никаких следов человека...

С выздоровлением пришел голод. Еды хватило на несколько дней. Потом он жевал бересту, из которой была сделана легкая походная посуда, сосал кожаные ремни.

Прошло уже полмесяца, как профессор остался один вблизи 75-й параллели. Если бы он не был закален и натренирован, пурга давно бы уже погребла его. Но все равно развязка неумолимо приближалась. Профессор не сомневался теперь, что Ваганов и казаки погибли в тундре во время пурги и что помощи больше ждать неоткуда.

Так лежал он в своем снежном логове и думал о том, что никто и никогда не узнает, как далеко вглубь Таймыра проникли они, что сделали, где сложили головы. Разве только какой-нибудь кочевник наткнется весной на трупы.

Вдруг ему показалось, что по снегу движется белый комочек. Куропатка! Он потянулся за ружьем. Руки тряслись, мушка двоилась в глазах. От отдачи в плечо он повалился навзничь.

Куропатка подкрепила его. Пока есть силы, надо идти

на юг. Если не хватит сил идти, надо ползти к югу. Недалеко от устья Верхней Таймыры они оставили в свое время небольшой склад продовольствия. Только бы добраться до него...

На маленькие санки, сделанные при расставании стариком Лаптуковым, он положил ружье, оленью шкуру. Шатаясь от слабости, потянул их за собой. Прошел сотню шагов и свалился на снег. Отдыхал долго. Снова побрел вперед. Ноги отвыкли от ходьбы. Санки казались свинцовыми. Сердце билось так, как будто он пробежал целую версту.

Впереди курилась снегом белая равнина, заканчивающаяся холмами с какими-то черными точками на склонах.

Он отдыхал все дольше и чаще. Далеко ли еще до холмов? Взглянул — и замер: черные точки на склоне двигались. Нет, это ему показалось... Это от мерцания снега... Он закрыл глаза и через минуту снова открыл их.

Ясно различимые, с холмов в вихрях снежной пыли мчались олени упряжки.

Он вскрикнул, простер вперед руки — и белая тундра, упряжки, небо поплыли у него перед глазами...

Кочевник Тойчум любил рассказывать у костра о том, как в тот год, когда злые духи послали в тундру повальную болезнь, ему, Тойчуму, удалось спастись от смерти. Шаман не смог выгнать болезнь, и Тойчум стал готовиться к встрече со своими умершими предками.

Но тут в чум пришел русский доктор. Он оказался сильнее шамана и вылечил Тойчума, совсем вылечил. Тойчум хотел дать ему за это лучших оленей, но доктор отказался и шибко сердито замахал руками... Потом доктор пошел зачем-то к большой соленой воде и сказал, что вернется осенью. Но пришла зима, а доктор все не возвращался. Он, Тойчум, долго ждал его на летнем становище, хотя олени уже съели вокруг весь мох. И вот, когда стали уже разбирать чумы, на становище прибрели люди, с которыми весной ушел доктор. Они сказали, что доктор погибает далеко в снегах. Тойчум тотчас собрал лучших оленей для трех упряжек. Олени неслись быстрее ветра. Доктор был жив, но у него кожа болталась на костях. Еще бы, он двадцать дней не знал, что такое полный желудок! Тойчум кормил его самой жирной оленьей, и доктор повеселел, опять стал румяным, только жаловался на обмороженные пальцы. Доктор очень благодарил Тойчума и хотел дать ему ружье. Но он, Тойчум, отказался и шибко сердито замахал руками...

— Большой человек был доктор, добрый человек! — неизменно заканчивал Тойчум свой рассказ.

И слушатели одобрительно кивали головой. Многих из них тоже вылечил тогда этот доктор, прогонявший болезни без бубна и заклинаний, одними только белыми горькими порошками...

А сам «большой человек»? Где он, что случилось с ним? Охладили ли смертельно опасные приключения в снегах его страсть к путешествиям?

Ничуть не бывало! Едва оправившись от потрясений, пережитых на Таймыре, Миддендорф и неразлучный с ним Ваганов начали второе, не менее дерзкое путешествие. Шахта-колодец в Якутске позволила им сделать первые в мире научные наблюдения над глубоко лежащими слоями вечной мерзлоты.

Затем друзья отправились по следам землепроходцев через хребты и таежные дебри к побережью Охот-

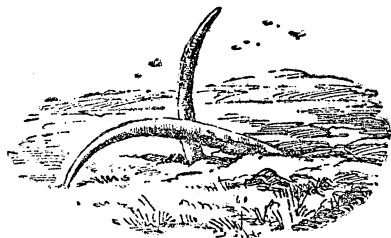
ского моря. На кожаной байдаре, увертываясь от льдин, они проникли к Шантарским островам. Лишь раннее наступление осени не позволило им достичь устья Амура.

Обратно Миддендорф вернулся вдоль тянувшейся на тысячи верст русской-китайской границы, причем преодолел это огромное расстояние без дорог, полагаясь лишь на помощь проводников — эвенков и якутов. Путешествие по такому маршруту не совершал никто ни до, ни после него.

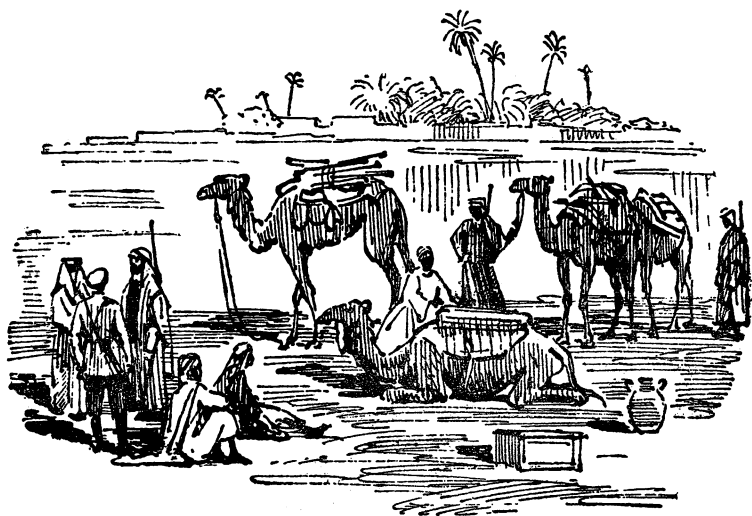
Вернувшись, Миддендорф написал капитальный труд о населении, климате, гидрографии и растительном мире Сибири. Прошло с тех пор больше ста лет, но и сейчас в редкой новой научной работе о Сибири вы не найдете ссылки на эту книгу.

Разумеется, ученому не удалось бы его труднейшие путешествия, если бы он не закалил себя с детства, если бы у него не было такого друга и помощника, как Ваганов, таких выносливых и преданных спутников, как простые сибирские казаки. Став уже академиком и вице-президентом Русского географического общества, Александр Федорович, вспоминая экспедицию на Таймыр, писал:

«Теперь, когда годы разнообразной столичной жизни пронеслись над приключениями тогдашнего нашего странствования, об этих товарищах моих в самом трудном из походов в моей жизни я могу повторить: во всем свете едва ли где можно еще найти такую находчивость и проворство во всех едва воображаемых напастях нагой пустыни, как в народном характере простого русского человека...»

К ИСТОКАМ НИЛА

Загадка Нила принадлежала к числу наиболее древних загадок географии.

Низовья этой реки были известны уже за тысячелетия до нашей эры. Греческий историк и путешественник Геродот плывал по великой африканской реке и описывал ее.

Геродот спрашивал у многих мудрейших и ученейших египтян о том, где начинается Нил. Никто не смог ответить на это, кроме разве хранителя священных вещей в египетском храме богини Минервы. Но и тот, по замечанию Геродота, кажется шутил, говоря, что он знает что-то определенное о начале могучей реки.

Арабы решили для себя вопрос проще, утверждая, что истоки Нила ни ближе, ни дальше, чем в раю.

После путешествия Геродота прошло более двух тысяч лет. Человек проник в отдаленнейшие уголки своей планеты, придумал сложные машины, создал пароход и паровоз, стал водить корабли вокруг света, но тайна Нила

так и оставалась неразгаданной. Попрежнему никто в мире не мог точно сказать, где начинается эта река.

А ведь открытие истоков Нила ответило бы не на один, а на несколько вопросов.

Например, в пустынях, окружающих низовья Нила, летом не бывает дождей. Ни одна капля не падает с безоблачно синих небес. Казалось бы, река к концу лета должна почти пересыхать. Ничуть не бывало. Под осень, в августе, вода в Ниле прибывает, да еще как! После летней четырехмесячной засухи река наиболее полноводна.

Где искать разгадку этого удивительного явления? Ясно, что только в верховьях: ведь вода приходит оттуда.

Воды Нила, спадая, оставляют на берегах слой сказочно плодородного ила. Откуда он берется? Разумеется, не из размытых водой песков пустынь. Река приносит его откуда-то с верховьев.

Поиски нильских истоков начались давно. Сравнительно скоро удалось установить, что река выше пустынь разветвляется на две — на Белый Нил и Голубой Нил. Но который же из двух истоков главный?

Казалось бы, чего проще — поплыть сначала по одной, потом по другой ветви Нила, и река сама приведет к своим верховьям. Такая мысль сначала приходила в голову каждому, кто отправлялся вглубь Африки.

Но ее осуществление встречало множество препятствий. Бурные пороги — «катаракты» — преграждали путь лодкам. Еще страшнее был нильский «седд» — миллионы болотных растений, которые, переплетаясь между собой корнями, перекрывали реку живыми плотинами. Пробриться через этот седд, что в переводе с арабского означает «преграда», не могло никакое судно.

А хищные звери, а изнурительные лихорадки, а отравленные стрелы, пущенные меткой рукой притаившегося в чаще африканца? Многие путешественники нашли себе могилу, не успев проникнуть даже до границ великого экваториального леса, расположенного в центре Африки. Лишь наиболее смелые и удачливые возвращались со славой и богатыми коллекциями. Им удавалось многое увидеть в Африке, и всё же ни один из них не мог сказать: «Я знаю, где рождается Нил».

Кончалась уже первая половина прошлого века. Ни с чем вернулись четыре экспедиции вице-короля Египта. Их участникам удалось лишь выяснить, что загадочных Лун-

ных гор, в которых, как утверждали древние сказания, берет начало река, вообще нет в природе.

Вопрос об истоках Нила стал еще туманнее. Где же, в таком случае, продолжать поиски?

«В Абиссинии», — заявили путешественники братья Аббади, решившие провести в Африке хоть десять лет, но доказать правоту своих слов. И они отправились в горы.

А вскоре, в декабре 1847 года, на африканский берег высадился еще один путешественник, об экспедиции которого пойдет речь дальше.

* * *

С утра началась невероятная суета.

Ревели поставленные на колени верблюды. На них укладывали ящики, тюки, кожаные мешки с водой. Препирались между собой погонщики: каждый из них уверял, что на его верблюда навьючено больше груза, чем на соседнего.

Новички с опаской поглядывали, как резво вскакивает верблюд сначала на задние, потом на передние ноги, едва всадник коснется седла.

Но вот, кажется, все уложено и можно трогаться.

Нет, еще новая затея: погонщики собирают камни и складывают из них... могильные холмики. Потом садятся вокруг и начинают завывать с самым горестным видом. Это напоминание путешественнику, что он может найти смерть в пустыне. Но если путешественник не хочет оставить своих детей несчастными сиротами, пусть он даст несколько монеток, чтобы умиловить джиннов — злых духов пустынь...

Получив деньги, хитрецы тут же разметали могилы и на радостях даже сплясали, что уже само по себе в такую жару было достойно всяческого вознаграждения.

Верблюды мерно зашагали между песчаными холмами, поросшими колючей ссохшейся акацией. Потом исчезли всякие признаки растительности, кроме пучков жесткой травы. Пустыня вовсе не была ровной, плоской: остатки выветрившихся скал торчали там и тут, заставляя караван сворачивать в сторону. В их пещерах прятались гиены.

На второй день началась уже совершенно безводная часть Большой Нубийской пустыни. Даже ворон, который

сначала сопровождал караван в надежде чем-либо поживиться, улетел назад. Выбеленные солнцем скелеты верблюдов и быков так густо лежали вдоль караванной тропы, что сбиться с нее было просто невозможно.

Шумный и крикливый караван теперь притих. Лишь изредка суеверные погонщики выкрикивали имя доброго духа, покровительствующего странникам:

— Ге, шейх Абдель-Кедер! Абдель-Кедер!

Февральское солнце раскалило песок. Горсть его обжигала руку, словно горящие угли. Язык присыхал к нёбу. Одежда, пыльная, потная, вызывала зуд.

Даже привычные к путешествиям через пустыню африканцы страдали от всего этого. Что же тогда говорить о начальнике каравана Егоре Петровиче Ковалевском и особенно о его спутниках — ученом ботанике Льве Семеновиче Ценковском и горных мастерах-уральцах!

Впрочем, начальник немало удивлял сопровождавших караван жителей пустынь. Другие русские боялись сначала даже подходить к верблюдам, да и теперь страдали от сильной, равномерной качки на верблюжьем горбу. А начальник сидел на верблюде так, будто родился в Сахаре.

— Господину Ковалевскому уже приходилось путешествовать по Африке? — осведомился переводчик.

— Нет, я здесь впервые.

— Но ваше умение...

— А, вы о верблюде? Да, с этим животным мы старые знакомые. Мне приходилось бывать в пустынях. Не в таких унылых, как ваша Нубийская, но все же...

— Осмелюсь ли спросить, где именно?

— В пустыне Кара-Кум, в стране туркменов.

Переводчик никогда не слышал о такой пустыне и о таком народе, но понимающе закивал головой.

— Да, верблюды... — задумчиво, как бы про себя, сказал русский. — Кажется, мне придется и век свой кончить на верблюде.

— Кончить век на верблюде? Господин Ковалевский любит странствовать?

Настойчивые вопросы переводчика, приставленного к нему, начинали раздражать путешественника, и он ответил небрежным кивком головы. Переводчик счел за лучшее замолчать.

Да, Ковалевский любил и умел путешествовать.

Но переводчик ошибся, полагая, что русский — хоро-

ший ездук на верблюде. Ковалевский чувствовал себя на верблюжьем горбу, как фокусник на заостренной палке.

В прежних экспедициях он даже по сыпучим пескам ездил на лошади. Однако в Нубийской пустыне были только верблюды и ослы. Значит, нужно держаться в верблюжьем седле так, будто тебе нипочем неудобства: с начальника берут пример подчиненные.

Но в душе Ковалевский понимал теперь одного знакомого, который после путешествия на верблюде говорил, что если увидит это животное хотя бы на картине, то выколет ему глаза...

В знойном воздухе появлялись, дрожали, снова таяли озера, окруженные пальмовыми рощами, струились, маня прохладой, синие реки. Но проводники-арабы только отплевывались: ведь это всего лишь мираж, которым дьявол старается смутить душу бедных путников.

— Ге, шейх Абдель-Кедер! Шейх Абдель-Кедер! — взывали они к своему покровителю, прося защиты от дьявольских наваждений.

Пустыня казалась бесконечной. И какая пустыня! Без малейшего признака жизни. Хоть бы червяк, муха, пусть даже засохшая былинка... Ничего!

Караван шел без перерыва по двенадцати-тринадцати часам в сутки, и можно было только удивляться неприхотливости людей, довольствовавшихся несколькими глотками воды самого отвратительного вкуса, и выносливости верблюдов, которые получали после тяжелого перехода по две горсти проса.

— Если вы когда-нибудь у себя дома захотите получить ту адскую смесь, которую мы здесь пьем, то вот вам простой рецепт, — смеясь, говорил Ковалевский несчастному Ценковскому, которого тошнило от качки и дурной воды. — Возьмите стакан чистой воды, размешайте в ней две ложки грязи, прибавьте соли... Что же еще? Да, гнилое яйцо. А потом настойте эту смесь на горькой полыни, и вы получите превосходный освежающий напиток Большой Нубийской пустыни.

Ковалевский уже привык и к жаре и к постоянной жажде. Он занимался съемкой местности, поднимался с барометром на окрестные холмы, определяя их высоту.

С холмов начальник каравана в подзорную трубу смотрел, не появится ли где полоса темного тумана. Этот туман означал бы приближение самума, или хамсина,

вихря африканских пустынь, несущего облака мелкой, всюду проникающей пыли.

Самум начинается нередко с «пения» песков — высокого, металлического звука осыпающихся песчаных холмов, вершины которых начинают дымиться. Сквозь буровато-красную мглу солнце кажется огненным шаром. Ветер усиливается, самум начинает реветь. Люди и верблюды ложатся на землю, задыхаясь, как в раскаленной печи, и чувствуя, как их засыпает песком.

Самое страшное, что самум испаряет воду даже из кожаных мешков. Если это случилось, путникам остается только призывать шейха Абдель-Кедера или сразу готовиться к смерти. Их последний шанс на спасение — верблюдья кровь. Если после того, как верблюд убит, они все же не успеют дойти до колодца, то в песках прибавится еще несколько трупов, высушенных солнцем наподобие мумий. Не зря жители пустынь называют самум «ядом воздуха», «огненным ветром», «дыханием смерти».

К счастью, десять дней, нужных для перехода каравана через пустыню, самум дремал где-то в ее недрах.

Ценковский, страдавший в жару особенно сильно, жалел, что не попытался продолжить путешествие по Нилу, а, выгадывая десять дней, согласился пересечь напрямик Нубийскую пустыню в том месте, где Нил, огибая ее, делал огромную петлю.

А ведь как славно началось их африканское путешествие! Они плыли по Нилу сначала на пароходе до первого порога, потом на парусной барке. Во время остановок ботаник собирал коллекции. А здесь? Ковалевский — горный инженер, геолог, ему и в пустыне много дела. Но что делать тут ботанику? Хорошо, что переход уже кончается, Нил где-то близко.

Посланный вперед нарочный вернулся со свежей нильской водой. Как ее пили! Вместе с нарочным прилетел коршун — первое живое существо за весь переход через пустыню. Как видно, хищник ждал, что человек, за которым он летел, сложит свои кости в раскаленных песках.

Караван вышел на пригорок, откуда уже можно было различить голубоватую полосу Нила, купы пальм и серые стены арабской деревушки. Верблюды с ревом рвались к реке. Ничто не могло их удержать.

Ковалевский поздравил своих спутников.

— Друзья, мы выбрались из могилы, — сказал он. —

Да, да, Нубийская пустыня — это могила. Даже хуже — в ней не заметно той микроскопической жизни, которая есть во всякой могиле. Но не всегда бывает она такой. Спросите-ка проводников, да и наш уважаемый Лев Семенович подтвердит... Примерно раз в десять лет проносятся над ней хорошие, настоящие дожди, и тогда не узнаете вы этой могилы: зелень, птицы, стада, пригнанные на обильные пастбища. Если природа так быстро может исторгнуть ее из рук смерти, то и человек, силою труда и времени, может достигнуть того же.

В приречном городке Бербере, куда караван пришел после четырех суток почти непрерывного движения вдоль Нила, Ковалевский должен был снова сменить верблюдов на лодки или барки. Но хотя он приехал по приглашению египетских властей, местные чиновники после разговора с переводчиком всячески старались помешать дальнейшему путешествию.

— Поверьте, лодок у нас нет, и я сам хотел бы превратиться в барку, чтобы везти вас! — клялся берберский чиновник, прижимая руки к груди. — Но это невозможно, и я готов нести каждого из вас на плечах... на своих плечах...

Однако чиновник попусту тратил красноречие: путешественник был настойчив и добился, чтобы ему дали две барки. На них — где под парусами, где бечевою — и отправился он вверх по реке. Возле Хартума, места слияния Белого и Голубого Нила, у левого берега вода была беловатой, илистой, у правого — более светлой, голубовато-зеленой.

В Хартуме Ковалевский встретил иезуита отца Рилло с кучей миссионеров. Святой отец прибыл сюда по поручению самого папы римского. Лицемерный, ловкий иезуит мало заботился о проповеди слова божьего. Ковалевский, поговорив с ним, записал: «У Рилло много других замыслов, в число которых если и входит религия, то только стороной, как средство, а не как цель». Святой отец и его помощники разведывали, разнохивали, где и чем можно поживиться. И не в дом ли отца Рилло незаметно проскользнул переводчик русского путешественника, чтобы в комнате, где висит распятие и много говорят о боге, рассказать святому отцу, что упрямец из далекой северной страны, несмотря на ловко подстраиваемые ему помехи, не бросает мысли о проникновении в самые сокровенные места африканского материка...

От Хартума барки Ковалевского повернули вверх по Голубому Нилу. Маленькая флотилия то и дело спугивала крокодилов. Эти твари обычно выползают на солнышко в полдень и нежатся на песке до вечера, временами открывая желтые, усеянные страшными зубами пасти.

К воде подходили стада серн и диких ослов. Потом начались песчаные отмели, почти невидимые из-за множества птиц. То были мириады журавлей, торопившихся покинуть Африку раньше, чем начнется период тропических ливней.

Все ночи до рассвета беспокойно кричали птицы, разгоняя сон. Кто знает, может быть многие из них полетят на просторы российских равнин... Пусть же принесут они туда весть, что русский флаг впервые отражается в водах Голубого Нила!

Уплывали назад берега, где в девственных лесах, густо опутанных лианами, мелькали попугаи, резвились проворные мартышки. Жители редких прибрежных селений предлагали купить этих забавных зверьков. Обезьянка стоила всего шесть копеек!

А ловили мартышек очень просто. Африканский охотник не гоняется за проворным зверьком, не ставит ловушки и силки. Наполнив жбан подслащенным пивом, он ставит посудину в лесу на видное место, а сам прячется где-нибудь поблизости.

Обезьяны взволнованы, их разбирает любопытство: что за незнакомый предмет торчит посреди поляны? Вот спрыгнула с дерева одна — и бочком, бочком к жбану. За ней другая, третья — и пошел пир горой.

Пьяные обезьяны визжат и дерутся до тех пор, пока хмель не свалит их на землю. Охотник только того и ждал. Несколько минут — и сонные животные уже связаны крепкими веревками. Прославшись, обезьяна видит, что попала в плен, кричит, кусается, рвется на свободу. Горькое похмелье...

На привалах Ценковский трудился без отдыха, собирая гербарии. Что за раздолье ботанику в тропическом лесу, в этом живом зеленом музее! Ковалевский тоже увлекся поисками редких растений.

— Лев Семенович, дорогой, посмотрите, как хорошо здесь! Природа раскинулась широко, на русский лад. Это вам не Египет. Там у нее взяли, вымучили все, что она могла дать.

Ковалевский уводил ботаника все дальше от реки, где негры и арабы стаскивали с мели барку. Только рев льва заставил ученых поспешить обратно к Нилу.

Львов на барках побаивались. Не так давно, рассказывали местные жители, эти хищники растерзали возле самой реки пять человек и несколько вьючных мулов.

Рассказ этот особенно напугал лоцмана экспедиции. И когда однажды вечером вблизи стоянки барок послышалось рычанье львов и замелькали тени зверей, лоцман в панике закричал, что надо побыстрее отчаливать от берега. Но Ковалевский остановил его и потребовал, чтобы сначала сосчитали людей. Так и есть: несколько человек отсутствовали.

Стали кричать. Никакого ответа, только львы после нескольких минут молчания зарычали еще яростнее. Уж не попали ли несчастные арабы им на ужин? Но тут разглядели в темноте кучку людей, несущихся по отмели быстрее ветра.

Впрочем, на отмелях тоже было небезопасно. Как-то арабы бечевой тянули барку, бредя по колено в воде. Вдруг один из них вскрикнул, взмахнул руками и исчез под водой. Мелькнуло его лицо с вылезшими на лоб глазами и судорожно раскрытым ртом.

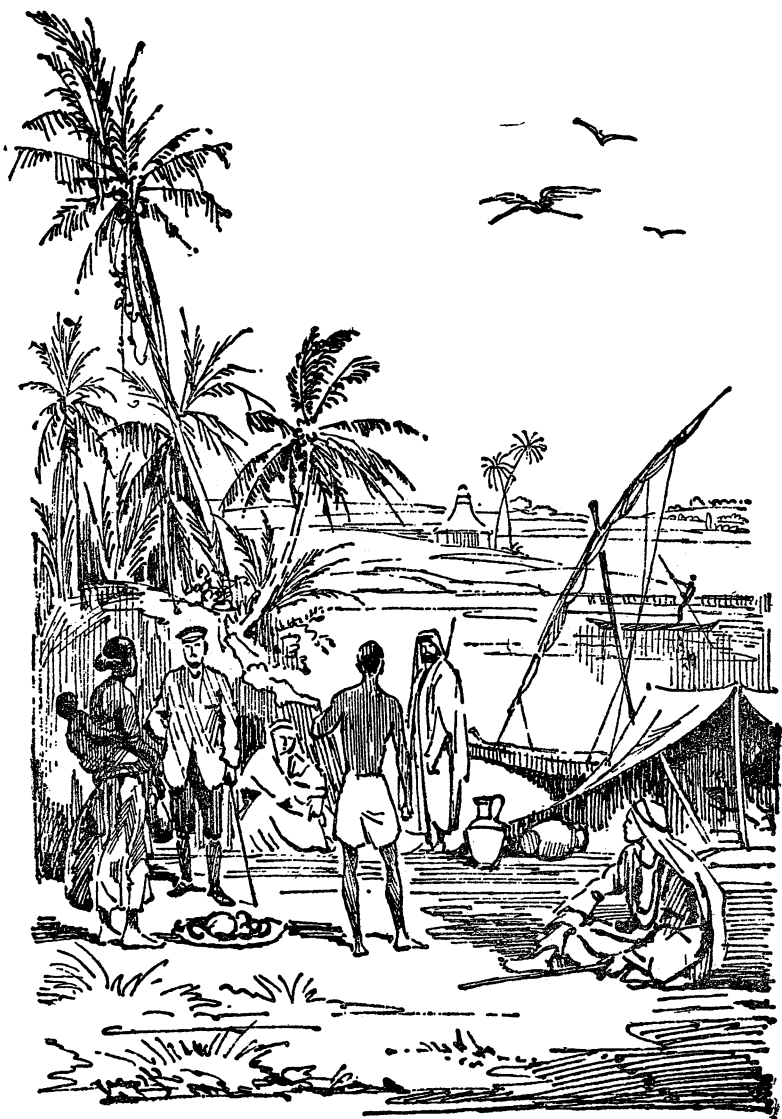
Опомнившись, люди стали кричать, стрелять из ружей в воздух, бросать веревки туда, где клокотала и пенилась окровавленная вода. Шум испугал крокодила. Араба вынули из воды. Нога его была раздроблена острыми зубами, он был мертвенно бледен от потери крови.

Но почему же стреляли в воздух, а не в крокодила? Да потому, что убить это хитрое и коварное животное из ружья труднее трудного. Из воды видны только ноздри, глаза и часть спины, покрытая окостеневшей кожей, от которой отскакивает пуля. Значит, чтобы убить крокодила в воде, надо всадить ему пулю в глаз.

У непроходимых порогов, перегораживающих Голубой Нил, экспедиция покинула барки. Путешественники пошли вдоль реки, к устью ее притока Тумата.

В Тумате не было ни капли воды. Не верилось, что после дождей он превращается в большую реку. Но когда копнули лопатой песок в русле, ямку заполнила вода.

Пройдя вверх по Тумату, экспедиция остановилась лагерем. Ковалевский занялся делом, ради которого его направили в Африку после настойчивых просьб египетского

правительства: поисками золота. Талантливый инженер, блестящий знаток горного дела, он оспаривал мнение многих европейских знаменитостей, утверждавших, что в центре Африки золота нет. Вскоре Ковалевский смог написать друзьям:

«Успех увенчал наши труды и заставил тех, которые не могли постигнуть, что золото было там, где мы его искали, положить в рот не палец, а целую руку в знак удивления...»

Но мечтал-то путешественник совсем о другом успехе. Он думал о путешествии на юг, к истокам Нила.

Еще в Египте Ковалевский узнал из газет, что братья Аббади якобы достигли наконец места, где начинается Белый Нил. Конечно, это крупнейшее открытие, если... если только братья Аббади не заблуждаются.

Ковалевскому, изучившему все, что было известно об Африке, и расспросившему десятки африканцев, казалось невероятным, чтобы Белый Нил начинался недалеко от истоков Голубого, как уверяли Аббади. Но чтобы опровергнуть их, надо было самому проникнуть в те широты, где, по словам братьев, находились истоки Нила.

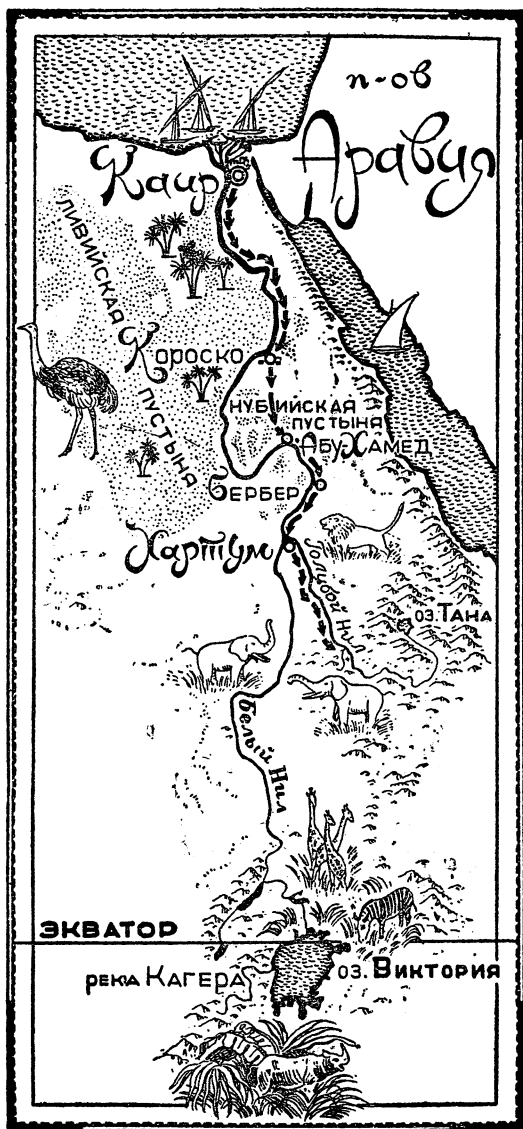
Путь туда лежал через верховья Тумата, обозначенные на всех картах голубым пунктиром. Это означало, что река нанесена на глаз, приблизительно, по отрывочным и недостоверным рассказам. Ни европейцы, ни арабы не рисковали проникать в верховья Тумата, на земли воинственного абиссинского племени галла, стойко защищавшего себя от рабства.

Ковалевский решил идти туда с малочисленным отрядом. Большую часть людей он оставил на только что открытых золотых приисках.

В конце марта 1848 года отряд углубился в горы. Ковалевский строго запретил сопровождавшим его египетским солдатам малейшие насилия. Он надеялся, что галла поймут его дружественные намерения.

На первом же ночном биваке часовые заметили, что в горах вспыхивают, гаснут, мигают огни. Где-то далеко рокотали барабаны. Если вслушаться, то можно было уловить особые звуковые оттенки в каждом ударе. Великолепный музыкальный слух африканцев позволял им передавать барабанным боем любое важное сообщение.

Сейчас сторожевые посты посылали тревожное известие о вступлении на землю галла чужеземцев. Огни не

гасли всю ночь, и в их мигании чувствовалось предупреждение пришельцам.

Наутро экспедиция выслала вперед разведку. Она вернулась с сообщением, что дальше русло Тумата загромождено камнями.

— Господин Ковалевский, это не камни, а горы, упавшие в реку. Там не пройти ни лошади, ни верблюду, — твердил переводчик. — Горе нам, если галла нападут на караван в этой ловушке...

— Ах, вот в чем дело! — оборвал Ковалевский. — Пойдите, а пешком?

— Пешком? Очень трудно. И если галла...

— Мы пойдем пешком.

Сколько ни отговаривали Ковалевского, сколько ни пугал его переводчик тем, что русский может попасть к галла в рабство или украсить своей головой шест у хижины негритянского вождя, — ничего не помогло. Оставив караван под прикрытием конвоя, путешественник в сопровождении совсем небольшого отряда зашагал вверх по долине Тумата.

Разумеется, камни в русле были не такими огромными, как показалось разведчикам. Тумат совсем пересох. Вода осталась лишь в ямах, где ждали дождей крокодилы.

Разведчики поймали нескольких негров. Арабы собирались учинить над ними расправу, но Ковалевский приказал отпустить пленников.

Надо было видеть, как отчаяние одних пленников, гордое презрение к смерти других, тупое безразличие третьих сменилось надеждой, робкой, недоверчивой. Их отпускают?! Они сделали несколько шагов, втянув головы в плечи и ожидая выстрелов в спину. Нет, не стреляют... Бежать, бежать, скорее бежать, пока белый начальник не передумал! Но двое все же не побежали, а пошли не торопясь, с достоинством.

Позже, когда Ковалевский рассказывал об этом случае собравшимся в Каире европейцам, один из собеседников заметил:

— Вы совершили ошибку, господин Ковалевский. Я лично не вижу большой разницы между негром и обезьяной. Эти чернокожие издают даже особый запах. Если негр сбежал, мы пускаем собак, и они по этому запаху...

— Простите, господа, но, на мой взгляд, упражнения

в подобном зверстве, на которое не решится самый последний негр, не делают чести европейцам. Ваши рассуждения кажутся мне...

— Но запах, запах! — нетерпеливо перебил Ковалевского французский миссионер.

— Запах? Но вы ведь, святой отец, не новичок в Африке. Мне остается только недоумевать: неужели вы действительно не знаете, что негры смазывают тело пахучим жиром? Что же касается собак, то я знал одного француза, который научил свою собаку узнавать иезуитов и бросаться только на них.

Миссионер побагровел и выбежал из комнаты.

— Мнение тех ученых, которые ставят негра на самой низкой ступени человеческого рода, — продолжал как ни в чем не бывало Ковалевский, — выявляет только эгоизм и самодовольное заблуждение людей, считающих себя привилегированной кастой человечества. Эти люди готовы пинком сбросить негра с той лестницы, на вершину которой уготовили место для себя.

— Но не станете же вы отрицать, что негры далеко отстали от культурных народов? — возразили ему.

— Верно, господа, — отвечал Ковалевский. — Но только в чем тут причина? Разве в том, что они — негры? Это не причина, а следствие того, что их постоянно угнетают люди другого цвета кожи.

— Да вы настоящий адвокат чернокожих!

— Я защищаю человека, у которого хотят отнять его человеческое достоинство, — просто сказал Ковалевский.

Вернувшись в Россию, он в журнале «Отечественные записки» напечатал статью «Негриция», где убедительно доказал вздорность «теорий» о высших и низших расах.

По поводу этой статьи Николай Гаврилович Чернышевский записал в своем дневнике:

«Прочитал «Негрицию» Ковалевского — весьма понравился он за то, что так говорит о неграх, что они ровно ничем не хуже нас, с этим я от души согласен...»

Но вернемся в долину Тумата.

Вероятно, великодушное отношение к пленным убедило галла, что на их землю ступил не враг, а друг. Ковалевский и его немногочисленные спутники не встречали никаких засад, не видели признаков готовящегося нападения. Они беспрепятственно достигли тех мест, где высокие яркозеленые горы, сдвинувшись, оставили Тумату лишь

заваленную камнями щель. Можно было представить себе, как бушевала тут река после тропических дождей!

Ковалевскому горы напомнили Южный Урал: стоит только заменить лавры и дикие лимоны березами.

Русло пересохшей реки закончилось обрывистой возвышенностью. Здесь из-под земли струились слабые ручейки. Египтяне во все глаза смотрели на них. Еще бы, ни одному их соотечественнику до сих пор не удавалось увидеть истоки Тумата!

— В Хартуме нам все равно не поверят, что мы побывали здесь, — с сожалением говорили солдаты из египетского конвоя.

Теперь была близка и конечная цель экспедиции. Ковалевский поспешил на расположенную неподалеку от истока Тумата возвышенность, чтобы, как писал он впоследствии, «достигнуть взором туда, куда тщетно стремились дойти столько путешественников, из которых многие заплатили жизнью за свое безусловное служение науке».

Уже незадолго до заката Ковалевский вышел на плоскую возвышенность с низкорослыми деревьями и кустарниками. В подзорную трубу он увидел стада диких слонов. В одном из них насчитали сто тридцать животных. Так вот откуда появились странные вмятины в русле Тумата! Это слоны ложились на песок и своим весом продавливали углубление, в которое постепенно натекала вода.

Ковалевский весело и гордо оглядывался вокруг. Он думал о том, что никто еще не проникал так далеко внутрь Африки с этой стороны, самой неприступной для путешественников. В победе над природой было высокое наслаждение, которое испытывает исследователь, достигающий своей цели после тяжких трудов, лишений и испытаний его терпения и силы воли.

— Господин Ковалевский, как называются здешние места? — спросил его один из спутников.

Путешественник задумался, потом сказал решительно:

— Эти места не посещались еще географами и никак не обозначены. Назовем их страной Николаевской. Видите вон там русло пересохшей безыменной реки? Нанесем же ее на карты под именем Невки. Пусть это название напоминает, до каких мест доходил здесь путешественник и к какой нации он принадлежал.

Закончив набросок местности, Ковалевский еще раз

внимательно осмотрел все вокруг. Итак, если верить братьям Аббади, то где-то здесь, неподалеку, должны находиться истоки Белого Нила. Но ведь если бы Белый Нил начинался в том месте, на которое указывают Аббади, он должен был бы либо встретиться с Туматом, либо пройти близко от него. Однако ничего похожего незаметно.

«У меня не станет смелости положительно опровергать важное, можно сказать — великое открытие Аббади, но, достигнув почти широты 8° и не найдя Бахр-эль-Абьяда, настоящего Нила, даже не слышав о нем ни от кого из туземцев... я имею повод более чем сомневаться в предполагаемом открытии», — записал Ковалевский.

Он покинул «Страну Николаевскую» с твердой уверенностью, что разгадку истоков Нила нужно искать не здесь.

Посетив затем горы на западе от верховьев Тумата, Ковалевский вернулся через Беюдскую пустыню и низовья Нила в Каир.

Доказав, что братья Аббади, сделавшие многое для познания Абиссинии, в вопросе об истоках Нила все же неправы, русский путешественник тем самым предостерег других исследователей Африки от ложных путей. Кроме того, он впервые составил превосходное описание геологии Нильского бассейна и золотых россыпей Внутренней Африки, составил достоверные карты, описал быт некоторых африканских племен. Славно поработал и Ценковский, оставшийся после отъезда Ковалевского еще на год в африканских лесах и собравший обширные коллекции.

Ковалевский проник в самые дебри Африки более ста лет назад. Лишь пяти экспедициям до него удалось сделать это. Когда русский флаг развевался над Нилом, когда Ковалевский шел по руслу Тумата, имя знаменитого Ливингстона оставалось еще почти неизвестным, а будущий исследователь Африки Стэнли был семилетним мальчиком...

Только почти полувеком позже путешествия Ковалевского удалось наконец окончательно и точно установить истоки Нила. Это произошло лишь после семидесяти семи экспедиций в тропическую Африку.

Человек разгадал все тайны Нила — второй по величине реки в мире, протянувшейся на 6500 километров. Он узнал, что Нил рождается по южную сторону экватора. Его исток — река Кагера, которая образуется при слиянии речек с труднопроизносимыми названиями — Руву и

Нджаваронго. Кагера впадает в огромное озеро Виктория. Река, вытекающая из этого озера, называется Виктория-Нил. Пройдя через второе озеро — Киога, — река получает новое название: Соммерсет-Нил.

Но подождите, это еще не всё. Выйдя из озера Альберт, она называется уже Альберт-Нилом, а немного далее — Бахр-эль-Джебелем, что означает «река гор».

И, только приняв свой приток Бахр-эль-Газаль, левая ветвь великой реки получает наконец название Бахр-эль-Абьяд, или Белый Нил. Нетрудно понять, почему у одной реки столько имен: каждый из перечисленных ее участков сначала принимали за самостоятельную реку.

В верховьях Белого Нила дважды в году бывают периоды обильных тропических дождей. Но вода не стекает сразу, а широко разливается по равнинам, задерживаясь в озерах. Под лучами солнца в ней возникает буйная растительная и животная жизнь, образуются непроходимые седды. Обильные остатки животных, а также растений и делают мутными воды Белого Нила.

Голубой Нил питают сильные летние дожди Абиссинии, превращающие его в поток, бешено размывающий русло. Но до Египта эта волна наводнения доходит только в августе или сентябре.

Белый Нил приносит перегной. Голубой Нил несет еще и минеральные частицы. Во время разлива в Египте река осаждает ил, в котором сама природа позаботилась смешать два вида удобрений. Вот в чем секрет его плодородия.

Загадки Нила перестали быть загадками. Но для этого потрудились десятки экспедиций, среди которых одно из видных мест занимает африканская экспедиция нашего славного соотечественника Егора Петровича Ковалевского.

И ДРУГИЕ...

Перелистая книги о путешествиях и путешественниках, можно встретить два слова, которые невольно вызывают чувство досады. Эти два слова: «и другие».

В самом деле, рассказывая о том, как были открыты или исследованы какой-нибудь хребет, остров, озеро, в книге обычно называют три-четыре наиболее знаменитых имени, добавляя, что исследованиями занимались еще и другие путешественники.

Но кто эти другие? Что они сделали, незаметные, скромные труженики науки? Какие испытания выпали на их долю?

Среди первых исследователей горной Средней Азии, прославившихся в хребтах Памира или Тянь-Шаня, фамилия Голубева упоминается довольно редко. Это один из тех «неудачников», которых чаще всего скрывают всё те же два слова.

Тот, кто захочет узнать хоть немного о Голубеве, найдет весьма небольшую статейку в энциклопедическом словаре. Там сказано, что Александр Федорович Голубев читал лекции в Академии Генерального штаба, а с

1859 по 1864 год находился в экспедициях и был первым из европейских ученых, занимавшихся астрономическими определениями в окрестностях озера Иссык-Куль и в провинциях Западного Китая. В словаре говорится еще, что описания посещенных Голубевым стран и местностей были переведены на многие языки и что в честь заслуг путешественника одна из пограничных станиц получила название Голубевской.

Если любознательному человеку этого покажется мало, то ему придется перерыть отчеты Географического общества за старые годы. Возможно, там встретится даже портрет Голубева, на котором изображен офицер средних лет, в военном мундире, с открытым лицом, слегка вьющимися волосами и энергичным взглядом, чем-то напоминающий знаменитого Пржевальского. Тот, кто терпеливо разыщет все заметки об экспедициях Голубева, прочтет статьи и отчеты путешественника, может узнать, примерно, вот что.

Русский географ Петр Петрович Семенов в конце 1857 года вернулся из успешной экспедиции. Своими исследованиями «небесных гор» — загадочного Тянь-Шаня — он опроверг существовавшие тогда неверные представления о горной Средней Азии. В честь выдающихся заслуг Семенова к его фамилии была позже сделана приставка: Тянь-Шанский.

Но, возвратившись в Петербург, путешественник не раз говорил, что в его работе есть очень существенный пробел. Экспедиция обследовала немало хребтов и рек, но их нельзя точно нанести на карту. Ведь чтобы определить местоположение какого-нибудь пункта на земной поверхности, нужно путем тонких и сложных астрономических наблюдений найти его широту и долготу. Этого не смогла сделать экспедиция Семенова — в ней не оказалось астронома. Значит, нужно было немедленно направить по следам экспедиции энергичного и смелого человека, который сумел бы продолжить начатое.

Многие члены Географического общества называли фамилию Голубева. Правда, этот профессор геодезии не имел опыта путешественника, но зато обладал обширными знаниями в астрономии. Кроме того, он давно мечтал о далеких экспедициях.

Петр Петрович Семенов, который особенно любил людей, готовых расстаться с жизненными удобствами ради

самоотверженного служения науке, не скрыл от Голубева трудностей предстоящего путешествия. Там, в горной части Средней Азии, нет ни хороших троп, ни русских селений. Голубеву предстоит посетить и такие места, где до него не бывал еще ни один путешественник. Возможно, ему придется ночевать в снегах на горных перевалах. На берегах озера Иссык-Куль, которое надо точно заснять, часто происходят ожесточенные стычки враждующих между собой племен киргизов. Тут можно встретить и отряды головорезов кокандского хана. Вероятно, Голубеву уже известна только что полученная печальная новость: немецкий путешественник Адольф Шлагинтвейт, попытавшийся проникнуть в Тянь-Шань с юга, погиб от рук палачей Якуб-хана. Если все это пугает уважаемого Александра Федоровича, то он может изменить свое решение...

Нет, опасности не страшили Голубева. Вот только справится ли он со своими задачами, оправдает ли доверие Географического общества в первом своем путешествии?

Но Петр Петрович Семенов обладал удивительным умением ободрять и воодушевлять людей. И Голубев отправился в Среднюю Азию, тепло напутствуемый человеком, которому в будущем суждено было организовать столько блистательных экспедиций русских географов.

Ранней весной 1859 года Голубев был уже в Верном. Это укрепление, конечно, ничем не напоминало стоящий на его месте нынешний город Алма-Ата. Тогда там за земляным валом были лишь деревянные домишки казаков да небольшая церковь. Дальше высилась зубчатая стена хребта Ала-Тау с ее вечными снегами и синими провалами ущелий.

Вскоре караван лошадей и тяжело навьюченных верблюдов направился из Верного к берегам Иссык-Куля. Вокруг гарцевал сильный конвой. Дозорные на бойких лошадях рыскали по сторонам: нет ли где засады?

Кратчайшая дорога к Иссык-Кулю была в это время непроходимой: высокогорные перевалы замело снегом. Голубев пошел в обход, по долинам речек, на берегах которых стояли белые войлочные юрты киргизов.

Караван обгонял огромные стада овец; попадались развалины каких-то древних укреплений, сложенных из обожженного кирпича. Все было тихо и спокойно. А в

Верном говорили, что путь опасен. Должно быть, хотели напугать.

Копыта лошадей зацокали по скользким камням: караван вышел в долину реки Чилик. У Голубева, которому впервые в жизни пришлось переправляться вброд через горную реку, кружилась голова. Ему казалось, что бешеные струи вот-вот собьют лошадь с ног и вместе с всадником бросят на камни.

Для ночлега выбрали зеленую полянку. Казаки ловили османов — рыбу, напоминающую форель. Мирно дымилась костры, вкусно пахло чаем и ухой. А тут еще в тополевой роще защелкал соловей. Голубев, утомленный переходом, в полудремоте думал, что все складывается так удачно...

Его разбудил крик:

— Стой! Стрелять буду!

Кричал часовой. Где-то близко в темноте галопом неслась лошадь. Топот оборвался у кустов, и костер осветил киргиза в халате и с саблей на боку.

— Начальник, беда!

Киргиз прискакал из небольшого русского отряда, окруженного вблизи Иссык-Куля враждебными племенами.

Лагерь оживился, зашумел. Молодой казак, со свистом рассекая шашкой воздух, стал возбужденно рубить тальник. Голубев велел усилить караулы. Где-то далеко в горах хлопнул одиночный выстрел, завыла собака. Только соловей попрежнему безмятежно свистел в роще.

Выступили рано, до рассвета. С гор, на которые поднимался теперь караван, угадывалась в тумане серебристая змейка реки Или. Вскоре началась песчаная долина, где дул крепкий ветер. Проводник сказал, что тут почти всегда ветрено и бывают дни, когда буря валит с ног верблюда. Потом лошади карабкались вдоль горного склона, скользя по влажной глине. Голые утесы жались к тропке.

Ночью на биваке экспедиции появился второй гонец из окруженного отряда. Это был старый, опытный казак, едва пробравшийся через горные проходы, весь промокший от ползанья в снегах.

Но в те минуты, когда казак, согревшись чаркой, чертил перед Голубевым на земле план, показывая, как скорее пройти к осажденному отряду, тот уже не нуждался

в помощи. Всадники, теснившие русских и ждавшие только сигнала, чтобы начать нападение, вдруг смешались, о чем-то заспорили — и сняли осаду.

Только потом узнали русские, почему это произошло. В горах новости легко летят от кочевья к кочевью. Конечно, о караване Голубева знали все верст на сто вокруг. Но всякий слух по пути растет, как снежный ком. И вождь готовых к нападению конников узнал от «очевидцев», что на выручку окруженного русского отряда идут пятьсот, а то и шестьсот всадников, что везут они с собой «зембереки», то-есть пушки, и еще какое-то смертоносное, блестящее оружие на треножниках. Предводитель струсил — и велел поворачивать лошадей...

Радостно встретила экспедиция с отрядом, так счастливо избежавшим опасности. Дружественные русским киргизы устроили настоящий праздник. Они на всем скаку метко стреляли из луков, пронзая камышовыми стрелами цель, кололи воображаемого противника копьями, украшенными пучками конских волос, и в заключение затеяли состязания борцов.

Но веселье — весельем, а дело — делом. Идти к озеру без подкрепления из Верного было более чем рискованно: у Иссык-Куля появились воины кокандского хана. Однако зря терять время Голубеву тоже не хотелось. Сделав еще один переход и оставив верблюдов и грузы в укрепленном лагере, он налегке перешел границу, чтобы определить географические координаты нескольких пунктов в Китае.

Ночевали под открытым небом. Ярko горели звезды. Голубев расспрашивал проводников, стараясь узнать, какова народная астрономия жителей Северной Азии. Оказалось, что киргизам известна неподвижность Полярной звезды. Они называют ее «Железный кол». Большая Медведица носит название «Семь молодцов». К «Железному колу» привязаны два коня — две звезды Малой Медведицы. Этих-то коней и стараются поймать молодцы...

Буддийский монастырь за глиняной оградой, где виднелись кумирни — молельни с колокольчиками под крышей, — был первым жилищем человека, встреченным Голубевым в Китае. Монахи, жившие в монастыре, были в полном смысле тунеядцами: по правилам религии, им не полагалось трудиться, работали за них прислужники.

Обет безделья выполнялся монахами свято. Зато главный монах — лама — да и его приближенные с легкостью нарушали другие требования религии. Так, монахам закон запрещал даже прикасаться к серебру. Это не мешало им кланчить серебряные монетки.

Водка, до которой монахи оказались большими охотниками, открыла перед Голубевым двери в святая святых монастыря — кумирню. Около кумирни стоял огромный котел для жертвоприношений. Внутри, рядом с божками всех размеров, находились изображения китайского богдыхана, крымского и кокандского ханов, а также русского царя. Самодержец всероссийский был намалеван кое-как и в руках держал балалайку.

Производя астрономические наблюдения в горах вблизи монастыря, Голубев любовался Тянь-Шанем. Масса искрящегося снега покрывала весь хребет. Ледяная вершина исполина «небесных гор» Хан-Тенгри по утрам казалась правильным серебряным конусом.

В этих местах через Тянь-Шань было проложено несколько троп. Там стояли китайские караулы, вырубавшие во льду ступени и следившие за горными обвалами. Но по этим тропам могли ездить только важные китайские чиновники, имеющие поручения из Пекина.

Голубев вернулся к своему лагерю, куда уже прибыло

подкрепление из Верного. Теперь можно было смело идти к Иссык-Кулю.

Караван вышел в долину речки Тюп. Высоко над потоком, мчащимся к озеру, вилась тропинка. На склонах гор росли голубые тянь-шаньские ели, стройные, как кипарисы, и высокие, как колокольни. Кое-где вдоль тропы стояли грубо вытесанные каменные изваяния.

Горный проход к озеру назывался Санташ. Голубев спросил, что это означает в переводе. «Считанные камни», — ответил проводник и показал на две груды камней у тропинки. Потом, на привале, он рассказал легенду.

В давние времена завоеватель Тамерлан вел здесь свои войска. Ему предстояло решительное сражение, и он захотел сосчитать своих воинов: хватит ли? Каждый воин должен был бросить по камню в общую грудку. Грудка получилась внушительная, и Тамерлан больше не сомневался в победе.

Сражение действительно принесло ему новую славу, но многие храбрые воины полегли на поле битвы.

Снова пришел Тамерлан к сложенной его войском огромной куче камней и велел каждому воину взять по одному камню и отнести немного в сторону. Получились две груды, и Тамерлан увидел, что вторая ниже первой, — в живых осталось меньше половины воинов...

Тропинка Санташа спустилась в широкую долину. Между елями открылось озеро, синее, как небо.

Иссык-Куль лежал в чаше зубчатых хребтов. С гор стремились к нему потоки. Навстречу каравану дул влажный ветер, похожий на морской бриз.

Голубев разбил лагерь на берегу небольшого залива в устье Тюпа. Закинули сеть — и через несколько минут в ней уже бились сазаны. А один казак забрел в речку и ухитрился нарубить рыбы шашкой.

Враждебные племена откочевали на южный берег. В устье Тюпа, у восточного края озера, можно было спокойно работать. Голубев, оставив лагерь, смог даже ненадолго съездить в Верный для продолжения своих астрономических наблюдений и проверки сложных приборов и инструментов.

Настоящий путешественник редко проходит одним и тем же маршрутом дважды, если вокруг лежат места, которые еще ждут исследователя. Так и Голубев. По пути

в Верный он воспользовался новой тропой, через хребты Кунгей и Ала-Тау, а для возвращения к озеру выбрал Курметинский перевал — один из труднейших.

Сначала шли долиной горной речки. Вода с ворчаньем перекатывала по дну крупные камни. Еле нашли брод, да и то такой, что все выкупались в ледяной воде. Потом Голубев и его спутники втянулись в полутемное, сырое ущелье.

Подъем становился все круче, а тут еще приходилось разбирать заграждения, устроенные на тропе киргизами, для того чтобы помешать проходу разбойничьих шаек, угонявших скот у кочевников. Тропа так сузилась, что лошади с трудом ставили копыта.

Над перевалом клубились ватные хлопья облаков. Начались вечные снега. У промокших всадников зуб не падал на зуб. Из пропастей тянуло пронизывающей сыростью. С другой стороны тропы поднимались обледеневшие отвесные скалы. Лошади то и дело проваливались в заporошенные снегом щели между камнями.

Тропа уперлась в острый пик. Всадники спешили и стали карабкаться по страшной крутизне. На вершине пика с трудом мог бы повернуться один всадник.

Отсюда начался спуск. Почти ползком, в кровь обдирая руки, цепляясь за камни и выступы скал, скользили вниз люди. За ними, храпя и фыркая, спускались лошади. Далеко внизу, за беспорядочным нагромождением каменных масс, уже синел Иссык-Куль.

С утра, даже не отдохнув, Голубев начал обследование озера и его окрестностей.

Свыше пятидесяти речек отдавало воды Иссык-Кулю, замкнутому в своей бессточной горной котловине. С помощью барометров Голубев определил высоту озера — 1600 метров над уровнем моря. Он еще не знал тогда, что глубина озера в некоторых местах превышает семьсот метров. Его особенно поразила удивительная, кристальная прозрачность иссык-кульской воды, солоноватой на вкус.

Название «Иссык-Куль» в переводе означало «Горячее озеро». Конечно, до горячего ему было далеко, но мягкие зимы котловины, запасы тепла в огромной толще воды, наконец соленость озера не давали ему покрываться зимним льдом.

Наблюдал Голубев и бури, особенно страшные тогда,

когда дующий вечерами сильный западный ветер поднимал волну, а начинавший обычно дуть в полночь горный ветер из ущелья Санташ, сшибаясь с ним, крутил водяные смерчи.

Постепенно продвигаясь вдоль берега, Голубев достиг крайней западной точки озера. Наблюдая за движением небесных светил и проводя долгие часы за вычислениями, он определял географические координаты основных пунктов. Лазурным контуром точно лег на карту Иссык-Куль. Наблюдения с помощью геодезических инструментов помогли вычислить высоту Хан-Тенгри, одной из высочайших и недоступнейших вершин Тянь-Шаня.

Путевые дневники Голубева заполнялись данными о глубине и температуре озер, о скорости течения рек, заметками о быте «черных киргизов», прозванных дикокаменными из-за того, что они жили в диких горах. Интересовали Голубева грубо высеченные из камня человеческие фигуры, развалины крепостей, курганы.

От берегов Иссык-Куля Голубев возвращался через перевалы Заилийского Ала-Тау. Дорога была настолько тяжела, что даже неприхотливые верблюды не выдержали. Трупы погибших животных бросили у заснеженной и заваленной камнями тропы на съедение хищным птицам.

Из Верного Голубев предпринял еще несколько дальних поездок. Лишь тяжелая болезнь заставила его прекратить работу. У него оказалось ртутное отравление: слишком много ядовитых паров ртути вдыхал он при пользовании несовершенными барометрами, помогавшими определять высоту местности над уровнем моря.

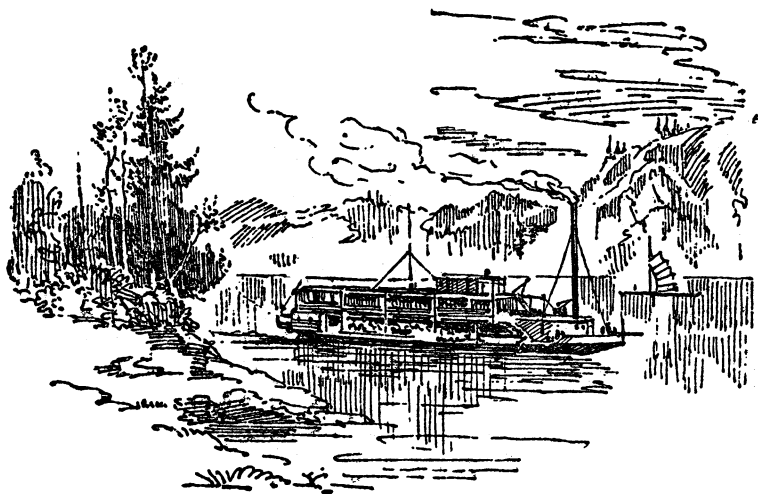
Голубев вернулся в Петербург для обработки обширных материалов своих наблюдений. Он чувствовал себя все хуже и хуже, но все же нашел силы снова отправиться в Среднюю Азию, чтобы побывать на озере Ала-Куль и проехать вдоль русско-китайской границы.

Эта его экспедиция оказалась последней. Здоровье путешественника ухудшалось день ото дня. Он умер всего тридцати четырех лет от роду, так и не осуществив задуманных новых экспедиций в Среднюю Азию.

Вот и вся повесть о путешественнике, имя которого известно далеко не всем и часто теряется за словами «и другие».

Продолжая дело таких знаменитых исследователей, как Семенов Тянь-Шанский и Северцев, он отдался ему всей душой. В его экспедициях не было ярких приключений, зато в них было много упорного, будничного труда, без которого нет науки. Этим трудом Голубев заслужил добрую память и признание.

СЕМЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ ВЕРСТ ПО СИБИРИ

В

Чите Крототкин видел, как горят леса.

Весна 1863 года в Забайкалье была сухая. Крестьяне пахали больше по привычке — земля рассыпалась золой, зёрна в ней все равно не могли прорасти.

Золотистый огонь бежал по прошлогодней траве. Обгоревшие деревья чернели на красном фоне. Солнце висело над сопками тусклое, словно прикрытое закопченным стеклом. От едкого дыма першило в горле, и с угла городской площади невозможно было различить дома на другой ее стороне. А леса всё горели и горели.

Крототкин был рад, когда его послали из Читы в Сретенск. Тут все было по-другому. Под окнами дома, где он остановился, текла красавица Шилка. Страшные летние грозы грохотали в горах за городом. Крототкин смотрел на горы, на реку, на омытую ливнем яркую зелень, на парход, готовый к отплытию, — и ему казалось, что он чувствует уже дыхание Тихого океана.

В Сибирь по своей воле в те годы ехали редко — чаще

сюда высылали по этапу, в кандалах. Князь Петр Алексеевич Кропоткин приехал сам. Он бросил Петербург, придворную карьеру и променял щегольской мундир царской гвардии на неказистую суконную форму амурского казачьего войска. Кропоткин мечтал о том, чтобы служить не царю, а народу. Сибирь казалась ему таким местом, где лучше всего можно было приложить молодые силы, поработать с пользой для людей и для науки.

К сожалению, разные дела, которые первое время поручались в Сибири Кропоткину, были мало похожи на те, что рисовались ему в мечтах. Но дело, ради которого он теперь приехал в Сретенск, представлялось ему настоящим и во многих отношениях заманчивым: молодой офицер должен был участвовать в сплаве каравана на Амур.

Эту огромную реку еще только осваивали. Вниз по ней плыли плоты и барки с первыми русскими поселенцами. Они рубили себе избы и выжигали тайгу под пашни. Земля еще не кормила людей, и в низовья Амура нужно было завозить для поселенцев хлеб, соль, солонину. Обычно караваны сплавляли по Шилке, которая, сливаясь с Аргунью, образует Амур.

Кропоткин, набрав команду из «сынков» — так назывались солдаты штрафных батальонов, освобожденные для заселения новых мест, — поплыл из Сретенска с несколькими баржами. Баржи несло течением, навстречу плыли каменные утесы, в светлые ночи испещренные пятнами теней. Река играла на перекатах, дробя блики лунной дорожки.

Если баржи наносило на мель, «сынки» нехотя лезли в воду и затыгивали:

Ка-ак баржа на мель стала,
Али сил у нас не стало.
Ох, дуби-и-нушка, ох те,
Ох, зеленая, са-ма пойдет.
У-ра-а!

Дальше шел куплет, особенно близкий «сынкам»:

Ох, ребята припотели,
Выпить водки захотели.

Если не считать пробоины в барже, наскочившей на камень, плавание по Шилке прошло удачно.

Вел себя на сплаве Кропоткин совсем не по-княжески — ел уху и кашу из общего котла, работал вместе с гребцами. Уставал он сильно, но ночами долго не мог заснуть и просыпался даже от легкого всплеска, от камня, сорвавшегося со скалы в воду; невольно думалось о разрушении гор, о работе рек.

Уже на Амуре, где Кропоткин помогал начальнику всего сплава майору Малиновскому, караван барж попал в беду. Его стал трепать один из тех страшных ураганов, которые по силе могут поспорить с тайфунами. Ветер вырвался из-за хребтов, стал валить деревья. Большую крытую лодку, в которой плыли Малиновский с Кропоткиным, едва успели укрыть в устье боковой речушки.

Когда буря стихла, с лодки увидели плывущие мимо доски, бревна, ящики, бочки с солониной. Стало ясно, что произошла катастрофа. Обломки барж плыли гуще и гуще.

— Все пропало, все пропало! — в отчаянии шептал Малиновский.

Ураган потопил сорок четыре баржи. Жители низовьев реки остались без хлеба.

Телеграфа в те годы на востоке не было. Чтобы предупредить о несчастье и попытаться до ледостава отправить новый караван, кто-то должен был немедленно плыть с донесением в Читу.

Поплыл Кропоткин. Гребцы, зная, зачем и куда спешит офицер, старались что было сил. Лодка плыла днем и ночью, в любую непогоду. Однажды ее почти залили волны, и Кропоткин отстегнул было большую сумку с серебряными и медными деньгами, собираясь нырять в воду...

Уже недалеко от Хабаровска гребцов догнал пароход. Когда Кропоткин поднялся на палубу, его тотчас окружили пассажиры:

— Скажите, вы не могли бы стать капитаном?

— Ке-ем? — в изумлении переспросил Кропоткин.

— Да наш капитан допился до чортиков, слег в горячке. Вот и некому вести судно. Может, попробуете?

Ну что тут будешь делать? Напрасно он уверял, что никогда не водил пароходы и что Амур знает совсем плохо. Пришлось двадцатилетнему «капитану» подняться на мостик. Лоцман, уже не раз плававший по Амуре,

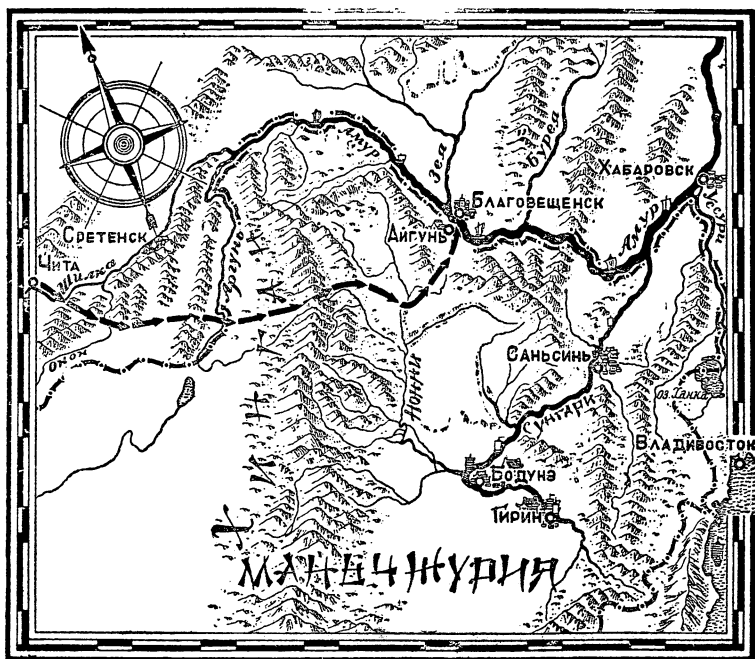
охотно ему помог. Вдвоем они благополучно привели пароход в Хабаровск.

Сменив один пароход на другой, а последний на верховую лошадь, привычную к горным тропам, Кропоткин привез донесение о катастрофе так быстро, что раньше, чем лед сковал Амур, новый караван продовольствия был уже отправлен.

* * *

В Благовещенск-на-Амуре из юго-восточных районов Забайкалья ездили обычно вдоль Аргуни и Амура. По карте выходило, что дорога напрямик через Маньчжурию была бы вдвое короче. Но по карте путешествовать легко. А как обстоит на самом деле? Можно ли пересечь напрямик маньчжурские хребты?

Это особенно интересовало забайкальских казаков. Им нужна была короткая дорога для перегона скота на восток.

О Маньчжурии говорили тогда мало хорошего. Люди нередко пропадали там без вести. В Маньчжурии сложил голову и храбрый топограф Ваганов, победитель снегов Таймыра.

Маньчжурские власти всячески мешали дружбе своих подданных с русскими; впрочем, казакам все же разрешалось изредка переходить границу для торговли.

Вот весной 1864 года казаки и задумали снарядить караван, который занялся бы не только торговлей, но и поисками прямой дороги на Амур.

Повел караван урядник Софронов. С казаками увязался и купец Петр Алексеев, человек робкий, к месту и не к месту повторявший «покорнейше благодарим-с». Особенно смешно было смотреть, как он, пуча глаза, дул на блюдечко с чаем, осторожно обгрызая кусочек сахара.

Купец был не из богатых: он сам ухаживал за своей лошадью и сам запрягал ее в двуколку с сукнами, позументами и разным галантерейным товаром, который собирался распродать в Маньчжурии.

Перед переходом границы караван ночевал в одной из казачьих станиц. Старуха-хозяйка, раздувая самовар, обратилась к купцу:

— Сынок, за тобой едет кто-нибудь еще?

— Не слышал, бабушка.

— Как же, сказывали — какой-то князь... Рапотский, что ли... должен проехать. Будет он, нет ли?

Купец почесал затылок, что-то припоминая:

— Да, точно. Их сиятельство хотели приехать из Иркутска. Ну, да где же им в такую дорогу! Так они и остались в городе...

Вскоре казаки, гоня перед собой большой табун лошадей для продажи, перешли границу.

Сначала тянулась степь, похожая на забайкальскую, потом лесистые холмы. Затем начались горы. Казаки с радостью убеждались, что хребты Хингана совсем не так страшны, как о них говорили. Им посчастливилось даже выйти на какую-то старую, полузаброшенную дорогу, которая уходила между горами на восток.

Купец Петр Алексеев, в синем халате и монгольской островерхой шапке, шагал в пыли рядом со своей повозкой. При встречах с представителями власти он отходил в сторонку, предоставляя уряднику Софронову вести переговоры. Садился он только тогда, когда приглашал уряд-

ник, причем норовил сесть на самый кончик стула, приговаривая: «Покорнейше благодарим-с».

Но когда вокруг не было посторонних, купец вынимал записную книжку и карманную буссоль.

Маскарад понадобился Кропоткину — вы, разумеется, уже давно догадались, что это был он — для того, чтобы посетить край, который по-настоящему не был известен науке. Но если бы офицер, да еще князь, появился вдруг на дорогах Маньчжурии, местные чиновники не дали бы его каравану ступить и шагу вглубь страны.

Кропоткин вспомнил свои успехи в любительских спектаклях, где ему особенно удавались роли молодых купцов в комедиях Островского. На этот раз играть надо было особенно хорошо: в случае провала «купцу» грозила поездка в клетке на спине верблюда через пустыню Гоби, если не что-нибудь похуже.

Все было сносно до тех пор, пока к каравану не прицепился какой-то странствующий старик-чиновник. Сначала он присматривался к русским, а потом напялил шапочку со стеклянным шариком — знаком власти — и потребовал паспорта.

Смотрел он их долго, придирчиво и с презрением. Ему казалось, что паспорта русских слишком малы; у самого чиновника грамота была в полметра длиной.

Пока Софронов спорил с упрямым чиновником, под руки Кропоткину, перебиравшему вещи, попал номер газеты «Московские ведомости», на которой изображался государственный герб. Не сойдет ли газета за паспорт? Кропоткин передал ее Софронову. Тот, живо смекнув, в чем дело, развернул газету и ткнул пальцем в герб.

— Неужели тут все про вас написано? — с ужасом спросил чиновник, разглядывая газетный лист.

— Да, все про нас, — ответил урядник.

Хотя чиновник проникся уважением к людям, о которых исписано столько бумаги, но на всякий случай потащился следом за караваном.

Произошло все это после того, как казаки сделали очень приятное для себя открытие. Пробираясь по грязной дороге между гольцами Хингана, они думали, что главный хребет еще впереди.

Но оказалось, что караван незаметно дошел до того места, откуда реки текли уже в Амур. Сказал об этом старый чиновник, который вылез из своей таратайки,

чтобы в знак благодарности горному духу привязать несколько конских волосков к священному знаку, сложенному из камней на перевале.

Кропоткин мог поздравить себя с первым открытием. Можно исправлять карты, на которых Большой Хинган изображается хребтом с высокими вершинами и глубокими ущельями. Это всего-навсего нагорье с пологими склонами.

А на другом нагорье, по дороге к Амуру, Кропоткин заметил конусообразную гору. Она походила на вулкан. Но Кропоткин отлично помнил утверждения многих ученых, что вулканы встречаются только в приморских местностях и что их деятельность имеет какую-то связь с морем, правда не очень еще ясную.

Однако ведь от этой странной горы до моря две тысячи километров! Кропоткин, остав от каравана, поехал к ней.

Это был давно потухший вулкан. Сохранились даже остатки лавы. Такие же срезанные конусы поднимались поодаль.

Значит, тут, в глубине материка, находится новая, неизвестная вулканическая область. Это открытие заставит кабинетных геологов пересмотреть многое в их теории происхождения вулканов.

Но как мучительно сознавать недостаточность своих знаний! Важно было бы определить строение окрестных гор. А как его определяют вообще, каким способом? Или горные породы... К сожалению, офицеров не учат, чем отличается шифер от гранита. И с растительностью не лучше. Как ее описывать? Срисовывать? Ведь купцы с собой не возят коллекции и гербарии...

Надо учиться, заполнять пробелы в образовании, больше читать. Читать каждую свободную минуту.

В начале июня караван вышел к Амуру. Казаки и «купец» переправились на русский берег. Кратчайший путь к великой реке был найден и разведан.

Кропоткин немало узнал о природе Маньчжурии, о ее населении. Теперь ему хотелось ближе познакомиться с трудолюбивым китайским народом. Он вспоминал, как брался в китайских деревеньках с веселыми земледельцами, курил скверный табак из их трубок, объяснялся жестами и всюду находил «анда» — друзей.

Вспоминал он и то, как новые друзья называли его на ломаном русском языке «топора парн» — добрый парень. И этот умный, деятельный народ угнетают иноземцы, угнетают «амбани» — начальники округов, купцы, бесчисленные мандарины — чиновники.

Вернувшись из экспедиции, Кропоткин решил продолжить начатое. Ему казалось обидным, что возле Амура лежит громадный край, известный не более, чем какая-нибудь африканская пустыня. Что знает, например, наука о долине реки Сунгари, текущей к Амуру из глубины Маньчжурии?

Можно представить, как обрадовался Кропоткин, получив назначение в экспедицию именно на Сунгари. Правда, его настроение несколько упало, когда он поднялся на борт крохотного, малосильного пароходика «Уссури», и особенно, когда он узнал, что экспедиция не имеет никакого оборудования для научной работы. Это показалось ему донельзя глупым.

Старый пароходик с угольной баржей едва преодолевал быстрые перекааты Сунгари. Кропоткин с шести часов утра занимал свое место на палубе, делая зарисовки, записывая температуру воды, определяя широту и долготу.

Он видел заливные луга, заросшие гигантской травой. Его занимала длинная вереница лодок, бойко шедших под парусами: это амурские нанайцы возвращались с ярмарки в городе Саньсине. Он наносил на карту деревни, прятавшиеся в тополевых рощах.

Чудесно плыть по незнакомой реке! Вот коса. Пароходик ткнулся в нее. Капитан бегаёт, чертыхается. Что за беда! Пока провозятся на мели, можно съездить на берег, набить сумку образцами горных пород, набрать пахучих растений.

Пыхтя, «Уссури» втискивается на заставленный джонками рейд городка Саньсиня. Тут — грязные закоулки, глинобитные лачуги, кумирни, множество чиновников и полицейских. Важный мандарин с красным шариком на шапочке велит разогнать жителей, собравшихся на берегу.

За скалистым ущельем — плоская равнина и на ней город Бодунэ с китайскими пагодами. Загнутые углы их крыш так красивы в желтом небе заката. Множество джонок окружает пароход: всем хочется посмотреть «огненную лодку» русских.

Опять гористые берега, на крутых склонах лепятся хутора. Из-за мыса появляется флотилия джонок, украшенных кусками яркожелтой и красной материи. С джонок машут шляпами, что-то громко и радостно кричат. Это китайские сплавщики, часто бывающие на Амуре; они — в давней дружбе с русскими.

В августе, когда желтеет пшеница и наливаются дикие яблоки, пароходик дотащился до большого города Гирина.

Маньчжурские власти по-своему приготовились к встрече русских. Полицейские кнутами и палками разогнали толпу, высыпавшую к реке. У того места, где пристал пароход, тотчас были поставлены четыре палатки с караульными. Купцы, заперев лавки и нацепив на себя старинные заржавленные мечи, разгуливали по пристани с самым воинственным видом. Населению города было запрещено не только продавать что-либо русским, но даже и разговаривать с ними.

Экспедиция поспешила покинуть Гирин — это гнездо маньчжурского чиновничества.

Вода в Сунгари быстро убывала, и пароход в самом начале обратного рейса сел на мель. Около ста китайцев принялись стаскивать его, работая жердями. Но люди действовали вразнобой, не дружно. Кропоткин соскочил в воду, схватил жердь и затанул «Дубинушку».

Китайцам понравилась песня. Они подхватили ее высокими голосами, враз налегая на жерди. Пароход вздрогнул, немного подвинулся и медленно сполз с мели.

Это происшествие помогло установить между русскими и китайцами самые лучшие отношения. Простые люди, ненавидевшие маньчжурские власти, которые драли с народа три шкуры, охотно братались с матросами и солдатами русского парохода.

Как-то уже перед выходом на Амур «Уссури» остановился на ночлег возле деревеньки, где не было ни одного чиновника, ни одного полицейского. Русских приняли здесь особенно радушно. При свете бумажных фонариков около кипящего чайника пошли разговоры о том, о сем.

«До какой степени ласков и любезен становится китаец, когда над ним не висит плеть маньчжурского чиновника... Поздно разошлись мы по домам, провожаемые китайцами с фонарями, и расстались друзьями. — что

никогда не удавалось в присутствии чиновничества», — отметил в этот вечер Кропоткин.

Когда его потом спрашивали, как он, не зная китайского языка, ухитрился оживленно болтать с крестьянами, Кропоткин отвечал:

— При помощи знаков. И, уверяю вас, отлично объяснялись. Решительно все народы понимают, что значит, если дружелюбно потрепать по плечу. Предложить друг другу табачку или огонька, чтобы закурить, — тоже очень понятное выражение дружеского чувства.

Сунгарийских крестьян особенно удивляло, что молодой русский носит длинную бороду. Ведь в Китае позволялось не брить подбородок только тем, кому исполнилось шестьдесят лет. Зачем же русскому такая борода?

Кропоткин сгребал бороду в горсть и начинал ее с аппетитом жевать: вот, мол, если нечего будет есть, то можно пропитаться таким способом. Китайцы от души хохотали...

За один год Кропоткину удалось пересечь Маньчжурию не только вдоль — через Хинган, но и поперек — по Сунгари. Впервые об этой стране были собраны обширные и достоверные сведения.

* * *

Редко бывает, чтобы человек, познавший радость научного открытия, не увлекся наукой. Обнаружив новую вулканическую область в центре материка и поколебав тем самым существовавшую теорию вулканизма, Кропоткин занялся другой крупной научной проблемой, связанной с историей Земли.

Взяв с собой проводника, он отправляется по звериным тропам в отроги Восточного Саяна. Он спит, подложив под голову седло, ест ржаные сухари, дрогнет у подножия «белков» — гор, покрытых снегами; с куском пылающей бересты спускается на веревке в обледенелую дыру подземной пещеры.

Он ищет подтверждений гипотезы, родившейся у него, и находит их.

Вершины гор чем-то сглажены. Сохранились глубокие борозды, напоминающие следы огромного плуга. Валяются груды валунов, перенесенных издалека какой-то неведомой силой. Кропоткин догадывается, что это за сила.

Но чтобы догадка превратилась в уверенность, нужно сто раз проверить ее, собрать тысячи неопровержимых фактов.

После короткой поездки на приток Амура, реку Уссури, где водятся тигры, по стволам кедров ползут лианы, а в лесах растут бархатное дерево и дикий виноград, Кропоткин стал готовиться к самой большой своей экспедиции.

Восточнее Байкала лежит горный Олекминско-Витимский край. Он отделяет Забайкалье от золотых приисков Лены. Несколько лет подряд экспедиции пытались найти через его хребты прямой путь к ленским притокам Олекме и Витиму.

Но никому не удавалось это. Разведчики возвращались ни с чем, а один из них погиб в тайге. Стали поговаривать, что через горы вообще нет пути, что хребты совершенно непроходимы.

Кропоткин, стремясь побывать еще в одном труднодоступном уголке Азии, сказал золотопромышленникам, что он берется найти прямую дорогу из Читы на Лену. Те согласились дать деньги на экспедицию.

Готовясь к походу, Кропоткин искал ошибки своих неудачливых предшественников. Как они снаряжались? Что брали с собой? Как выбирали маршрут?

Все экспедиции шли из Читы на север. В этом и был их главный промах. Надо, напротив, идти с севера на юг, из дикого края вечной мерзлоты в теплые, обжитые места. Ведь насколько легче, веселее шагать, когда знаешь, что за последним перевалом тебя ждет не угрюмая тайга, а дымок человеческого жилья, наваристые щи, душистый свежий хлеб.

На небольшой барке-паузке Кропоткин, увлекающийся зоологией и ботаникой учитель Поляков и опытный топограф Мошинский отправились весной 1866 года из селения Качуг вниз по Лене, к приискам, откуда экспедиция должна была пробиться на юг, к Чите.

Плыли они в половодье. Благоухала майская зелень. Словно канделябры, стояли на обрывах стройные лиственницы. Кропоткин по-мальчишески радовался весне, реке.

Ленские старожилы только диву давались, видя, как старик с бородой по пояс ловко и сильно орудует веслом, легко перепрыгивает с барки на берег без всякого трапа, лазает по скалам, стуча молотком. А «старику» едва исполнилось 24 года.

Темными ночами «старик» поднимал на лодке лай. Лаял он искусно, артистически, с подвываниями, и псы тотчас дружно откликались ему с берега, а лоцман узнавал по этой примете, где находится ближайшая деревня, неразличимая в темноте.

Недалеко от тех мест, где в Лену впадает Витим, экспедиция оставила барку и на верховых лошадях отправилась по таежной тропе к золотым приискам.

Тропа поднялась на высокое нагорье. В узких долинах шумели реки, холодком тянуло от их нарастающих наледей. Кропоткин излазил ближайшие гольцы, стараясь понять расположение хребтов, определяя барометром высоту, рассматривая обломки камней.

Все восемь дней пути через это Патомское нагорье молодой ученый — называть его так точнее, чем молодым офицером, — испытывал радостное волнение. Снова, как и во время прежних путешествий, он замечал множество валунов, каменные морены, борозды и царапины — одним словом, следы мощных ледников.

Но нигде не видел он морских отложений, никаких признаков того, что над нагорьем когда-либо, пусть даже в глубокой древности, плескалось море.

Значит, неправ английский геолог Лайел, утверждавший, будто валуны, которые встречаются во многих равнинных местах Европы и Азии, были занесены с гор на льдинах, плававших по некогда существовавшему огромному морю. Когда эти льдины таяли, то камни якобы падали на дно. Потом море отступило, и валуны, принесенные им, остались даже там, где поблизости нет никаких гор.

Теперь Кропоткин собрал достаточно доказательств, для того чтобы утверждать: в эпоху, предшествующую нашей, не моря, а ледники покрывали значительную часть Европы и Азии. Они принесли камни, сгладили холмы и долины, пробороzdили землю вмерзшими в лед острыми обломками. В истории Земли был ледниковый период!

К таким выводам пришел Кропоткин, и в этом была одна из крупнейших его заслуг перед наукой. Именно ему удалось рассеять господствовавшие тогда ложные представления и правильное других подойти к пониманию прошлого Земли.

Миновав Патомское нагорье, экспедиция вышла к Тихонозодонскому прииску, где сделала остановку. Кро-

поткина поразили ужасающая нищета приисковых рабочих и разнузданная роскошь «маслопузов» — владельцев приисков. «Вот где вдоволь можно каждый день насмотреться на порабощение рабочего капиталом... — написал он брату и добавил: — Только та деятельность, которая направлена либо на прямой подрыв капитала, либо на расширение способов к его подрыву и увеличению жаждущих его подрыва, — только эта деятельность и должна бы, по-моему, быть полезною, следовательно и нравственною в настоящее время...»

Перед выходом в хребты Кропоткину попадаете странная карта. Она нарисована не на бумаге, нет! Это кусок бересты, на котором острием ножа вырезаны извивы рек. Составлял карту не ученый-географ, а неизвестный таежный следопыт, охотник из племени эвенков.

Кропоткин чрезвычайно обрадовался находке.

— Эта берестяная карта совершенно правдоподобна, — убеждал он топографа Мошинского. — Мы вполне можем ей довериться и выбрать путь.

— Но, Петр Алексеевич, откуда же ваш эвенк знает картографию? — ворчал Мошинский.

— Любо́й эвенк заткнет нас с вами со всеми нашими

инструментами за пояс умением ориентироваться на местности. Видите ветвистые линии? Это вот Витим, а это его приток Муя. К ней мы и выйдем.

— Решайте сами, — пожал плечами Мошинский.

В начале июля рабочие приисков проводили караван.

Только теперь, на четвертый год своей жизни и приключений в Сибири, Кропоткин понял по-настоящему, что такое тайга. Никакой тропы не было — лишь надломленные кое-где ветки да заплывшие смолой затески, сделанные топором. По ним проводник и вел караван.

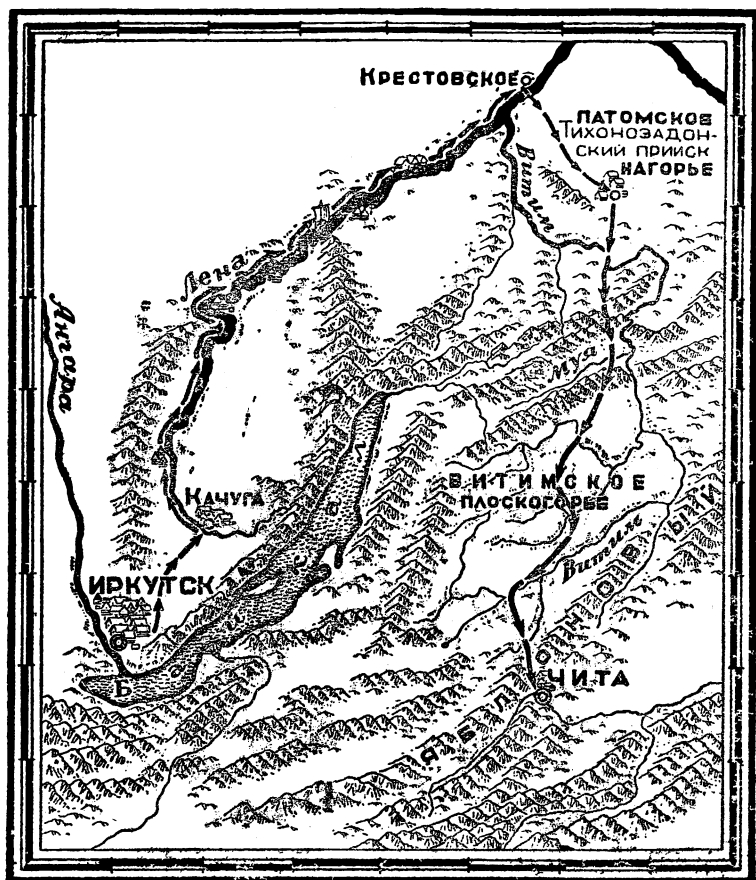
Следов на мягком мху не оставалось, и всадник, замешкавшийся и отставший, полагался только на чутье лошади. Он бросал поводья, слезал с седла и плелся, держась за хвост коня, догонявшего караван.

Направление держали по компасу. Когда сквозь заросли и бурелом прорубаться топорами становилось невозможно, Кропоткин поворачивал к гольцам, покрытым то желтыми пятнами лишайников, то ослепительным снегом. Лошади скользили по осыпям, расцарапывали бока о бурелом. «В такой тайге не водятся даже животные и птицы, — записывает Кропоткин. — Слабый звук выстрела звучит чем-то чужим среди этого безмолвного царства каменных масс. Самая буря не в силах поднять здесь шум, и безмолвный ветер давит, теснит своим напором, беззвучно леденит кровь в жилах случайно забредшего сюда человека».

Медленно идет караван. Проводник часто останавливается, присматривается к деревьям, к гольцам, что-то бормочет. Двадцать лет назад он проходил здесь. Но тогда и он был помоложе и деревья пониже...

Кропоткин шагает за проводником, выламывая образцы горных пород, зарисовывая очертания гор. Поляков смотрит, нет ли птиц, нагибается к траве. Топограф ведет съемку пути, ворча на комаров и мошек. Он не очень верит, что каравану удастся пробраться в Читу. Конюхи тоже ворчат и даже поговаривают между собой о том, чтобы бросить все и идти к Витиму, а там на плоту спуститься к Лене.

Было еще ничего, пока держалась ясная погода. Но вот полили дожди: скользко, мокро, костер шипит; пока разожжешь — намучаешься. На гольцах ночевать было холодно, и поэтому палатки ставили обычно в падах, у речек.

В злополучный вечер лагерь разбили на береговом откосе. Далеко за полночь Кропоткин проснулся от криков: — Спасайся! Тонем!

Он выскочил из палатки — и очутился по колено в воде.

— Братцы, провизию на гору! Без нее — смерти!

Его едва расслышали. Речка — впрочем, это была уже не речка, а горный поток — шумела так, что только очень уставшие люди могли проспать до тех пор, пока вода не подмочила их ложе. Костер залило, было темно и жутко.

Скользя по глинистому откосу, Кропоткин поволок наверх тяжелую суму с сухарями. Тогда взялись за дело и оробевшие было конюхи. Едва сняли палатки, как чернильно-темные водовороты закружились на том месте, где стоял лагерь.

Прорвала ли где река плотину из древесных стволов — лесной завал, переполнились ли от дождей питающие ее болота — кто знает... Во всяком случае, замешкайся люди — и вода унесла бы провиант. А тогда — голодная смерть в тайге, где только эхо может подхватить крик о помощи.

Берестяная карта не обманула. Еще через несколько дней, особенно тяжелых потому, что и люди и лошади уже едва волочили ноги, а хребет упрямо тянулся вверх, караван вдруг оказался перед той самой долиной реки Муя, которая была нацарапана на карте.

Кропоткин едва верил глазам. Защищенный от холодных ветров мрачными Делюн-Уранским и Северо-Муйским хребтами, только что пересеченными экспедицией, внизу лежал радостный и светлый мир.

Зеленели луга. Густые заросли черемухи, березовые рощи, сосновые боры, полянки, голубые от цветущей полевой герани, пение птиц — все это казалось необычайным, почти сказочным после безмолвия и гнетущего однообразия тайги на хребтах.

Совсем был бы хорош для отдыха зеленый оазис, если бы не гнус и не беспокойство о том, что ждет экспедицию дальше, за хребтом, прикрывавшим Муйскую долину с юга.

А за этим хребтом, который Кропоткин назвал Южно-Муйским, началось огромное плоскогорье, омываемое Витимом и его притоками. Тут Кропоткин окончательно убедился в ошибке знаменитого немецкого натуралиста Гумбольдта, утверждавшего, будто все горы Азии тянутся с запада на восток или с севера на юг. Открытые Кропоткиным Делюн-Уранский, Северо-Муйский и Южно-Муйский хребты тянулись с юго-запада на северо-восток. Кроме того, тут стелились громадные плоскогорья, не обозначенные на картах Сибири и никак не вяжущиеся с теорией Гумбольдта. Теперь Кропоткин мог выступить с научно обоснованными предположениями по поводу действительного, а не мнимого, сочиненного в кабинетах, рельефа этой части Азии.

Осенью 1866 года по улицам Читы прошел караван лошадей, нагруженных выюками с образцами камней, с чучелами птиц, с папками гербариев. Рядом шли загорелые, обросшие люди в таких стоптанных сапогах и таких рваных костюмах, какие можно было увидеть разве только на нищих, толпящихся у церковных дверей. И, уж конечно, ни один читинец не поверил бы, что разбойничьего вида бородач с ножом у пояса — это и есть молодой князь Кропоткин, который, по слухам, погиб где-то на севере, пробираясь с золотых приисков к Чите.

За Олекминско-Витимскую экспедицию — последнюю крупную экспедицию Кропоткина в Сибири — Географическое общество присудило ему золотую медаль. Выдвинутые молодым ученым теории вызвали такой интерес и одобрение, что он был избран секретарем отделения физической географии этого общества.

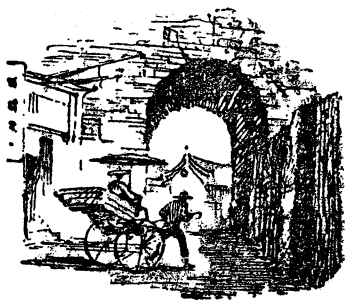
«Пять лет, проведенные мною в Сибири, были для меня настоящей школой изучения жизни и человеческого характера, — писал впоследствии Кропоткин. — Мои продолжительные путешествия на перекладных, на пароходах, в лодках, а главным образом верхом на лошади удивительно закалили мое здоровье. Путешествия научили меня также тому, как мало в действительности нужно человеку, когда он выходит из зачарованного круга условной цивилизации. С несколькими фунтами хлеба и маленьким запасом чая в переметных сумках, с котелком и топором у седла, с кошмой под седлом, чтобы покрыть ею постель из свеженарезанного листвяка, человек чувствует себя удивительно независимым даже среди неизвестных гор, густо поросших лесом или же покрытых глубоким снегом...»

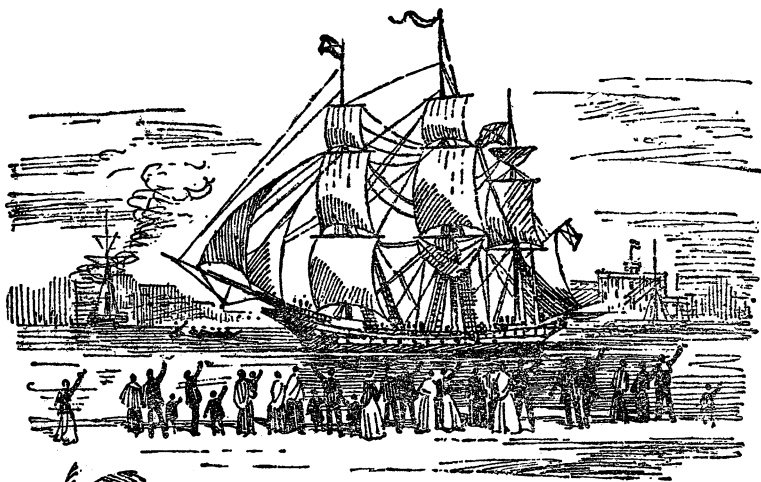
Кропоткин прошел, проехал и проплыл в Сибири семьдесят тысяч километров — другими словами, проделал путь, почти равный двум путешествиям вокруг земного шара вблизи экватора.

После возвращения в Петербург бесстрашный путешественник и создатель теорий, выдвинувших его в ряды крупнейших географов мира, решил бросить науку ради борьбы с царизмом. Тогда царь лично распорядился заточить Кропоткина в каземат Петропавловской крепости, намереваясь сгноить его там. Но арестант дерзко бежал оттуда и до революции вынужден был жить вдали от родины.

Научные заслуги Кропоткина не ограничиваются тем, что он сделал в Сибири. Изучая, например, движение арктических льдов и направление течений, он теоретически открыл существование большого острова или архипелага к северу от Новой Земли и просил Русское географическое общество отправить туда экспедицию. Министерство финансов не дало для этого денег. А через два года в Арктику отправились австрийцы. Они достигли теоретически открытой Кропоткиным земли и дали ей имя Франца-Иосифа...

Но если бы даже после своих сибирских путешествий и сделанных во время их открытий Петр Алексеевич Кропоткин не совершил бы более ничего выдающегося, то и тогда его имя осталось бы украшением отечественной и мировой науки.

КУРС — ВОКРУГ СВЕТА

Книгу эту вы, конечно, знаете. Парусный корабль на ее обложке несется куда-то вдаль, обещая читателю встречи со штормами, стоянки у берегов чужих стран, знакомство с чудесами тропических морей и многое-многое...

Этой книге редко приходится отдыхать на библиотечной полке. Уже не одно поколение читателей наслаждается увлекательным повествованием о дальнем плавании русских моряков. «Фрегат Паллада» — горят золотые буквы на переплете книги, написанной почти сто лет назад Иваном Александровичем Гончаровым.

Живые впечатления, яркие картины природы, меткие зарисовки нравов различных народов пленяют читателя с первых глав «Фрегата Паллады», и не без сожаления перевертывает он последнюю страницу.

Вы, вероятно, уже читали, а если не читали, то непременно прочтите эту прекрасную книгу. Здесь мы не собираемся ее пересказывать, а лишь дополним описание путешествия, талантливо сделанное писателем, тем, что стало известно из неопубликованных писем, воспоминаний дру-

зей, отчетов морского ведомства уже много лет спустя после выхода в свет «Фрегата Паллады». Коротко расскажем и о том, как создавалась сама книга.

Вы увидите, что в действительности плавание «Паллады» было гораздо более трудным, чем это описано в книге. Гончаров отличался исключительной скромностью. Он боялся, что описание всех опасностей плавания невольно может представить в героическом свете и самого автора. Он все время посмеивается над собой, изображая себя таким изнеженным, избалованным баринном, недовольным тем, что его лишили привычных удобств и покоя.

«Между моряками, — пишет он, — зевая, апатически, лениво смотрит в «безбрежную даль» океана литератор, помышляя о том, хороши ли гостиницы в Бразилии, есть ли прачки на Сандвичевых островах, на чем ездят в Австралии».

Нет, не таким был автор «Фрегата Паллады», и совсем не так уж много заботился он о своих удобствах...

* * *

Летом 1852 года в Петербурге много толковали об экспедиции вице-адмирала Путятина, которая должна была отправиться в кругосветное плавание и посетить берега Японии.

Однажды разговор об этом зашел и в доме известного художника Майкова. С семьей Майковых Иван Александрович Гончаров дружил давно и прочно. Он проводил вечера в их уютной гостиной, где часто собирались поэты и художники. На этот раз были только свои. Хозяйка дома, рассказывая о предстоящей экспедиции, заметила, между прочим, что адмирал ищет секретаря, который мог бы потом описать все путешествие.

— Вот вам бы предложить! — со смехом сказала она, обращаясь к Гончарову, по обыкновению спокойно сидевшему в глубоком кресле.

— Мне? Что ж, я бы принял это предложение, — ответил тот.

Все рассмеялись, а минуту спустя уже забыли об этом разговоре.

Но через несколько дней среди друзей Гончарова распространилось изумившее их известие: Иван Александрович действительно собирается путешествовать вокруг све-

та и хлопочет, чтобы его назначили секретарем экспедиции.

Кругосветное плавание — да ведь это разлука с родной, с близкими года на два, а то и на три! А опасности? А лишения? Как смирится с ними человек, за сорок лет своей жизни не совершивший ни одной большой поездки хотя бы по родной стране? И не он ли говорил о себе, что свою спокойную комнату оставляет только в случае крайней надобности и всегда с сожалением? Наконец, ведь Иван Александрович после «Обыкновенной истории» задумал написать еще два романа и уже давно работает над одним из них. Значит, бросить и это?

Гончаров и сам как будто был не очень тверд в своем намерении. Да, в море ему будет трудно. И ответственность ведь большая: надо потом рассказать о плавании, рассказать так, чтобы было много поэзии, огня, красок. Сомнения в своих силах не давали ему покоя. И все же он решил ехать.

— Я давно мечтал о таком путешествии, — говорил он. — Может быть, с той минуты, когда учитель сказал, что если ехать от какой-нибудь точки безостановочно, то воротиться к ней с другой стороны. Мне захотелось поехать с правого берега Волги, на котором я родился, и воротиться с левого. Захотелось побывать там, где учитель показывал на карте экватор, полюсы, тропики... И вдруг теперь неожиданно воскресли мечты, вспомнились давно забытые кругосветные герои. Вдруг и я вслед за ними могу отправиться вокруг света! Все мечты и надежды юности — нет, сама юность воротилась ко мне!

И писатель вспоминал родной Симбирск, где яблоневые сады спускаются по крутому склону к Волге. Вспоминался ему каменный дом, двор, заросший травой, и флигель, где жил на покое старый моряк Трегубов. Как чудесно было забраться к нему в кабинет, потрогать компас, секстант, хронометр! А старик, который души не чаял в своем маленьком любимце, сажал Ваню на колени и начинал нескончаемый рассказ о скитаниях по белу свету.

Научив Ваню грамоте, он давал ему книжки о путешествиях. Ваня шагал по Камчатской земле вместе с Крашенинниковым, плавал в лазурных морях на корабле Кука, брел с караваном Мунго-Парка по Африке.

— Этакий клопик, а точит книжку за книжкой! —

удивлялся и радовался старый моряк. Потом добавлял со вздохом: — Эх, Ваня, вот если бы ты, как подрастешь, сделал хоть четыре морские кампании — то-то порадовал бы меня!

А мальчику грезились синие дали и белые паруса, тропические пальмы и свирепый рев шторма.

Вот тогда-то и зародилась у него в душе мечта о море. Трегубов не давал угаснуть этой искорке. Когда Ваня превратился в подростка, моряк занялся с ним географией, астрономией, морской навигацией. Иной раз старик вдруг начинал жаловаться мальчику на то, что мир устроен не совсем справедливо. Был Трегубов знаком со многими декабристами и в свой крепостнический век мог считаться человеком передовым, свободомыслящим.

Впервые попав в Петербург, воспитанник старого моряка прежде всего поспешил в Кронштадт, к морю. Он полюбил прогулки по набережным столицы, где можно смотреть на корабли, вдыхая запах смолы и пеньковых канатов. И не раз от него слышали в департаменте внешней торговли, куда он поступил переводчиком, что не зная петербургскому жителю, где палуба, мачты, реи, трюм, корма, нос корабля, не совсем позволительно...

Можно ли после всего этого удивляться, что в октябре 1852 года писатель, бросив службу в наскучивших ему стенах, бросив привычный дом, работу над «Обломовым», поднялся по трапу фрегата «Паллады», готового к отплытию в далекие страны! Он осуществлял свою давнюю мечту — что может быть естественнее и вместе с тем завиднее этого!

«Паллада» ушла в желтые бурные воды, в царство серых облаков, дождя и снега — в просторы осенней Балтики. Плавание началось так, что впервые попавший в море писатель не мог не задуматься над тем, посильно ли ему такое путешествие.

В первый же день, сорвавшись с мачты, упал в воду матрос. Несчастный плыл некоторое время за кораблем, который не мог ни остановиться, ни быстро повернуть. Спустя несколько дней в просмоленных мешках опустили в море тела трех матросов, умерших от занесенной на корабль холеры.

По ночам Гончаров прислушивался к отдаленным пушечным выстрелам: то зывали о помощи гибнущие в шторм корабли. Не раз видели с «Паллады» остовы раз-

битых бурей судов. Мысль о судьбе их команд заставляла тревожно сжиматься сердца моряков: ведь «Паллада» была хотя и красивым, но старым судном. После первых же штормов на корабле открылась течь.

К скалистым берегам Англии корабль долго не пускал встречный ветер, и крепостные стены Портсмута появились перед ним только в середине ноября.

Первый морской переход Гончаров перенес тяжело, хотя и оказался почти неуязвимым для морской болезни. Он даже подумывал о возвращении из Англии домой, в Петербург, но подавил в себе малодушие.

Пока «Палладу» ремонтировали в Портсмуте, Гончаров поехал в Лондон. В его письмах друзьям — ярких, подробных — рисуются картины зарубежной жизни.

Лондон показался писателю поучительным, но скучноватым городом, особенно по вечерам, когда смолкает деловая жизнь. Гончаров осмотрел великолепные лондонские музеи и национальные памятники. Его восхитил древний собор Вестминстерского аббатства с белыми памятниками великих людей. Писатель заглядывал в магазины, на рынки, ходил по узким улочкам предместий, стоял часами на перекрестках, наблюдая жизнь народа, вглядываясь, вдумываясь в нее.

Дважды побывал Гончаров на берегу Темзы, но непроницаемые пары тумана, которыми так часто окутан Лондон, мешали ему полюбоваться рекой. Наконец дохнул ветер — и Темза явилась во всем своем некрасивом наряде, обстроенная кирпичными неопрятными зданиями. Но сколько судов сновало по ней!

От писателя не укрылись многие теневые стороны английской столицы.

Описывая Лондон друзьям, он упомянул, что «воров числится там несколько десятков тысяч, даже ими, как товарами, снабжается континент...» Гончаров видел упитанных джентльменов, которые красноречиво говорят на всех перекрестках о процветании нации в то время, как «от бедности гибнут не только отдельные лица, семейства, но и целые страны под английским управлением».

В Лондоне побывали некоторые офицеры «Паллады». Гончаров разговорился с Константином Посъетом, к которому чувствовал расположение. Тот назвал Лондон всемирным базаром.

— Да, центр всемирной торговли, — согласился Гонча-

ров. — Говорят, в Лондоне до двух миллионов жителей. А жизни, ее бурного брожения, незаметно. Торговля видна, а жизни нет.

— И благоденствие в Англии наружное, только в высших слоях населения, — добавил Посьет. — А посмотрите-ка на остальных, на народ. Люди тощи, бледножелты, нечесаны и грязны. Нет, что ни говорите, а за туманами, прикрывающими эти острова, за шумом, что отсюда исходит, нам не слышны стоны овец, которых стригут и щиплют корыстолюбцы. До нас же доходят одни громкие парламентские речи этих корыстолюбцев.

Вестового Гончарова, веселого костромича Фаддеева, больше всего удивляли на улицах солдаты в коротких клетчатых юбочках.

— Королева рассердилась, штанов не дала! — смеялся он, указывая на голые ноги солдат.

Покинув Портсмут в январе 1853 года, фрегат вышел в Атлантический океан. Тут «Паллада» попала в тот памятный морякам шторм, который в одну ночь покрыл трупами и обломками кораблей южные и западные берега Англии. Огромные водяные холмы с белым гребнем, толкая друг друга, вставали, падали, опять вставали, как будто в остервенении дралась толпа выпущенных на волю бешеных зверей.

Холод и свирепая качка почти не прекращались, пока фрегат шел мимо берегов Франции, Испании, Португалии.

Работа у Гончарова не клеилась. Чтобы путешествовать с наслаждением и пользой, надо пожить в стране и хоть немного слить свою жизнь с жизнью народа, который хочешь узнать. Тут появится параллель между своим и чужим, между знакомым и новым. А ведь она и есть искомый результат для путешествующего литератора. Но легко сказать: слиться с народом, когда живешь на корабле, нигде подолгу не задерживаясь!

И как мучительно трудно писать... В каюте, куда свет проникает через иллюминатор величиной чуть не в яблоко, сыро, отовсюду дует, хоть тулуп надевай. Дохнёшь — и точно струю дыма пустишь из трубки. Задумаешься над фразой, которую пишешь, но тут волна так потрянет, что цепляйся скорее за шкаф или стену, а то полетишь. Трудно, тяжело, а все же хочется дальше, дальше...

Но вот Европа осталась за кормой. Из внезапно успо-

коившегося океана показался скалистый остров. Самая высокая его вершина искрилась снежной шапкой. На склонах зеленели леса и виноградники.

Корабль был еще далеко от берега, а оттуда уже веяло теплым воздухом, напоенным ароматами ананасов и гвоздики. Это была Мадейра.

Воздух Мадейры напомнил Гончарову свежесть и прохладу волжского воздуха, который пьешь, как чистойшую ключевую воду.

Но что это? На цветущем солнечном берегу, под олеандрами, три фигурки в черных костюмах — точь-в-точь такие, каких Гончаров насмотрелся в деловых кварталах Лондона. Опираясь на зонтики, они повелительно смотрят на море, на виноградники, на то, как смуглолицые жители юга обрабатывают землю. И здесь все принадлежит им, и здесь они повелевают...

Скорее прочь от них, в горы, где так вольно дышится среди виноградников, откуда бесконечно далеко вокруг виден синий океан. Как прекрасна жизнь, между прочим, и потому, что человек может путешествовать!

Но стоянка у Мадейры коротка, и вот уже занавес облаков скрывает очертания острова.

В конце января «Паллада» пересекла северный тропик. «Хорошо, только ничего особенного: так же, как и у нас в хороший летний день», — сообщил Гончаров петербургским друзьям свои первые впечатления от плавания в тропиках. Чудесная картина позлащенного солнцем Финского залива возникает в письме под его пером, и он добавляет: «Нужно ли вам поэзии, ярких особенностей природы — не ходите за ними в тропики».

Странное ощущение не покидало Гончарова: все окружающее имело для него не столько прелесть новизны, сколько прелесть воспоминаний. Он словно проходил теперь практически уроки географии, видел то, что было знакомо ему с детства, но потом как-то угасло в памяти.

Вот и эти острова Зеленого Мыса, словно красноватые каменистые глыбы, рассеянные по горизонту. Все здесь выжжено беспощадным зноем и кажется погруженным в вечный сон среди водяной пустыни. Он много читал об этих островах. Корабли всегда старались поскорее проскользнуть мимо них, чтобы не попасть в штиль, когда вдруг никнут ставшие ненужными паруса.

Да, штили, а не бури ужасали капитанов парусных

судов в тропических водах. О полосе безветрия, опоясывающей экватор, говорили еще старинные морские книги. Они рассказывали и о драмах на неподвижных кораблях, палимых отвесными всеиссушающими лучами. Истошались запасы продовольствия, кончалась пресная вода, и матросы умирали, посылая проклятия солнцу экватора.

И «Паллада» попала в штиль. Паруса обвисли. Слово расплавленный металл, лежал океан — ослепительный, величественный и неподвижный.

Воспользовавшись легким пассатом, «Паллада» кое-как пересекла экватор, оказалась в Южном полушарии — и тут почти замерла на месте. Это было тем более тягостно, что корабль находился в океане уже сорок суток.

Пользуясь затишьем, матросы, среди которых были мастера на все руки, шили белье, тачали сапоги. В безмятежной тишине далеко разносились удары молота по наковальне и кукареканье судовых петухов. Стоило закрыть глаза — и казалось, что дело происходит где-то у деревенской кузницы. Но стаи летучих рыб и акула, появившаяся вдруг из глубин океана около спущенного в воду паруса, на котором купались матросы, напоминали о том, как бесконечно далеко был фрегат от родных берегов.

Подошла масленица. Там, в России, лихо мчатся по морозцу тройки, тут семь потов от жары сходит. Но матросы все же устроили себе масленичное катанье. Не беда, что нет троек! Глядь — и понеслись верхом друг над другом по палубе и молодые и усачи с проседью.

Гончаров в дни затишья много и усердно работал. Время теперь летело для него с невероятной быстротой. Ведь он был на корабле не гостем, не пассажиром, а секретарем экспедиции. Ему приходилось вести подробный путевой журнал и заниматься служебной перепиской. Кроме того, по просьбе адмирала он преподавал словесность младшим офицерам. Наконец, массу времени отнимали заметки для будущей книги.

Гончаров всегда был строг и требователен к себе, старался отделять, отшлифовывать каждую фразу. Он уже жалел, что в начале путешествия писал огромные, подробные письма, вместо того чтобы сразу заняться работой над книгой. Он решил непременно попросить друзей, чтобы те сохраняли письма: быть может, пригодятся. И они действительногодились, сделавшись основой некоторых глав книги.

Долго держал «Палладу» штиль, но вот наконец по океану пробежала рябь. Вскоре ветер уже свистел в снастях и нес корабль к мысу Доброй Надежды, к крайней южной оконечности Африки, где на рубеже Атлантического и Индийского океанов идет вечная борьба воды, ветра и камня, где часты штормы и бури.

Загрели якорные цепи. «Паллада» качалась на волнах у черных скал, напоминающих стены огромной крепости. Стоянка здесь ожидалась длительная: корабль снова нуждался в ремонте. Адмирал Путятин жаловался в Петербург: «...качества фрегата оказались весьма неудовлетворительными», и просил заменить «Палладу» новым судном.

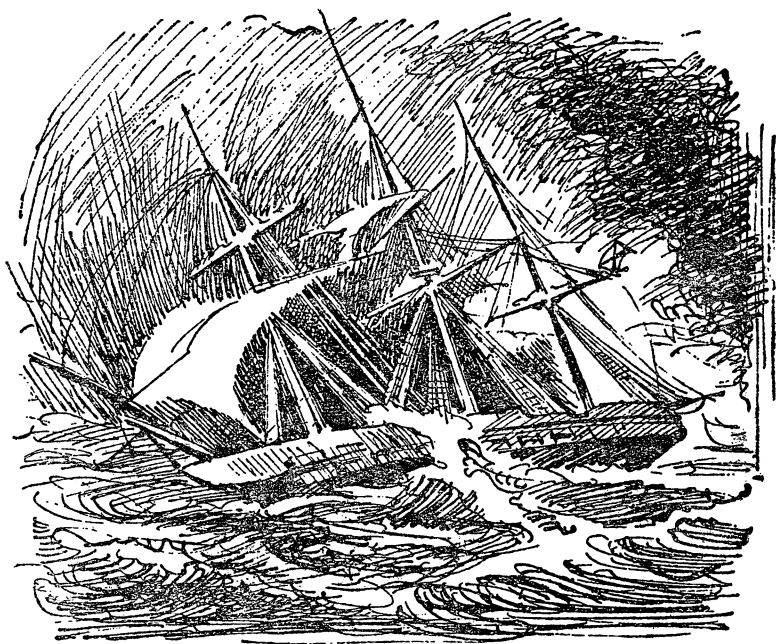
Казалось бы, Гончаров мог наслаждаться на стоянке покоем и отдыхом. Но нет, чувство долга перед своими будущими читателями заставило его отправиться в утомительную научную экскурсию по Южной Африке.

Он побывал в Кейптауне и ближе узнал жизнь одной из английских колоний, где племена кафров, плохо вооруженные, не раз преданные своими князьками, продолжали упорную борьбу с притеснителями. Он увидел, что с коренными жителями Африки здесь считаются не более, чем с рабочим скотом, вытесняют их вглубь страны.

Гончаров замечает, что колонизаторы «носятся со своей гордостью, как курица с яйцом, и кудахтают на весь мир о своих успехах», забывая, какими темными средствами удалось им приобрести права на чужой почве. Ведь даже в годы войны в Африке дух торгашества оказался превыше всего: кафры приобретали оружие и порох от... английских купцов, наживавшихся на крови своих солдат.

Во время экскурсии по Африке Гончаров собрал немало исторических, географических и статистических сведений. Они составили интересный очерк малоизвестной тогда страны. Этот очерк стал потом главой книги.

Но вот «Паллада» покинула мыс Доброй Надежды. Это название дал мысу один из португальских королей, лелеявший надежду на открытие более короткого пути в сказочную Индию. Едва фрегат вошел в Индийский океан, как жестокий шторм набросился на него со всей силой, и нельзя было не согласиться, что мореплавателю Диас гораздо удачнее назвал южную оконечность африканского материка: мысом Бурь.

Молнии, блиставшие в ночном мраке, озаряли ключья пены, воду на палубе, толпы матросов, тянувших снасти. Капитан фрегата Иван Семенович Унковский позвал Гончарова полюбоваться зрелищем разбушевавшейся стихии:

— Какова картина?

— Безобразие, беспорядок! — отвечал Гончаров и ушел в каюту.

Эту фразу многие не хотели ему простить. Так, мол, отзываться о грозной стихии мог только Обломов. Но ведь шторм уже не был в диковину писателю. Он видел не только блеск молний, но и тяжелый труд моряков, борющихся со стихией, знал, что после шторма долго придется приводить корабль в порядок. Наконец, шторм мешал работе Гончарова. Так почему же он должен был восхищаться волнами, неистово бьющими корабль?

Кстати сказать, Гончаров вообще терпеть не мог громких фраз, преувеличенных восторгов и торжественных речей. Вся жизнь он избегал парадных обедов, юбилеев,

и когда однажды его собрались было чествовать, он пообещал удрать куда глаза глядят и оставить собравшихся без «виновника торжества».

И знали ли люди, упрекавшие Гончарова в том, что он не увидел «поэзии бури», о последствиях шторма у мыса Доброй Надежды? А ведь на фрегате после этого в десятках мест началась течь. Надводные части его корпуса расшатались настолько, что пришлось изменить маршрут и идти не прямо через океан, а со стоянками в попутных портах. Сырость и плесень в каютах, появившиеся после шторма, вызвали тропические болезни, и долго еще жизнь на корабле не могла войти в привычную колею.

Плавание фрегата в Индийском океане продолжалось месяц. На этот раз после пересечения южного тропика корабль вступил отнюдь не в безмятежное царство вечно-го лета и голубого неба. Тропики бывают разные. Ветры чередовались здесь с ливнями, когда тяжелые потоки воды низвергались вдруг с потемневшего неба.

Настоящая тропическая жара встретила «Палладу» уже недалеко от Зондского пролива, к которому направлялся корабль. Не приносили прохлады даже ночи, когда небо млело от жары и яркие метеоры чертили по нему свой след.

Однажды на рассвете раздалась команда:

— Зарядить пушку ядром!

Недалеко от корабля в море двигался какой-то черный крутящийся столб. С неба, из облака, тянулась к нему узкая полоса.

— Готова ли пушка? — крикнул вахтенный офицер, наблюдая за приближением зловещего столба.

Но тут столб рассыпался, растаял. Это был смерч — явление, свойственное и песчаным пустыням и океанским просторам. Он образуется при быстром вихревом движении вверх сильно нагретого воздуха. Эта крутящаяся воздушная воронка захватывает с собой песок или воду.

Иногда смерч движется медленно, иногда — со скоростью поезда. Корабли стараются избежать встречи со смерчем; если же судну нельзя свернуть в сторону, то судовые артиллеристы бьют по водяному столбу из пушек, и он падает, рассыпается, проливаясь обильным дождем.

Но вот и Зондский пролив, вот и гавань на острове Ява, где берег окаймлен кокосовыми пальмами, а дальше

начинаются девственные леса, ночами горящие миллионами бледнозеленых огней: то светятся насекомые.

А после Явы—Сингапур, маленький островок у южной оконечности Малаккского полуострова, где шумит большой порт и где среди торговых судов скрываются пираты южных морей. Здесь писатель попадает в царство вечного, беспощадно знойного лета. Его глаз, привыкший к необозримым полям ржи, видит сахарный тростник и рис, рощи бананов, кокосовые пальмы, ананасы. Он — на родине перца, пряных кореньев, слонов, тигров, змей...

Но Сингапур Гончаров оставил без сожаления и признавался, что если когда-либо возвратится туда, то делает это без удовольствия. Немало огорчений принесла ему лихорадка, которой он заболел в Сингапуре: дел — множество, записи в путевом журнале отстают от событий, а тут валяйся на постели...

Больного навещали Посьет, капитан Унковский и тринадцатилетний сын знаменитого открывателя Антарктиды, адмирала Михаила Петровича Лазарева. Гончаров был застенчив и не скоро сходиллся с людьми. Молчаливый в большом обществе, он оживлялся в кружке друзей. Унковский, ученик Лазарева, был отличным моряком; Посьет, лишь немного уступая ему в знании моря, отличался отзывчивостью к людям и во многом разделял взгляды Гончарова. Что касается Миши Лазарева, плававшего на фрегате юнкером, то он был страстным музыкантом, и Гончаров любил слушать его игру на фортепьяно.

Трудно складывались у Гончарова отношения с адмиралом Путятиным. Это был религиозный ханжа, замучивший команду богослужениями. На каждой стоянке «Палладу» навещали всевозможные миссионеры, монахи, пасторы, и Гончаров жаловался, что корабль «одолели попы».

Набожность уживалась у Путятина с вспышками дикого самодурства. Так, однажды адмирал приказал свистать всех наверх, для того чтобы изловить и выбросить за борт шаловливую обезьянку Яшку, которая осмелилась запустить лапу в адмиральские волосы. Нелегко было служить секретарем у такого человека.

В середине июня 1853 года «Паллада» появилась на рейде Гонконга. Этот островок, где, казалось, не было ничего, кроме песка и камня, стал очень важным пере-

крестком морских дорог. Англия вынудила Китай уступить ей Гонконг. Китайцам, по выражению Гончарова, и не грезилось, «во что превратят камень рыжие варвары. Еще менее грезилось, что они же, китайцы, своими руками и на свою шею будут обтесывать эти камни, складывать в стены, в брустверы, ставить пушки».

Едва фрегат покинул Гонконг, как стали чувствоваться какие-то перемены: то пронеслись черные облака, то налетал кратковременный шквал. В ночь на 9 июля, когда «Паллада» вышла уже в Тихий океан, погода стала портиться. Зловещая багряная заря потухла на небе. Подул ветер, который крепчал с каждой минутой. Приближался тайфун — страшный ураган восточных морей.

В два часа ночи, кроме вахтенных матросов, были вызваны на палубу и подвахтенные. Надо было брать рифы — уменьшать площадь парусов. На рассвете взяли последний риф. Теперь на палубе находилась уже вся команда корабля. Никто и не думал о сне.

Ветер срывал вершины волн и носил над океаном облака фосфорически светящейся водяной пыли. Фрегат то падал в бездну, то вздымался над волнами. Трещали шлюпки, вода перекачивалась через борт, горизонт скрылся в серой пыли. Небо стало совсем черным. А барометр продолжал падать...

Матросы крепили орудия, чтобы их не смыло за борт. Боковая качка стала невыносимой, люди едва держались на ногах; от страшного напряжения лопались снасти.

К вечеру рев урагана заглушал уже все звуки. Тайфун рвал в клочья последние паруса. Уже сутки матросы не отходили от помп, отливая воду. Но самое худшее было впереди.

В семь часов вечера разнесся тревожный слух: зашаталась, грозя рухнуть, огромная, весившая сотни пудов, грот-мачта. Если бы это случилось — гибель корабля стала бы почти неизбежной.

Гончаров был наверху, когда командир вызвал добровольцев крепить мачту. Лейтенант Савич и большая группа матросов тотчас же бросились к вантам, чтобы с помощью блоков и канатов сделать дополнительное крепление.

Савич, выпачканный, оборванный, с сияющими глазами, летал повсюду. Матросы, облепившие ванты, крутившие веревки и стучавшие деревянными молотками на

страшной высоте, под порывами урагана, снизу казались не больше мух. Тяжелый крюк сорвался и раздробил голову одному из смельчаков. Хлынула кровь, тотчас смытая волной. Другие застучали молотками еще торопливее. Мачта, только что гнущаяся, словно трость, стала тверже, прямее.

Тридцать часов буйствовал тайфун, а потом внезапно наступил штиль. Сколько добра было подмочено, перебито, испорчено! Выбросили за борт часть сухарей; опреснитель капризничал, и люди пили противную на вкус воду из запасной цистерны. А тут еще сырость, удушающие испарения...

Гончаров серьезно занемог. Опасное заболевание ноги снова уложило его в постель. Когда же успеет он наверстать потерянное время? Неужели придется рассказывать о виденном и пережитом устно, так и не написав ничего, достойного внимания читателей? То, что сделано — заметки в записной книжке, наброски, — кажется ему не стоящим печати, никуда не годным...

9 августа, после десятидневного плавания, «Паллада» и присоединившиеся к ней на островах Бони-Сима три русских судна достигли берегов Японии, о которой в 60-х годах прошлого столетия в Европе ходили самые фантастические слухи.

На русскую флотилию вскоре явились японцы, и начались бесчисленные вопросы и расспросы: кто? откуда? сколько матросов? сколько офицеров? — и так до бесконечности...

Дни тянулись за днями, а японцы, не пуская моряков на берег, приезжали на корабль всё с новыми и новыми вопросами. Так минул август, начался сентябрь. Наконец на тысячи вопросов отвечено, все подробности церемонии при приеме русских японским губернатором оговорены. Моряки отправились на берег в Нагасаки, которого с рейда не было видно. Показалась тесная куча невзрачных домов.

— Где же город? — спрашивали моряки.

— Да вот он, — отвечали японцы.

Значит, куча серых домишек — это и есть Нагасаки!

Прием у губернатора, долгий и нудный, оказался к тому же и бесплодным. Губернатор взял письмо о торговле между Россией и Японией, переданное по поручению русского правительства, но, еще не зная его содержания,

поспешно заявил, что скорого ответа на него быть не может.

Возвращаясь от губернатора, моряки узнали, что корабельным музыкантам, остававшимся на пристани, «гостеприимные» японцы поднесли по рюмке... обыкновенной воды! Однако сами японцы, явившиеся для передвижки русских судов в гавани, с жадностью хватали хлеб и деньги, пили ром и криками требовали еще и еще.

Потеряв три месяца в ожидании ответа от японского императора, адмирал Путятин направился в Шанхай, чтобы запастись там провизией и узнать новости: ведь радио в те годы не было, а еще в Гонконге морякам передавали тревожные слухи о том, что Англия и Франция готовятся к войне против России.

И вот «Паллада» уже около Седельных островов, вблизи устья великой китайской реки Янцзыцзян.

Сотни рыбацких лодок сновали вокруг корабля. Любо было смотреть, как умело китайские рыбаки управлялись со своими красными бочкообразными судами и рогожными парусами.

В Шанхай, расположенный на притоке Янцзыцзяна, реке Хуанпу, Путятин и часть офицеров пошли на шхуне «Восток».

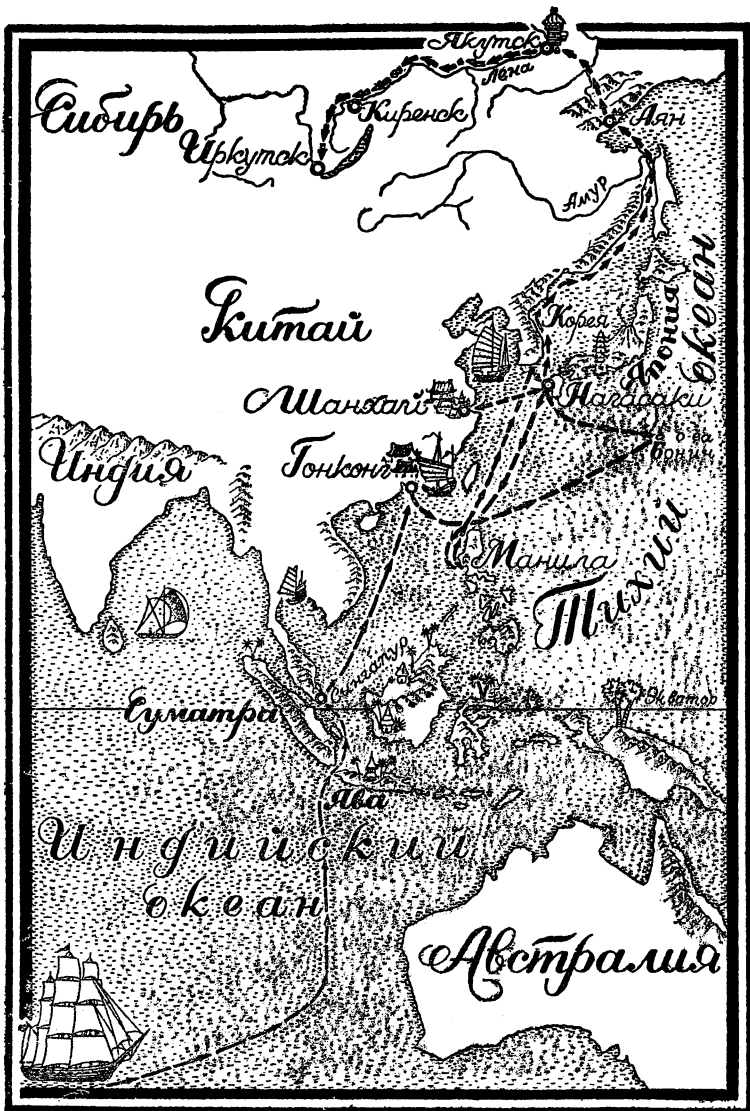
Писатель остался на фрегате:

— Узнайте, пожалуйста, пускают ли приезжих в китайский город. А если придется жить в европейской фактории, так не стоит труда и ездить: те же англичане...

А в Шанхае в это время шли стычки правительственных войск с восставшими против гнета маньчжурской династии крестьянами и городскими бедняками. Это были отголоски великой крестьянской войны, во главе которой стояли сельский учитель Хун Сю-цюань и его ближайшие помощники — солдаты, грузчики, земледельцы, носильщики-кули, углекопы.

Восставшие, которых называли «тайпинами», образовали даже свое государство Тайпин Тяньго, что означало «Небесное государство великого благоденствия». В этом государстве земля отбиралась у помещиков и делилась поровну между бедняками. Тайпины стойко выдерживали в Шанхае осаду войск маньчжурских империалистов, поддерживаемых англичанами.

Новости, за которыми поехал в Шанхай Путятин, были тревожными. Адмирал остался в городе, чтобы узнать

обо всем поточнее. Гончаров был вызван туда же. Он сел на купеческую шхуну.

Вечером, когда стемнело, со шхуны увидели, как вдали зловеще обозначилось багровое зарево. Показалось пламя пожара, мелькали вспышки выстрелов. В Шанхае шло сражение. Войска империалистов пытались поджечь город.

Все больше украшенных цыновками джонок с красно-бурыми парусами из древесных волокон плыло навстречу шхуне. Ни на одной реке в мире нет такого огромного лодочного флота, как на Янцзыцзяне, главной реке Китая.

У Шанхая в этих лодках, под двускатными навесами, ютились сотни тысяч человек, не имеющих другого крова. Целые поколения бедняков не знали иной жизни, кроме беспокойной жизни на воде. Среди жилых лодок, густо стоявших в несколько рядов, с трудом пробирались лодки сборщиков налогов, чиновников, торговцев.

За мачтами джонок показались раззолоченные кумирни, высокие, красивые дома и сады Шанхая. По набережной спешили с ящиками чая, с тюками шелка проворные носильщики. На рейде виднелись легкие очертания военных китайских джонок с тонкими мачтами, наклоненными в разные стороны.

Некоторые дома и большие лавки были заколочены, заперты: капиталисты и купцы сбежали от тайпинов. Но жизнь в порту шла своим чередом. Кругом сгружали и нагружали товары, люди торопились, бранились, перекликались.

Гончаров знакомился с Шанхаем. Он потолкался в толпе на китайском базаре, который напомнил ему московский толкучий рынок или ярмарку губернского города: тот же шум, такие же харчевни и даже нечто похожее на щи варится в котлах.

На городском валу, вблизи лагеря правительственных войск, Гончаров видел, как солдаты схватили вдруг в толпе какого-то смирного человека и поволокли за собой. Им полагалась награда за каждого пойманного «мятежника». Но захватить живьем тайпина было не так-то просто, и поэтому негодяи хватали первого попавшегося прохожего, рубили ему голову и получали за это деньги.

Побывал писатель и на «променаде», отведенном для загородных прогулок европейцев. Когда два китайских всадника случайно заехали туда, английский офицер звер-

ски избил их палкой; один из всадников в беспамятстве свалился с лошади.

Моряк с английского судна развлекался тем, что оттаскивал в сторону за волосы всех китайцев, которых случалось ему обгонять на улице. Плюгавый хозяин европейской гостиницы беспощадно колотил «желтокожих».

— Обогащаются за счет китайцев, отравляют их опиумом, да еще и презирают свои жертвы! — негодовал Гончаров. — За опиум китайцы отдают не только чай и шелк, но и свою кровь, энергию, ум, жизнь. Англичане и американцы хладнокровно берут все это и превращают в деньги. Пусть товар будет ядом — лишь бы нажива. Цивилизованная нация! Не знаю, кто из них кого мог бы цивилизовать: не китайцы ли англичан...

Писатель не раз говорил, что китайскому народу суждено в будущем играть большую роль.

Гончаров видел только один из уголков страны и то мельком. Многие так и остались ему неясным. Русские моряки жили в Шанхае недолго: Путятин получил известие, что началась русско-турецкая война и что англо-французская эскадра идет к Черному морю с явным намерением поддержать турок. С часу на час могла начаться большая война. Опасаясь, что англичане попытаются захватить шхуну, Путятин приказал ей ночью сниматься с якоря и идти к «Палладе».

Вскоре вся русская эскадра незаметно покинула Седельные острова и ушла в Нагасаки. Снова потянулись бесконечные и почти бесплодные переговоры. Да никто уже и не надеялся на их быстрое завершение. Моряков больше волновало будущее эскадры.

Русские корабли находились в чужих водах. За эскадрой следили. В ближайших портах стояли наготове не только английские военные парусники, но и железные пароходы. Со вступлением в войну Англии и Франции «Паллада» могла оказаться в западне.

И Путятин решил идти в нейтральный испанский порт Манилу, на Филиппинские острова. Там он надеялся прежде всего хорошо отремонтировать «Палладу». По поводу того, что будет дальше, молодые офицеры строили самые смелые планы: один предлагал напасть на английский порт в Австралии, другой считал, что вернее идти к Индии.

Однажды Путятин позвал к себе в каюту командира «Паллады» Унковского, Посьета и Гончарова.

— Господа, — сказал адмирал, — я принял решение, которое прошу сохранить в тайне. Если будет бой и мы не одолеем неприятеля, то фрегат должен сойтись с вражескими кораблями вплотную. После этого мы взорвем нашу «Палладу» и погибнем с честью.

Что же Гончаров? Как отнесся он к этому разговору? С необыкновенным упорством и рвением писатель стал приводить в порядок свои записки. Он торопился. Страница за страницей, исписанные мелким почерком, ложились в его портфель. Что бы ни случилось — писатель должен исполнить свой долг...

«Паллада» по пути к Маниле заходит на Ликейские острова, или, как их называют, острова Рюкю. И тут едва не оканчивается ее плавание. Бурный океан толкает корабль туда, где на опаснейшем рифе кипят буруны.

Словно конь над пропастью, упирается судно, уцепившись за дно якорями. Но выдержат ли канаты? Ветер все усиливается. Смерть — в двухстах саженях. И ничего нельзя сделать. Эта невозможность действия особенно тягостна, особенно нестерпима; она порождает даже в самых смелых тупое чувство тоски.

Английский миссионер, наблюдавший с берега, как судно постепенно тянет на рифы, принялся молиться за упокой души русских моряков... Но он поспешил. Канаты выдержали, и как только ветер немного переменял направление, корабль проскользнул в бухту.

Благодатные Ликейские острова уже привлекли внимание Соединенных Штатов Америки. Американцы оставили здесь несколько матросов, двух офицеров и бумагу, в которой суда всех других наций извещались, что острова взяты американцами «под свое покровительство». Разумеется, островитян не спрашивали, нуждаются ли они в таком покровительстве.

Вообще к этому времени американцы, или, как их называл Гончаров, «люди Соединенных Штатов с бумажными и шерстяными тканями, ружьями и пушками и прочими орудиями новейшей цивилизации», показали себя сильными соперниками английских колонизаторов. Угрожая японцам пушками своих кораблей, они стремились проникнуть в японские порты, пробрались в Китай, на острова Тихого океана. «Говорят, молятся, едят одинаково

и одинаково ненавидят друг друга», — сказал Гончаров об английских и американских дельцах и политиканах.

Но скорей в Манилу! «Паллада» пересекает северный тропик. Темной безмолвной ночью, когда море излучает фосфорический свет, а в небе ярко горят звезды, фрегат пришел в желанную бухту.

Однако, что за пароход дымит на Манильском рейде? Да ведь это «Кольбер», французский военный корабль! В любой момент он может сняться с якоря и вернуться обратно с эскадрой, чтобы захватить ремонтирующуюся «Палладу»! Вот тебе и отдых, вот тебе и починка перед опасным крейсерством!

Пока Путятин вел переговоры с испанским губернатором, моряки знакомились с Манилой.

В этом городе дома были либо очень массивными, либо, напротив, чрезвычайно легкими: то и другое делало их стойкими во время частых землетрясений. А какой здесь исполинский бамбук, какое обилие хлебных и фиговых деревьев, как роскошны плантации кофе, табака и сахарного тростника!

Излюбленным развлечением островитян были петушиные бои, и многие филиппинцы разгуливали с петухом подмышкой. Если хозяин находился в лавке, петух оставался привязанным у входа.

В цехах знаменитой манильской фабрики сигар девять тысяч женщин самыми обыкновенными камнями били по листьям табака и затем свертывали их. Увы, писатель не нашел слов осуждения для тех, кто наживался на эксплуатации женского труда. Он отстал в этом от лучших людей своего времени, гневно восстававших против порабощения труда капиталом.

Днем Гончаров ходил по городу или по его окрестностям, а ночами писал в номере скверной гостиницы. Плошка с кокосовым маслом немилосердно чадила, ящерицы и летучие тараканы шуршали на стенах, тучи комаров вились вокруг. Уже готовы были многие главы будущей книги, но писателю они попрежнему казались нестоящими, бестолковыми. Возбуждение нередко сменялось усталостью, и Гончаров чувствовал, что его начинает тяготить путешествие.

Повидав много стран, он все сильнее ощущал красоту и величие далекой родины. В свободные минуты раскрывал он тургеневские «Записки охотника», чтобы хоть на

время окунуться в знакомый, милый сердцу мир, перенестись из Манилы на Бежин луг.

Переговоры Путятинна с губернатором кончились тем, что испанцы, опасаясь прихода английской эскадры, попросили русских моряков как можно скорее покинуть бухту.

Что делать? Длительное плавание в чужих, опасных водах на корабле, который тек по всем швам и нуждался в ремонте, было невозможным. Оставалось одно — идти к берегам Сибири.

Фрегат был приведен в боевое положение на случай встречи с вражеской эскадрой. Пороховую камеру приготовили к взрыву. Фрегат плыл мимо тех мест, где год назад его трепал тайфун. На одном из островков в океане подкрепили мачты, здесь же произвели учебную стрельбу. Однажды вдалеке заметили дым. Уж не вражеский ли пароход?

— К орудиям!

Но дымившее судно оказалось парусным китобоем, на котором вытапливали китовый жир.

Татарский пролив еще не очистился ото льда. Моряки «Паллады», чтобы не терять времени, занялись составлением карты берегов Кореи. В тумане, пробираясь чуть не ощупью в незнакомые бухты, они делали промеры глубин, исправляли грубые ошибки старой карты. Один из пропущенных составителями этой карты островков называли именем Гончарова.

А сам писатель в эти дни писал недостающее начало к своей книге — главу «От Кронштадта до мыса Лизарда». Эта глава была окончена уже в Татарском проливе.

Остальные главы составились из много раз переработанных записей в дневнике. По возвращении в Петербург писатель надеялся включить в книгу и некоторые свои письма друзьям — разумеется, тоже переделав и расширив их. Это возвращение становилось не таким далеким: Гончаров уже не был нужен Путятину как секретарь экспедиции и мог ехать домой через Сибирь.

После жары тропиков писателю пришлось познакомиться с жестокими морозами. Железных дорог тогда за Уралом не было, и Гончаров ехал верхом и на почтовых. Между началом и концом этой поездки лежала треть года и две трети полушария. И во время этого трудного путешествия писатель закончил работу над книгой, дополнив ее главами о Сибири.

Не в тиши уединенного писательского кабинета рождалась его книга, а в тесной каюте носимого бурями фрегата, в случайных гостиницах чужих городов, на сибирских зимовьях и постоянных дворах, разбросанных от тихоокеанского побережья до столицы. Родилась из тысяч заметок в записной книжке, из наблюдений жизни во всем ее удивительном разнообразии, родилась из размышлений об увиденном и услышанном. Писалась она, как говорил сам автор, горестно и тяжело, с бесконечными переделками, поправками. И не потому ли почти сто лет живет она и будет жить еще долго-долго...

Плавание на «Палладе» осталось наиболее яркой страницей жизни Гончарова. И нет ничего удивительного в том, что накануне своего шестидесятилетия он едва не отправился во второе кругосветное плавание на фрегате «Светлана».

Уже в старости, когда напечатанную сначала в отрывках, а потом отдельной книгой «Фрегат Палладу» давно узнал и полюбил русский читатель, Гончаров писал:

«Мне поздно желать и надеяться плыть опять в дальние страны: я не надеюсь и не желаю более. Лета охлаждают всякие желания и надежды. Но я хотел бы перенести эти желания и надежды в сердца моих читателей и — если представится им случай идти (помните — «идти», а не ехать) на корабле в отдаленные страны — предложить совет: ловить этот случай, не слушая никаких преждевременных страхов и сомнений».

* * *

Что же случилось с «Палладой» после того, как писатель покинул судно? Чем закончилось плавание? Какова судьба экипажа фрегата?

«Паллада» пришла в гавань, ныне носящую название Советской. Команда возвела береговые укрепления, готовясь отразить нападение врага с моря.

Потом, по приказу из Петербурга, фрегат попытались завести в мелководное устье Амура. Это не удалось, и «Паллада» снова вернулась в свою старую гавань. Здесь, опасаясь, как бы корабль не захватила англо-французская эскадра, судно затопили. Сделано это было по распоряжению свыше слишком поспешно и без особой надобно-

сти. Перед тем как пустить фрегат на дно, с него сняли пушки, такелаж и вообще все ценное.

Итак, воды бухты сомкнулись над «Палладой».

А на долю тех ее офицеров и матросов, которые перешли на прибывший в дальневосточные воды фрегат «Диана», выпало необыкновенное приключение.

На новом фрегате Путятин отправился в Японию. В тихий декабрьский день «Диана» стояла в бухте, на берегу которой расположен японский город Симодо. Неожиданно корабль сильно встряхнуло. В тот же миг раздался крик вахтенного:

— Смотрите, смотрите!

С борта «Дианы» было хорошо видно, как лодки, стоявшие в устье горной речки, вдруг рванулись со своих мест. Какая-то непонятная сила потащила их вверх против течения реки. Почти в тот же миг огромный зеленый вал поднялся у входа в бухту.

Было тихо, безветренно, и стена воды, вздыбленная высоко и грозно, казалась тяжелым кошмаром. Вал, достигнув берега, отхлынул прочь и столкнулся с другим, еще более мощным. Вода в бухте забурлила, и вся прибрежная часть городка Симодо была смыта до основания.

Гигантский водоворот подхватил и «Диану». Фрегат бросало, кружило, вертело, било о камни. Тяжелые пушки срывались с мест, калеча людей. Одну секунду корабль совсем положило на бок. И, однако, среди моряков нашлись люди, которые в эти минуты смертельной опасности сумели сосчитать, что корабль повернуло, точно щепку, сорок два раза вокруг своей оси.

За несколько минут «Диана» превратилась в жалкую развалину без руля.

Едва волнение немного улеглось, как моряки принялись спасать тонущих японцев, а судовой доктор отправился на берег, чтобы оказать помощь жертвам этого землетрясения, вызвавшего катастрофу и на море.

Но и история самой «Паллады» не кончилась в тот день, когда корабль опустился на дно.

Фрегат справедливо считался одним из красивейших судов русского флота, а выход книги Гончарова сделал этот корабль особенно дорогим сердцу каждого моряка. Всякий мореплаватель, которому доводилось побывать на Дальнем Востоке, считал долгом посетить «могилу» фрегата.

В 1912 году, с разрешения русского правительства, в Японии была создана водолазная компания для подъема «Паллады». Руководитель всего дела, японский капиталист Кудо заявил:

— Я руководствуюсь не одними только материальными выгодами. Я уверен, что моя затея принесет некоторую пользу нашему судостроению.

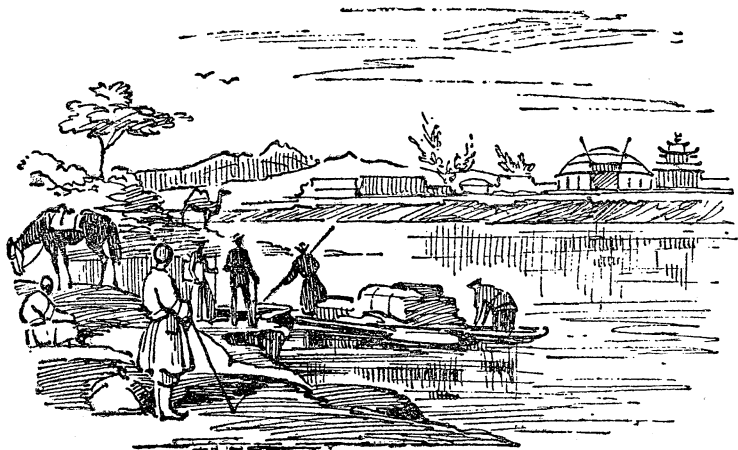
Видимо, японцам хотелось изучить очень удобную форму корпуса русского фрегата. Но это им не удалось: они не сумели проникнуть туда, где на большой глубине в илистом грунте лежал, наклонившись на левый борт, старый фрегат. Время безжалостно расправилось с ним. Корма была разрушена, ракушки и водоросли облепляли борта, червь-древоточец источил деревянные части...

Если вам доведется быть в Хабаровске, загляните в местный музей. Там вы узнаете последние новости о судьбе корабля. Советские люди не забыли о нем.

В музее можно увидеть много любопытных вещей, долго пролежавших под водой и поднятых нашими водолазами. На старом чугунном ключе вы прочтете надпись, которая невольно заставит сердце забиться сильнее:

«Фрегат «Паллада», Санкт-Петербург».

ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ АЛЕКСАНДРЫ ПОТАНИНОЙ

В семье Лаврских жила няня Авдотья. Долгими зимними вечерами она рассказывала детям про то, как хаживала на богомолье пешком из одного конца матушки-России в другой. Фантазия у няни была богатейшая, и быль она ловко перемежала всяческими небылицами.

Слушать Авдотью никогда не надоедало. Она могла ухачь совершенно как леший в лесу, подражала голосам животных и птиц, а кроме того, была мастерицей сказывать сказки — и смешные, и страшные, и трогательные.

Саше, худенькой впечатлительной девочке, хотелось вместе с Авдотьей ходить пешком по стране, ощущая босыми ногами мягкую пыль.

— Няня, пойдем, а? Ну пойдем, ладно?

— Ноги у меня не те, Сашенька... А вот послушай-ка лучше про царевну-лягушку...

Семья Лаврских жила бедно. Саше приходилось много помогать по хозяйству. В домашних хлопотах сегодня походило на завтра.

Когда Саша подросла, старший брат Валерьян стал брать ее с собой в поле. Он увлекался ботаникой. В семье его считали ученым. Еще в школьные годы он подружился с Добролюбовым — будущим великим революционным демократом.

Бродя с братом по приволжским лугам, Саша легко запоминала мудреные латинские названия трав и цветов, которыми так и сыпал Валерьян. Запоминала она и другое: слова о великом призвании каждого честного человека — служить всему человечеству.

Незаметно Саша превратилась в Александру Викторовну, воспитательницу Нижегородского женского училища.

Годы шли, и детская мечта о дальних странствованиях потускнела. Тихая и застенчивая Александра Викторовна проводила свободное время за чтением, стараясь побольше узнать о белом свете, о том, как живут люди в чужих странах.

В эти годы случилось несчастье с ее другим братом — Константином. Его сослали за политическую деятельность в захолустный северный городок Никольск. Сестра и мать поехали навестить ссыльного. Брат обрадовался родным и тотчас пообещал познакомить их с удивительным, замечательным человеком.

— Да кто же он?

— Здешний ссыльный, Потанин Григорий Николаевич. Путешественник, натуралист. Понимаешь, отсидел в каземате, был на каторжных работах. Там его в таратайку запрягали, щепень на нем возили. Сюда, в Никольск, по этапу пришел.

— Костенька, — забеспокоилась мать, — как же это ты с каторжником-то дружбу свел...

— С каторжником? Да за что его осудили, знаете ли вы? За то, что с такими же, как он, хлопотал об открытии в Сибири университета да читал прокламации Герцена — вот за что!

На другой день Лаврский познакомил сестру с Потаниным.

«Каторжник» был невысок, русоволос, бледен — видимо, от недоедания. Знакомясь, он конфузился и близоруко щурил глаза.

В северном городке и пришла к Александре Викторовне любовь.

В 1876 году Григорий Николаевич и Александра Викторовна Потанины отправились в первое свое общее путешествие. Петр Петрович Семенов, старейшина русских географов, человек большой души, сумел выхлопотать Потанину помилование и включил его в состав экспедиции, снаряженной Географическим обществом в северо-западную Монголию.

Среди провожавших экспедицию в Петербурге были и барыньки, у которых представление о путешествии связывалось с веселой поездкой в Париж или Ниццу.

— Ах, милочка, какая вы счастливица! — щебетали они, окружив Александру Викторовну. — Это так интересно, так романтично!

Но как бы запели эти восторженные барыньки, если бы им пришлось испытать то, с чем столкнулась Александра Викторовна уже в начале монгольского путешествия? Да они бежали бы без оглядки с первой же ночевки, когда комары не давали людям сомкнуть глаз и наседали такой густой массой, что тушили зажженную свечу.

А опасное приключение в буддийском монастыре, где Григорий Николаевич и его спутники были сброшены с лошадей, избиты и заключены в темную келью по обвинению в оскорблении святыни? А снежная буря в горах по дороге к городу Кобдо? А удушливая жара на старой караванной дороге, по которой, мимо скелетов лошадей и верблюдов, двинулись затем Потанины к центру монгольских пустынь?

Александра Викторовна была скорее болезненной и хрупкой, чем крепкой и выносливой женщиной. В детстве она часто плакала, сама не зная о чем. Когда ее, высокую, худощавую, с какой-то страдальческой чертой в лице, с тонким певучим голосом, встречали незнакомые люди, им и в голову не приходило, что эта женщина может лазить по горам или ездить верхом.

Но она днями не слезала с жесткого, неудобного седла, хотя боялась лошадей и каждый раз чувствовала сердцебиение, когда к ней подводили незнакомое коня. Она была чувствительна к простуде; в детстве ее кутали в шали, но никто не слышал от нее жалоб, когда ночь заставляла караван в горном ущелье и надо было ночевать прямо на снегу.

В экспедиции Александра Викторова числилась только женой Григория Николаевича. Но сколько забот лежало на ней! Собранный, аккуратный во всем, что касалось науки, Григорий Николаевич был на редкость непрактичным и рассеянным в быту. Денег на экспедицию им отпустили мало, надо было выгадывать, выкраивать. Чтобы не отвлекать Григория Николаевича от основной работы, Александра Викторова старалась как можно меньше вмешивать его во все это.

Но самое главное — она постепенно, незаметно взвалила на себя и немалую часть чисто научной работы: собирала этнографические материалы, помогала приводить в порядок дневники, делала зарисовки.

После многих месяцев странствований Потанины вернулись на родину, для того чтобы обработать собранные материалы и снова отправиться в Монголию. На этот раз им поручили посетить те места, которые остались в стороне от маршрута первого путешествия, — в том числе Урянхай, нынешнюю Тувинскую автономную область. Потаниных не удовлетворяло и то, что в некоторых местах Монголии они были зимой и, следовательно, не могли собрать гербарий.

Во время второго путешествия пробелы были заполнены, и вскоре появились в свет четыре тома, в которых впервые было дано всестороннее описание северо-западной Монголии и подробно рассказано о народах, здесь обитающих. Не зря Потанины ночевали зимой под черным звездным небом, расталкивая друг друга, чтобы не замерзнуть во сне, не зря голодали, питаясь кореньями из нор полевых мышей, когда кончились последние сухари. Их вклад в отечественную науку был по достоинству оценен передовыми деятелями в России и за рубежом.

А Русское географическое общество между тем обсуждало новые планы. Пржевальский готовился к экспедиции в Тибет. Кто-то другой должен был исследовать восточные окраины Тибета и соседние китайские провинции, где проходили древние дороги воинственных кочевников, когда-то тревоживших Китай своими опустошительными набегами. Там же лежит и граница между неприхотливой растительностью нагорий и роскошной зеленью плодородных долин с их почти тропическим климатом. Там, наконец, необозримое поле деятельности для историка, этнографа, ботаника. Но у кого же из деятелей отечественной

науки так счастливо сочетаются эти научные специальности, как не у Потанина?

Семь месяцев плыли Потанины морями и проливами из Петербурга в китайский порт Чифу. Отсюда начались их двухлетние странствования по дорогам Китая, странствования трудные и увлекательные.

Летом 1884 года Потанины побывали в Пекине. Вместе с вереницами купеческих караванов шли русские путешественники через ворота Великой китайской стены, построенной для защиты от кочевников еще до нашей эры; осматривали древние города и монастыри, юрты и усыпальницу Чингис-хана; переправлялись через желтовато-бурые воды Хуанхэ, увязали в сыпучих песках Ордоса; ночевали в фанзах, на постоянных дворах и даже в пещерах, которые служили жилищем семьям бедняков.

Зимовали Потанины вблизи Хуанхэ, в местности, населенной монголами-широнголами, перенявшими китайскую культуру. Александра Викторовна проводила дни среди широнголок, узнавая их обычаи, поверья, нравы.

В Тибетском нагорье Потанины близко познакомились с тангутами, храбрым и решительным народом. В бассейне великой китайской реки Янцзы экспедиция пополнила свои гербарии южными теплолюбивыми растениями, листьями веерных пальм, лаковых и восковых деревьев, аралий и мирт.

Потанины с живейшим интересом и сочувствием наблюдали жизнь миролюбивого, выносливого китайского народа — трудную и очень своеобразную жизнь.

Александру Викторовну особенно интересовало положение китайской женщины. Китайенок не учили в школах, и поэтому среди них было очень мало грамотных.

А возмутительный обычай уродования ног, введенный, по преданию, почти тысячу лет назад одним из императоров! С трехлетнего возраста девочкам крепко бинтовали ступни, для того чтобы они не росли. На таких изуродованных ногах почти невозможно бегать, да и ходить нелегко. А ведь китайке приходится много трудиться в поле, хлопотать по дому, ухаживать за детьми, которых в Китае очень любят: если нет своих детей, то семья берет сирот на воспитание.

Нелегка жизнь китайских женщин, но почти всегда они добродушны и приветливы. Особенно запомнилась

Александре Викторовне старая крестьянка, мать семейства. Живая, энергичная, она встретила русских на деревенской улице и тотчас пригласила их к себе в дом. Там она поставила на стол горячую похлебку, состоявшую из кусочков тонко раскатанного теста, сваренного в бульоне с луком и уксусом, напекла свежих булочек и вообще старалась всячески угодить своим гостям.

Веселая, проворная, она носилась по комнате на своих забинтованных ногах, называя по-китайски разные предметы, которые интересовали русских, и громко смеясь, когда тем не удавалось правильно выговаривать эти названия.

Хозяйка дома заметила, что Потанины интересуются растениями. Выйдя провожать гостей, она, показывая сначала на вяз, а потом на тополь, повторяла:

— Жюйшо! Вытхуон!

Александра Викторовна подружилась со старой крестьянкой и радовалась, когда та приходила в лагерь экспедиции.

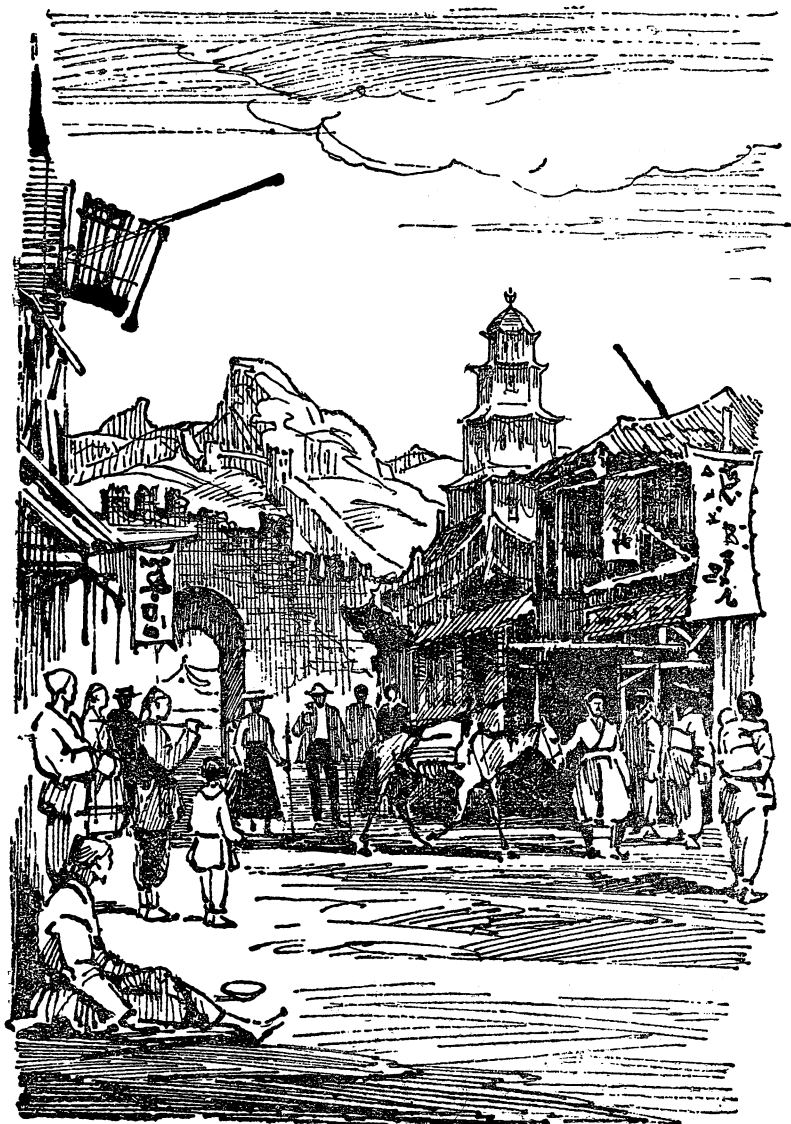
Висячие мосты над потоками Сычуани, стены монастыря Гумбум, берега знаменитого голубого озера Куку-Нор, снежные перевалы в верховьях горной реки Харын-гол, оазисы провинции Ганьсу и, наконец, пыльные бури пустыни Гоби сменяли друг друга на заключительном этапе китайско-тибетского путешествия Потаниных. Результаты этого путешествия принесли им мировую известность.

* * *

Когда возник проект четвертой экспедиции Потаниных, Александре Викторовне было почти пятьдесят лет. К жестокому ревматизму, которым она заболела еще во время первого путешествия, прибавились сердечные недомогания. Она крепилась, не подавала виду, больше всего боясь, что ее болезни расстроят планы Григория Николаевича. Если Григорий Николаевич узнает, то непременно всполошится и либо вовсе откажется от участия в экспедиции, либо поедет один.

Но разве это можно допустить? Кто же поможет ему вести дневники? Кто возьмет на себя пусть незаметную, но очень важную черновую работу — хотя бы приведение в порядок собранного?

Осенью 1892 года Потанины были уже в пограничном

с Монголией городке Кяхте, откуда намеревались снова отправиться к восточным окраинам Тибета и побывать затем в китайской провинции Сычуань, чтобы продолжить изучение этих мест, начатое в предыдущую экспедицию.

С утра до вечера толпились кяхтинцы в комнате, где на перепутье поселились Потанины. Тут слышались монгольская речь, а иногда и пение: Григорий Николаевич записывал народные песни и легенды. Приходили кяхтинские старожилы, запросто бывали политические ссыльные. Всех притягивали к себе Потанины своей теплотой, сердечностью и дружеским вниманием.

Александра Викторовна, неизменно приветливая, встречала гостей. Была она так бледна, что кяхтинцы, как и петербургские знакомые, тоже уговаривали ее отказаться от путешествия.

— Что вы! — возражала она. — Если я останусь, тогда и Григорий Николаевич не поедет. Я с ним всегда всюду хожу, а то он что-нибудь да забудет. Ужасно стал рассеянным. После нашего последнего путешествия он читал доклад в Географическом обществе и явился на заседание без галстука. Хорошо еще, что председатель заметил это, снял с кого-то галстук и повязал ему... И очень прошу вас: пожалуйста, не пугайте Григория Николаевича. Я просто немного устала в дороге.

Григорию Николаевичу не терпелось поскорее начать работу. Пустыня Гоби его уже не интересовала, и он решил миновать ее как можно быстрее. Может быть, при выборе средства передвижения ему нужно было больше подумать об удобствах путешествия и здоровье Александры Викторовны. Но Григорий Николаевич, как и многие целиком поглощенные своим делом люди, иной раз, к сожалению, почти переставал замечать все, что не имело прямого отношения к науке...

Потанины поехали в двуколке монгольских почтарей. Ощущения, испытываемые при этом, трудно сравнить с чем-либо — разве только с самочувствием человека, сидящего в бочке, которая, подпрыгивая, катится вниз с крутой горы.

В монгольской двуколке нет оглобель. Ее влекут за поперечную перекладину дышла двое мчащихся сломя голову всадников. Нередко перекладина срывается с седел и дышло с размаху падает на землю. Пассажиры сидят спиной к лошадям, задрав ноги чуть не выше головы.

Рядом с повозкой, поднимая страшную пыль, мчатся еще десятка полтора всадников, чтобы время от времени на скаку сменять тех, которые волокут ее. Добавьте к этому не смолкающие целый день крики, грохот окованных железом колес, отчаянную тряску, при которой нельзя сказать спутнику слово без боязни откусить язык, — и у вас будет некоторое представление о поездке со старинной монгольской почтой.

В Пекине Александра Викторовна расхворалась.

Врач русского посольства осмотрел ее:

— Вам нельзя ехать дальше. В крайнем случае, хорошенько отдохните здесь, в Пекине. И берегите себя. Ваше сердце... — И врач покачал головой.

Александра Викторовна, послушавшись совета, редко показывалась на улице, стараясь «отлежаться». Расстроенный Григорий Николаевич твердил, что это он виноват во всем.

Постепенно к больной вернулись силы, и она настояла на продолжении путешествия. Накануне отъезда Потаниных весь их отряд собрался в посольстве. Молодой русский геолог, посланный для изучения геологического строения Внутренней Азии, сфотографировал всех на память.

Этим молодым геологом был Владимир Афанасьевич Обручев, будущий ученый с мировым именем.

В двух грузовых телегах Потанины, одетые, чтобы не возбуждать любопытства праздных зевак, в китайские костюмы, отправились по дороге к городу Сиань. Стояла холодная погода. Путники ночевали в «дьянях» — китайских гостиницах, вернее — постоялых дворах, где не было печей.

«Мерзнешь на улице, а в комнате, где нет ни солнца, ни печи, — вдвое. Эта невозможность хотя на минуту погреться ужасно как-то затрудняет и лишает энергии», —

писала с дороги знакомым Александра Викторвна. От нее редко слышали жалобы на тяготы путешествия; эти строчки показывали, что ей становилось уже невмоготу.

Вставали затемно — в три-четыре часа утра, торопливо запивали чаем пресные лепешки и рассаживались по телегам. В одиннадцать часов караван останавливался. Кормили мулов, ели сами — обычно постную лапшу. Затем двигались до позднего вечера. А там — ночлег на выстуженном постоялом дворе, где ветер свистит в щелях и где не всегда найдешь жаровню с углями, около которой можно погреть озябшие руки.

Желтой реки Хуанхэ Потанины достигли в самый разгар ледостава. В мутных водах кружились льдины, густо шла шуга. Лодочники уже потеряли одно судно, унесенное льдом, и не хотели даже слышать о переправе: раз река сердитая, зачем дразнить ее?

Пять дней жили Потанины в темном амбаре без окон. Дверь все время держали открытой, чтобы выходил дым от костра из старых досок и соломы, у которого грелась больная Александра Викторвна.

На шестой день переправу наладили.

Вскоре Потанины были в Сиане. Город, который тысячелетие назад считался столицей Китая, окружали старинные стены, по длине уступающие лишь стенам Пекина и Нанкина. Около них ютились ремесленники, выделявшие кожи или изготавливавшие курительные приборы и благовонные свечи. Из кузниц летели искры.

Над входом в город высилась башня. Крикливые торговцы и уличные парикмахеры теснились в ее воротах, а какой-то предприимчивый человек устроил тут же закусокную. Обедавших не смущало, что их едва не задевали колеса телег, а лошади совали головы в кушанье.

Богатые магазины с золочеными вывесками стояли на улицах Сианя рядом с мастерскими, где трудились полуголые рабочие, рядом с лавчонками, забитыми разным старьем. Изможденные нищие — сотни, тысячи нищих — бродили, выпрашивая подаяние.

Сиань от центра провинции Сычуань, города Чэнду, отделяли многие сотни километров. Колесных дорог здесь не было.

Потаниным посоветовали путешествовать дальше... на носилках! Только таким образом, говорили им, можно преодолеть головокружительные тропы горных хребтов,

через которые идет дорога. Разве русские не знают, что переноска людей и багажа в Сычуани для многих тысяч семей — единственный способ заработать себе горстку риса?

Очень неприятно было Потаниным пользоваться услугами носильщиков — но что же делать! В назначенный час появились легкие, изящные носилки, сделанные из бамбука. Внутри была проволочная сетка для сиденья, над головой — крыша из цыновки.

Носильщики вскинули шесты на плечи и тронулись ровным, скорым шагом, не сбиваясь с ноги. Время от времени вслед за протяжным возгласом «пан-гоо» они перекидывали шест с одного плеча на другое.

Пять дней носильщики шли по густонаселенной равнине, минуя рощицы тополей и зеленых туй, деревеньки с глиняными хижинами — фанзами, поля, скирды соломы, тесные улицы небольших городов, где в дянях можно было наскоро съесть горячую лапшу, рис с соленой редькой или гороховый кисель.

Потом тропа втянулась в ущелье высокого хребта. Местами она была высечена в скале, а кое-где носильщики шагали по каменным лестницам. На перевале высота была уже около трех тысяч метров.

Александра Викторовна шла большую часть этой трудной дороги пешком. В сердце колело, холодный пот выступал на лбу, но она не могла спокойно усидеть в носилках. Навстречу то и дело попадались мужчины, женщины и даже подростки, согнувшиеся под тюками с материей или чаем. «Им еще тяжелее», — думала Александра Викторовна, с трудом переставляя ноги.

Особенно неприятными были минуты, когда навстречу попадались вьючные мулы. Своими широкими тюками они теснили встречных. Достаточно животному шархнуть в сторону, испугавшись чего-либо, — и несчастье неизбежно.

При таких встречах сердце Александры Викторовны замирало от страха. Она не стыдилась писать об этом в письмах. Никогда, нигде, ни разу она не выставяла себя героиней и чаще всего даже преувеличивала свои слабости и недостатки. «Страшно было идти над пропастью», — писала она, забывая упомянуть, что в те минуты, когда она шла, никто не замечал ее душевного состояния, никто не знал, что она боится, но усилием воли подавляет чувство страха.

Китайский Новый год, праздник наступления весны, Потанины встретили в горной деревушке. Всюду в фанзах скребли и мыли двери, оклеивали окна свежей бумагой. Вечером зажглись десятки цветных бумажных фонариков, затрещали ракеты.

Всю ночь продолжалось празднество, а наутро крестьяне высыпали на улицу, где сновали разносчики сладостей. Главным лакомством был сахарный тростник, который строгали и сосали и дети и взрослые.

Перевалы сменялись долинами. Уже не только золотистый дубняк, который не сразу сбрасывает листву, но и вечнозеленые кустарники лепились над горными речками, белевшими пеной. В долинах появились первые пальмы — низкорослые, толстые, с несколькими листьями.

Александра Викторовна записывала в дневник все подробности этого давно интересовавшего натуралистов перехода форм растительного царства. Но собирать растения ей было уже трудно, и этим занимался сам Григорий Николаевич. Зато метеорологические наблюдения он целиком поручил Александре Викторовне.

Одолев последний подъем, караван вышел к вершине, где неизменный монах торчал у столика и, ударяя в гонг, требовал от прохожих несколько монеток в благодарность богам за благополучный переход. Отсюда начинался спуск в долину реки Дзялинцзян, и носильщики уже предвкушали отдых. Нанятая у первой же пристани лодка, вместив весь караван, неторопливо поплыла по течению.

Река пересекала Сычуаньскую котловину. Ее иногда называют также Красным бассейном из-за красновато-фиолетовых оттенков почвы. Окруженная со всех сторон высокими хребтами, через которые узкими ущельями входит и выходит река Янцзы, котловина отличается знойным климатом. Снег здесь — редкость, а зиму называют сезоном туманов. Теплолюбивые субтропические растения хорошо ее переносят.

После горных перевалов плавание по реке было отдыхом. Александра Викторовна любовалась слоистыми горами, будто сложенными из листов толстого картона. В одном месте берег был изрыт пещерами, из которых выглядывали огромные, большие, маленькие и совсем крохотные статуи богов. Здесь находился знаменитый монастырь «Тысяча Будд».

Недалеко от монастыря экспедиция высадилась на бе-

рег. Была середина февраля. На полях цвели бобы, зеленели сочные листья капусты. Пшеница давно взошла, а на деревьях только еще начинали распускаться листья. Блестели стеклянными прямоугольниками залитые водой рисовые поля. Туи уже не напоминали кустарник, а достигали двух-трех обхватов, и их темная зелень резко выделялась на красноватой почве.

По равнине перед Чэнду дорога шла мимо рисовых полей, кумирен и деревушек, опущенных бамбуком. В негустом, теплом тумане, насыщенном солнечным светом, бамбук казался перьями сказочных птиц.

В Чэнду, столице Сычуани, Потанины прожили половину марта. Александра Викторовна помогала Григорию Николаевичу составить подробное описание маршрута. Много было забот и с коллекциями, особенно с просушкой гербариев. Тем не менее Александра Викторовна успела, сверх того, написать очерк «Тысяча сто верст на носилках» — один из многих своих очерков, живых, интересных, отлично дополнявших слишком сжатые дневники Григория Николаевича.

Написанный иногда суховатым языком специалиста капитальный труд Потанина мог прочесть не всякий. Очерки же Александры Викторовны печатались в приложениях к «Всемирной иллюстрации», в литературных сборниках, в популярных журналах, в сборниках «Читальня народной школы». Рассказ «Дорджи, бурятский мальчик» вышел в сборнике для детей. Александра Викторовна с большой научной глубиной рассказывала своему читателю правду о жизни народов Азии.

По дороге к границам Тибета, куда Потанины отправились из Чэнду, предстояло преодолеть еще два высоких перевала. В здешние горы весна только что пришла. Цвели грушевые деревья, розовыми цветами были осыпаны персиковые. В чистом горном воздухе пахло диким поморанцевым деревом.

Александра Викторовна снова шла на первый перевал пешком. Тщетно уговаривал ее Григорий Николаевич сесть в носилки. Ей была невыносима мысль, что она будет лишь грузом на плечах у людей, которым так трудно карабкаться по скользким камням.

Но на втором перевале ей уже не хватало разреженного горного воздуха, она задыхалась. Хребты, облака поплыли пестрой каруселью...

В Дацзянлу, или Тарсандо, крохотном городке, прилепившемся в горах недалеко от вечных снегов, Потанины поселились на заезжем дворе. Дом был кое-как построен из тонких досок, и сколько жильцы ни затыкали щели ватой, сколько ни заклеивали бумагой — холодный горный ветер все равно чувствовал тут себя хозяином.

Из Дацзянлу, этого пограничного городка, Потанины собирались сделать несколько поездок вглубь Тибета. Но выезд откладывался со дня на день: Александра Викторвна чувствовала себя нездоровой.

Однажды вечером они сидели за чаем. Александра Викторвна взяла чайник, но вдруг выпустила его и упала локтями на стол. Крышка от чайника покатила по полу. Григорий Николаевич, уронив стул, бросился к жене, неловко схватил ее за плечи:

— Что, что с тобой?

Очнулась она в постели. Ноги и руки казались чужими. Попробовала говорить — и не смогла. На кровати сидел Григорий Николаевич, постаревший, серый, с глубоко запавшими глазами.

Она поняла, что с ней был удар.

Проснувшись на другой день, Александра Викторвна увидела, что Григорий Николаевич сидит все в той же позе на краю кровати. Больная попробовала пошевелить пальцами и сказала:

— Она чужая, как странно...

Григорий Николаевич радостно встрепенулся:

— Кто чужая?

— Рука...

Речь вернулась к больной, но она была еще очень слаба и иногда впадала в полузабытье. Григорий Николаевич не отходил от нее ни на минуту.

...Многое вспоминалось больной. Никольск, белые ночи, сонные улицы. Она и Григорий Николаевич говорят о великом счастье вместе трудиться, рука об руку идти к одной цели. Потом музеи, библиотеки, сборы в первую экспедицию. Она и Григорий Николаевич бредут по снегу в горах Урянхая: заблудились. Оба близоруки, а сумерки сгущаются, где-то далеко воют волки...

Зал Географического общества. «За выдающиеся заслуги перед отечественной наукой, за труды по этнографии бурят удостоить госпожу Потанину, Александру Викторвну, золотой медалью... Географическое общество

гордится своим новым членом, женщиной-путешественницей». Аплодисменты, горячие рукопожатия...

Сибирский город Иркутск, недалеко от Байкала. Слава не принесла Потаниным достатка. Скромная, даже бедная квартирка, где постоянно толпится множество народу: ссыльные, местные учителя, жадно тянущиеся к науке буряты. Вспомнился бурятский мальчик, совсем маленький мышонок, понимавший по-русски «мало-мало», но выучившийся читать на незнакомом ему языке.

Вспомнился первый публичный научный доклад, взволновавший весь город. Еще бы: женщина — и вдруг научный доклад! А по ночам, чтобы заработать хоть немного денег, — шитье грубых холщовых мешков, в которых взят муку на золотые прииски.

И, наконец, Петербург, сборы в четвертую экспедицию, Кяхта, монгольская двуколка, тонкий запах померанцевого дерева — и болезнь, несносная болезнь...

А ведь Григорий Николаевич задремал. Кудлатая голова свесилась на грудь, очки съехали, борода — веером. Пусть спит — сколько ночей не сомкнул глаз... Тихо, осторожно Александра Викторовна тянется к карандашу. Пальцы уже слушаются, можно написать друзьям:

«...Со мной случилось несчастье: я вот уже несколько дней лежу в постели. Первое время болезнь эта произвела на меня такое удручающее впечатление, что я не могла ни о чем думать, кроме того, что я повисла камнем на шее экспедиции, что я порчу им все дело».

А под окнами постоялого двора тибетцы с длинными черными волосами, подвижные, ловкие, навьючивали быков-яков и лошадей, помогая себе гортанной песней. Песня говорила о скользких тропах, о горном ветре и смелых людях. Она звала в путь...

Но Александре Викторовне уже не суждено было идти с караваном в горы. Вскоре ее здоровье так ухудшилось, что Григорий Николаевич заторопился в Пекин.

Больную несли в паланкине. Она забывалась коротким, беспокойным сном на шумных постоялых дворах, где бранились и играли в карты носильщики.

Смерть настигла ее в пути. Последний раз она подозвала знаками Григория Николаевича, молча притянула его голову для поцелуя и ушла из жизни мужественно и спокойно.

Это произошло 19 сентября 1893 года.

Когда печальная весть долетела до России, газеты посвятили памяти ученой и путешественницы обширные статьи. Решено было издать ее труды. В Кяхту, куда должны были привезти гроб, со всех концов страны прибывали десятки венков.

В день похорон были закрыты все конторы и магазины, в кяхтинских школах прекратились занятия. Приехало много народу из соседнего города Троицкосавска. На улицах толпились китайцы, которые думали, что хоронят важного генерала, и были несказанно удивлены, узнав, кто была умершая.

Александру Викторовну похоронили в Кяхте, у самой дороги в Монголию, по которой она не раз уходила с караваном и по которой вернулась из своего последнего странствования...

* * *

Почти в это самое время в Лондоне разыгрался скандал, подхваченный печатью. Английское географическое общество обсуждало вопрос о том, следует ли принимать в члены общества женщин. Несколько видных ученых сказали: «Да». Но большинство было против.

Наконец географы собрались и после жарких споров решили: закрыть женщинам дорогу к географической науке. В этом решении немалую роль сыграло красноречие лорда Керзона, который был в то время кандидатом на пост президента общества. Лорд Керзон утверждал, что ему известен только один род путешественниц — крикливые американские путешественницы, которых он назвал «одним из ужасов XIX века». Эти дочери миллиардеров, ищущие в чужих странах сомнительных приключений, заставили лорда Керзона сделать слишком поспешный вывод.

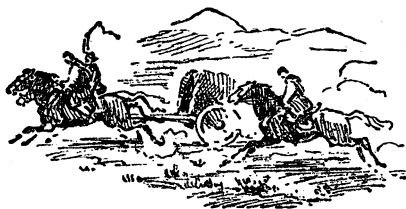
— Мы вообще отрицаем способность женщин содействовать научному географическому знанию! — воскликнул он в заключение своей речи.

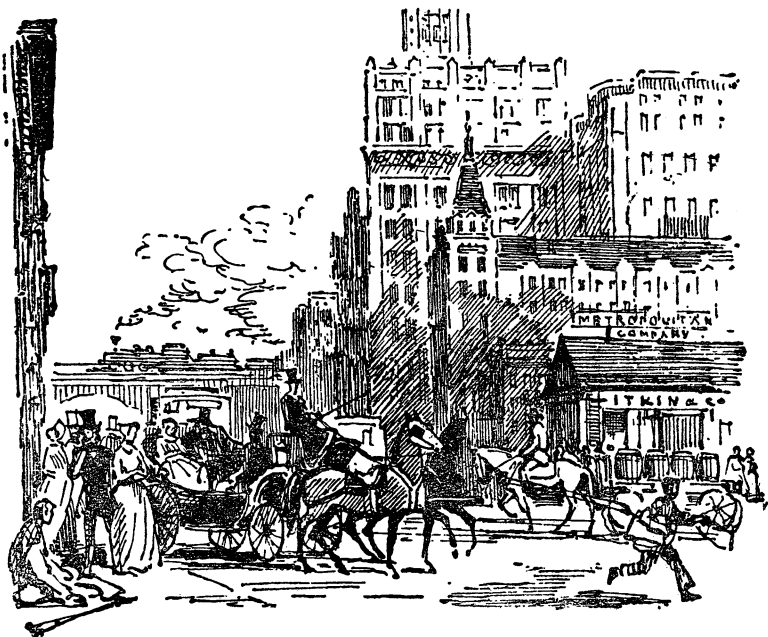
Трудно предполагать, что лорд Керзон совсем не читал книг, газет и журналов, приходящих из России. В Лондоне давно и пристально следили за всеми русскими экспедициями, а за теми, которые снаряжались в Центральную Азию, весьма интересовавшую английских колонизаторов, — в особенности. Поэтому надо думать, что лорд Керзон знал о научных подвигах женщины, только что опущенной в могилу на границе Монголии.

Видимо, в отчетах Русского географического общества лорд встречал также имя зоолога и ботаника Марфы Черской, которая путешествовала по почти неизвестной тогда Колыме и в трудную минуту приняла на себя начальство над экспедицией. В этих отчетах сообщалось и об авторе капитальных географических исследований Ольге Федченко, побывавшей в пустыне Кызыл-Кум и по головокружительным тропам проникнувшей на Памир.

Лорд Керзон мог бы при желании рассказать своим коллегам о том, что русские женщины давно и успешно содействуют развитию научного географического знания.

При желании... Но, может, у лорда Керзона не было такого желания? Можно ведь читать и «не замечать» в прочитанном того, чего не хочется замечать.

ПО СТРАНЕ ДОЛЛАРОВ БЕЗ ДОЛЛАРОВ

Э то было больше восьмидесяти лет назад.

В маленьком приволжском городке несколько юношей увлеклись чтением повестей и рассказов из американской жизни. Океан, прерии, Нью-Йорк, Миссисипи, чистильщики сапог, становящиеся без особого труда миллионерами, — все это казалось им таким заманчивым!

— В Америке, брат, каждый может пожать президенту руку. Взял и пожал. Вот как тебе. Очень просто, — говорил многозначительно один.

— Чудная страна! Верно сказано — Новый Свет, — вторил другой.

— Хоть бы одним глазком взглянуть на живого индейца, поохотиться бы на буйволов! — вздыхал третий.

Был среди мечтателей молодой учитель Михаил Владимиров. Мысль о том, чтобы самому побывать в Америке, крепко засела в его голове. По учебникам он старательно зубрил английский язык, практиковался в токарной и переплетной мастерских, изучая ремесла.

В один из прекрасных летних дней 1872 года друзья проводили учителя в Америку. Кошелек его не был туго набит, но молодость и вера в то, что за океаном его встретят счастье и удача, окрыляли нашего путешественника. Он надеялся, что всегда найдет там приличный заработок и сможет, переезжая из одного города в другой, посмотреть все Соединенные Штаты.

С сильно бьющимся сердцем сошел наш волгарь с океанского парохода на нью-йоркский берег.

Все было, как в книжках: высокие дома, цилиндры, сигары, крикливые чистильщики сапог — явные кандидаты в миллионеры. Над большим домом на Бродвее — главной улице Нью-Йорка — стояла статуя какой-то дородной женщины.

— Что это за дом? — спросил учитель.

— Городская дума. А женщина — богиня Свободы.

Тут приезжий едва удержался, чтобы не снять шляпу...

Но через неделю-другую его энтузиазм поостыл. Все это время он колесил по нью-йоркским улицам с русско-английским и англо-русским словарями подмышкой, повторяя заученную фразу:

— Не найдется ли у вас какой-нибудь работы?

Ему либо вежливо отказывали, либо молча кивали на дверь. Подвернулась было работа токаря, но, как на грех, мастерская, куда устроился Владимиров, сгорела, а рабочих уволили.

Как-то Владимиров сидел в своей каморке, обдумывая, что делать дальше. Не все ли равно, где голодать — здесь или на новом месте? Не поехать ли куда-нибудь на юг — скажем, во Флориду?

Его размышления были прерваны стуком в дверь и возгласом:

— Хелло, Майкл! О, да вы живете, как видно, чуточку хуже среднего миллионера!

Владимиров вскочил. Перед ним были рабочие, с которыми он до пожара трудился в мастерской. Они зашли навестить своего русского товарища и сказать, что, воз-

можно, босс (хозяин) скоро построит новую мастерскую и тогда опять будет работа.

— Спасибо, дорогие друзья, — сказал растроганный «Майкл», — но я решил уехать из Нью-Йорка — бог с ним. Настродался я тут.

— Но-но, Майкл, одумайтесь! На свете один Нью-Йорк. Чего вы не найдете здесь, того не найдете нигде.

— Нет-нет, еду во Флориду, — упрямо ответил «Майкл».

Перед отъездом из Нью-Йорка волгарь сделал первый «бизнес» — продал всю зимнюю одежду. Ничего, во Флориде-то ведь тепло...

Флоридский городок Джэксонвилл с красивыми домиками, выглядывавшими из-за цветущих апельсиновых деревьев, был залит солнечными лучами. На улицах пахло розами.

Но Владимиров убедился, что флоридское солнце слишком горячо для тех, кто, обливаясь потом, вынужден за несколько центов таскать на спине тяжелые доски. А вскоре ему отказали и в этой работе. Из всех возможных занятий «Майкл» выбрал довольно популярную в Америке торгово-предпринимательскую деятельность — продал свой пиджак...

С полупустым чемоданом и одним долларом в кармане волгарь отправился через полуостров Флориду к Мексиканскому заливу. Поезд мчался сквозь сосновые леса. Мимо мелькали уродливые хижинки негров-лесорубов; иные не имели и таких лацуг, ютятся с семьями под навесами.

На западе Флориды безработных было больше, чем работавших, и Владимиров, не мешкая, стал пробираться дальше вдоль берегов Мексиканского залива. В ту же сторону как раз отправлялась большая рыбацкая лодка, и «Майкл» был уверен, что рыбаки не откажут безработному. Но хозяин лодки оказался деловым человеком:

— Пять долларов!

— У меня нет денег...

— Пять долларов, или убирайся ко всем чертям!

Русский протянул свое осеннее пальто. Хозяин внимательно осмотрел вещь — нет ли дыр — и сказал:

— Ол райт!

Лодка шла к отмелям, где добываются устрицы. Из воды торчали кольца, означавшие, что этот участок залива принадлежит такому-то боссу. С помощью особых желез-

ных граблей рыбаки зацепляли на дне устричные раковины и тащили их в лодку. Пустые раковины выбрасывали обратно в море. Попробовал было проголодавшийся волгарь устрицу: холодно, скользко во рту — и выплюнул в воду. Видно, этот деликатес хорош для тех, у кого полон желудок.

Плантаторы города Пенсакола, где вскоре оказался русский, вздыхали о тех временах, когда негры были их рабами. Были?

Вон идет с хлыстиком сын плантатора, франтоватый подросток в легком белом костюме. Встречные негры со скакивают на мостовую, жмутся к стенам домов. Черный мускулистый красавец — косая сажень в плечах — сгибается в поклоне: этот «свободный» человек не хочет суда Линча, не хочет болтаться на суку с веревкой на шее за то, что, не уступив дороги, он «оскорбил» белого человека. Достаточно ничтожного повода — и зловеще вспыхнут в ночи деревянные кресты на холмах: сигнал к беспощадной расправе над черными. Долго будут валяться потом трупы на пепелище негритянских кварталов...

С раннего утра Владимиров уходил в порт. Безработные толпились там у лодок, в которые боссы-подряд-

чки набирали себе грузчиков. Однажды подрядчик молча ткнул пальцем в сторону учителя.

В порту грузили лес. Тяжелые бревна надо было поднимать на борт корабля, а потом ломami толкать их в трюм. Едва Владимиров освоился с этой изнурительной работой, как чуть было не отправился к праотцам: поскользнувшись, он упал в ничем не огороженный люк.

Русского оттащили в сторону и оставили лежать в трюме с разбитым лицом и грудью: никто не смел прерывать работу, боясь босса. Лишь вечером грузчики снесли своего разбившегося товарища в лодку и перевезли на берег.

Кое-как поправившись, Владимиров перебрался из Пенсаколы в Новый Орлеан, лежащий вблизи впадения Миссисипи в Мексиканский залив. И тут все та же картина: против кораблей и пароходов толпятся тысячи оборванных и голодных негров, рядом с ними — безработные белые грузчики.

Но говорят, что в верховьях Миссисипи всегда можно заработать несколько долларов.

Решено — прощай юг! Пароход «Бисмарк» с нашим путешественником на палубе отправился по Миссисипи. Низкие берега, окаймленные липкой тиной, редкие домишки среди полей кукурузы, мутная, грязная вода, города вроде Мемфиса, наполовину вымершие после посещения «желтой красавицы» — холеры... И это — прославленный «отец рек»!

Впрочем, американцы называли Миссисипи и менее почтительно. «Сточная труба» и «толстая грязнуха» были еще не худшими из многочисленных прозвищ этой крупнейшей реки Америки, на которой встречный пароход увидишь далеко не каждый день. А чаще попадаетея разная мелочь: пловучая фотография, пристающая у каждой фермы, лодка с переселенцами, нагруженная домашним скарбом, да временами плот.

На пароходе Владимирова обокрали, и, сойдя на берег в Сен-Луисе, он прежде всего снес ростовщику последнюю свою драгоценность — часы. К счастью, работа нашлась уже на второй день: местные власти решили, опасаясь вспышки эпидемии, хоть немного очистить город от накопившегося мусора и нечистот.

Наш волгарь убедился, что деловой американец умеет «сделать деньги» даже из холеры.

Прямо на улице курчавый джентльмен, называя себя доктором Мак-Брайтом, утверждал, что он был в Китае и сделал там «последнее и величайшее открытие».

— Мой состав из различных сортов чая, — надсаживался пройдоха, — холеру излечивает в две минуты! Две минуты — и никакой холеры!

Тут же «доктор» предлагал желающим купить его снадобье по доллару за флакон.

Рядом с ним старался привлечь внимание толпы его конкурент, «доктор» Фриц. Тот нанял скрипача и собравшимся послушать игру всовывал афишки, в которых говорилось, что доктор Фриц излечивает холеру, глухоту, слепоту и прочие болезни посредством совершенно нового способа лечения. «Едва вы войдете в наш кабинет, как мы скажем вам вашу болезнь, не задав ни одного вопроса», — уверяла афишка.

Жертвами этой шарлатанствующей братии оказывались прежде всего заболевшие рабочие, которые были не в состоянии обратиться к хорошему врачу: ведь тому надо платить много денег.

К осени, когда начались дожди, работы в Сен-Луисе сократились, и Владимиров задумал попытаться удачи в Чикаго. Первое, что он услышал в этом городе:

— Плохо здесь — работы нет...

С огромного озера Мичиган, у которого расположен город, дул холодный осенний ветер. Деревья уже сбросили листву, прохожие поднимали воротники пальто. Вдоль озера, на так называемом «Золотом берегу», стояли особняки богачей. Здесь же, у Мичигана, находились кварталы делового центра города — «Лупа». «Луп» — это в переводе «петля»: тут делали круг линии городской железной дороги. Но не из этих ли кварталов спекулянты скотом и пшеницей закидывали петлю на шею фермеров?

Гостиницы «Золотого берега» не спешили открыть двери перед оборванным «Майклом», и ему пришлось познакомиться с трущобами Чикаго, которые выразительно назывались «малым адом».

Владимиров попал на берега Мичигана в особенно неудачное время: в Соединенных Штатах как раз начался очередной кризис.

Вот как описывал впоследствии Владимиров эти дни в своей книге «Русский среди американцев»:

«Кризис, начавшийся с Нью-Йорка, с каждым днем

становится все шире; фабрики, заводы, мастерские закрывались с такой быстротой, как будто они соперничали между собой. Рабочие с озлобленными лицами массами бродят по городу без всякого дела; газеты каждый день приносят известия все хуже и хуже. Трудно и страшно подумать о том, что будет в разгаре зимы. Заработная плата упала донельзя... На улицах появилось необыкновенно большое число американских нищих».

Капиталисты всячески старались отвлечь внимание голодных людей от кризиса и безработицы. Печать открыто призывала к войне. Некоторые газеты писали, что «не следует упускать случая переломить кризис и дать работу незанятым рукам».

Если бы нашему путешественнику не посчастливилось попасть в маленькую деревушку польских переселенцев недалеко от Чикаго, он вряд ли перенес бы трудную зиму. В деревушке Владимиров копал землю, рубил лес, строил бараки и кое-как продержался до весны.

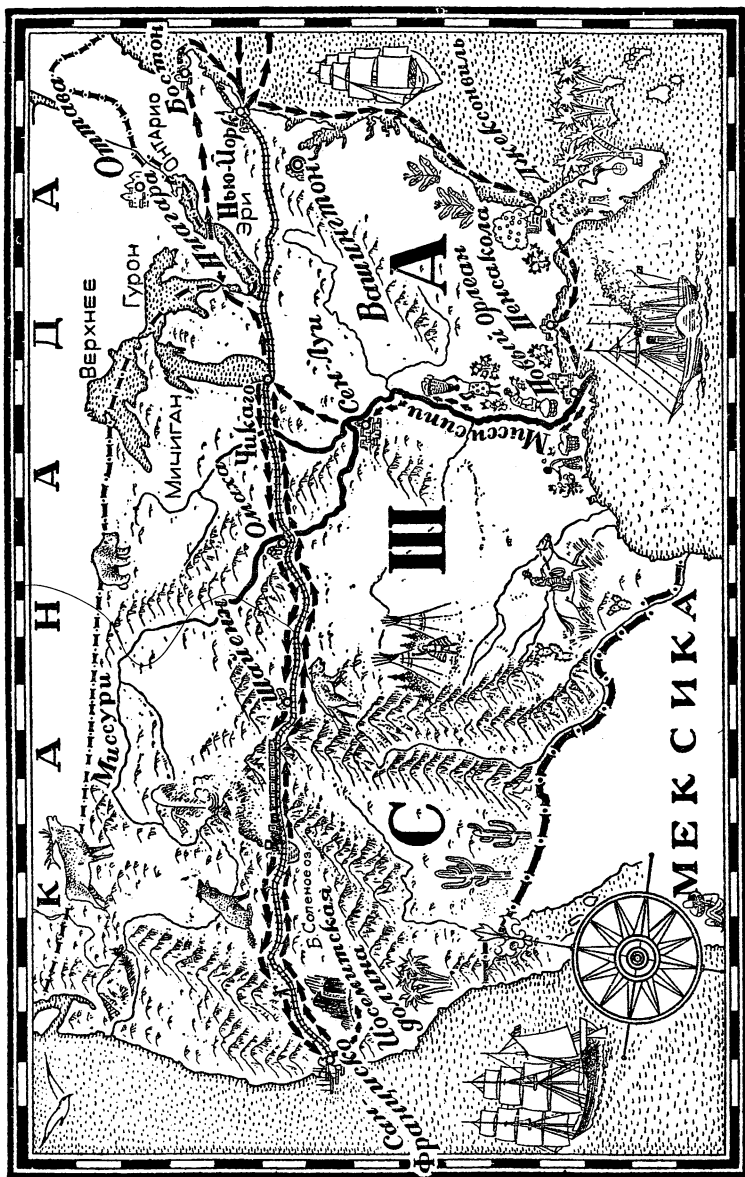
Апрельской ночью неутомимый странник вышел на дорогу, ведущую к железнодорожной станции. С восточной частью Соединенных Штатов он уже немного познакомился, теперь его интересуется западная. У него нет денег — что ж, он будет путешествовать по стране долларов без долларов. Он решил... но пусть лучше об этом расскажет запись в его дневнике, сделанная в апреле 1873 года:

«Иду пешком до Сан-Франциско. Путь — до 3000 километров. Меня страшат смертью от жажды, индейцами и т. д. Я иду, что бы мне ни предстояло...»

И зашагал наш волгарь вдоль железнодорожного полотна через Американский материк, к берегам Тихого океана.

Начал он свое пешее странствование там, где равнинные нижние прерии — степи — переходили в полупустынные плато верхних прерий, в предгорья североамериканских Кордильер. Эта цепь хребтов, разделенных долинами, тянулась на многие сотни километров. Самыми крупными в цепи были Скалистые горы, к которым направлялся русский.

На одной из станций учитель увидел наконец трех самых настоящих индейцев. Они драпировались в невообразимые лохмотья, но сколько врожденного благородства было в осанке этих людей!

У ног индейцев лежала шкура буйвола. Они втроем продавали это, может быть, последнее свое сокровище — молча, с достоинством. Владимиров вспомнил назойливые вопли «доктора» Мак-Брайта и зазывное пиликанье скрипки «доктора» Фрица из Сен-Луиса...

«Бродячая Америка» — люди, кочующие из одного конца страны в другой в поисках работы, создали искусство бесплатной езды на товарных поездах. Попробовал и «Майкл». Но едва он вскочил на подножку вагона, как кондуктор осветил его фонарем и велел убираться прочь. Потом нашего странника научили кое-каким приемам, и один перегон он сделал, держась между двумя вагонами поезда.

Пустынная местность с бугорками, поросшими жесткой травой, с цепью холмов, с бурыми пустошами, которая простиралась за городом Шайенном, мало походила на горную страну. Но расположена она была уже на высоте трех километров над уровнем моря, и десять месяцев в году тут держалась погода, менее всего благоприятствующая пешеходам.

К ночи дождь, смешанный со снегом, загнал Владимира в сооружение из старых шпал, похожее на шалаш. Перед ним пылал костер. Тут уже устроились на ночлег двое пешеходов.

С грохотом проносились поезда мимо русского и двух американцев, ужинающих хлебом, размоченным в кипятке. Приди к ним сюда сам президент, которому в Америке, по слухам, каждый может пожать руку, — вряд ли они встретили бы его приветливо...

А утром — снова в путь. Холмы превращаются в горы. Дорога виляет по ущельям. На станции Шерман, которая рекламировалась как «высочайшая железнодорожная точка в мире», Владимиров пробрался в вагон эмигрантского поезда. Высадили его на ходу, когда паровоз замедлил ход возле нависших над полотном дороги снежных карнизов. Было очень холодно, и путешественник с тоской смотрел на удаляющийся поезд.

— Это вы были там?

Волгарь обернулся: перед ним стоял дорожный обходчик с фонарем в руке.

— Был, да прогнали.

— К какой нации вы принадлежите, приятель?

Владимиров сказал. Обходчик обрадовался и стал жать ему руку:

— А я чех. Очень рад! Пойдемте ко мне. Вот приятная неожиданность!

В маленькой избушке хозяин тотчас сварил кофе и стал потчевать гостя бисквитами. Чех долго расспрашивал о России. Потом новые друзья стали учить друг друга языку: хозяин называл вещи по-чешски, а гость — по-русски.

Чех рассказал Владимирову, почему почти незаметен подъем к самым высоким местам между двумя океанами: плато верхних прерий, постепенно повышаясь, плавно переходит в предгорья Скалистых гор.

— Завтра вы войдете уже в настоящие хребты. Вон они синеют, — сказал чех, прощаясь с Владимировым на следующее утро. — Счастливый путь!

Назавтра Владимиров зашагал мимо сумрачных гранитных громад, перешел по мосту через гулкое, глубокое ущелье, за которым потянулись сосновые леса. Валил снег; даже быстрая ходьба плохо грела.

По дороге русский догнал безработного, идущего в Калифорнию. На маленькой станции им удалось забраться в товарный поезд. Но не успели они отъехать и нескольких миль, как их осветил фонарь проводника:

— Хелло, друзья мои! Откуда и куда вы едете?

— Добрый вечер, господин проводник, — отвечали «зайцы». — Как ваше здоровье, господин проводник?

— Благодарю вас. Куда же вы направляетесь?

Получив ответ, проводник подставил ладонь:

— Ну?

— У нас только доллар и пять центов.

— Ладно, — сказал проводник не без великодушия, — доллар я возьму себе, а пять центов оставьте у себя — пригодятся.

Однако, получив деньги, он обманул своих пассажиров, посадив их в вагон, который отцепили на маленькой станции в горах.

Перекинутые через пропасти мосты, сумрачный гранит скал, шум потоков в ущельях, ослепительные снежные шапки на соснах — все это было ново и прекрасно. Но когда в желудке пусто, а ночь застаёт пешехода в совершенно безлюдной местности, когда эхо вторит заунывному вою и в темноте зеленеют огоньки волчьих глаз, — тогда меньше всего думается о красоте пути.

— Как воют, проклятые! Должно быть, тоже не ужинали, — мрачно шутил спутник Владимирова. — Не потопиться ли нам?

Ночевали пешеходы под крыльцом станционного здания. Станция называлась «Горький ручей», а две соседние — «Красная пустыня» и «Черные края». Здесь русский вскочил на площадку замедлившего ход курьерского поезда; спутник не решился последовать его примеру. Ссадили смельчака посреди дороги. Ночевал он в яме, прислушиваясь к волчьему концерту и сжимая складной нож.

На маленькой станции Владимирова наняли сгребать снег, а несколько ночей он провел на полу жалкого барака. Мимо в обе стороны тащились люди с котомками.

Вдоль дороги были расположены посты солдат для охраны от индейцев. Солдаты сопровождали большие группы странников. Однако пешеходы смело шли даже в одиночку. Страх перед длительной безработицей и голодом был куда сильнее страха перед индейцами, который всячески старались раздуть грязные политиканы, добивавшиеся выселения всех «краснокожих» с земли их дедов и прадедов.

Хребет Уосач, последний из крупных отрогов Скалистых гор, оборвался отвесной стеной к Большому бассейну — почти безводной пустынной равнине с редкими цепями невысоких холмов и обилием соленых озер. Она тянулась на сотни километров до хребта Сьерра-Невада, за которым лежит Калифорния.

Владимиров пришел к берегам Большого Соленого озера — огромного водоема, длиной в десятки миль, наполненного скорее рассолом, чем водой. Его называют иногда «потерянной рукой океана»; здесь фермеры после бури лопатами сгребают слой соли, оставленный волнами на камнях.

Не только в озерах и ручьях нельзя было утолить жажду, — даже в некоторых колодцах вода была соленой, подернутой каким-то зеленоватым налетом. Безотрадная местность с холмами красноватых песков, в которую попал русский, называлась Пустыней Соленого озера.

...Снова вагонные площадки, фонари кондукторов:

— Хелло! Куда едете, дружище?.. Деньги есть?.. Нет?.. Слезай к чортовой бабушке!

Снова пески, пятна соли, змеи, шипящие в камнях, редкие жилища индейцев, колючие кустарники, кости павших животных. Ночи, когда не попадает зуб на зуб, палящее полуденное солнце. Снежные хребты Сьерры-Невады и наконец долина «Золотого штата» — солнечной Калифорнии.

Пешеход едва поверил себе, когда увидел бухту, обрамленную холмами. Вечерело, и на холмах зажглось множество огней. Это был Сан-Франциско.

Владимиров подсчитал: до Тихого океана он шел 66 дней 1 час 30 минут.

Сан-Франциско, расположенный на холмистом полуострове между заливом и океаном, делился, как и Чикаго, на кварталы богачей и немислимые трущобы. Особенно тесно и грязно было в китайской части города.

Китайцев завезли сюда как самых дешевых рабочих. Когда работы сократились и появилось множество безработных, началась разнузданная травля «желтокожих дьяволов».

Русский присутствовал на одном сборище, организованном расистами. Ораторы вопили о «желтой опасности». Какой-то старикашка, брызжа слюной, кричал:

— Я знаю, что нам делать! Изгоним их назад в Китай — или пусть их утопят в океане!

Потом поднялся на трибуну деятель демократической партии генерал Винн:

— Если эти «свинячьи хвосты» не уйдут от нас добровольно, то мы выгоним их силой!

После таких поджигательских речей толпа хулиганов отправилась громить китайские кварталы...

В Сан-Франциско волгарь прожил довольно долго. Он учил здесь детей в нескольких русских семействах. Впервые за долгие месяцы у него была настоящая работа.

Между прочим, от своих новых знакомых он узнал подробности одного грязного дела. Местные капиталисты, дав крупные взятки продажным чиновникам во Владивостоке и Петропавловске, отправили целую флотилию для хищнической добычи морских котиков в русских водах. «Парусные суда «наших заатлантических друзей» били зверей и плавали там, как у себя дома!» — с возмущением писал Владимир на родину.

Скопив немного денег, учитель отправился смотреть калифорнийские достопримечательности.

Горная тропа привела русского к домику с вывеской «Окаменелый лес. Ч. Иванс, владелец». Тут же висела надпись: «За осмотр — 50 центов».

Почтеннейший Ч. Иванс выкопал из купленной им земли окаменевшие тысячи лет назад деревья. Тут были тонкие и толстые стволы, покрытые корой, какие-то каменные обрубки, пни. У одного ствола торчали окаменевшие корни.

Следующую прогулку Владимиров совершил в знаменитую Мамонтовую рощу, где растут гигантские секвойи. Эти хвойные деревья живут до четырех тысяч лет! Задолго до нашей эры те деревья, которые увидел потрясенный экскурсант, уже тянулись к солнцу. Они подняли теперь свои красноватые стволы выше двадцатипятиэтажного дома, и рядом с ними обычные деревья казались хилым кустарником. Миллионы лет назад секвойи росли и в Европе, но теперь на земном шаре их осталось совсем мало.

Волгарь читал дощечки на стволах и пнях. Пней было больше, чем стволов. Вот пень «Первобытного большого дерева». Вот лежит на земле «Отец леса». Его ствол достигает чуть не ста двадцати метров. Рядом — «Мать леса», вполне бодрая старушка, готовая простоять еще веков десять-пятнадцать. Но почему-то с нее ободрали кору. «Старый холостяк» стоит с высохшей вершиной, а рядом с ним печальный пень «Старой девы». Недалеко «Сиамские близнецы» — два великана, почти сросшиеся у корня.

Соседняя, Южная роща еще величественнее. Здесь в дупле одного из деревьев недурно устроился на постоянное жительство охотник. Он уверял, что в его «комнате» могло бы разместиться более двадцати лошадей.

Волгарь, насмотревшись за день чудес и порядком устав, прилег было у ствола понравившейся ему секвойи. Но тут что-то вдруг засвистело в воздухе и грузно шлепнулось на землю. Наш турист вскочил. Оказывается, с секвойи упала шишка, но какая — с самовар!

Только что учитель устроился на открытой поляне, подальше от шишек, как страшный треск, а затем чудовищный удар, от которого содрогнулась земля, снова заставил его вскочить на ноги.

Он поспешил туда, откуда донесся треск, и встретил лесорубов. Да, срублено еще одно мамонтовое дерево, сказали они. Чертовски трудная работа! Видел русский

путешественник пень «Первобытного большого дерева»? Его сверлили и подрубали три недели, прежде чем оно грохнулось.

— Да зачем же было валить? — простонал Владимиров.

— О, большой бизнес! Босс содрал с дерева кору и построил из нее танцевальный зал в Нью-Йорке — кажется, «Крошка и Мамонт» или что-то в этом роде. Этот малый положил в карман пятьдесят тысяч долларов чистоганом — вот как! Кору немного не хватило, и босс ободрал также «Мать леса»...

В Йосемитскую долину, красивейший уголок Калифорнии, учитель пошел вместе с русским, несколько лет назад приехавшим в Америку. Тот долго скитался по стране, голодал, бедствовал.

— Видите гору? — говорил он. — Я ломал там камни. А за тем холмом — домик фермера: там прессовал я сено. Заклинаю: никогда не беритесь за эту работу — пыль, грязь, а платят гроши...

Эти воспоминания несколько мешали наслаждаться красотой Йосемитской долины. А красива она была просто сказочно. Будто кто-то вдавил в неостывшую землю горную цепь, потом вынул ее — и получилась причудливая вмятина головокружительной глубины. В бездну с голубоватых отвесных скал летели жемчужные водопады. А над всем этим — ослепительное синее небо Калифорнии.

...И вот наш путешественник снова пересекает Американский континент — на этот раз уже по железной дороге: в Сан-Франциско земляки помогли ему собрать деньги на билет.

Мелькают знакомые места. На маленьких станциях попрежнему встречаются поезда с эмигрантами: одни едут с востока на запад, другие — с запада на восток. Нужда и горе на колесах...

Все ближе берега Атлантического океана. Но как можно покинуть Америку, не увидев Ниагары? И Владимиров делает остановку.

Воды четырех больших озер — Верхнего, Эри, Гурона и Мичигана — имеют один выход в озеро Онтарио: реку Ниагару. На этой-то реке с высоты почти пятидесяти метров вода и низвергается знаменитым водопадом, достигающим в ширину 1300 метров.

Скалистый Козий остров разделяет его на две части — американскую и канадскую. На этом острове индейцы, называвшие Ниагарский водопад «Могучим громовержцем», хоронили некогда своих вождей. Белые пришельцы, меньше всего считавшиеся со святынями индейцев, стали пасти там коз.

Вода, бурля и пенясь в порогах перед водопадом, густозеленой подковой бросалась затем в пропасть. И днем, при солнце, и ночью, при свете луны, мост радуги в облаках водяной пыли соединял берега.

Русскому туристу дали — конечно, за отдельную плату — затасканный непромокаемый костюм и веревочные лапти. Он спустился под занавес водопада. Сквозь зеленую толщу воды едва проникал свет. Водопад ревел так, что можно было оглохнуть.

Владимирову посоветовали остаться на неделю. Пусть русский не пожалеет нескольких долларов: тогда он увидит, как в водопад будет пущено судно с собаками и козами. Конечно, это менее захватывает, чем спуск человека в закупоренной бочке. Но после того, как несколько бедняков, прельстившись деньгами, переломали себе в водопаде хребты, желающих пока больше не находится. Впрочем, говорят, какой-то цирковой артист вызвался пройти над водопадом по проволоке. Но с ним владельцы гостиниц у водопада никак не могут сойтись в цене.

Владиминова не прельщали эти развлечения. Он спешил в Бостон к выборам губернатора.

Путешествуя по стране долларов без долларов, русский учитель видел то, чего не видели праздные туристы. Что это за свободное государство, если рабочие умирают в нем с голоду? А американская демократия? Во время выборов демократ Твид и его приспешники купили десять тысяч голосов по десяти долларов каждый и все же провалились, потому что слишком опозорили себя мошенничеством и воровством.

«Выбирая кандидата, партии почти не заботятся о его честности, а просто выбирают человека, который бы меньше других воровал, — записал он в своем дневнике. — Нью-йоркский гражданин на вопрос русского, за кого он будет подавать голос, отвечал: «За демократов, потому что там меньше воров, чем у республиканцев». С болью в сердце видишь, что обман, насилие, подкуп становятся решительно преобладающими элементами американских

выборов... Не желая уступить ни одного процента из своих барышей, капиталисты пьют кровь рабочих...»

После долгих скитаний возвратился наш странник в Нью-Йорк, на землю которого почти четыре года назад он ступил, полный самых розовых надежд. Он встречал за свое путешествие немало отзывчивых людей, особенно среди американских рабочих. Он видел красивые здания и большие города, насмотрелся чудес природы. Как учитель он мог засвидетельствовать, что во многих городах Америки хороши школьные здания.

Но сколько рядом с этим злого, уродливого, отвратительного — всего того, что порождено властью денежного мешка!

...И вот Владимиров, притулившись на палубе парохода между тюками товаров, видит, как тает в вечерней мгле мигающий огонь маяка нью-йоркской гавани. У тусклого судового фонаря он, едва различая буквы, заносит на последней странице своей записной книжки:

«Да, за эти четыре года во мне составилось убеждение, что чужие земли хорошо и полезно смотреть, но для жизни нет страны лучше родного края... Обращая свой взор к востоку, загораются восторгом глаза, радостно бьется сердце, стоишь на палубе судна и с пламенно искренним пожеланием блага родине несешься к родным берегам».

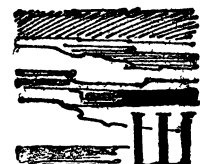
Он ставит точку и, помедлив, размашисто приписывает слово: «Конец». Океан мерно катит волны, заметно усилилась качка. Огонь маяка мелькнул последний раз и исчез.

Мерно стучит машина, и в ее стуке слышится: «Домой, домой, домой...»

СКАЧКА К ПОЛЮСУ

Шестого апреля 1909 года, проснувшись после нескольких часов тяжелого сна, напоминавшего безпамятство, Роберт Пири записал в путевом дневнике:

«Наконец у полюса. Приз трех столетий. Моя мечта и цель в течение двадцати лет. Наконец-то он мой! Я не могу осознать это как следует. Все кажется таким простым и обыденным».

Пальцы, скрюченные холодом, плохо слушались. Буквы получились корявыми. Кряхтя и охая, Пири выполз из снежной хижины.

Да, он взял приз! Надо будить остальных, воткнуть в снег флаги тех обществ и клубов, которые дали ему деньги на экспедицию, сфотографироваться поторжественнее, еще раз произвести астрономические наблюдения...

Двадцать лет он стремился сюда. Двадцать лет!

* * *

Роберт Пири включился в международные скачки к Северному полюсу в конце XIX века.

Скачками эту борьбу за то, чтобы первым наступить ногой на северный конец земной оси, назвал кто-то из исследователей. И действительно она была похожа на азартные состязания. Заключались крупные пари. В Америке был назначен даже денежный приз для того, кто первым придет к цели.

Пири вошел в эту игру почти случайно, уже после того, как многие экспедиции потерпели неудачу. Он был инженером и работал на изысканиях канала в джунглях Никарагуа. Когда канал раздумали строить, Пири стал искать, чем бы заняться. Ему попала на глаза беглая заметка о безлюдных просторах Гренландии и ее вечных льдах. Пири нашел, что это стоящее место для энергичного и не робкого человека, жаждущего известности.

Впервые Пири отправился в Гренландию на судне «Коршун». Во время маневров корабля железный румпель переломил путешественнику обе кости над лодыжкой. Перелом был весьма тяжелым, но участник экспедиции доктор Фредерик Кук показал себя великолепным врачом. Он самоотверженно ухаживал за больным. Пири не мог нахвалиться своим другом и его искусством.

Едва переломы срослись, как Пири вместе с Мэтью Хенсоном отправился в поход через ледяной купол Гренландии. Даже для совершенно здорового человека этот путь был труднейшим испытанием. Пири прошел его. У новичка оказались такие воля и настойчивость, которым могли бы позавидовать многие прославленные арктические путешественники.

Вернувшись в Америку, Пири стал готовиться к новой экспедиции. Ему нужны были деньги, много денег. Тогда он поехал по городам с лекциями о Гренландии. Пири выступал по несколько раз в день, затмевая самых неутомимых церковных проповедников. Он прочел 168 лекций и заработал 13 тысяч долларов. Но полярные экспедиции обходятся очень дорого. Дельцы советуют Пири показывать за деньги своего помятого льдами «Коршуна», как показывают разные достопримечательности на ярмарках. Поколебавшись, Пири согласился. А сделав первый шаг, он не удержался и от второго: выгодно запродал нью-йоркской газете «Сэн» свои еще не написанные письма и дневники еще не начатой экспедиции...

Все эти небольшие сделки с совестью оказались в конце концов напрасными: экспедиция окончилась неудачей.

Но Пири не из тех людей, которых легко сломить. Раздумывая над тем, где бы достать денег, он вспоминает о метеоритах, обнаруженных много лет назад на мысе Йорк. Норденшельду удалось даже вывезти часть этих метеоритов в шведские музеи. Так не позор ли для национальной чести Америки не иметь хорошего куска межпланетного железа и в своих музеях?

«Позор, позор!» — подхватывают газеты.

Пири готов спасти национальную честь. Ему помогают снарядить экспедицию. Он привозит с мыса Йорк несколько осколков и крупный метеорит весом в 90 тонн. На этот последний находится солидный покупатель — любитель редкостей мистер Морис Джезуп. В кармане Пири — чек на 40 тысяч долларов.

Известность Пири начинает расти. Деловые люди Америки одобрительно отзываются о нем, как о человеке, умеющем «делать деньги». В воскресных журналах появляются портреты Пири. Когда корреспондент газеты спрашивает, какую пользу приносят полярные исследования, Пири говорит:

— А какую пользу приносят состязания в беге яхт, атлетические состязания, испытания машин и военных судов или какое-нибудь из бесчисленных испытаний, бывших со времени младенчества мира единственным средством определить превосходство одних людей, машин, методов, наций над другими?

Готовя свою первую экспедицию к Северному полюсу, Пири не скрывает, что научные исследования вовсе не являются главной ее задачей. Главное — прийти первым, доказать свое превосходство.

Но Пири снова не везет. В пути он обмораживает ноги. Как бы пригодилось ему теперь искусство доктора Фредерика Кука! К сожалению, Кука нет в экспедиции. Часть пальцев приходится ампутировать.

И снова Пири проявляет недюжинную силу воли. Еще не расставшись с костылями, он плетется за Мэтью Хенсоном дальше на север, создавая в ледяной пустыне запасы провианта для своих будущих экспедиций. Неудача не охлаждает его.

Вскоре выходит книга Пири о его первых полярных путешествиях. Американец не хочет ждать, пока его оценят другие. Он сам заботливо перечисляет свои заслуги:

«Я открыл новый способ полярных путешествий».

«Я могу считать себя инициатором идеи использования самих собак в пищу собакам».

«Я ввел в первый раз и показал годность различных новых методов выдающейся ценности для полярного путешественника».

«Влияние моей экспедиции на эскимосов состояло в том, что подняло всю расу до благосостояния».

Всю расу — никак не меньше! Как видно, скромность — не в числе добродетелей Роберта Пири.

Но зато сколько в нем упорства, настойчивости, трезвого расчета! Писание книги лишь ненадолго задерживает его в Нью-Йорке. Шаг за шагом он разведывает подступы к полюсу. Экспедиции следуют одна за другой. Путь для небольшого отряда в краю ледяного безмолвия неизменно прокладывает все тот же Мэтью Хенсон. Но, уже не раз упоминая это имя, мы, кажется, забыли рассказать о человеке, который его носил.

Предоставим же слово для рекомендации самому Пири: «Мэтью Хенсон — мой слуга; смелый чернокожий, родом из Виргинии, 23 лет. Его ум и преданность, в связи с отвагой, выказанные им в течение нескольких лет, проведенных со мною в различных экспедициях и в джунглях Никарагуа, заставили меня смотреть на него, как на ценного члена экспедиции».

Чем сильнее затягивает Пири «великая полярная игра», тем заметнее игрок вытесняет в нем исследователя. Теперь он уже не стал бы раздумывать над тем, хорошо ли продавать свои письма или торговать метеоритами. В азартной игре — свои законы.

Далеко на севере американец встречает норвежца Отто Свердруп. Свердруп рад: вот великолепный случай отправить близким письма, отчет о результатах научной работы.

— Письма? С удовольствием, — говорит Пири. — Но отчет... К сожалению, я не могу это взять на себя.

Пири предполагает, что норвежец успел сделать больше, чем он. А если это так, то пусть, по крайней мере, мир узнает об этом как можно позже. Или не узнает вовсе: ведь сколько экспедиций гибнут в Арктике...

Когда Пири удастся открыть самый северный мыс Гренландии, он не перебирает в памяти имена достойнейших полярных исследователей, еще не увековеченных на

карте. Чем плохо название: «Мыс Мориса Дезюпа»? У Дезюпа водятся деньги. Он щедро заплатил за метеорит и может пригодиться в дальнейшем.

Еще не достигнув полюса, Пири становится знаменитым не менее чемпионов бокса. Организован «Арктический клуб Пири» во главе с мистером Морисом Дезюпом. Для Пири специально построено судно «Рузвельт», на котором нет разве только птичьего молока. Существуют «сани Пири». Есть «мыло Пири». Наконец известен «метод Пири», который в конце концов обязательно должен принести победу в скачках к полюсу. В чем заключается этот метод?

— В том, — отвечает Пири, — что два человека будут существовать последние четыре или пять дней своего обратного путешествия от полюса мясом своей последней собаки, которая предварительно съест всех своих товарок.

Не теряя даром времени, Пири готовится к решающему ходу в игре. Он вынужден торопиться: у него много конкурентов. Тщеславный американский миллионер Циглер отправляет на полюс экспедицию; правда, вряд ли ей удастся сделать многое, потому что возглавляет ее бывший кавалерист Фиала, искушенный не столько в арктических исследованиях, сколько в скачках с препятствиями.

Журналист Уэльман собирается к полюсу на воздушном шаре. Газеты сообщают, что за шаром будет волочиться по льду пятидесятиметровая чудо-колбаса, начиненная смесью сушеного мяса и гороха. Она устроена так, что в пути от нее будут отрываться куски — готовые склады продовольствия на обратном пути Уэльмана...

Хотя незадачливый журналист пролетает всего несколько километров, шумиха вокруг его полета неприятна Роберту Пири: он любит, чтобы говорили только о Роберте Пири.

И вот начатая в 1908 году его новая экспедиция заставляет забыть и о Циглере, и о Фиале, и об Уэльмане, и о всех прочих.

* * *

Для решающей игры Пири выбрал себе отличных помощников. Вот они:

Цветущий, полный сил Роберт Бартлетт — «капитан Боб». Молодые ученые: не раз побывавший в Арктике

профессор Марвин и доцент физических наук, отличный спортсмен Мак-Миллан. Неизменный победитель университетских состязаний силач Боруп. Разумеется, Мэтью Хенсон. Доктор Гудсэл, которому, правда, далеко до милейшего доктора Фредерика Кука, но все же он знает свое дело. Наконец, много эскимосов; из них можно выбирать самых здоровых и неприхотливых.

Много лет назад на арктический лед впервые ступил полный надежд молодой человек, волевой и мужественный. Он пронес эти качества через нелегкую жизнь полярного путешественника. Но в том мире, где власть золота уродует человека, к ним, словно ракушки к днищу корабля, налипла всяческая дрянь, принижающая самые сильные натуры.

Теперь покорить полюс собирается опытный делец, взвесивший, сколько стоит в игре любой из его спутников.

Он не открывает им свои карты. Никто, кроме самого Пири, не должен знать, как далеко по дороге к полюсу пойдет каждый из них. Такое условие было поставлено сразу.

Пусть стараются изо всех сил, пусть каждый надеется, что именно он будет спутником Пири на последних этапах и разделит с ним славу открывателя полюса.

22 февраля 1909 года санные партии уходят на штурм. Пири, в своем меховом костюме, сшитом так, что человек кажется обросшим теплой мохнатой шерстью, пропускает мимо себя упряжку за упряжкой. Он должен идти последним, по проторенной дороге, сберегая силы.

Мучительная прокладка пути поручается сначала отряду Бартлетта. «Капитан Боб» ломает торосы, протаптывает колею, строит «иглу» — эскимосские снежные хижинки для отдыха отряда Пири.

Полюньи дымят паром. Мороз таков, что керосин становится белым и вязким. Ветер валит с ног. Но то ли еще видели Пири и его спутники в прошлые свои экспедиции!

Постепенно Пири отсылает назад поодиночке тех людей, которые, по его мнению, сделали свой нужный ход в игре.

Уходят доктор и опечаленный Мак-Миллан.

За ними отправляется Боруп, только что спасший с риском для жизни сорвавшуюся в полюнью собачью упряжку и по общему мнению не уступавший эскимосам в выносливости и ловкости.

Затем, выполняя приказ, повернул назад Марвин, нашедший на обратном пути смерть в одной из полыней.

«Капитан Боб» и Мэтью Хенсон, сменяя друг друга, протаптывают путь дальше к полюсу. Пири ночует в готовых снежных хижинах. Он чувствует себя бодрым, полным сил. Все сулит ему удачу. Мороз перебросил ледяные мосты через полыньи. Эскимосы рвутся вперед: Пири пообещал, что тем, кто дойдет с ним до полюса, он даст лодку, ружье и патроны. Ради такого несметного сокровища любой эскимосский охотник готов заложить душу дьяволу!

Утром 30 марта в снежном лагере на широте 84° 47' Пири выбирает себе спутников для последнего броска к полюсу.

Перед ним стоит отряд Бартлетта: сам «капитан Боб» — великолепный астроном и опытейший полярный путешественник, рядом — молодой, легкомысленный эскимос Укеа, впервые участвующий в полярной экспедиции, и еще два эскимоса постарше.

— Укеа, ты пойдешь со мной, — медленно говорит Пири, не глядя на «капитана Боба». — И ты, Хенсон.

Бартлетт бледнеет. Как, Пири берет с собой неопытного Укеа и отправляет назад его, Бартлетта?! Нет, он ослышался, не может быть...

— Мне бесконечно жаль... — говорит Пири.

Внезапная догадка осеняет Бартлетта: Пири не хочет делить славу и деньги с другим белым человеком! Он берет с собой негра и эскимосов — а кто же из дельцов в Америке считает их за людей...

Уже не бравый «капитан Боб», а усталый, ссутулившийся человек, придавленный вопиющей несправедливостью, вяло бредет на юг, размышляя о цене дружбы.

Что думает в эти часы Пири? Просыпается ли в нем раскаяние, испытывает ли он угрызения совести или душа его уже так очерствела, что такие чувства ей недоступны? Мы никогда не узнаем этого. В свой заранее проданный газетам дневник Пири записывает о Бартлетте строки, в которых нет правды:

«Мы с ним сердечно простились. Я долго смотрел вслед могучей фигуре капитана... Мне было невыразимо грустно, что пришлось расстаться с лучшим товарищем и бесценным спутником, всегда жизнерадостным, спокойным и мудрым, на долю которого выпала самая тяжелая рабо-

та по проложению пути для наших партий. Но делать было нечего...»

После ухода Бартлетта головную упряжку повел Хенсон. Эскимосы Эгингва, Сиглу, Ута и Укеа помогали ему. Утром 6 апреля Пири определил широту: до полюса осталось три мили.

Сказалось нервное напряжение последних дней: Пири еле передвигал ноги. Хенсон и эскимосы поспешно построили хижину.

Немного отдохнув, Пири сделал несколько поездок в разных направлениях, определяя широту. Убедившись, что его отряд находится в районе полюса, он велел воткнуть в снег флаги, затем сочинил записки о достижении северного конца земной оси и положил их в стеклянную бутылку. После этого все трижды прокричали «ура». Пири пожал руку эскимосам и особенно поблагодарил верного Хенсона.

А позже в своей книге он написал, что белые спутники могли оказаться на последнем этапе к полюсу в роли пассажиров (это Бартлетт-то пассажир!), «Хенсон же являлся как бы частью транспортного механизма».

И, словно подчеркивая смысл этой отвратительной фразы, приписал тут же, связывая одно с другим: «В большинстве наши собаки были сильные самцы, крепкие, как кремень, но без единого грамма лишнего жира».

Человека, самоотверженно и бескорыстно делившего с ним все опасности полярных путешествий, Роберт Пири уравнивал с собаками, как две части одного транспортного механизма...

* * *

Пири возвращается с триумфом. Его ждут слава и крупный денежный приз. Навстречу «Рузвельту» выходит пароход с корреспондентами чуть не всех нью-йоркских газет. Журналисты окружают Пири. И первый вопрос после поздравлений:

— Что господин Пири думает по поводу открытия доктора Кука?

Доктор Кук? А-а, Фредерик Кук, старый дружище! Но что же он такое открыл, этот славный малый, доктор Кук?

Корреспонденты в замешательстве. Как, разве гос-

подин Пири не знает? Доктор Кук открыл Северный полюс!

Пири потрясен. Его опередили. Не может быть! Только не это...

— Я еще не знаю подробностей, но убежден, что ваш доктор Кук — лжец и мошенник, каких не видел свет, — говорит он.

Корреспонденты в восторге. Сенсация! Жирные заголовки: «Пири против Кука», «Еще одна загадка полюса», «Пири говорит: нет!», «Пири обещает вывести Кука на чистую воду».

А доктор Фредерик Кук в это время разъезжал по Америке с лекциями о том, как ему удалось покорить полюс. Газеты называли его не иначе, как «великим доктором Куком». Взрослые и дети зачитывались книгой об его арктическом походе.

Благодаря щедрой помощи просвещенного миллионера мистера Брадлея, рассказывал доктор в этой книге, ему удалось снарядить полярную экспедицию. Путь к полюсу он, Кук, вместе с несколькими эскимосами начал 18 марта 1908 года. Через некоторое время ему удалось обнаружить неизвестную землю. Кук назвал ее в честь своего благодетеля землей Брадлея. Преодолевая бури и морозы, питаясь собачьим мясом, доктор Кук и два эскимоса добрались до $89^{\circ} 59' 46''$ северной широты. Тут доктор свалился от усталости, но на следующий день дошел до полюса и водрузил американский флаг. Эскимосы построили снежную хижину. Фотография этой хижины украшала книгу.

Когда Куку сообщили, что Пири обозвал его лжецом и мошенником, «великий доктор» не снизошел до ответной брани.

— Да, — заявил он представителям печати, — у меня нет сомнения, что мой друг Пири, которого я бесконечно уважаю, действительно достиг полюса. Но я был на полюсе 21 апреля 1908 года, а мой друг Пири — 6 апреля 1909 года. Годом позже. Я понимаю его состояние и не сержусь на его выходки.

Однако Пири не собирался признать себя побежденным. Он нашел подозрительные противоречия в книге Кука и неустанно повторял везде и всюду, что тот наглый обманщик.

Тогда «великий доктор Кук» ожесточился. Он напра-

вил президенту телеграмму, обвиняя Пири... в похищении денег с целью распространения в Арктике многоженства. «В данное время, — заключал Кук свою кляузу, — на безотрадном севере есть по крайней мере двое детей, которые кричат о хлебе, молоке и своем отце. Они являются живыми свидетелями пакостей Пири, который покрыт паршою невыразимого порока».

Не будем приводить здесь дальнейших подробностей ссоры, которую американская печать раздувала несколько лет. Расскажем, чем она кончилась.

«Великого доктора Кука» разоблачили эскимосы. Кук считал их наивными дикарями. Но эскимосы неплохо разбирались в карте и великолепно ориентировались на льду. Они рассказали, что построили Куку хижину в 12 милях от одного из островов. Эскимосы сразу узнали ее снимок, под которым Кук написал: «На Северном полюсе». В действительности от хижины до полюса оставалось 900 километров!

Когда все это выяснилось, некоторые газеты объявили Кука «психологической загадкой». В самом деле, доктор имел солидную практику, положение в обществе и вдруг — такой конфуз!

Какая там психологическая загадка! — возражали другие газеты. Просто этот ловкач Кук сумел захватить приз под самым носом у Пири, да еще заработать кучу денег лекциями и книжкой. А его афера с ученым Рассмусеном — тоже психологическая загадка? У этого Рассмусена где-то там, во льдах, не хватило продовольствия, и он собирался жевать лямки от собачьей упряжки. Тут ему и подвернулся доктор Кук. Он дал Рассмусену провизии, но лишь в обмен на кучу голубых песцов, колоссально заработав на этом деле. Слушайте дальше! На обратном пути Кук нашел в хижине Рассмусена проданные этому простофиле свои продукты и сам же воспользовался ими. Нет, что ни говорите, а этот Кук парень с головой, он вполне мог бы стать миллионером!

Нам остается в заключение сказать несколько слов о Пири. После победы на скачках к полюсу он перестал путешествовать в Арктику. Научные результаты его последней экспедиции были ничтожными: несколько измерений глубин океана на высоких широтах — и только.

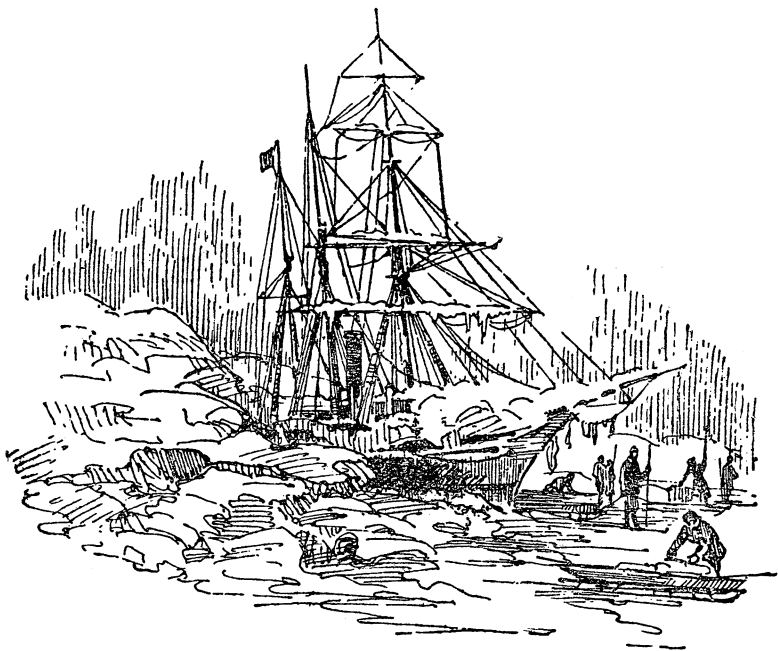
Что же, скажете вы, зато Пири все-таки достиг Северного полюса.

Но и это не бесспорно. Сомнения возникли вскоре после того, как были изучены представленные Пири материалы. И настолько сильные сомнения, что когда Пири присвоили звание адмирала, то в грамоте, которую ему вручили при этом, слова «за открытие Северного полюса» были вычеркнуты.

Заподозрить Пири в обмане нет оснований. Но его могли подвести астрономические наблюдения. Некоторые зарубежные ученые считают, что Пири не дошел до полюса на полтора градуса широты и воткнул свои флаги в 167 километрах от цели.

ДВА КАПИТАНА

Ш

турману Вал. Ив. Альбанову.

Предлагаю Вам и всем нижепоименованным, согласно Вашего и их желания, покинуть судно, с целью достижения обитаемой земли, сделать это 10-го сего апреля, следуя пешком по льду, везя за собой нарты с каяками и провизией, взяв таковой с расчетом на два месяца. Покинув судно, следовать на юг до тех пор, пока не увидите земли. Увидав же землю, действовать сообразно с обстоятельствами, но предпочтительно стараться достигнуть Британского канала, между островами Земли Франца-Иосифа, следовать им, как наиболее известным, к мысу Флора, где, я предполагаю, можно найти провизию и постройки. Далее, если время и обстоятельства позволят, направиться к Шпицбергену, не удаляясь из виду берегов Земли Франца-Иосифа. Достигнув Шпицбергена, предста-

вится Вам чрезвычайно трудная задача найти там людей, о месте пребывания которых мы не знаем, но, надеюсь, на южной части его — это Вам удастся, если не живущих на берегу, то застать где-нибудь промысловое судно. С Вами пойдут, согласно желания, следующие тринадцать человек из команды...

Капитан судна «Св. Анна» лейтенант Брусилов. 10 апреля 1914 г. в Северном Ледовитом океане».

Не правда ли, очень знакомое письмо? Ведь именно его прочел Саня Григорьев, герой романа писателя Каверина «Два капитана», разбирая в городе Заполярье старые дневники, сохранившиеся у милого доктора Ивана Ивановича.

Но если раскрыть седьмую главу четвертой части романа, то легко убедиться, что письмо списано отсюда неточно. Там сказано: «Штурману Ив. Дм. Климову», а вовсе не «Вал. Ив. Альбанову». И потом, письмо подписано в романе капитаном судна «Св. Мария» Иваном Львовичем Татариновым. Здесь же судно почему-то названо «Св. Анной» и подписано лейтенантом Брусиловым.

В чем же дело?

А в том, что предписание Георгия Львовича Брусилова штурману Валериану Ивановичу Альбанову действительно существовало. Оно попало в роман «Два капитана» из подлинных документов морского архива, и Вениамин Александрович Каверин изменил только фамилии. Даже дата совершенно точна: письмо было написано, как и сказано в романе, 10 апреля 1914 года далеко во льдах океана...

* * *

Корабль, привлечший внимание петербуржцев своей белой окраской и благородством линий, покинул место стоянки у Николаевского моста в начале августа 1912 года. Когда он шел по Неве, можно было прочесть на его рассекающем воду носу золотые буквы: «Св. Анна».

На другой день газеты коротко сообщили, что еще один русский полярный путешественник, лейтенант Георгий Львович Брусилов покинул родные берега и намеревается пройти через весь Северный Ледовитый океан из Петербурга во Владивосток. В заметках добавлялось, что экспедицию путешественник снарядил на средства своего богатого дядюшки.

Тот год, в который «Св. Анна» начала рейс, был исключительно неблагоприятным для плавания в Арктике: тяжелые льды забили все главные проливы.

Был закрыт ими и выход из пролива Югорский Шар в Карское море. Несколько пароходов, изрядно помятых при попытках пробиться на восток, дымили у кромки непроходимых льдов. Капитаны собирались уже возвращаться назад, когда в проливе показалась белая «Св. Анна».

Как раз к ее приходу ветер немного разрешил льды. Образовался узкий и ненадежный проход. Капитаны боялись вести свои суда в ледовую западню. Но «Св. Анна» хмурым рассветом смело прошла в Карское море. Почти тотчас же ледяные поля медленно сомкнулись за кормой корабля.

Это было 16 сентября 1912 года.

С тех пор «Св. Анну» никто и никогда не видел.

И, может быть, все, что произошло дальше, так и осталось бы неизвестным — мало ли трагедий разыгрывается в ледяной пустыне, мало ли экспедиций исчезает там бесследно, — если бы два года спустя к одному из скалистых мысов Земли Франца-Иосифа не подошел корабль «Св. Фока».

В густом тумане с капитанского мостика «Св. Фоки» заметили среди огромных прибрежных камней человеческую фигурку. Это было так неожиданно, что вахтенный не поверил своим глазам. Но, протерев стекла бинокля и снова взглянув на берег, он увидел, что фигурка столкнула крохотную лодочку и плывет к «Св. Фоке».

Вскоре неизвестный моряк в потрепанном кителе уже карабкался по штормовому трапу, что-то крича сиплым слабым голосом. Его бледное лицо, заросшее русой бородой, появилось над бортом.

— Я прошу помощи... Четыре человека на мысе Гранта... Они остались там... помогите... — только и мог произнести моряк.

* * *

«Св. Анна», войдя в ледяной мешок Карского моря, все же пробилась под парусами и под парами довольно далеко, до берегов полуострова Ямал. Здесь она вмерзла в лед и вместе с ним во мраке наступившей полярной ночи начала дрейф — медленное движение к северу.

Моряки не сидели без дела, скучать было некогда. Делали через прорубь промеры дна, ремонтировали судно, возили с берега плавник, доставали драгой со дна морские звезды, рачков, рыб для коллекций. В свободные часы бегали на лыжах и коньках, а по вечерам собирались в уютной кают-компании: играли на пианино, слушали граммофон и однажды устроили даже любительский спектакль. Судовой повар Калмыков сочинил стихи, которые так понравились, что их постоянно распевали хором:

Под флагом матушки-России
Мы с капитаном в путь пойдем
И обогнем берега Сибири
Своим красавцем-кораблем.

Но к середине зимы на судне уже не все было ладно. Как-то в лютый мороз моряки вздумали охотиться за белым медведем. Гнали его чуть не десять километров, но медведь ушел, а разгоряченные охотники простудились.

Единственная женщина на корабле, Ерминия Александровна Жданко, исполнявшая обязанности врача, сбивалась с ног, ухаживая за больными. Возможно, что простуда ослабила людей, и тогда какое-то странное заболевание, похожее на цыngu, постепенно превратило корабль в лазарет. Хуже всех чувствовал себя Брусилев, который пластом лежал в постели.

Болезнь пошла на убыль лишь к весне, когда стало ненадолго появляться солнце, а свежее, пахнущее рыбой мясо белых медведей не сходило со стола.

На корабле готовились продолжать плавание. Вокруг уже синели разводья чистой воды.

Но льдина, в которую вмерз корабль, плохо таяла и попрежнему цепко держала его.

Море, желанное открытое море, с редкими, не страшными пятнами ледяных полей, словно дразнило моряков. Оно было и близким и недосыгаемо далеким, как улица под тюремным окном, на которую из-за решетки жадно смотрит узник.

Моряки пытались вырваться. Они закладывали заряды пороха, пилили, кололи, долбили лед, прокладывая канал.

Но дело едва подвигалось. А дни уже снова стали укорачиваться. Вместе с полярным летом уходила надежда на освобождение.

К середине августа моряки начали готовиться ко вто-

рой зимовке. Их судно находилось в это время у 80-й параллели, в недоступных местах Полярного бассейна. Его медленно несло все дальше и дальше на север.

Когда снова пришла ночная тьма, никто уже не открывал крышку пианино. Граммофон заржавел. В кают-компании пар дыхания оседал холодными каплями на закопченном потолке. Кончился керосин, кончились свечи. В самодельных коптилках, потрескивая, чадил медвежий жир. Печки топили корабельными переборками.

Но страшнее всего был разлад, начавшийся на корабле. Нервного, вспыльчивого Брусилова долгая болезнь сделала особенно раздражительным и придирчивым. Он не поладил со штурманом Альбановым, отличным, знающим моряком, но тоже не очень выдержанным человеком. Дошло до того, что Брусилов, по просьбе штурмана, отстранил его от исполнения служебных обязанностей.

Альбанов, размышляя над дрейфом «Св. Анны» и вспоминая знаменитый дрейф «Фрама», корабля Фритьофа Нансена, пришел к выводу, что об освобождении из ледового плена раньше осени 1915 года бесполезно и мечтать. Но продовольствия на корабле для всех едва могло хватить до начала 1915 года. Значит — голодная смерть.

А что, думалось Альбанову, если часть экипажа уйдет с корабля? Ближе всего от «Св. Анны» Земля Франца-Иосифа. Этот архипелаг почти необитаем, но там, возможно, сохранились базы продовольствия, оставленные разными полярными экспедициями, удачными и неудачными.

В январе 1914 года, когда корабль был уже за 82-й параллелью, Альбанов пришел к Брусилову и попросил разрешения покинуть «Св. Анну». Брусилов разрешил. Не возражал он и тогда, когда к Альбанову присоединилась большая часть экипажа. На оставшихся могло хватить провизии до конца дрейфа. Для управления же кораблем на чистой воде было достаточно нескольких человек.

Штурман стал энергично готовиться к походу через весенние движущиеся льды. Тут нужны были сразу и лодки и сани. Легкие лодки — каяки — сделали из парусины, натянутой на деревянный каркас. На полозья пошел буфетный стол. Работали в холодном трюме, при коптилках, в полутьме.

На судне не было надежной карты тех мест, куда думал пойти штурман. Хорошо еще, что в судовой библиотеке нашлась книжка Фритьофа Нансена, к которой для удобства читателей прилагалась маленькая схема. На ней приблизительно была нанесена Земля Франца-Иосифа, севернее ее — Земля Петермана и северо-западнее — Земля короля Оскара.

Но теперь «Св. Анна» находилась как раз там, где полагалось быть Земле Петермана, а кругом попрежнему были самые безотрадные льды. Значит, «земля» существовала лишь в воображении участников «открывшей» ее австрийской экспедиции. Карта Нансена не точна. Но пусть хоть такая карта, чем никакой. И Альбанов тщательно перерисовал ее в записную книжку, а подлинник отдал Брусилову.

Приближалась весна. Заканчивались приготовления к походу. Все чаще поднимался штурман в «воронье гнездо» — в бочку, прикрепленную высоко на мачте корабля. В январе оттуда на начавшей розоветь половине неба недолго видели нечто похожее на очень отдаленный остров. Теперь же нигде не было даже признаков земли. Только льды.

Многое передумал штурман, часами просиживая высоко на мачте, и свои мысли доверил лишь дневнику:

«Чуть слышно шепчет ветерок в снастях, покрытых серебристым пушистым инеем. Как в белом одеянии, лежит и спит красавица «Св. Анна», убранная прихотливой рукой мороза и по самый планширь¹ засыпанная снегом. Временами гирлянды инея срываются с такелажа и с тихим шуршанием, как цветы, обсыпаются вниз на спящую... Полтора года уже спокойно спит она на своем ледяном ложе. Суждено ли тебе и дальше спокойно проспать тяжелое время, чтобы в одно прекрасное утро незаметно вместе с ложем твоим, на котором ты почила далеко в Карском море, у берегов Ямала, очутиться где-нибудь между Шпицбергеном и Гренландией?.. Или в холодную, бурную полярную ночь, когда кругом завывает метель, когда не видно ни луны, ни звезд, ни северного сияния, ты внезапно будешь грубо пробуждена от своего сна ужасным треском, злобным визгом, шипением и содроганием твоего спокойного до сего времени ложа, с гро-

---

¹ Выше палубы.

хотом полетят вниз твои мачты, стены и реи, ломаясь сами и ломая все на палубе?

В предсмертных конвульсиях затрепещет твой корпус, затрешат, ломаясь, все суставы твои, и через некоторое время лишь куча бесформенных обломков да лишней свежий ледяной холм укажут твою могилу. Вьюга будет петь над тобой погребальную песню и скоро запорошит свежим снегом место катастрофы. А у ближайших ропаков кучка людей в темноте будет в отчаянии спасать что можно из своего имущества, все еще хватаясь за жизнь, все еще не теряя надежды...»

С горьким чувством готовился Альбанов к походу. Его беспокоила не только судьба остающихся. Люди, которые пойдут с ним, веря ему, — представляют ли они, как далек путь, как мучительно трудно карабкаться большими ногами на торосы, волоча за собой санки с грузом? Не слишком ли большую ответственность берет он на себя?

Но передумывать было поздно.

Настает день ухода. Нарты с уложенными каяками стоят у борта судна. Начинается прощальный обед. Кто-то пробует шутить. Деланный смех тотчас обрывается. Скорей бы уж из-за стола...

На льду, у корабля, Брусилов вручает штурману то самое предписание, которое можно найти и в морских архивах и на страницах романа «Два капитана». Альбанов снимает шапку. Кто-то несмело кричит «ура», другие подхватывают. Уходящие налегают на лямки. Остающиеся идут их проводить. Шагают молча, только снег повизгивает под полозьями.

В палатке, на месте первой ночевки санной экспедиции, Брусилов достает бутылку шампанского — последнюю из корабельных запасов. На каждого приходится по наперстку. Да не в том дело: в последние минуты забыты все раздоры, а хорошие, сердечные слова лучше любого вина согревают человека.

Пробираясь между глыбами льда, проваливаясь в снег, люди тянут нарты. Зимовка надорвала их силы. Ноги опухли, покрылись ранами, мучает одышка, кружится голова. Приходится сначала тащить «всем народом» часть нарт, потом возвращаться за остальными.

Только на шестой день пути исчезают из виду мачты

«Св. Анны» — так недалеко от судна ушел штурман со своими спутниками. Трое матросов просят обратно на корабль: они чувствуют себя совсем плохо. Альбанов отпускает их: по санному следу возвращающиеся налегке за день могут пройти больше, чем с грузом — за неделю.

Чуть подтаявший снег покрыт тонкой матовой коркой, сильно отражающей солнечный свет. Очки из бутылочного стекла не спасают от снежной слепоты. Как некогда Харитон Лаптев, бредет теперь Альбанов, почти ничего не видя, то и дело вытирая слезы. Трудно писать на коротких привалах — буквы сливаются, зеленые пятна мелькают на бумаге:

«Тепло и тихо. На небе ни облачка. Солнце ослепительно светит мне в лицо, и глаза плотно закрыты. Приоткрыв их на минуту, чтобы посмотреть направление и убедиться, что попрежнему тянется равнина, опять закрываю их... Мерно, в ногу, одновременно покачиваясь вперед, налегая на ляжку грудью и выпрямляясь, держась одной рукой за борт каяка, идем мы.

В правой руке — лыжная палка с кружком и острым наконечником, которая с механической точностью заню-

сится вперед, с рукой качается вправо и медленно остается позади...

Как однообразно, как отчетливо скрипит снег под наконечником этой палки! Эта палка как бы отмеривает пройденное расстояние и, недовольная результатом, настойчиво брзжит. Невольно прислушиваешься к этому ритмическому поскрипыванию, и вот вам ясно слышится: «Далеко, да-ле-ко, да-ле-ко».

Альбанов идет впереди, прокладывая дорогу, за ним тянутся его полуослепшие спутники. Торосов нет только там, где темнеют полыньи. Обходить их невозможно, переплывать на каяках не дает каша из мелких льдин. Приходится ждать, пока ночной холод заморозит эту кашу, затянет полынью ломкой коркой. А за полыньей — либо снова оголенные торосы, либо торосы, прикрытые снегом, что еще хуже. Хоть бы немного гладкого, ровного льда — вот был бы праздник.

Матрос Баев пошел на разведку, забрался на высокий торос и обнаружил, что лучше идти западнее: там он разглядел поле гладкого льда.

— Сам своими глазами видел, — уверял Баев. — Такая ровнушка, что конца-края не видно. И снег плотный — копытом не пробьешь. Не иначе, как прямо до острова тянется.

Попробовали идти туда, куда звал Баев, но вместо ровного молодого льда наткнулись на те же ропаки и торосы. Обескураженный матрос попросил отпустить его ненадолго, на поиски своей «ровнушки». Ушел — и не вернулся к лагерю.

Встревоженный Альбанов поспешил по его следу. След вел далеко в сторону от лагеря. Повалил снег, отпечатки ног матроса становились всё незаметнее, потом вовсе потерялись. На стрельбу и крики никто не откликнулся. Может, Баев уже вернулся к лагерю?

Нет, Баев не вернулся. Тогда сделали из лыж, каяков, нарт, палок высокую мачту и ночью подняли на ней флаг. Баев обязательно должен был бы увидеть его утром, если только во время снегопада он не попал в полынью...

Матроса тщетно искали три дня, хотя каждый потерянный час уменьшал надежды на благополучное окончание всего похода.

Ведь прошло уже больше месяца, как санная партия покинула судно, и за это время ей удалось пройти всего

сто километров. День ото дня ее движение не ускоряется, а замедляется.

А сколько новых, неожиданных помех! Трое ротозеев утопили двухстволку и самодельную кухню и едва спаслись сами. Теперь приходится жевать сырое мясо. Расхворался матрос Луняев. Все чаще попадаются полыньи, нарты вязнут в глубоком снегу, снизу пропитанном водой, запасы сухарей тают с непостижимой быстротой.

Вот если бы у санной партии было хотя бы несколько ездовых собак, пусть самых плохоньких! И настоящие нарты, а не кое-как сделанные из судовых столов. И надежный компас — ведь приходится идти по маленькому компасу, вделанному в бинокль. Вряд ли когда-либо ходила по таким льдам экспедиция, снаряженная хуже санной партии «Св. Анны».

Альбанов, определяя широту, заметил однажды, что лед, по которому они бредут, дрейфует уже на юг. Открытие сначала обрадовало его. Но чем больше делал штурман определений, тем тревожнее становились записи в его дневнике:

«Воскресенье, 1 июня. Нас очень быстро подает на юг. Меня смущает одно обстоятельство, о котором я стараюсь умолчать перед своими спутниками. Если лед так быстро идет на зюйд-зюйд-вест, то значит, там ни «что» не преграждает ему путь. А ведь это «что» не более не менее, как острова, к которым нам следует стремиться. Ведь если мы радуемся нашему быстрому дрейфу, то только ради этих островов. А их-то, повидимому, и нет там, куда движется лед. Будь этот быстрый дрейф, когда мы были много севернее, он ничего не принес бы мне, кроме радости, так как благодаря ему мы подвигались бы ближе к земле. Но теперь, когда мы, достигнув широты Земли Франца-Иосифа, продолжаем быстро двигаться на юг и тем не менее не видим и намека на острова, становится ясно, что нас пронесит мимо этой земли».

Пронесит мимо! Западнее Земли Франца-Иосифа в этих широтах только мертвые льды, до самого Шпицбергена. Значит, надо сильнее забирать на юго-восток.

Но как трудно сделать это, когда льдины кружатся в медленном хороводе! Только вчера, переправившись через несколько трещин, Альбанов наткнулся на лыжный след. Это было дико, невероятно — кто мог тут пройти? Но, присмотревшись, штурман понял, что это след его

партии: льдина, по которой они прошли несколько часов назад, описала круг и снова оказалась на их пути.

Чтобы зацепиться за сушу, за последние мысы Земли Франца-Иосифа, нужно идти гораздо быстрее, чем сейчас. А спутники Альбанова совсем раскисли. Ни один из них до этого похода никогда не ходил по арктическим льдам. Среди них есть знающие моряки, но нет ни одного настоящего полярника. Одному кажется, что надо бросить нарты и идти налегке, другой ворчит, что переходы невысказанно тяжелы, третий убежден, что штурман хочет всех уморить голодом.

Альбанову приходится самому бесшумно протапывать след, да еще и возвращаться время от времени назад, чтобы подгонять отставших. Только воля штурмана, только его настойчивость, временами даже жестокость, заставляют кучку людей двигаться вперед.

Однажды Альбанов видит вдруг на мглистом горизонте «ничто» — два розоватых облачка, которые долго не меняют формы и цвета. Но штурман не спешит рассказывать о своем открытии: вдруг это только гряда торосов? «Ничто» между тем скрывает мгла.

А через несколько дней в дневнике Альбанова появляются строки, полные надежды:

«Понедельник, 9 июня. На этот раз я увидел на зюйд-ост от себя, при хорошем горизонте, что-то такое, от чего я в волнении должен был присесть на ропак и поспешно начать протирать и бинокль и глаза. Это была резкая серебристо-матовая полоска, немного выпуклая вверх, идущая от самого горизонта и влево постепенно теряющаяся. Самый «носок» ее, прилегающий к горизонту, особенно резко и правильно выделялся на фоне голубого неба... Ночью я раз пять выходил посмотреть в бинокль и каждый раз находил этот кусочек луны на своем месте; иногда он был яснее, иногда слабее виден, но главные признаки, то-есть цвет и форма, оставались те же.

Я удивляюсь, как никто из моих спутников ничего не видит. Какого труда стоит мне сдерживать себя, не вбежать в палатку, не закричать во весь голос: что же вы сидите чучелами, что вы спите, разве не видите, что мы почти у цели, что нас подносит к земле?»

Утром, при хорошей погоде, земля — сказочная, фантастическая, странного, необычного цвета — видна уже

совершенно ясно. Это какой-то остров. До него всего несколько десятков километров.

Но как мучителен этот последний этап: сплошные полыньи, набитые мелким льдом. И вдобавок туман, ветер, отжимающий лед в сторону от неведомой земли.

Тут двое малодушных и нетерпеливых попирают святое чувство товарищества. Забрав наиболее ценные вещи, они «налегке» удирают к уже близкому острову. Негодяи! Если бы их удалось догнать, то суд был бы скорым, правым и беспощадным.

Оставшиеся едва дотащились со своими каяками до голубоватого обрыва ледника, сползшего с острова в море. Обрыв гладок, крут, недоступен.

«Среда, 25 июня. ...Впереди отвесная 15-саженная стена, на которую не забралась бы и обезьяна... Да, теперь, пожалуй, и я начинаю падать духом! Про спутников же своих и говорить не буду: совсем мокрые курицы. К довершению несчастья, я уже четвертый день чувствую сердечные припадки...»

Но Альбанов не сдался. Выход должен быть. Надо бороться, искать. Невероятно, чтобы в ледяной стене не было выступа, трещины.

И трещина, забитая снегом, нашлась. Вырубая во льду ступени, задыхаясь, падая, люди втащили наверх тяжелые нарты и каяки. И во-время: едва они выбрались на остров, как льдина, по которой они подошли к отвесной стене, треснула и перевернулась.

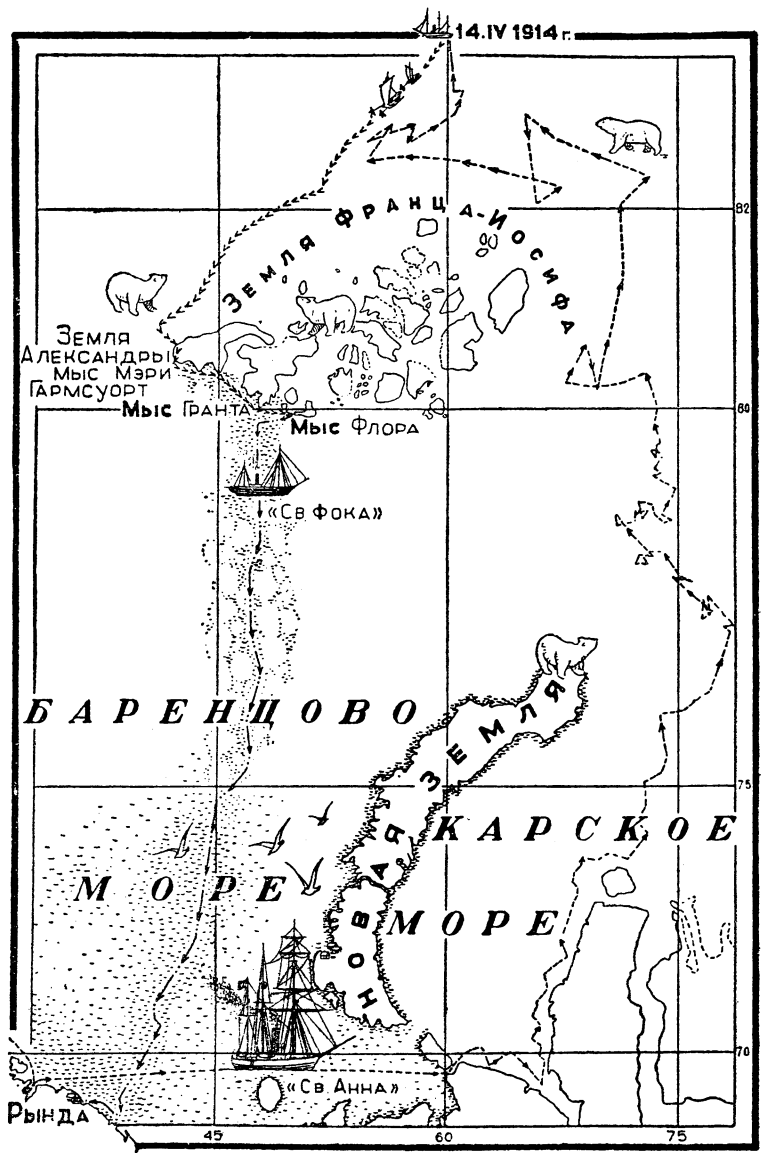
Впереди — ледник, мертвый, как поверхность Луны. Провианту осталось на один день. Поддерживая друг друга, моряки бредут по леднику. Альбанов снимает шапку, прислушивается: внизу, на отмелях, какой-то шум. Да ведь это кричат птицы, множество птиц, прилетевших сюда высиживать птенцов! Спасены!

Ледник кончается. Как непривычно чернеют камни! Из-под них вспорхнула гага. В гнезде теплые яйца: пища! Еще гнезда. Луняев стреляет в птиц. И вдруг где-то совсем близко вскрикивает человек.

Да, вот он, жалкий, плачущий, — один из двух беглецов, обманувших товарищей. Судить его? Но солнце светит так радостно, под ногами твердая земля, ликующе кричат птицы. Отходчиво сердце русского человека...

Альбанов отправился на разведку. Он вышел на ближайший мыс. В одну сторону море, сколько охватывает

14.IV 1914 г.

глаз, чисто ото льда. Эх, «Св. Анна», вот бы куда, красавица, тебе попасть!

Но что это за холмик из камней? Уж очень правильна его форма. Разбросали камни. Под ними — железная банка, в банке — флаг и записка, сообщавшая, что экспедиция путешественника Джексона в 1897 году отправилась с мыса Флора для поисков новых земель и благополучно прибыла сюда, на мыс Мэри Гармсуорт.

Так вот куда они вышли — на самую западную оконечность Земли Александры, крайнего острова архипелага Франца-Иосифа! Значит, если бы Альбанов чуть замешкался, лед отнес бы их всех за пределы архипелага, на верную смерть.

Теперь надо было пробираться на юг архипелага — к мысу Флора, где, возможно, сохранились жилые постройки и склады провианта экспедиции Джексона. Если бы бесчестный поступок беглецов не заставил перед самым островом бросить третий каяк, все могли бы плыть на юг вместе. Теперь же часть людей пошла налегке по береговому леднику, другие поплыли вдоль него на двух оставшихся каяках.

В закрытую бухточку, где была назначена встреча обеих партий, каяки приплыли первыми. Долго ждали здесь моряки своих товарищей, прислушиваясь к шуму «птичьего базара», облепившего скалы. Наконец на склоне ледника появилась береговая группа. Но уходило пятеро, а пришло четверо.

«Среда, 2 июля, — повествует дневник. — В 10 часов утра на леднике показался Луняев, который опередил остальных, так как на этот раз он должен был ехать с нами на каяках. Вскоре показались и остальные трое. Архиреев помер... Сейчас я беру с собой на каяки трех больных — Луняева, Шпаковского и Нильсена. У всех болят ноги. Опухоль похожа на цынготную. Хуже всех выглядит Нильсен, который даже с судна ушел уже больным».

У мыса Гранта каяки снова долго ждут отставшую береговую партию. Через пролив виден мыс Флора. Если там сохранились склады провианта и не развалилась хижина, то лучшего места для зимовки и не придумать.

Однако, где же береговая партия? Что-то задержало ее.

Задержало надолго. Навсегда...

Записи в дневнике всё тревожнее. 6 июля Альбанов, проснувшись, увидел, что ночью умер матрос Нильсен.

Четырнадцать человек вышли три месяца назад со «Св. Анны». Трое вернулись на корабль, семеро погибли. А конца злоключениям еще не видно.

Убедившись, что береговую партию ждать бесполезно, Альбанов с оставшимися тремя человеками поплыл на каяках через десятимильный пролив к мысу Флора. Ветер застал их на середине пути. Некоторое время Альбанов еще видел второй каяк. Потом он исчез, унесенный штормом.

Альбанов знал, что если ветер еще усилится, их каяк не выдержит: в нем полно воды. Берегов не видно. Эх, двум смертям не бывать, одной не миновать! И Альбанов пристал к высокому айсбергу, который медленно переваливался на волнах.

Со своим спутником, матросом Конрадом, штурман вытащил каяк на лед. В вершину айсберга воткнули флаг, чтобы люди на другом каяке, если только они еще живы, последовали их примеру.

Затем двое на льдине, надев на себя теплые меховые малицы¹, легли так, что ноги одного находились в малице за спиной другого, согрелись и... заснули, или, вернее, впали в забытие от усталости.

«Пробуждение наше было ужасно. Мы проснулись от страшного треска, почувствовали, что стремглав летим куда-то вниз, а в следующий момент наш «двухспальный мешок» был полон водой, мы погружались в воду и, делая отчаянные усилия выбраться из этого предательского мешка, отчаянно отбивались ногами друг от друга. К несчастью, мы уж очень старательно устраивали себе этот мешок, и полы одной малицы глубоко заходили внутрь другой; к тому же малицы перед этим были немного мокры и в течение семи часов, по всей вероятности, обмерзли. Мы очутились в положении кошек, которых бросили в мешке в воду, желая утопить... В этот момент мои ноги попали на ноги Конрада, мы вытолкнули друг друга из мешка, сбросили малицы, а в следующее мгновение уже стояли мокрые на подводной «подошве» айсберга, по грудь в воде... Дрожали мы от двух причин: во-первых, от холода, а во-вторых, от волнения. Зуб на

---

¹ Верхняя одежда.

зуб не попадал. Еще продолжая стоять в воде, я напрасно ломал голову: что же теперь нам делать? Ведь мы замерзнем!

Как бы в ответ на наш вопрос с вершины льдины полетел в воду наш каяк... Теперь мы знали, что делать. Побросали в каяк мокрые принадлежности туалета, выжали свои носки и куртки, надели их опять, разрубили на куски нарты, взяв несколько кусков с собой и бросив остатки в воду, сели в каяк и давай грести! Боже мой, с каким остервенением мы гребли! Не так заботясь о быстроте хода, как о том, чтобы хоть немного согреться, мы гребли до изнеможения, и только это, я думаю, спасло нас».

Как в бреду промелькнули последующие часы. Люди боролись за жизнь. Выбравшись на покрытый льдом островок, они бегали и плясали — два посиневших, мокрых, грязных оборванца.

Конрад обморозил пальцы на ногах; Альбанова трясла лихорадка. Пытаясь согреться в мокрой малице, штурман видел, что матрос так и не ложился до утра, со стонами бегая по острову и стуча зубами.

Утром, когда чуть пригрело, обоих стала валить с ног свинцовая сонливость. Альбанов знал: если они заснут — это конец. Он растолкал Конрада:

— Надо плыть. Слышишь?

Они доплыли до мыса Флора. Альбанов думал, что, наверно, Колумб при высадке на новую землю волновался меньше, чем волновался теперь он. Три месяца шел штурман к этому мысу, теряя товарищей, терпя невыносимые лишения — и вдруг все это зря...

Сойдя на берег, оба упали: подкосились ноги, парализованные болезнью. Полежав на спине, Альбанов поднялся первым. Они побрели, спотыкаясь и падая, и увидели сначала шест, а потом бревенчатый дом. У дома стоял амбар. Снег запорошил возле него кучи ящиков. Альбанов отодрал доску: сухари и консервы!

На стене дома и на дверях были надписи: «Первая Русская полярная экспедиция старшего лейтенанта Седова». Далее сообщалось, что экспедиция прибыла на мыс Флора 30 августа 1913 года и 2 сентября отправилась в бухту Теплиц.

Альбанов вспомнил — Георгий Седов ушел на север, к полюсу, в тот же год, когда «Св. Анна» покинула Петербург.

Моряки поселились на покинутой зимовке. Альбанов метался в жару. Конрад чувствовал себя лучше и вскоре смог пойти на поиски береговой партии и тех, кто потерялся на каяке.

Матрос вернулся только через трое суток. Он вошел в домик, тяжело волоча ноги. Альбанов вопросительно смотрел на него. Конрад безнадежно махнул рукой и вдруг разрыдался.

* * *

...Моряк в потрепанном кителе, вскарабкавшийся на борт пришедшего к мысу Флора корабля «Св. Фока», повторял, запинаясь от волнения:

— Скажите Седову... Я прошу у вас помощи... У меня осталось четыре человека на мысе Гранта...

— Хорошо, хорошо. Мы их найдем. Только успокойтесь.

— Скажите Седову... Я Альбанов, штурман «Святой Анны».

— Седов погиб по пути к полюсу. Но мы поможем вам.

Альбанов молча снял фуражку. Потом неожиданно спросил:

— А нет ли у вас писем для «Святой Анны»?

Через несколько дней «Св. Фока» направился на поиски пропавших у мыса Гранта спутников Альбанова. Никто не откликнулся на свистки. Ни одного следа не было на прибрежном снегу.

Из всего экипажа «Св. Анны» осталось в живых двое — Альбанов и Конрад...

Но жертвы не оказались напрасными. Дрейф корабля и ледовый поход его штурмана оставили след в истории открытий.

«Св. Анна» дрейфовала через ту часть Северного Ледовитого океана, где еще не плавало ни одно судно. Изучая карту дрейфа, доставленную Альбановым, можно было узнать о морских течениях и движении льдов в одном из наименее изученных участков Арктики.

Спутник Седова, профессор Визе, пришел к выводу, что восточнее одного места, где линия дрейфа «Св. Анны» резко отклонилась, должен находиться какой-то неизвестный остров. Визе теоретически открыл его в кабине и нанес на карты, а несколько лет спустя после этого

удивительного открытия советский ледокол «Седов» действительно нашел землю в том самом месте, на которое указывал ученый. Она названа островом Визе.

Немалые услуги науке оказал и сам ледовый поход Альбанова. Горстка людей прошла там, где иностранные экспедиции «открыли» Землю Петермана и Землю короля Оскара. После похода Альбанова эти земли были окончательно «закрыты» и исчезли с карт.

Нам пора наконец вернуться и к «Двум капитанам». В мужественном штурмане Климове мы узнаем штурмана Альбанова. Перелистайте роман — и вы увидите, насколько совпадают дневники Климова, прочитанные Саней Григорьевым, с подлинными дневниками Альбанова.

Но в обаятельном образе капитана Татаринова, которого не может не полюбить читатель романа, мало черт вспыльчивого, раздражительного Брусилова. Капитан Татаринов как бы вобрал в себя черты многих русских героев полярных морей и в особенности Георгия Яковлевича Седова. Энергия, воля, благородные поступки этого удивительного человека, его неудачи, во многом обусловленные чужой злой волей, наконец его трагическая гибель — все это снова вспоминается нам, когда мы вместе с Саней Григорьевым размышляем над судьбой капитана Татаринова.

ЗАГАДКИ МЕРТВОГО ГОРОДА

Ветер гнал смешанный со снегом песок навстречу каравану. Всадники то и дело соскакивали на землю и бежали рядом с лошадьми и верблюдами, чтобы согреться. Даже меховые шапки, почти закрывавшие лица, не спасали от обмораживания. Монголы, сжимая на груди руки, бормотали посиневшими губами:

— Куйтун-байна! (Очень холодно!)

Караван вел знаток Монголии, рассчитавший, что если пройти северные монгольские степи не в морозные дни на исходе зимы, а ранней весной, то в пустыне Гоби попадешь как раз под жгучее летнее солнце. Расчет был правильным. Намерзнувшись в степи, караван подошел к пустыне уже весенней порой, когда там путешествовать легче, чем в другие времена года.

Монгольская весна не так нежна, как северная, и не столь пышна и нарядна, как весны юга. У нее свои краски, свои приметы.

В лазурном небе с клёкотом закружили бурые грифы. Воздух стал необыкновенно прозрачным. Запели жаворонки. Ветры дули только утром и стихали после полудня. Дивные весенние зори, когда бесконечно переливаются краски заката, переходя от пурпурных к розовым и фио-

летовым, сменялись густой чернотой холодных и звездных ночей.

В феврале 1908 года, после полутора месяцев кочевой жизни, экспедиция перевалила через отроги Монгольского Алтая, где еще голубели сугробы и царила такая тишина, что было слышно, как звякнет стремя, как высоко в небе прокричит сокол.

Караван спустился к притулившемуся у подножия хребта буддийскому монастырю. Ленивые монахи, почесываясь, грелись на весеннем солнышке, равнодушно поглядывая на путников.

Вечером начальник экспедиции побывал в юрте у старого своего знакомого, мелкого монгольского князька. Собеседники сидели на ковровых подушках и неторопливо прихлебывали густой подсоленный чай с молоком.

— Нет дорог к реке Эцзин-Гол, нет, — повторял князь, добродушный сухонький старичок, и два его советника поддакивали ему. — Там такая пустыня, что даже лучшие верблюды не смогут пройти ее. И зачем идти туда? Или там есть какой-нибудь большой интерес?

— Да, — сказал начальник экспедиции. — Вы правы. Там имеются очень любопытные развалины старинного города...

— А откуда вы об этом знаете? — удивился и взволновался князь.

Потом, поняв, что его гостю известно многое, монгол подтвердил: да, древний город Хара-Хото, полузасыпанный песком, действительно существует. Но он, князь, никогда в нем не бывал. Жители пустынь скрывают все дороги к городским развалинам и сами ищут там клады.

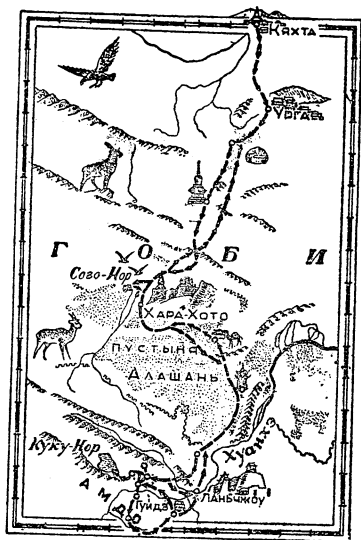
— Вот пойдете, увидите, а может быть, что-либо замечательное и сами найдете. Вы, русские, всё знаете, и только вам под силу такие работы, — сказал князь и в заключение попросил: — Только, пожалуйста, никому не говорите то, что я вам сообщил о развалинах.

Собеседник крепко пожал ему обе руки.

Итак, этот город — не сказка, не выдумка! Сильно и радостно билось сердце путешественника. Первую путеводную нить ему дали Потанины. В книге, описывающей их странствования по Монголии и Китаю, упоминалось о древностях пустыни Гоби. Там был приведен рассказ

кочевников о том, что где-то недалеко от реки Эцин-Гол есть развалины крепостных стен и домов. Ничего более достоверного Потаниным узнать не удалось.

Но даже эти беглые строки взволновали тогда нашего путешественника, начавшего собирать сведения о старых караванных путях, об оазисе, который зеленел когда-то в долине Эцин-Гола. Забытая древняя крепость овладела его мечтами. Он решил найти ее, но рассказал о своих замыслах лишь наиболее близким друзьям перед самым отъездом из Петербурга.

Однако нам давно пора назвать имя путешественника. Проникнуть к Хара-Хото собирался Петр Кузьмич Козлов, достойный ученик и спутник великого Пржевальского.

Ученик со славой продолжал в Центральной Азии дело учителя. Он участвовал в экспедиции на Тибетское нагорье, едва не погиб в горах Тянь-Шаня, много ходил по пустыне Гоби, сделал ряд крупнейших открытий в Восточном Тибете — Каме, побывал у истоков реки Меконг. Теперь началась новая его экспедиция, снаряженная Русским географическим обществом.

В пасмурное мартовское утро караван выступил к Эцин-Голу. На прощанье старый князь шепнул путешественнику:

— Прощай! Я уверен, что ты попадешь в Хара-Хото и найдешь в нем немало интересного...

Козлов едет верхом впереди каравана. Как знакомо ему все вокруг — пустыня с грядами холмов и руслами пересохших рек, стада пугливых антилоп и огромные грифы, висящие в воздухе, редкие колодцы и пыль старой караванной дороги... Скоро озеро Сога-Нор. Вон его серебряная полоска, словно затянута движущейся сеткой. Это птицы. Сейчас самый разгар их весеннего перелета.

Озеро еще не очистилось ото льда. Хлопьями снега над

густосиними полыньями выются чайки. То нежнобелые, то серебристые вереницы лебедей, журавлей, цапель плывут в небесной голубизне. Гул, писк, хлопанье крыльев несутся из прибрежных камышей. Ночами над озером победно трубят лебеди.

Короткий отдых у Сого-Нора — и снова пустыня.

Дует ветер, по-летнему знойный. Пыль скрипит на зубах, набивается в рот, уши, от нее першит в горле. Глаза воспалены.

Караван сбивается с пути. Пустыня не хочет открывать людям свои тайны.

Но под ногами верблюдов уже попадаются следы древних оросительных канав, хрустят черепки. Глинобитные субурганы — монгольские надгробия, издали похожие на небольшие остроконечные башенки, — стоят по одному, по два, по пяти, как бы указывая путь к засыпанному песками городу.

Козлов берет с собой несколько человек, запас воды, инструменты. Лошади скачут по высохшему руслу какой-то реки, над которым видны развалины небольшой крепости. Должно быть, здесь стояли передовые караулы Хара-Хото. Волнение Козлова и его спутников все растет...

— Вот он!

Стены с выступающими башнями, остроконечные субурганы, здание с куполом, как у мечети, поднимаются над морем песков. Через несколько минут всадники въезжают в мертвый город через его западные ворота.

Когда-то здесь кипела жизнь. Чередуются развалины больших глинобитных зданий, лавок, домишек бедноты, храмов, сложенных из обожженного кирпича. Высокие стены, толщиной в несколько метров, сохранили следы бойниц; но в одном месте зияет такая брешь, что через нее можно свободно проехать верхом. Уж не о ней ли говорит народное монгольское предание?

...В давние годы, о которых даже старики забыли, много караванных дорог сходилось у Хара-Хото, и несметные богатства накопил этот город за своими стенами. Его властелин был так силен, что не боялся даже китайского императора. Но в жестоких сражениях воины Хара-Хото были разбиты и скрылись за стенами родного города. Преследователи не могли взять его приступом. Тогда они отвели в сторону омывавшие город рукава реки, перегородив их запрудой из мешков с песком. Осажденных на-

чала мучить жажда. Они стали рыть глубокий колодец, но до воды так и не докопались.

Властелин Хара-Хото решил дать последний бой. Он уже не верил в победу. Умертвив семью и зарыв в безводном колодце все богатства, он приказал разобрать брешь в стене там, где осаждавшие меньше всего ждали вылазки, и бросился во главе своих воинов на врага. После этого боя слава Хара-Хото закатилась навсегда. Властелин был убит. Императорские войска разорили город, предоставив пескам пустыни скрыть его развалины...

Козлов принялся за осмотр и измерения крепости. Лагерь устроили в середине города, у развалин, где уютился сын, зловеще кричавший по ночам.

Раскопки продолжались с рассвета до первой звезды. Никто не чувствовал усталости: так возбуждали, радовали находки. Среди них были обрывки древних рукописей и книг, живопись по шелку, деревянные дощечки с различными изображениями, монеты — настоящие сокровища для науки, которая еще слишком мало знала о прошлом Монголии.

Петру Кузьмичу Козлову очень не хотелось покидать развалины после самых поверхностных раскопок. Но ведь поиски Хара-Хото не были главными в планах Географического общества, снарядившего экспедицию. Она должна была через пустыню Алашань пройти к озеру Куку-Нор, в китайскую провинцию Сычуань. Счастливого открытие уже и так задержало караван в Гоби.

Неохотно отдал Козлов приказ о выступлении на юг. Накануне похода он записал свои мысли: «Ночь быстро спустилась на вечно сонный, отживший город. Бивак скоро затих — все уснули. Мне как-то не спалось; я долго бродил по развалинам и думал о том, какая тайна скрыта в добытых рукописях, что откроют нам неведомые письма?.. Скоро ли удастся разгадать, кто были древние обитатели покинутого города... Грустно становится мне при мысли, что завтра в полдень мне суждено покинуть мое детище — Хара-Хото. Сколько радостных, восторженных минут я пережил здесь! Сколько новых прекрасных мыслей открыл мне мой молчаливый друг!»

В самую последнюю минуту, когда ящики с находками были уже упакованы, откопали пачку старинных бумажных денег с иероглифами и красными печатями. О том, что в древнем Китае уже были бумажные деньги, истори-

ки знали. Но редкий русский ученый мог похвалиться, что ему когда-либо удавалось видеть эти деньги.

Интересная находка показывала, что Хара-Хото таит еще много заманчивого для исследователя. Козлов отправил с монгольской почтой донесение в столицу о своих открытиях, которое могло заставить Географическое общество пересмотреть план экспедиции.

Двадцать пять дней затратил караван на преодоление песчано-каменистых просторов Алашаньской пустыни. Солнечные, жаркие дни нередко сменялись здесь ночами, когда вода замерзала в чайнике. Однажды налетела снежная буря такой силы, что вихри подхватывали и несли крупные камешки. Термометр показывал семь градусов холода.

После очень коротких привалов монголы снова погоняли верблюдов. Козлов считал, что пустыни нужно переходить как можно быстрее, не растрачивая драгоценных сил и энергии, необходимых путешественнику в далеких странствованиях. Он давно убедился, что однообразие и мертвенность пустынь удручают непривычного человека, могут породить тоску и вялость у самых сильных натур.

За хребтом Алашань, вздыбленным кручами известняковых скал, снова потянулись сплошные сыпучие пески. Солнце накаляло их до 70 градусов, и ноги жгло даже через подошвы сапог.

В июле 1908 года экспедиция вступила в пределы Китая. Месяц спустя она была уже у берегов Куку-Нора — «Голубого озера».

Козлов отделился от спутников и долго сидел на берегу, задумчиво смотря, как ветер гонит темносиние соленые волны высокогорного Куку-Нора. Тридцать пять лет назад здесь, у озера, стоял лагерь Пржевальского. И снова воскресло былое, их первая встреча, первый разговор. Когда это было? Давно... Но помнится так ясно, как будто все произошло вчера.

Воспоминания уносят путешественника все дальше, и видит он себя уже Петькой Козловым, учеником шестого класса в городке Духовщина, на Смоленщине. Тонкий, чуть сгорбленный, пощипывая бородку и пытливо поглядывая на учеников, стоит у стола Василий Порфирьевич Вахтеров, любимый учитель. О, как он умел рассказывать даже о самом скучном! А весной Василий Порфирьевич водил ребят в лес и учил с помощью астрольбии делать

съемку местности, наносить на план дороги, пашни, мельницы.

Минуло быстролётное детство, но юноша Петя Козлов частенько забегал к своему учителю, брал книги, советовался. Едва ли не от Василия Порфирьевича услышал он и имя Пржевальского, едва ли не из его рук получил первую книгу знаменитого путешественника, тоже уроженца Смоленщины. Эту книгу он взял с собой, когда определился конторщиком в местечко Слобода.

А дальше... Вспомнишь — и до сих пор сердце замирает. Он, девятнадцатилетний юноша, поздним вечером мечтает на крыльце домика о путешествиях по пустыням Азии, о том, чтобы стать таким, как Пржевальский.

— Чем это вы здесь занимаетесь?

Он поднимает глаза — и замирает: перед ним Пржевальский! Такой знакомый по портретам, спутать его ни с кем нельзя. У юноши отнимается язык, его трясет лихорадка.

— Любуюсь красотой неба, — наконец выговаривает он. — Там у вас... у вас в Азии оно ведь еще чище, еще прозрачнее...

Пржевальский произносит задумчиво:

— Что ж, зайдите ко мне, поговорим.

Уж не сон ли это? Нет, случай, счастливый случай. Пржевальский искал на родной Смоленщине уголок, где можно было бы спокойно писать книги в перерывах между путешествиями. Тихое местечко Слобода понравилось ему...

Спустя немного, в 1883 году, вольноопределяющийся Козлов уже шел с караваном Пржевальского. Только смерть великого путешественника разлучила их. Навсегда запомнил младший слова старшего: «Твоя весна еще впереди, а для меня близится осень».

Плещутся синие волны Куку-Нора, монотонно шумит прибой. Да, теперь уже и для него, ученика Пржевальского, близится осень...

Письмо из Петербурга догнало экспедицию в оазисе Гуйдэ. Ввиду важности совершенного открытия Совет Географического общества предлагал Козлову не углубляться в Сычуань, а возвратиться в Гоби для исследования мертвого города. «Не жалейте ни сил, ни времени, ни средств на дальнейшие раскопки», — подчеркивалось в письме.

Но стоило ли возвращаться в пустыню Гоби сейчас, зимой? С другой стороны, просто грешно было бы не использовать свободное время для экскурсии в горную страну Амдо — северо-восточный угол Тибетского нагорья, населенный воинственными племенами.

Чем дальше углублялся караван в Амдо, тем чаще вооруженные отряды всадников в ярких красных или желтых одеждах, отороченных мехом леопарда, внезапно появлялись около каравана и так же внезапно исчезали.

Новый, 1909 год русские встретили на землях коварного князя Лу-Хумбо. Он явно замышлял недоброе. По ночам вблизи лагеря слышались лай собак, приглушенный говор, иногда гортанные выкрики.

В одну из особенно темных ночей всех подняли на ноги выстрелы и тревожный крик:

— Стой, стой!

Козлов тотчас построил своих людей в боевую линию. Топот скачущих по мерзлой земле лошадей показывал, куда удалялись всадники, напавшие на часового.

Прошло несколько минут. Где-то поблизости яростно заливались собаки. Но вот снова раздался топот. Он усиливался, нарастал. Множество всадников несло к лагерью.

Уже был слышен храп лошадей, уже блеснули пики и сабли, когда Козлов командовал: «Огонь!»

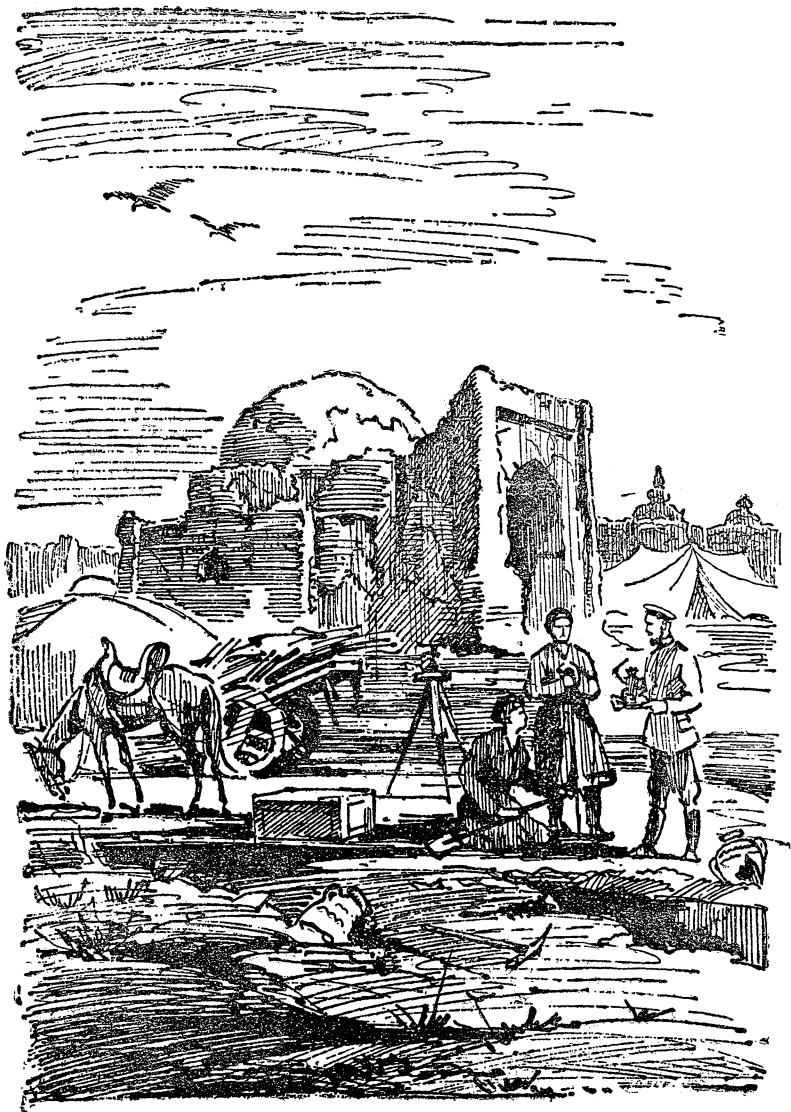
Дружный залп смутил нападающих. Они сбились в кучу и вдруг круто повернули назад. Через минуту только отдаленный гул копыт доносился из соседней ложины.

С этой памятной ночи Козлов и его спутники спали, не выпуская из рук ружей. Не раз еще во время экскурсии по Амдо их жизнь висела на волоске. Только находчивость спутника спасла однажды Козлова от предательского удара в спину.

И как было не радоваться горсточке русских, когда Козлов повел наконец отряд знакомой дорогой к Хара-Хото!

В мертвом городе экспедиция стала продолжать раскопки, начатые четырнадцать месяцев назад.

Работы прерывались лишь в самую жару, когда о камне можно было обжечься. Воду и продовольствие из ближайших монгольских становищ привозили в мертвый город на ослах. Пока их разгружали, два черных коршуна, старожилы Хара-Хото, норовили что-нибудь ухватить на

обед, приводя в ярость экспедиционную собаку Лянгу. Коршунов не трогали — они собирали отбросы и устраивали презабавные стычки с псом.

Караван не приходил лишь в те дни, когда знойные вихри поднимали такие тучи пыли, что можно было заблудиться даже в стенах мертвого города.

О раскопках в Хара-Хото Козлов записал так:

«Идешь бывало медленно по тихим, вымершим улицам и смотришь в землю, покрытую мелкой галькой, точно узорчатым полом. В глазах пестрит и все сливается в одну серую массу; поднимешь глаза вверх, окинешь взглядом окрестность и вновь идешь, медленно переставляя ноги; вот блеснул интересный черепок, вот бусинка, вот монета, а там дальше — что-то зеленое, какой-то нефритовый предмет... Осторожно откапываешь руками находку и долго любишь ее оригинальными гранями и странной, незнакомой формой... Всякая новая вещица, появившаяся на свет из песчаных недр, вызывает в человеке необыкновенную радость...»

И было чему радоваться. В северной стене крепости обнаружили потайное молитвенное помещение. В развалинах улиц нашли много металлических и бумажных денег, предметов домашнего обихода.

Но наиболее ценная находка была впереди. Когда внутри города главное было сделано, дошла очередь до субургана, стоявшего в стороне от крепости, на берегу пересохшей реки.

О, счастливейшие минуты! В субургане, который потом назвали «знаменитым», была скрыта целая библиотека книг, свитков, рукописей; до трехсот живописных изображений на холсте, шелке и на бумаге, искусно вытканные гобелены, бронзовые и золоченые статуэтки. Сухой климат пустыни прекрасно сохранил все это.

Когда раскопки закончились, нагруженный бесценными для истории сокровищами караван вышел через западные ворота Хара-Хото.

Чем дальше удалялась экспедиция от мертвого города, тем сильнее овладевала ее начальником безотчетная грусть. Ему казалось, что среди безжизненных развалин осталось что-то близкое и дорогое.

Много раз оглядывался он на подернутые пыльным туманом стены крепости, пока они не растворились в серой мгле пустыни.

Великие перемены совершились в жизни человечества. Красное знамя поднялось над Россией.

С первых же лет существования Советская страна продолжила дело многих поколений русских ученых и путешественников. Одна за другой советские экспедиции отправлялись в далекий путь — в Чили, Перу, Бразилию, Иран, Афганистан, Абиссинию...

Первый советский экспедиционный караван показался в 1923 году и на дороге к центру Монголии. Вел его человек, которого, несмотря на седину и глубокие морщины, монголы всюду сразу узнавали и, встречая как старого друга, протягивали ему раскуренные трубки.

Петр Кузьмич Козлов снова ступил на караванный путь Центральной Азии. Путешественнику шел уже седьмой десяток, но он еще был бодр и крепок.

В третий раз направляясь к дорогим ему стенам Хара-Хото, Козлов интересовался и другими памятниками древности, которыми так богата Монголия. В этой стране путешественнику повествуют о былом таинственные надписи и рисунки на скалах, бесчисленные могилы, то выложенные камнями, то украшенные статуями или обелисками.

Случайно услышанный на хуторе возле города Улан-Батора рассказ о кладе старинных изделий из нефрита заставил Козлова изменить маршрут. А вскоре от советской экспедиции из Монголии стали приходиться удивительные вести, и археологи разных стран принялись разыскивать на картах хребет Ноин-Ула.

В этом красивом уголке Северной Монголии, где в редких хвойных лесах токуют тетерева и где зимой снег долго хранит следы зверей, Козлов нашел более двухсот курганов. Оттаивая кострами мерзлоту, он начал раскопки. Сначала попадались сломанные ржавые удила. На глубине десяти метров заступы уперлись в бревно. Ниже была деревянная погребальная постройка с гробом, поставленным, как после выяснилось, две тысячи лет назад. Это была могила военачальника восточных гуннов.

Из других курганов извлекли отлично сохранившиеся ковры, ткани, бронзовые курильницы, остатки седел, янтарные бусы, деревянную дощечку с обугленной палочкой (как видно, для добывания огня трением), железные на-

конечники стрел, украшения из червонного золота — да всего и не перечтешь. Нашли даже черную косу с вплетенным в нее двадцать веков назад шнурком. Очевидно, косы срезались тогда в знак скорби и траура по умершем вожде.

Находки в курганах-могильниках Ноин-Ула, по мнению видных ученых, вполне можно было причислить к выдающимся археологическим открытиям начала XX века. Они подчеркивали сходство культуры древних народов Азии и Европы.

Летом 1925 года, закончив раскопки в Ноин-Ула, экспедиция Козлова отправилась дальше. Путешественник обнаружил в одном месте гранитные изваяния черепахи. Но находку нельзя было захватить с собой: она весила полторы тонны!

В пещерах долины Теплых скал Козлова заинтересовали высеченные на камне изображения оленей, зайцев, горных баранов, перемешанные с непонятными значками и письменами. Пересекая верховья реки Орхон, текущей между черными потоками застывшей лавы, караван наткнулся на большой водопад. Его назвали «Водопадом экспедиции Козлова».

Положительно, удача сопутствовала знаменитому путешественнику на всем его пути к Хара-Хото. Он разыскал развалины китайского военного города с длинным и повосточному цветистым названием, которое можно перевести на русский язык так: «Военная крепость, распространяющая величие и славу». Из глины гобийских холмов экспедиция извлекла кости первобытного носорога, трехпалой лошади, жирафа.

Летом 1926 года Козлов шагал среди бледнозеленых зарослей тамариска на берегах реки Эцзин-Гол. Перед ним снова был его Хара-Хото. Легко понять чувства, овладевшие старым путешественником...

В сущности, тут нужно было сделать немного: заполнить некоторые пробелы, оставшиеся после первых раскопок, кое-что уточнить, более тщательно составить план развалин. Во время этих работ были найдены лепные украшения построек, статуи с необыкновенно выразительными лицами. Пополнилась коллекция монет, украшений утвари. Удалось найти и скелет, изучение которого могло подтвердить или опровергнуть предположения ученых о древних обитателях города.

Последний гвоздь забит в ящик с новыми находками. Козлов трогательно простился со своим детищем, подарившим ему столько прекрасного, и, оставив его досыпать свой сон в глубине песков, повел караван на север.

* * *

Все найденное в Хара-Хото было изучено самым тщательным образом. Над этим трудились знатоки древних письмен, монголоеды, археологи. Коллекции экспедиции были так велики, что их исследование заняло несколько лет. Найденная же в «знаменитом» субургане библиотека изучается до сих пор. Не удивляйтесь: ведь она состоит чуть не из двух тысяч книг и рукописей, которые не так-то легко прочесть.

Что же мы знаем теперь о Хара-Хото?

Ученые утверждают, что долина реки Эцзин-Гол была населена еще до нашей эры. Тут стояли китайские крепости, построенные для защиты от набегов северных кочевников. Потом долину заняли тибетские племена. В X веке здесь возникло государство тангутов. Оно называлось Си-Ся.

Вероятно, тогда-то и был воздвигнут гордый Хара-Хото. По некоторым данным, его построили на месте более древней китайской крепости. Его стены штурмовали войска самого Чингис-хана, покорившего во время своего последнего похода государство Си-Ся. Но завоеватель не разрушил дотла город в пустыне: Хара-Хото упоминается в древних рукописях и после того, как Чингис-хан сошел в могилу. О Хара-Хото сообщает в XIII веке и знаменитый путешественник Марко Поло.

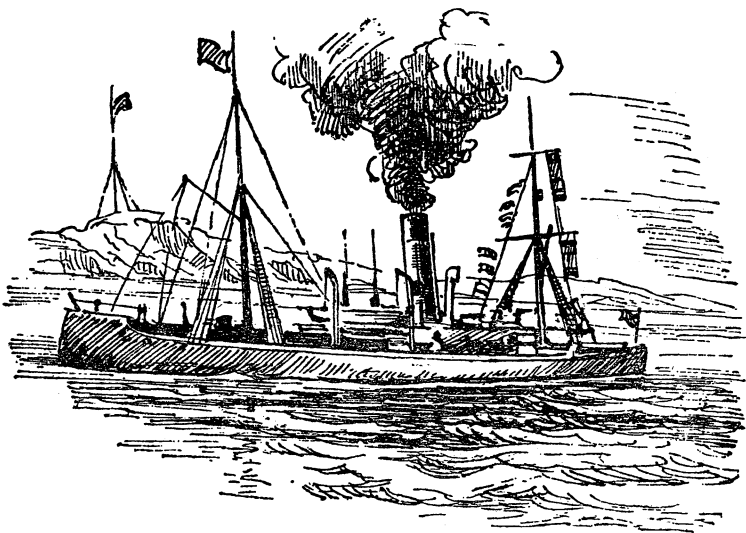
Окончательное падение и разорение города произошло позже, в XIV веке. Китайские войска разгромили Хара-Хото, чтобы его властелин не угрожал больше дерзкими набегам Китаю. Ставшее известным Козлову народное сказание о последних днях города основывалось на исторических фактах.

Находки Козлова позволили науке сделать много важных выводов. Библиотека Хара-Хото помогла узнать язык Си-Ся, расшифровать надписи, долгое время остававшиеся загадочными. Рассматривая коллекции Козлова, ученые установили связи народов Востока и Запада в очень отдаленные времена.

Петр Кузьмич Козлов прожил более семидесяти лет. За свою долгую и славную жизнь он совершил немало выдающихся путешествий и крупных открытий. И все же самым популярным его научным подвигом было открытие города в пустыне — мертвого города Хара-Хото.

РЕИС КАНОНЕРКИ

В июне 1924 года во Владивосток пришла из Москвы срочная телеграмма.

В тот же день канонерская лодка «Красный Октябрь» получила по радио приказ о возвращении из лимана Амура во Владивосток, а ко многим морякам явились на квартиру вестовые с пакетами за сургучной печатью.

Через несколько дней канонерская лодка появилась уже на рейде Владивостока. Это был небольшой корабль с довольно высокой трубой и двумя мачтами. Он мало напоминал военное судно. Любой мальчишка во Владивостоке знал, что еще недавно канонерская лодка была портовым ледоколом «Надежный», который зимой прокладывал кораблям дорогу в гавань.

Едва канонерка бросила якорь, как по ее трапу поднялся невысокий моряк с коротко подстриженными усами.

— Давыдов, — представился он капитану. — Назначен начальником экспедиции на вверенном вам судне.

Капитан пожал гостю руку:

— Слышал. Рад познакомиться. Когда мы должны выйти в рейс?

— Через месяц.

Капитан поднял брови:

— Товарищ Давыдов, ни одна полярная экспедиция в мире не снаряжалась так быстро.

— Что же, пусть наша с вами будет первой, — спокойно ответил Давыдов. — Мы обязаны покинуть Владивосток через месяц, товарищ капитан, — ни днем позже.

Многие дальневосточники знали Давыдова. О нем говорили, как об одном из опытнейших моряков-гидрографов. И капитан, сочтя пререкания ненужными, попросил, чтобы Давыдов ознакомил его подробнее с планом и задачами экспедиции.

На следующий день бригады ремонтников уже стучали молотками на корабле, готовя его к дальнему рейсу, а грузчики принялись таскать в трюмы всякую всячину — муку, бочки с рыбой, доски, канаты, инструменты.

Дальний Восток был лишь недавно очищен от интервентов и белогвардейцев. Каждую из тысячи вещей, необходимых для любой экспедиции, приходилось долго искать по разным складам и учреждениям.

Продовольствия брали на четырнадцать месяцев — на случай вынужденной зимовки. Продукты были так себе, теплое обмундирование можно было назвать полярным с большой натяжкой. Не первосортным был и уголь. Но что ж поделаешь — страна только начинала вставать на ноги.

В середине июля канонерская лодка «Красный Октябрь», дымя высокой трубой, покинула Владивосток и взяла курс на север.

От цели плавания ее отделяли пять с половиной тысяч километров.

А всего двумя днями раньше состоялись торжественные проводы прекрасно снаряженной паровой шхуны «Герман». Это произошло на другом континенте, в американском городке Номе.

Городок вырос, как поганый гриб, во время «золотой лихорадки». Чуть не сорок тысяч золотоискателей, а также бандитов, банкиров, кабатчиков и других авантюристов, привлеченных слухами о невиданных месторождениях золота, обосновались тогда на берегу Аляски. Но потом

золотые россыпи истощились, авантюристы, набив карманы, убралась восвояси, и городок затих, обезлюдел, захирел.

Проводы шхуны были для жителей Нома таким развлечением, которым не следовало пренебрегать. Капитан Лэн, заломив морскую фуражку, разгуливал по мостику «Германа», поглядывая на толпу горожан. Дольше всего взгляд капитана задерживался на особняке, выходящем фасадом к морю. Вывеска — золотые буквы «Карл Ломен» на солидном черном фоне — украшала его. Несмотря на большое расстояние, острый глаз моряка различал и мелкие буквы квадратной таблички пониже: «Мы не обслуживаем эскимосов и других цветных».

Капитан Лэн в сотый раз взглянул на часы: однако этот «оленный король» заставляет себя ждать! Но в эту минуту дверь особняка открылась и на пороге появился румяный, отлично одетый господин. По рядам провожавших пронесся шопот:

— Босс! Босс!

Эскимосы попятились, белые расступились, и Карл Ломен не спеша подошел к трапу «Германа».

Капитан Лэн спустился с мостика: этот денежный мешок любит, чтобы вокруг него ходили на цыпочках. Зацапал чуть не всех оленей Аляски, обобрал эскимосов и важничает теперь, как наследный принц...

— Хелло, капитан! — «Оленный король» протянул Лэну руку. — Надеюсь, вы здоровы и ваша команда тоже?

— Благодарю вас, господин Ломен. Для нас всех большая честь...

— Ладно, старина, вы знаете, я не люблю церемоний. Но смотрите, если вас опередят большевики... — Ломен перешел на угрожающий шопот и сузил глаза.

Капитан выпрямился и побледнел. Нет, это уже слишком, чорт возьми! Господин денежный мешок, кажется, пытается грозить ему, лучшему полярному капитану побережья!

Ломен и сам заметил, что хватил через край, и загудел примирительно:

— Ну-ну, вы славный малый, и мы с вами сделаем хорошенькое дельце, не так ли?

И он потрепал капитана по плечу с самым дружеским видом. Щелкнул затвор фотоаппарата, запечатлевая этот

исторический момент для местной газеты, которую издавал сам Карл Ломен.

Вскоре быстроходная паровая шхуна «Герман» покинула гавань Нома и взяла курс на запад.

От цели плавания ее отделяли всего лишь тысяча двести километров.

* * *

Канонерская лодка «Красный Октябрь», зарываясь в зеленые волны, миновала воды Японского и Охотского морей, вышла в Тихий океан, прошла вдоль берегов Камчатки и приблизилась к крайней северо-восточной оконечности страны. В бухте Провидения ей предстояло в последний раз запастись углем и пресной водой для плавания в Северном Ледовитом океане.

Канонерка была хорошим и ходким, но чрезвычайно «прожорливым» судном. Топки ее четырех котлов поглощали неимоверное количество угля. Топливом забили каждый уголок корабля, каждый свободный метр палубы. От угольной пыли нигде не было спасения, и суп на столе цветом мало отличался от желудочного кофе.

Перегруженность корабля топливом тревожила Давыдова: прочный стальной пояс, защищавший нижнюю часть борта от ударов льдин, осел глубоко под воду. Ледокольный корабль на некоторое время превратился в обыкновенный пароход.

Пока канонерка стояла в бухте Провидения, Давыдов из разговора с местными жителями узнал, что четыре года назад сюда приходило американское охранное судно. Непрошенные гости ходили по берегу с фотоаппаратами, что-то записывали, собирали образцы камней, расспрашивали, не богаты ли окрестности пушным зверем. Корабль исчез так же внезапно, как и появился, и с тех пор жители поселка его не видели.

Узнав все это, Давыдов особенно ясно представил, насколько важным было порученное экспедиции дело.

10 августа до отказа загруженный корабль обогнул скалистый выступ мыса Дежнева. Льдов не было. На судне занялись обычными работами. Трал «прошупывал» неровности дна. С больших глубин доставали рачков и водоросли.

Первые два дня плавания в Ледовитом океане прошли совсем гладко. Среди команды начались разговоры, что,

пока все спокойно, не мешало бы потолковать о тех местах, куда идет корабль.

Начальник экспедиции собрал на палубе всех свободных от вахты.

— Давным-давно, — начал он, — наши землепроходцы слышали рассказ о том, что где-то на север от материка Сибири лежит большая и богатая земля. Живет там будто бы внезапно исчезнувшее с побережья океана древнее племя онкилонов. Что тут правда, что — сказка, разобраться было нелегко. Сибирь тогда знали плохо, небылиц о ней ходило много. Но вот лет двести с лишним назад землепроходец Иван Львов обозначил в океане большой остров. Ломоносов назвал его островом Сомнительным и тоже нанес на свою карту. А позже два человека — чукча Дауркин и русский геодезист Андреев — стали уверять, что в океане есть не остров, а целая земля и что начинается она примерно против устья реки Колымы, за Медвежьими островами, а тянется, может быть, до самой Америки. Андреев сам видел в отдалении ее берега, а Дауркин узнал о ней из рассказов чукчей.

— Так вот, — продолжал Давыдов, — после этого неведомую землю — ее назвали «Землей Андреева» — стали усиленно искать. Искали, искали — и ничего не нашли. Потом за дело взялся русский морской офицер Врангель. Вместе с другом Пушкина, мичманом Матюшкиным, он четыре раза прошел по зимнему морскому льду вдоль побережья океана, удаляясь далеко от суши. И доказал, что никакой земли против устья Колымы нет и что вообще всем рассказням о большой земле в океане верить нельзя.

Докладчик заметил недоумение на лицах слушателей.

— Как же так? И те не нашли, и Врангель не нашел — за что же тогда его хвалить? Сейчас разберемся. Да, Врангель доказал, что большой земли в океане, протянувшейся чуть не до Америки, нет. Но чукчи рассказывали ему, что в ясные летние дни с мыса Якан можно увидеть на севере, за морем, покрытые снегом горы какого-то острова. Не большой земли, а именно острова. Врангель направился на мыс Якан — это много восточнее устья Колымы — и долго смотрел в подзорную трубу. Если бы погода была получше, то он увидел бы очень интересные вещи. Но, как на грех, туманы неделями висели над океаном... Вернувшись в Петербург, Врангель стал про-

сечь денег, чтобы снарядить новую экспедицию. Однако начальство отказало. Врангель очень горевал, что ему не удалось побывать на острове, в существовании которого он больше не сомневался. На карте своего путешествия Врангель нанес этот остров, сделав около него надпись: «Горы видятся с мыса Якана в летнее время».

— Значит, Врангель открыл остров?

— Во всяком случае, точно указал, где этот остров находится, — ответил докладчик. — Но прошло еще немало лет, прежде чем один из китобоев наткнулся на землю как раз там, где ее обозначил выдающийся русский моряк. Китобой назвал ее островом Врангеля и пояснил, что название он дает в честь того, кто первый сообщил миру достоверные сведения о ней. После плавания китобоя вблизи острова не раз появлялись разные корабли. Наконец русская экспедиция Северного Ледовитого океана на ледокольных кораблях «Таймыр» и «Вайгач» сделала в 1911 году съемку острова и подняла русский флаг. Остров Врангеля издавна считался русским владением, и ни у кого по этому поводу не возникало никаких сомнений. Но вскоре произошли вот какие события. Шхуна «Карлук»...

— Лыды-ы по курсу-у-у!

Крик матроса, сидевшего в бочке на мачте и в бинокль осматривавшего горизонт, заставил всех повернуть голову.

— Товарищи, до другого раза, — сказал начальник экспедиции. — Доскажу при первом удобном случае.

Сначала вдоль бортов «Красного Октября» плыли отдельные льдины. Потом их стало больше. В сотне метров от корабля они сливались уже в сплошное белое поле.

Густой дым повалил из трубы канонерки. Корабль с разгону врезался во льды, давил, топил, подминал их. Вскоре перед канонеркой появились торосистые, тяжелые льдины, не один год плававшие в океане.

Давыдов и капитан стояли на мостике, не отнимая от глаз биноклей. Льды, льды и льды... Разводьев почти не видно. Конечно, можно продолжить штурм. Но имеют ли они право рисковать запасами угля, которые и так тают с катастрофической быстротой?

— Так как же? Ложиться в дрейф? — Капитан взялся за ручки машинного телеграфа.

— Что ж делать... — хмуро согласился Давыдов.

Корабль замер среди зеленовато-белой массы. Вместе со льдом ветер и подводные течения медленно потащили его сначала на север, потом на юг. Так продолжалось три дня. Настроение на судне упало. Некоторым уже казалось, что корабль тут и зазимует.

Начальник экспедиции ждал, что подуют ветры с другой стороны и разредят лед. Но ветер не менял направления и лишь сплывал поля и глыбы.

Часа в четыре утра капитан и начальник экспедиции сошлись на мостике. Капитан заметил, что Давыдов уже успел побриться.

— Ваше мнение?

Капитан ответил уклончиво:

— Ждать как будто больше нечего.

— Совершенно с вами согласен. А если отработать назад и поискать обхода?

— Есть поискать обхода! — официальным тоном повторил капитан.

Еле развернувшись, канонерка пробилась к выходу из западни. Но дальнейший поход вдоль кромки не дал ничего утешительного: в сплоченном, тяжелом льду не было никакой лазейки. И что хуже всего — лед медленно дрейфовал к югу. Значит, с каждым часом толщина перемишки между кораблем и целью похода не уменьшалась, а увеличивалась.

Давыдов медлил с решением. Ждать перемены обстоятельств? Или, рискуя застрять на зимовку, таранить тяжелые льды?

Он вдруг представил себе, что где-то недалеко, может быть в десятке миль, вот так же ищет прохода во льдах судно под чужим флагом, стремясь во что бы то ни стало прийти к цели раньше советского корабля. На мгновение ему показалось даже, что он слышит отрывистые слова команды; видит самодовольную усмешку капитана, сосущего трубку с душистым табаком...

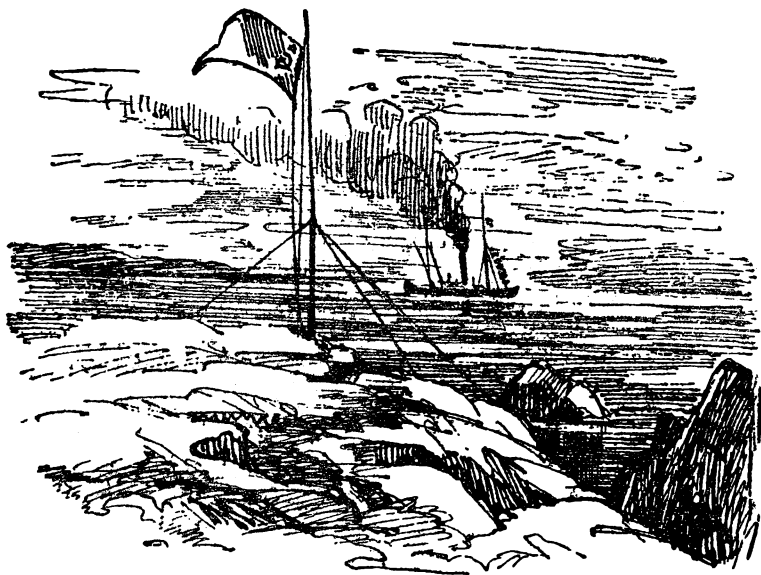
— Будем пробиваться, — сказал Давыдов капитану.

Капитан заметил, что он лично не уверен в способности своего корабля преодолеть такие льды, но если таково решение лица, ответственного за экспедицию...

— Действуйте, — просто сказал Давыдов. — Если кончится уголь, будем жечь переборки.

Машины заработали на полную мощность. В отвесах пламени кочегары, обливаясь потом, без усталости подбра-

сывали уголь в топки. Канонерка дрожала, в салоне звенели стаканы, судовой колокол звонил сам собой, пока ему не подвязали язык. Казалось, котлы не выдержат давления и взлетят на воздух.

В корпусе судна появились вмятины. Огромные торосы нависали над палубой корабля. Вот-вот они совсем остановят его, зажмут, стиснут... А тут еще туман, временами снег. Начальник экспедиции и капитан не спали двое суток. Оба стояли на мостике с синими кругами под глазами, но с тщательно выскобленными бритвой щеками.

Утром третьего дня туман, только что отсвечивающий изнутри бледным сиянием льдов, вдруг потемнел. Это был хороший признак. Он сулил чистую воду.

Канонерка выскочила к темной полынье. И почти одновременно с мостика увидели каемку береговых скал.

Это был остров Врангеля, далекая русская земля.

«Красный Октябрь» вошел в бухту, удобную для стоянки.

На ближайшем холме всю ночь ухали взрывы. Летели вверх комья вечномерзлой земли. На заре над островом установили высокую мачту.

Весь личный состав экспедиции выстроился без шапок вдоль холма.

В торжественной тишине на мачту был поднят железный алый флаг с вырезанными на нем буквами: «СССР». Радостным «ура», повторенным трижды, моряки приветствовали советский флаг над русским островом.

Недалеко от подножия мачты установили медную доску с краткой надписью на русском и английском языках: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Гидрографическая экспедиция Дальнего Востока, 19 августа 1924 года».

Теперь, когда главная задача была выполнена и исторические права Советской страны на остров еще раз закреплены, «Красный Октябрь» медленно двинулся вдоль южного берега. На острове, несомненно, хозяйничали какие-то хищники. У валявшихся на берегу трупов моржей были отрезаны только головы. Видимо, хищники охотились лишь за моржовым клыком, выбрасывая все остальное.

В бухте Сомнительной моряки наткнулись на небольшие землянки из плавника и развешанные для просушки шкуры белых медведей. В землянках было пусто. Но едва моряки вернулись на корабль, как из-за мыса показалась шлюпка.

В тихом воздухе еще издали слышались оживленные голоса людей, гребущих к кораблю. Они изо всех сил работали веслами. Человек, сидевший у руля, с крайне довольным видом размахивал шляпой.

Шлюпка была уже у самого борта, как вдруг ее рулевой испуганно вскрикнул, а остальные резко затормозили веслами.

— Они увидели не тех, кого ждали! — зло бросил Давыдов. — Издали эти молодцы не разглядели флаг.

Шлюпка между тем повернула назад, и испуганные гребцы налегли на весла с удвоенной силой. Поздно! Сигнал с канонерки заставил их вернуться к борту корабля.

И вот они стоят перед советскими моряками — мелкие хищники, посланные на разведку крупными охотниками до чужих богатств. Один из них — в шляпе, с белой повязкой на глазу. Он нервно кутается в меховой воротник короткой куртки. Его спутники растеряны до крайности.

— Ваше имя? Национальность? — спрашивает Давыдов у человека с белой повязкой.

— Чарльз Уэллс из города Нома, сэр. Американец.

— Прекрасно, Чарльз Уэллс. Но по какому праву вы промышляете на советской земле?

Американец разыгрывает изумление. Как? Это советская земля? Тут какое-то недоразумение. Но разве не на ней жили люди из экипажа раздавленной льдами в 1914 году канадской шхуны «Карлук»? А в 1921 году здесь высадился молодой канадец Крауфорд со спутниками. Правда, все они, кроме поварихи-эскимоски, погибли, но ими был поднят здесь британский флаг. И разве русские не знают, что господин Мекензи Кинг, всеми уважаемый премьер-министр Канады, заявил тогда же, что остров Врангеля — новое владение короля Георга. Правда, лично он, Чарльз Уэллс из Нома, думает иначе. Эти англичане всюду суют свой нос. Он лично считает, что остров Врангеля — американская территория, поскольку на ней находится сейчас четырнадцать жителей Аляски, высадившихся здесь со шхуны «Дональдсон» в прошлом, 1923 году. Они ожидают прихода шхуны из Нома, на которой господин Карл Ломен...

— Довольно, Чарльз Уэллс, — прерывает американца Давыдов. — Вы не хуже меня знаете, чей флаг по праву первым поднят над этим островом. А вот чем вы здесь занимались?

— Охотой, сэр. Только охотой, — отвечает американец. — Половину добычи мы должны отдавать компании, отправившей нас. Я лично считаю, что это слишком много, но что ж поделаешь. Но, сэр, честное слово, я не стрелял моржей. Это всё эскимосы, сэр. Они не в состоянии удержаться, чтобы не стрелять по всякому попавшемуся им на глаза зверю!

— Ну что же, — с усмешкой сказал Давыдов. — Соберитесь, сэр! — И добавил холодно: — Вы и все, кто с вами находится на острове, будут взяты на борт корабля. Мы не считаем вас, и тем более эскимосов, ответственными за совершенные действия. Эскимосы — невольные исполнители чужих распоряжений. Ответственными являются люди, пославшие вас и вовлекшие в невыгодную сделку. Орудия лова и добыча будут конфискованы согласно международным законам. Все ли вам ясно?

— Да, сэр. — Убедившись, что ему не грозит ничего

страшного, американец повеселел и даже надел шляпу, которую до этого вертел в руках.

— Добавлю еще, что мы, советские люди, не заблуждаемся относительно того, кому и зачем понадобился наш остров. Да те, кто послал вас, и не скрывают этого. Вам нужны не только наши богатства. Ваши государственные деятели заявляют, что остров Врангеля должен служить их воздушным силам, так же как Фольклендские острова служат крейсерам и шхунам. Так вот, Чарльз Уэллс, запомните: никогда не бывает этому!

Матросы, обступившие Давыдова, одобрительно зашумели. Американец криво улыбался, стараясь держаться как можно независимее.

Если бы «оленный король» Аляски мог видеть все это, он надолго потерял бы душевное равновесие. Но что было бы с Карлом Ломеном, если бы он, кроме того, узнал, что в это самое время капитан Лэн на «Германе» безнадежно застрял у маленького островка, где и поднял американский флаг, предназначенный для острова Врангеля. Не пропадать же флагу зря...

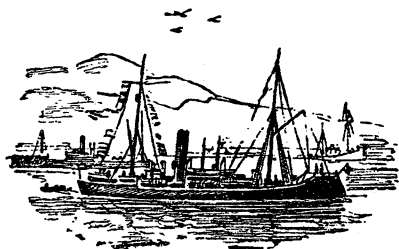
* * *

Можно было бы рассказать еще о том, как на обратном пути блестяще выполнившая задание канонерская лодка встретила непроходимые льды и встала на зимовку; как после спуска паров буря неожиданно разбила ледовую преграду и как, снова собрав уже разобранный машину, моряки дерзнули пробиваться к Владивостоку.

Но мы лишь упомянем, что почти у самого выхода в Тихий океан, когда в топки пошли пеньковые тросы, олифа, краски и вообще все, что могло гореть, льды вдруг снова потащили канонерку на север, и угроза тяжелой зимовки без топлива стала почти неотвратимой. Хорошо, что остатки разбитой в бухте Уэлен шхуны и сырой плавник помогли кочегарам поддержать в котлах пар, для того чтобы корабль смог обогнуть скалы мыса Дежнева и выйти на открытую морскую дорогу.

Стоило бы также рассказать и о том, как советские люди освоили остров Врангеля и как советские ученые приблизились наконец к разгадке тайны «Земли Андреева». По мнению одних, Андреев видел большой остров Новая Сибирь, открытый окончательно гораздо позднее;

другие считают, что Андреев обнаружил в океане один из гигантских ледяных островов, подобных тем, которые найдены и исследованы советскими полярниками в последние годы. Но все это уже выходит за рамки нашего короткого рассказа о полярном плавании советских моряков и о провале авантюры посланцев коронованных и некоронованных королей Англии и Америки.

ЗА НЕБЕСНЫМ ГОСТЕМ

Но вы уверены, что то действительно был гигантский метеорит? Ведь, насколько я знаю, некоторые до сих пор отрицают это.

Тот, к кому был обращен вопрос, улыбнулся и ответил не без лукавства:

— В конце восемнадцатого века во французском городе Жульяке упал с неба камень. Все видели это. Городские власти тотчас написали о происшествии в Париж, в Академию наук. Но, по утверждению тогдашней науки, ничему падать с неба не полагалось. И академик Бертолле, докладывая другим ученым мужам о письме из города Жульяка, сказал: ах, как печально, что городские власти распространяют сказки, которые ничем разумным объяснить нельзя. Вот видите, с метеоритами всякое бывало...

— Однако, Леонид Алексеевич, — смеясь, возразил первый из собеседников, — если я напечатаю такой ответ в газете, ваши противники станут еще злее.

— Пусть... А вот, не угодно ли. В начале девятнадцатого века в Северной Америке упал на землю каменный дождь. Когда об этом доложили президенту Соединенных Штатов Джеферсону, тот рассердился и сказал, что все равно никогда не поверит, будто камни могут падать с неба. А было это спустя тридцать с лишним лет после того, как вот отсюда, с берегов Енисея, русский ученый Паллас привез в Петербург огромный железный метеорит, а член-корреспондент Российской Академии наук Хладный, отец метеоритики, доказал, что небесные тела падали, падают и будут падать на нашу планету.

Собеседники сидели в вагоне поезда, спешившего на восток. Поезд только что миновал город Красноярск, длинный мост через Енисей и теперь бежал мимо высоких гор, освещенных негнущим зимним солнцем. Окна вагона искрились морозными узорами, на снегу у насыпи синели голубые тени, дым над домиками разъезда поднимался неподвижными золотисто-розовыми столбами.

Корреспондент сибирской газеты, сердясь на тряску, записывал то, что рассказывал ему Леонид Алексеевич Кулик, начальник первой советской экспедиции, отправленной на поиски знаменитого тунгусского метеорита.

— Разумеется, в двадцатом веке никто не станет утверждать, что падение метеоритов — вещь невозможная, — продолжал Кулик. — Но тому метеориту, о котором говорим мы с вами, не повезло с самого начала.

И Кулик напомнил, что ранним утром 30 июня 1908 года, девятнадцать лет назад, тысячи людей видели, как огненное тело, более яркое, чем солнце, пронеслось над пространствами Центральной Сибири. Уже не тысячи, а десятки тысяч людей слышали при этом необыкновенный грохот. В глубоких подвалах Иркутской обсерватории особые приборы — сейсмографы — отметили сотрясение земной коры. Воздушная волна, образовавшаяся при этом, дважды обожала вокруг нашей планеты. Ее отметили многие обсерватории мира. Ночь после падения метеорита была необыкновенно светлой, белой. Не только в Сибири, но даже во многих городах Европы в полночь можно было читать на улицах газеты. Странные серебристые облака светились в небе. И все же...

Рассказчик замолчал. Корреспондент вопросительно посмотрел на него:

— Вы хотите сказать, что всего этого было мало, чтобы поверить в тунгусский метеорит?

— Нет, не в том дело. Поверить-то, может, и поверили, да что толку? Понимаете, нужно было бы тотчас отправить в Сибирь экспедицию. По горячим следам. Но кто это мог сделать? Царское правительство? Сами понимаете... И постепенно о метеорите стали забывать. Когда в 1921 году поехал я в первую советскую метеоритную экспедицию по Поволжью и Сибири, мне, между прочим, вручили листок из старого календаря. Смотрю — на обороте напечатана заметка о падении огромного метеорита около сибирского города Канска. «Нет дыма без огня, — говорят мне, — поезжайте, проверьте».

— И листок из старого календаря заставил вас начать поиски? — удивился корреспондент.

— Ну, не совсем так. Я только хочу сказать, что подлинная история падения метеорита уже забылась, но зато появилось много всякого вздора и вымысла. Вот и эта календарная заметка. Откуда пошло, что метеорит упал около Канска? А вот откуда. Шел на восток, примерно в тех местах, где мы сейчас едем, поезд. Когда пронесся метеорит, машинист перепугался и остановился прямо в поле. Пассажиры, пораженные необыкновенной яркостью метеорита, в один голос уверяли, что огненный шар упал «вот тут где-то», «поблизости у полотна железной дороги», и пока поезд стоял, даже бегали искать небесный камень. Зря бегали. Потом приезжали люди из Красноярска, из Иркутска и тоже ничего не нашли. И не могли найти. Метеорит-то упал не у Канска, как уверяли пассажиры и как с их слов сообщал листок из календаря, а совсем в другом месте.

— Где же?

— Гораздо севернее. На сотни километров.

— Так что же за фантазия пришла пассажирам в голову? Зачем было обманывать честной народ?

— Обманывать? Когда я приехал в Сибирь и стал спрашивать жителей селений, расположенных куда севернее Канска, то они божились, что огненный шар упал если не у них за околицей, то уже не далее, чем в соседнем лесу...

— А-а, понимаю! Значит, на Землю пожаловало несколько метеоритов? Или это были осколки одного, главного?

— Не было осколков, не фантазируйте. Все видели один и тот же метеорит. Огромный, яркий. Такой яркий, что людям всюду казалось, будто он пролетел очень низко и, значит, должен был врезаться в землю где-то поблизости. Однако внимательное изучение ответов на письма, разосланные еще в 1908 году Иркутской обсерваторией, навело нас на правильный путь. Вот, смотрите.

Начальник экспедиции открыл полевую сумку и достал из нее аккуратно перевязанную пачку листков. Корреспондент придвинулся ближе. Листки были разные, чернила на некоторых из них уже успели выцвести.

— Пожалуйста, первый ответ, — сказал Кулик. — Его автор жил в Канске. «Находясь во дворе, я слышал в северо-восточной стороне сильный шум или гул, похожий на гром... Во время этого гула воздух пришел в сотрясение». Как видите, ничего особенного. Вот письмо с Ангары: «Были какие-то сильные удары, вроде громовых, от которых в рамках дрожали стекла, нагибались деревья... Местные крестьяне передавали, что они видели какой-то летевший в северной стороне огненный шар, от которого будто бы происходили такие сильные удары, вроде взрывов». Тут уже описывается более грозное явление. А вот, смотрите, это письмо из поселка севернее Ангары: «С неба прилетело что-то, повалило лес, после чего произошел пожар». Ну и дальше в таком же роде... Кстати, мне уже тогда удалось повидать людей, рассказывавших, что у лесного народа — эвенков — «небесный огонь» погубил оленей и выжег тайгу. Вот там, где это произошло, и следовало искать метеорит, а не в Канске и даже не на Ангаре. И по данным обсерватории центр таинственного «землетрясения», отмеченного приборами, также находился на севере, далеко от Канска. Астроном Вознесенский и сын знаменитого нашего академика геолог Обручев, побывавший на Подкаменной Тунгуске, уточнили место падения. Вот вам карта. Видите крестик? Должно быть, где-то здесь и упал наш метеорит. Или вот здесь, восточнее.

— Но как же вы попадете туда сейчас, зимой? Ведь это так далеко!

— Да, не близко, — согласился начальник экспедиции. — От Тайшета — кстати, мы там скоро будем — на санях проберусь к Ангаре по таежной дороге, а дальше... А дальше — посмотрим.

— Леонид Алексеевич, — неожиданно спросил корреспондент, — а что, очень хочется вам найти этот самый метеорит?

Кулик улыбнулся и сказал по-юношески простосердечно:

— Очень.

Помолчал и снова повторил:

— Очень.

С минуту оба слушали стук колес. За окном вагона уже синели сумерки. Первые звезды стремительно летели над верхушками черных елей. К ночи, как видно, собирался злой мороз. Корреспондент невольно поежился, представив, как его спутнику придется ночью выходить на маленькой станции, искать ночлег, рядиться с ямщиками...

— Хотите, — сказал вдруг Кулик, — я прочту вам стихи?

И, не дожидаясь ответа, начал:

Гром... Встрепенулась тайга и затихла.
Пламя. Свет солнца ослаб и померк,
С грохотом мчится по небу светило —
Сыпятся искры и тянется след...
Жуть. Тишина... Лишь удары несутся.
Облачко виснет у края небес.
Там у тунгусов олени пасутся,
Валит там воздухом девственный лес.
Мечутся люди и гибнут олени.
Рев и проклятья. А небо гремит.
Где же виновник всех этих явлений?
Где же тунгусский наш метеорит?

— Да, — неопределенно сказал корреспондент. — Стихи, в общем, недурные, с настроением...

— Перестаньте! — рассмеялся Кулик. — Стихи плохие. Очень плохие. Из меня не выйдет поэта. Но «где же тунгусский наш метеорит?» Вот в чем главное... Однако мне пора укладываться.

— Леонид Алексеевич, — заторопился корреспондент, — вы все о метеорите, а о себе — ни слова. Так нельзя.

— Что же вам рассказать? Учился в университете и в Лесном институте. По обвинению в революционной деятельности отсидел в крепости. Потом участвовал в экспедициях Академии наук. В войну 1914 года дрался с немцами. После демобилизации занялся метеоритикой — самой увлекательной, на мой взгляд, наукой в мире.

Последнее время доказывал, что тунгусский метеорит стоит того, чтобы снарядить на поиски его экспедицию. Как видите — доказал. Вот и всё.

— Граждане, Тайшет! — Кондуктор, впустив клубы пара, отправился с фонарем в тамбур.

Корреспондент вышел проводить своего спутника. Ночь была морозной. Жесткий снег скрипел под ногами. В бархатном небе переливались звезды. Оттуда, из черной бездны, прилетел на землю загадочный гость, которого хочет найти вот этот высокий, худощавый человек, в круглых очках, такой неуклюжий в мохнатой собачьей дохе.

Свисток обер-кондуктора был едва слышен сквозь меховые уши шапки.

— Леонид Алексеевич, дорогой! — Корреспондент крепко стиснул руку ученого. — Удачи вам всяческой.

— Спасибо, — растроганно ответил тот.

Поезд, показав три красных огня последнего вагона, умчался в темноту.

* * *

Дорога от Тайшета на Ангару пересекала безмолвные таежные боры. Обоз шел по ней на север.

Потом началась охотничья тропа, уходившая от Ангары к реке Подкаменной Тунгуске. Часто попадались следы лосей, лисиц, росомых. После нескольких дней пути Кулик оказался у почти скрытых сугробами бревенчатых домов крохотного поселка. Он стоял на высоком берегу над неподвижной рекой. Это была таежная фактория Вановара. Тут кончались населенные места. Дальше простиралась дикая тайга. Там и упал гигантский метеорит.

На фактории Вановара в 1927 году, когда туда приехал Кулик, еще жили свидетели «небесного чуда». Вечером в избу, где он остановился, пришли русский крестьянин и таежный следопыт — эвенк.

— Ну, значит, так было дело, — неторопливо начал первый. — Сажу это я на крыльце, и вдруг в небе ка-а-к полыхнет! И от того, значит, огненного воспламенения стало горячо, будто на мне рубашка загорелась. А потом и грохнуло! Бросило меня с крыльца сажени на три, а как пришел в себя — батюшки! Дома трясутся, стекла летят, рамы ломает... Вот натерпелись страху-то...

Эвенк Илья Лючеткан неторопливо развязал шейный

платок. Да, как же, Лючеткан очень хорошо знает, что натворил «он». Это слово рассказчик произнес с величайшей почтительностью.

Чум брата Лючеткана, старого Ивана, стоял возле речки Дилюшмы. Когда с неба упал «он», чум взлетел на воздух. Брата и его жену шибко подбросило вверх. Там же неподалеку другой родственник Лючеткана, сват Онкуль, пас оленей и держал разное добро в сарайчиках и лабазах, устроенных на столбах, чтобы не добрался зверь. «Он» пожег лабазы, а оленей «кончал».

— Шибко разорил «он» свата, ох, как шибко! — закончил Лючеткан.

— А как пройти туда, где «он» лес выжег? — нетерпеливо спросил Кулик.

— Зачем тебе знать?

— Хочу посмотреть, как «он» лес спалил.

Эвенк неодобрительно покачал головой:

— Не ходи туда. Однако, шибко плохое место... Опять бог Огды рассердится. Опять тайгу жечь будет.

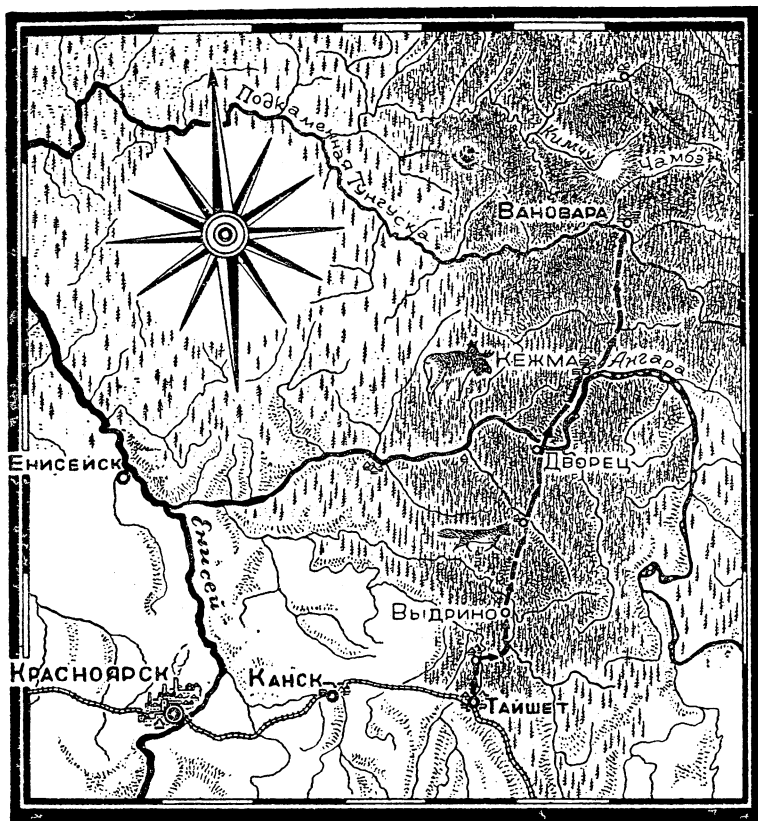
После новых настойчивых просьб Лючеткан с видимой неохотой сказал, что «он» упал где-то между речками Хушмо и Кимчу.

Ученый знал, что эвенки, которых советская власть недавно освободила от долголетнего гнета шаманов и кулаков, лишь начинают свою новую жизнь. Суеверия, предрассудки, темнота пока еще очень мешают этому трудолюбивому, одаренному народу. Ничего, и Лючеткан скоро поймет, что совсем не бог Огды виноват в лесном пожаре...

Кулик читал некогда дневники Кропоткина и помнил, как тому помогла карта, вырезанная на бересте ножом неграмотного эвенка. Он знал также, что эвенкам присуще поразительное «чувство местности», что, например, для обозначения различных особенностей и оттенков рельефа язык этого лесного народа включает больше понятий, чем язык любого географа-европейца. Раз Лючеткан сказал, что «он» упал у Хушмо, — значит, можно смело идти к Хушмо.

Но как идти? Не лучше ли попытаться проникнуть в таежную глушь немедленно, пока мороз сковал болота?

Куда там! Маленький караван навьюченных лошадей не смог пройти и десятка километров через заваленный

снегом лес. Тут были нужны олени, «вездеходы тайги», с их широкими копытами. К тому же для оленя не надо брать овса или сена: он сам добывает себе корм из-под снега.

Вернувшись в Вановару, Кулик кое-как уговорил Лючеткана и эвенка Охчена довести его на оленях до страшного места.

Что это был за поход! Видимо, Охчен в душе надеялся, что приехавший издалека сумасброд не выдержит долгой дороги и с полпути к спальной огнем тайге велит возвращаться назад. Хитрец-проводник вставал поздно, долго, со вкусом, пил чай, еще дольше собирался в путь, а

пройдя немного, начинал охать и жаловаться на какие-то немыслимые болезни. После этого Охчен останавливал оленей и задолго до вечера устраивался на ночлег.

Но Кулик, отлично понимая, что его спутникам ужасно не хочется идти к «заколдованному» месту, где обитает бог огня Огды, проявлял поистине неистощимое терпение. Он даже делал вид, что очень доволен своими проводниками.

А между тем ему временами хотелось бросить эвенков и бежать на лыжах вперед, на север. Ведь маленький караван незаметно втянулся уже в зону бурелома.

На вершинах холмов тайга была начисто вырвана пронесшимся здесь два десятилетия назад свехураганом. Глядя на вывороченные черные корни, жутко распластавшиеся над переломленными, словно спичка, стволами, Кулик понял, почему суеверные эвенки боятся этих мест. И когда не только Охчен, но и более смелый Лючеткан решительно отказались идти дальше, он не стал настаивать.

— Хорошо, гирки, — сказал Кулик. (Он знал уже несколько эвенкийских слов и называл спутника «гирки» — друг, товарищ.) — Хорошо, мы не пойдем туда, где «он» упал. Но зато мы походим вокруг этого места. Ладно?

Лючеткан кивнул головой. Вокруг — это уже не так страшно...

Вдвоем они начали обход окрестных холмов и гор, всюду натываясь на мертвую, поваленную, сожженную тайгу. Все это натворил метеорит. Только он! Сибирь не знает таких ураганов, которые могли бы повалить, вырвать, переломать тысячи столетних, крепчайших лиственниц.

А эти толстые стволы и тонкие ветви, одинаково покрытые черным, обуглившимся слоем! Если бы тут прошел обычный лесной пожар, мелкие ветви не обуглились бы, а сгорели дотла. Только страшный, но мгновенный ожог мог обуглить их. Лес, обожженный метеоритом!

Раздумывая так, Кулик поднимался на довольно высокий хребет. Дело было уже в апреле, подтаявший снег налипал на лыжи. Отирая пот, струившийся из-под меховой шапки, Кулик вышел на гребень — и замер.

Перед ним лежало плоскогорье, покрытое мелкой ред-

ной порослью и замкнутое цепью снежных гор. Взрослых деревьев здесь не было: их поваленные стволы лежали на земле. А по краям плоскогорья синела тайга.

Из-под горы, кряхтя, появился отставший эвенк. Осмотревшись, он подозрительно покосился на Кулика. Но тот равнодушно смотрел вдоль хребта.

— А что, амикан в здешних местах водится?

Амиканом эвенки называют медведя.

— Есть, однако, маленько.

— А белка?

— Бывает, однако. Только нынче белка далеко ушла: шишка не уродилась, белке кушать нечего.

И эвенк стал рассказывать, как белка в поисках корма кочует из одного конца тайги в другой. Говорил он долго, а Кулик внимательно слушал. Наконец повесть о белке была окончена. Помолчали. Эвенк набил огромную трубку, искусно вырезанную из какого-то корня и украшенную медной крышкой с отверстиями. Покурил, ожидая вопросов. Кулик молчал и только рукой отмахивался от дыма: он чувствовал отвращение к табаку. И вдруг эвенк, не вытерпев, возбужденно заговорил, указывая рукой на далекие снежные горы:

— Там, сказывают, «он» лес валил во все стороны и всё палил, досюда палил, а дальше огонь не ходил...

Сказал — и осекся. Но Кулику и этого было достаточно. Слова эвенка только подтверждали то, что он видел сам. Если у гор «он» валил лес во все стороны, — значит, где-то там и был центр падения.

Но что это за горы? На карту надежда плоха — она составлена на глаз, по расспросам. Надо было найти какие-то знакомые ориентиры. Он припомнил разговор на фактории.

— Скажи, друг, речка Хушмо далеко течет от тех гор?

Эвенк посмотрел на снежные вершины хребта, напоминавшие сахарные головы:

— Видишь, гирки, дыру? Это ручей проделал, он в Хушмо впадает.

Среди гор темнела узкая долина. Отлично, один ориентир есть!

Терпеливо, по несколько раз повторяя вопросы, Кулик выспросил у своего спутника все, что тот знал об окрестных хребтах и реках.

Следующие два дня, предоставив эвенкам наслаждаться чаем с утра до вечера, Кулик бродил по обожженным склонам с bussолью, делая съемку местности и обдумывая, что предпринять дальше. Конечно, лучше всего было бы проникнуть к заветным горам немедленно, пока не стаял снег.

Но суеверные эвенки не согласились на это. Лючеткан рассердился, замахал руками и наотрез отказался идти к «заколдованному месту». Кулик вернулся в Вановару, раздосадованный, злой.

Он снова смог выйти в тайгу лишь тогда, когда дружная, солнечная весна пожаловала в эти края. По мокрому снегу Кулик едва добрался до вздувшейся синеватой реки Чамбэ и стал здесь лагерем. Когда начался ледоход, два крепких плота были уже готовы.

На плотах разместились Кулик, его помощник, ангарские охотники с шестами в руках и таежный малорослый конь. Эвенк, кочевавший в этих местах, кричал с берега:

— Езжай, езжай! Как минешь Дилюшму, так будет Хушмо! Пройдешь по Хушмо две речки, Укогиткон и Ухагитту, а там будет Чургима, ручей Великого болота! Тут «он» землю ворочал...

Эвенк кричал еще что-то, но быстрое течение подхватило плоты, и конь громко, испуганно заржал. Через минуту эвенк остался один на берегу извилистой Чамбэ. Покачивая головой, он отправился к себе в чум.

Вода то с размаху бросала плоты на ледяные «заторы», то несла их к «заломам» из перегородивших русло деревьев, подмытых половодьем. Багры и топоры минуты не лежали спокойно.

Как-то ночью, пока путники спали на берегу, один плот унесло вниз по реке, и его едва удалось догнать. Не раз на ночлегах Кулик просыпался от тревожных всхрапываний коня, который чуял медведей, кормившихся у весенней реки.

А потом шестнадцать дней конь и люди тянули плоты бечевой против течения порожистой речки Хушмо, то бредя в ледяной воде, то оставляя клочья одежды в густых прибрежных зарослях.

Кулик покидал ночные стоянки на рассвете, стараясь не будить ангарцев. Он поднимался на ближайший холм. Красноватое солнце в дымке испарений выплывало из-за дальних хребтов, освещая угрюмую таежную страну. Но сколько ни вглядывался Кулик, знакомых голых гор и темной впадины ущелья между ними нигде не было видно.

Поддавив невольный вздох, Кулик брел к лагерю. Молчаливые ангарцы ни о чем не спрашивали его и впрягли коня в лямку...

Но однажды с холма открылись вдруг — и притом близко — горы, те самые горы. Правда, они не походили уже на сахарные головы, снег давно растаял, но Кулик не мог спутать их ни с какими другими на свете.

Плот пробирается по мрачному ущелью, куда едва втиснулся Хушмо. С темнобурых скал падает в реку светлая струя. Под ней белеет пласт нетающего льда.

— А ведь это, пожалуй, и есть Чургима, ручей Великого болота! — Кулик возбужденно потирает руки. — Причаливай, братцы, плот.

Пройдя вверх по ручью, экспедиция попадает в котловину, занятую огромным болотом. Вокруг — цепи голых гор, словно заштрихованных стволами поваленных деревьев. Кое-где в защищенных горами низинах стоят на корню черные, мертвые деревья; воздушная волна не сломала их, но они смертельно обожжены.

Разбили лагерь. Кулик начал кружить по горам вокруг котловины. И тут одно обстоятельство поразило его, будя догадку. Всюду — на севере, юге, востоке — поваленные

стволы были обращены вершинами от котловины к горам. Котловина словно оцетинилась во все стороны.

Кулик сделал чертеж в записной книжке. Стрелки показывали, в какую сторону повален лес на сопках. Боже мой, да ведь метеорит ударил как раз в котловину!

Как струя воды, ударившись в плоскую поверхность, рассеивает брызги на все четыре стороны, так точно и струя из раскаленных газов с роем твердых тел вонзилась в землю и непосредственным воздействием, а также и взрывной отдачей произвела всю эту картину мощного разрушения. Вот откуда этот радиальный вывал леса, этот «веер» поваленной тайги.

Но где же самый центр падения?

В северо-восточной части котловины Кулик наткнулся на десятки кратеров-воронок, очень похожих по форме на те, которые можно наблюдать в телескоп на поверхности Луны. Не осколки ли метеорита образовали эти воронки?

Кулику хотелось тотчас немедленно начать раскопки. Но воронки сочились водой, их затянул мох. Чтобы отвести воду хотя бы из одного кратера, нужно было затратить много дней. А в лагере трясли мешки, собирая последние горсти муки...

— Давай, Леонид Алексеевич, сматывать удочки, а то сивку-бурку кушать придется. — Один из ангарцев кивнул на отощавшего коня.

...Через несколько дней люди, первыми в мире увидевшие место падения самого гигантского метеорита последних столетий, тронулись через тайгу в обратный путь.

* * *

Как быстро пролетел год!

Кулику казалось, что он только вчера покинул вот эту бревенчатую избу на фактории Вановара, где его теперь встретили, как старого знакомого, с искренним, но сдержанным сибирским радушием.

Далеко-далеко остался Ленинград, комнаты Минералогического музея Академии наук, кафедра с зеленой лампой, недоверчивые покашливания в зале.

Его доклад об открытии в тунгусской тайге убедил далеко не всех. Некоторые утверждали, что бурелом мог быть следом сильного циклона, что пожарище могло

остаться после самого обычного лесного пожара, вспыхнувшего от удара молнии или костра охотника. Указывалось, что воронки, похожие на те, которые он обнаружил, встречаются и в других местах, где под тонким слоем мха дремлет вечная мерзлота.

Но академики Вернадский и Ферсман поддержали предложение об организации новой экспедиции, которая могла бы продолжить изучение котловины.

На трех лодках, названных «Кометой», «Болидом», «Метеором», Кулик решает спуститься от фактории Вановара по Подкаменной Тунгуске до устья Чамбэ, подняться по Чамбэ вверх бечевой, а дальше знакомым путем проникнуть по Хушмо к Великому болоту.

На пятый день экспедиция добирается до безыменного порога в низовьях Чамбэ. Реке тесно в каменном коридоре. Крутятся водоворотами, она несет пену.

Утром, когда розоватые отсветы зари пляшут на волнах, начинается самое трудное. Семь человек тянут лямку, восьмой сидит на руле. Первая лодка оказывается за порогом.

Вторая лодка — Кулика. Он сам садится за руль. Опасно? А где сказано, что начальник должен прятаться за спину других?

Лодка доходит до середины порога. В этот миг кто-то из «бурлаков», поскользнувшись, падает, толкая других. Бечева ослабеваает, лодка мгновенно разворачивается поперек реки. Еще секунда — и в хлопьях пены мелькают темное дно перевернувшейся лодки и рука рулевого.

— Спасайте! Утонул! Ах ты, грех какой!

Люди бегут к порогу, толкая друг друга.

— Гляди, выплыл!

— Где?.. Верно!

Ниже порога, ухватившись за веревку, брошенную с третьей лодки, выходит из воды знакомая высокая фигура. Кулик бледен, но добродушно улыбается:

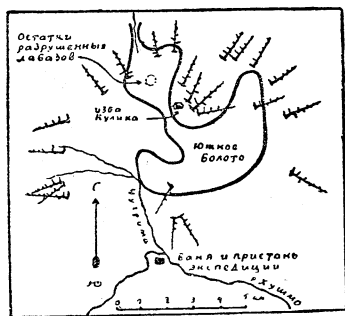
— Вот это, называется, повезло! Посмотрите — целехоньки!

Он протягивает ладонь. На ладони — мокрые очки...

Добравшись до котловины Великого болота, экспедиция прежде всего построила лабаз и крохотную избушку — таежное зимовье.

В тот год летний зной погубил ягоды, высушил траву.

И без того унылый, мертвый лес стал еще мрачнее. Торчавшие кое-где на корню огромные высохшие стволы валялись при первом крепком порыве ветра. Исчезли птицы, звери обходили котловину стороной. Только пискливые бурундуки — земляные белки — проворно носились по обгоревшим стволам да летучие мыши, охотившиеся за комарами, бесшумно чертили воздух после заката.

Кулик и его помощники делали топографическую съемку котловины. Поздней осенью, когда болота подмерзнут, ученый с помощью магнитометра предполагал «пощупать» воронки: если метеорит был железный, то чувствительный прибор обнаружил бы его осколки, глубоко вонзившиеся в землю.

Но до осени было еще далеко, а в тайгу пришла беда. Экспедиция жила на голодном пайке с того дня, когда в пороге перевернулась лодка и погибла часть продуктов. Болтушка из муки, скудно заправленная маслом, два-три куска сахару — разве это настоящая еда для таежников? Охоты — никакой, ягод нет; мудрено ли, что болезнь непрошенной гостьей пожаловала в зимовье.

И вот через тайгу пробирается печальная процессия. Только Кулика пощадила болезнь, и, часто поглядывая на компас, он ведет остальных. Его высокая, чуть сутулая фигура мелькает между стволами. А ведь надо было продержаться всего какой-нибудь месяц до заморозков... Проклятая цынга!

Люди еле бредут по тайге, часто останавливаясь и отирая пот. Но уже видны домики Вановары. Теперь — к Енисею, где, сверкая яркими огнями, плывут на юг белые пассажирские пароходы. Однако проходит день, второй, третий, а начальник экспедиции не торопится с отплытием.

— Ну, Леонид Алексеевич, когда же в путь-дорогу? — спрашивает Кулика его помощник.

Кулик загадочно смотрит из-под стекол очков:

— Вам, да и всем остальным я бы советовал не задерживаться. С цынгой не шутят.

— «Вам»?!

— Вот именно. А я... Что вы так на меня смотрите? Я, пожалуй, вернусь к моему метеориту.

— Леонид Алексеевич! — почти сердито говорит помощник. — Это даже не фанатизм, это безумие, самоубийство! Одному в тайге!

Кулик спокойно улыбается:

— А почему одному? Вот товарищ Китьян тоже хочет своими глазами увидеть то место, где с неба упал камень.

Плотный, коренастый таежник, возившийся с ружьем в тени у забора, не спеша подходит к Кулику.

* * *

Скоро месяц, как Кулик и его новый помощник, охотник Китьян Васильев, живут в таежном зимовье. Темно в избушке. Чтобы записать что-либо, Кулику приходится каждый раз открывать дверь. Они донесли в зимовье железную печку, а стекло для окон сберечь так и не сумели. В лунную ночь — это было, кажется, на седьмой день обратного пути к Великому болоту — проснувшийся Кулик при свете чуть тлевшего костра увидел медведя, обнюхивавшего печку. Ученый потянулся к ружью. Зверь, быстро повернувшись на звук, раздавил прислоненные к печке два листа стекла и был таков.

По вечерам Кулик и Китьян раскладывали у входа в избушку едкий дымокур. Охотник рассказывал таежные были, Кулик вспоминал фронттовую жизнь, камеру-одиночку, свои скитания. Но больше всего у костра говорили о метеорите. Китьяну никогда не надоедали эти разговоры.

— Алексеич, — говорил он, глядя в осеннее небо, — а что, если все звезды на нас повалятся?

— Никогда этого не будет, Китьян, — отвечал Кулик.

— А ведь наш же вот упал...

— Эх, Китьян! Я же тебе говорил, что наш — не звезда, а метеорит. Метеориты — это, вероятно, обломки крупного небесного тела — планеты. Они носятся во вселенной, в межпланетном пространстве, и мы не видим их до тех пор, пока какой-нибудь из них не влетит в земную атмосферу. Знаешь, какова их скорость? Двадцать, а то и больше километров в секунду. Семьдесят тысяч километров в час! Вот ты идешь, и воздух для тебя совсем не

помеха. А когда катишься с горы на санках — кажется, что тот же воздух стал гуще, плотнее.

— Верно, Алексеич. Аж дыхание захватывает.

— Ну вот. А для небесного гостя воздух — уже огромное препятствие. При трении о воздух метеорит так раскаляется, что начинает светиться и иногда сгорает весь, не долетев до Земли. Но наш-то с тобой не сгорел, нет! Он был слишком велик для этого. Он весил, наверно, многие тысячи тонн. Правда, он мог раздробиться при ударе, и поэтому найти хотя бы его обломок будет нелегко. Но все же мы попробуем, Китьян, а? Помнишь воронки, которые я тебе показывал? Пусть только подмерзнет!

Но зима заупрямилась и не шла в таежные края. Опять настали голодные дни. Сначала Китьян стрелял бурундуков, ловил рыбу в ручье. Но бурундуки скоро спрятались по гнездам на зиму, а рыба ушла в омуты Хушмо.

Как-то в конце сентября Кулик сказал Китьяну:

— Вот что, друг. Давай поделим остатки муки — и отправляйся-ка ты в Вановару. Не могу я больше морить тебя голодом.

Китьян побагровел:

— Сибиряку такие слова! Пришли вместе — и уйдем вместе. А умрем — так тоже вместе. А ты... Эх, ты...

Кулик шагнул к Китьяну, хотел обнять его, но тот увернулся, выскочил из избушки и долго еще дулся на ученого.

Болото не замерзло и в октябре. Снег оседал на черных стволах. В ночь, когда поднялась первая метель, Китьян разбудил Кулика:

— Слышишь, стреляют?

Они открыли дверь и прислушались. Ветер свистел над болотом. Снег, влетая в избушку, таял у порога.

— Может, тебе показалось?

— Какое там показалось! Стреляли, верно говорю. А охотники сюда не заходят. Ты как знаешь, а я больше спать не лягу.

До утра они сидели молча, слушая метель. Один раз показалось, что опять стреляют. Но это упало сломленное ветром мертвое дерево.

Утром Китьян, вышедший на разведку, быстро вернулся назад:

— Идут! Много, с ружьями.

С сопки спускался караван вооруженных всадников. Кулику вспомнились слухи о том, что где-то в тунгусской тайге бродит последняя шайка давно разбитых колчаковцев.

Несколько минут Кулик и Китьян, застыв на пороге с ружьями, смотрели как спускается караван. Вдруг головной всадник поднял руку и закричал:

— Он жив! Ура! Ура!

Это был помощник Кулика. А через минуту ученого тискали, обнимали знакомые и незнакомые. Перед Куликом была соединенная экспедиция, снаряженная Академией наук и редакцией московского журнала «Всемирный следопыт» для его розысков. К ней примкнул и старый знакомый Кулика — корреспондент сибирской газеты.

— Ничего с нами не случилось бы, зря вы всё это... — Кулик чувствовал себя неловко, узнав, что экспедиция спешила, опасаясь за его жизнь.

— Леонид Алексеевич, да у вас что, зеркала нет? Вы же истощены до последней степени. В могилу краше кладут! — горячился корреспондент. — И вот, возьмите, почитайте. — Он распахнул полушубок и достал из-за пояса тетрадь в клеенчатом переплете: — Дневник нашей экспедиции. Вот отсюда...

Корреспондент отчеркнул ногтем. Кулик прочел:

«С тревожными мыслями вступили мы на таежную тропу. Накануне нашего выхода из Тайшета сибирские газеты сообщили, что из приангарских селений бежало несколько человек ссыльных уголовников, которые, оперируя в верховьях Подкаменной Тунгуски, расспрашивают местных охотников, как пробраться к избушке Кулика. Бандиты думают, что ученый ищет в тайге золото».

Кулик возвратил дневник:

— Ну что же, золото так золото. Вон оно, наше «золото»! — И он кивнул туда, где под снегом лежало Великое болото. — Приступим же к магнитометрической съемке места падения тунгусского метеорита! — торжественно закончил он.

* * *

Что же сказать о третьей экспедиции в тунгусскую тайгу, которая состоялась в следующем, 1929 году? Она принесла Кулику больше огорчений, чем радости. Но она

же дала ключ к окончательной разгадке всех тайн тунгусского метеорита.

Во время третьей экспедиции Кулик, его помощник Евгений Леонидович Кринов и несколько добровольцев, поехавших с ними в тайгу, исследовали наконец воронки, на которые возлагались такие большие надежды.

Но сколько ни копали в этих воронках лопатами, сколько ни прощупывали их буром — никаких признаков осколков метеорита не обнаружили.

Тяжело ученому, когда созданная им после долгих раздумий теория, которая казалась такой прочной, правильной, достоверной, вдруг начинает опровергаться самой жизнью. Кулик после раскопок в воронках переживал трудные дни. Видимо, правыми оказались те, кто утверждал, что происхождение злосчастных воронок связано только с вечной мерзлотой. Сначала просочившаяся сквозь торф вода, замерзнув, приподняла торфяной покров. Летом эта выпуклость, этот бугор, хорошо прогреваемый солнцем, растрескался. Тепло проникло внутрь, и тогда растаял не только лед, но и прикрытый им вечномерзлый ил. Так вместо бугра получилась воронка...

Третья экспедиция, подробнее и внимательнее изучив многие участки поваленного леса, пришла и к другому важному выводу — что метеорит упал несколько в стороне от первоначального места поисков, в западной части так называемого Южного болота.

Эвенк Лючеткан, которого научили грамоте и который понял, что никакого бога Огды нет, отправился на пожарище. Он лично подтвердил, что найденные там Криновым обгоревшие столбы и доски — не что иное, как остатки лабазов его свата, Онкуля, кочевавшего тут со своими оленями в день падения метеорита. Лючеткан нашел даже деревянные гвозди, на которые когда-то вешал свое ружье... Но он же уверял, что Южного болота здесь раньше не было, а была сухая впадина.

Тогда присмотрелись к берегам болота и увидели, что из воды кое-где торчат затопленные стволы обожженных деревьев. Значит, либо болото и в самом деле образовалось недавно, либо уровень воды в нем резко поднялся.

Кулик решил сделать промеры дна этого огромного водоема. Ему показалось, что там имеется нечто похожее на яму, на метеоритный кратер...

Работы в тунгусской тайге продолжались и летом 1930 года. Позже они не раз возобновлялись, причем была сделана аэрофотосъемка предполагаемого района падения метеорита. К лету 1941 года готовилась большая экспедиция, которая собиралась сделать точные магнитные измерения на Южном болоте. Эти измерения помогли бы обнаружить метеорит или его крупные осколки даже в том случае, если они углубились на десятки метров в толщу земли — ведь предполагалось, что небесный гость состоял в основном из железа.

Экспедиция не успела даже покинуть Москву. На второй день войны Кулик подал заявление о вступлении в Коммунистическую партию. С отрядом народного ополчения он ушел на фронт. Ему было тогда почти шестьдесят лет, без очков он становился совсем беспомощным, но никакие уговоры, никакие запрещения врачей не заставили его вернуться в тыл. В груди ученого билось благородное сердце.

Трудной осенью 1941 года, в дни боев за Москву, вражеская пуля настигла его. Рана оказалась смертельной. Он умер, веря в победу, веря в то, что придет время, когда советская наука узнает все, что могут открыть ей вестники далеких миров.

И он не ошибся.

После окончания войны новая экспедиция, во главе с Криновым, собиралась в тунгусскую тайгу, когда телеграф принес вдруг чрезвычайное известие: из небесного пространства на Землю пожаловал еще один гигант.

В морозное февральское утро огненный шар с разноцветным хвостом пронесся над советским Приморьем. Через несколько дней летчики, кружа над сихотэ-алинской тайгой, обнаружили хорошо различимые на снегу свежие воронки. На место падения вскоре прибыла экспедиция во главе с академиком Фесенковым и Криновым. Ученые нашли свыше десяти тысяч крупных и мелких осколков метеорита и собрали богатейший материал, сразу расширивший представление мировой науки о природе метеоритов.

Но почему же тогда не повезло Кулику? В Сихотэ-Алине — десять тысяч осколков, целый метеоритный дождь, в тунгусской тайге — ни одного! В печати по этому поводу высказывались разные предположения. Было среди них и такое: за тунгусский метеорит, мол, ошибоч-

но принимали межпланетный корабль. С помощью атомной энергии он прилетел к нам с соседней планеты, но в земной атмосфере потерпел аварию и взорвался...

Заманчиво? В самом деле, сколько простора для фантазии дает такое толкование загадки тунгусского метеорита!

Но с тех пор как Леонид Алексеевич Кулик шагал по таежному бурелому, советская метеоритика сделала огромные успехи — особенно после изучения сихотэалинского метеорита.

И ученые уверенно говорят сегодня: никакой загадки тунгусского метеорита больше не существует.

Вот что произошло с ним в действительности. Гигантский метеорит двигался навстречу Земле и влетел в земную атмосферу со скоростью 50—60 километров в секунду. Его масса достигала нескольких миллионов тонн. Раскалившись при трении о воздух, он почти весь расплылся, превратился в газ еще в верхних слоях атмосферы — и эта тончайшая пыль, освещенная на огромной высоте солнцем, была причиной памятных белых ночей сразу после падения небесного гостя.

Итак, на Землю упала лишь незначительная часть метеорита. Разработанная ныне советскими учеными теория взрывов небесных тел, падающих на Землю с космической скоростью, говорит, что при таком падении метеорит взрывается с силой, в тысячу раз превосходящей силу обычных взрывчатых веществ. В тунгусской тайге небесный гость упал на сухой торфяник, прикрывающий толщу вечной мерзлоты. Взрыв превратил в газ сам метеорит, опустошил тайгу, разбросал торф, но в твердом, мерзлом грунте даже он мог сделать лишь не очень глубокую впадину. Эта впадина постепенно заполнилась водой, образовав Южное болото.

Но почему же тогда не превратился в газ сихотэалинский метеорит? Потому, что он двигался не навстречу Земле, а догонял ее и, влетев в атмосферу со сравнительно небольшой скоростью, распался здесь на куски.

Возможно, что новым исследователям удастся обнаружить в тайге мельчайшие частицы и тунгусского метеорита. Но не поиски этих частиц будут главной целью тех, кто придет на Южное болото.

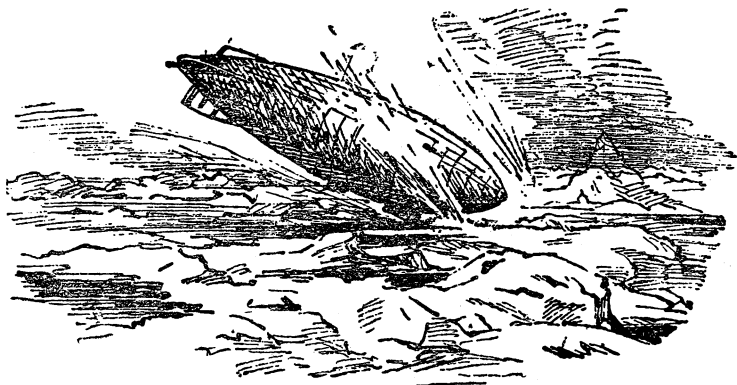
Наибольший научный интерес представляет сейчас ис-

следование самой впадины, самого взрывного кратера и его окрестностей. Такое изучение позволит окончательно уточнить все обстоятельства падения гигантского метеорита.

Советские ученые, и в том числе лауреат Сталинской премии Евгений Леонидович Кринов, прославившийся своими работами в изучении метеоритов, думают над последними страницами истории «небесного гостя».

Мы еще услышим о тунгусском метеорите!

ГИБЕЛЬ «ИТАЛИИ»

Италия»... Нобиле... СОС... СОС... СОС...»
Эти сигналы ворвались в обычные шумы эфира — пощелкиванье, треск, свист. Ворвались — и больше не повторялись.

Была глубокая ночь. Юноша сбросил с головы наушники и выскочил из дому.

Сельский телеграфист спросонья долго не мог понять, что хочет от него этот паренек. Зачем такая спешка? Умер кто, что ли?

— Да нет же, дядя Миша. Наоборот, жив. Нобиле жив, понятно? Отбейте срочно в Москву, что пойман, мол, «СОС».

Телеграфист, ворча, поплелся на почту, а утром следующего дня тысячи газет уже сообщили читателям, что советский радиолобитель в северном селе Вознесенье-Вохма поймал сигнал бедствия пропавшей без вести команды дирижабля «Италия».

Газетные столбцы снова заполнились подробностями об этой экспедиции, интерес к судьбе которой начал уже ослабевать — настолько велика была уверенность, что никого из ее участников нет в живых. Теперь газеты

опять занялись историей воздушных арктических путешествий.

Вспоминали инженера Андрэ, который полетел к полюсу на воздушном шаре и погиб вместе со своими спутниками. Называли имя русского летчика Нагурского, во время поисков экспедиции Георгия Седова первым в мире применившего в Арктике самолет. Говорили о воздушном рейсе дирижабля «Норвегия», когда знаменитый полярный путешественник Руал Амундсен пролетел от Шпицбергена до Аляски и побывал над Северным полюсом. И в заключение снова возвращались к экспедиции итальянца Умберто Нобиле, посылавшей теперь в эфир призывы о помощи.

Эта экспедиция была полусекретной. Нобиле дал фашистскому диктатору Муссолини подписку — не сообщать газетам никаких сведений ни до, ни после полета.

Дирижабль «Италия» прилетел на Шпицберген; туда же пришло судно «Читта-ди-Милано» — пловучая база экспедиции. После двух пробных полетов дирижабль поднялся в третий раз на рассвете 23 мая 1928 года. Его наполненная очень легким газом оболочка уносила на стальных канатах моторные и пассажирские гондолы, вместившие шестнадцать человек.

Погода в тот день была неустойчивой. Дирижабль медленно летел на север. Вскоре после полуночи он оказался над Северным полюсом.

Внизу была серая равнина полярного льда, расщепленная темными трещинами. Резкий, порывистый ветер грозил превратиться в шторм, опасный для дирижабля. Благоразумнее всего было поспешить с обратным полетом; о том, чтобы высадить какую-либо группу людей на лед, не могло быть и речи.

Но итальянцы, окончив за полчаса все научные наблюдения, приступили к довольно канительному делу. Папа римский не хотел оставить полюс без своего благословения и снабдил Нобиле тяжелым дубовым крестом, из-за которого с перегруженного дирижабля пришлось снять немало нужных вещей. Этот крест с помощью канатов стали спускать на лед. Спускали не просто, а до мелочей соблюдая заранее придуманную папой весьма торжественную церемонию. Она заняла почти полтора часа.

Эта бессмысленная потеря времени оказалась роковой.

Едва «Италия» отправилась в обратный путь, как с ее

борта полетели радиограммы, одна тревожнее другой: «Туман... Сильный ветер... Туман усиливается... Дирижабль борется с ветром... Началось обледенение... Вышел из строя один мотор... Лед на поверхности дирижабля образует тяжелую корку, она растет, она тянет корабль вниз...»

Утром 25 мая с борта «Италии» был принят последний сигнал.

В дни, когда смолкла «Италия», стали всё громче раздаваться голоса о том, что экспедиция итальянцев была снаряжена недостаточно серьезно и что Нобиле не следовало поручать начальство над ней. Ссылались при этом на книгу Амундсена о полете дирижабля «Норвегия», на котором Нобиле был пилотом.

Амундсен писал о том, как Нобиле, согласившись вести воздушный корабль, вдруг потребовал, чтобы его экипаж состоял только из итальянцев. Амундсен отказался выполнить это требование и решил лучше присмотреться к будущему своему спутнику. Его поразила манера Нобиле водить автомобиль: на поворотах, где полагалось сбавлять газ, этот странный шофер, напротив, лихо набирал скорость. Мелочь? Но Амундсен был слишком опытным путешественником, чтобы не обращать внимания на мелочи. Благоразумно ли вообще верить Нобиле штурвал «Норвегии»?

Действительно, во время пробного полета «Норвегии» Нобиле однажды стал спиной к носу и несколько раз повернул колесо, для того чтобы, как он говорил, «почувствовать» равновесие. Нос дирижабля устремился прямо на лед. Еще минута — и корабль разбился бы вдребезги. Но тут один из спутников Амундсена успел схватить руль и круто повернуть его кверху. «Норвегия» выпрямилась, едва не задев гондолой торосы.

Что ж удивительного в том, что на этот раз Нобиле, пилот со странностями, генерал, любитель нарядных мундиров и пышных церемоний, рискнул экипажем корабля ради того, чтобы неуклюжий деревянный крест, опрокинутый первой бурей, валялся на льдинах Полярного бассейна...

И вот теперь — три буквы в эфире, международный сигнал бедствия:

«СОС, СОС, СОС... «Италия»... Нобиле... СОС, СОС, СОС...»

Если бы советский радиолобитель не поймал призыва о спасении, то, возможно, мы бы так и не узнали, что именно и где случилось с «Италией». Ведь даже на корабле «Читта-ди-Милано», базе экспедиции, перестали ловить волну дирижабля, решив, что с его экипажем все кончено.

Но теперь началась горячка. Полярные путешественники предлагали планы спасательных экспедиций. Снаряжались корабли, готовились самолеты.

Старый Руал Амундсен, который после полета «Норвегии» заявил, что он исполнил все, что задумал, и считает свою карьеру исследователя законченной, снова надел непромокаемую куртку. Он поднялся в воздух на самолете «Латам», чтобы разыскать итальянцев. Те, кто провожал его в этот полет, были последними людьми, видевшими орлиный профиль знаменитого норвежца — человека, первым побывавшего на Южном полюсе и летавшего над Северным полюсом, впервые совершившего плавание северо-западным проходом из Атлантического океана в Тихий и прославившего себя другими смелыми экспедициями в Арктике и Антарктике.

Местонахождение Нобиле уже не было загадкой после того, как удалось наладить с ним надежную радиосвязь. Оставшиеся в живых члены экипажа «Италия», среди которых были раненые, находились на льду к северу от Шпицбергена.

Около двух десятков кораблей, в том числе крейсер, пошло с разных сторон к месту катастрофы. Каждый из капитанов мечтал о славе спасителя несчастных итальянцев. Но ни одному из кораблей не удалось пройти дальше кромки многолетнего, толстого льда.

Тогда на поиски вылетели самолеты. Их было более двадцати. Но судьба Амундсена, не вернувшегося из полета, сделала летчиков чрезмерно осторожными. К тому же они летали на гидропланах и в лучшем случае могли сбросить итальянцам продовольствие, но уж никак не сесть на льдину.

Спасательные экспедиции зашли в тупик. Уцелевшие при воздушной катастрофе обрекались на гибель во льдах. И в этот трагический момент советское правительство заявило, что оно поможет итальянцам.

Вспомним, что все это происходило в 1928 году, когда буржуазные газеты уверяли, что в Советском Союзе нет ни флота, ни авиации — вообще нет ничего, кроме нищих мужиков и свирепых комиссаров. И вдруг большевики с двух сторон, с востока и запада, отправляют на поиски мощные ледоколы «Красин» и «Малыгин» с разведывательными самолетами и смелыми летчиками.

Внимание всего мира сосредоточилось на советских экспедициях.

Ледокольный пароход «Малыгин» покинул Архангельский порт ровно в полночь 12 июня.

Через шесть дней самого быстрого хода корабль встретил льды, а еще через два дня был затерт ими за четыреста с лишним километров от места, откуда посылали сигналы итальянцы.

Самолет летчика Бабушкина, который за одни сутки собрали и спустили на лед, так далеко летать не мог. Горючее в его баках кончилось бы на половине обратного пути.

— Есть идея! — сказал Бабушкин. — Забросим-ка сначала бензинчик по воздуху. Вот, скажем, сюда. — Он показал на карте острова Карла. — Как раз на полпути. Потом я полечу отсюда напрямик до лагеря, на обратном пути сяду у островов на лед, заправлюсь и дотяну до «Малыгина».

— Рискованно. Очень рискованно, — покачал головой руководитель операции. — Что-то я не припомню, чтобы стартовали с дрейфующей льдины и на нее же садились.

— Да и я не помню, — сознался Бабушкин. — Но ведь кто-то должен попробовать.

— Ох, как бы мы с вами не сели в лужу! Помнится, профессор Свердруп где-то писал, что летом о посадке самолета на лед не может быть и речи. Нет, нет, очень рискованно!

— Хорошо, давайте тогда ваш план.

Другого плана не было.

24 июня Бабушкин стартовал со льдины и благополучно сел на другую около островов Карла. Запрятав в приметном месте бидоны с запасным бензином, он взлетел с узкой полоски прибрежного льда.

Летчик был уже недалеко от «Малыгина», когда навалился туман. Бензина у Бабушкина оставалось в обрез,

и, выбрав льдину поровнее, он не без труда посадил на нее самолет.

Походив и попрыгав, согревшийся летчик забрался в кабину и только начал дремать, как вдруг ему показалось, что в тумане кто-то бродит. Присмотрелся — неясные белесые фигуры. Летчику стало не по себе. Он крикнул, потом выстрелил. Это были белые медведи! Всю ночь он отгонял зверей, пускал ракеты, а днем, когда туман поредел, вернулся к «Малыгину».

После этого Бабушкин, разыскивая лагерь, пятнадцать раз садился на летний лед и пятнадцать раз взлетал с него. Он попал в шторм, когда льдины стало ломать, и перегонял машину через трещины, чтобы не остаться на поле, слишком коротком для взлета. Однажды он сел на такую льдину, что радист, опрометчиво соскочивший с крыла, провалился сквозь нее и едва не погиб.

Бабушкин, несомненно, достиг бы лагеря итальянцев, если бы не сломались лыжи самолета, изрезанные и истертые об острые заступы. Да и «Малыгин» после шторма, разредившего лед, так успешно продвигался на север, что от лагеря его отделяли всего сто двадцать километров. Но тут пришла радиограмма, сделавшая дальнейшее продвижение «Малыгина» и полеты Бабушкина уже ненужными...

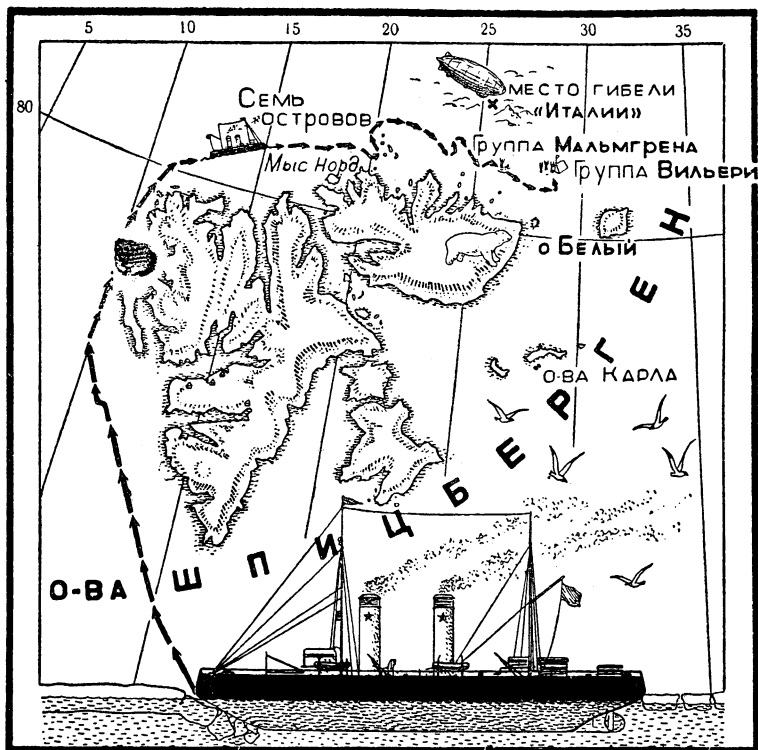
* * *

Ледокол «Красин», забитый тюками, ящиками, бочками, ушел в рейс на четыре дня позже «Малыгина».

Корабль был подготовлен к плаванию неслыханно быстро. В тот час, когда Амундсен поднялся в свой последний полет, «Красин», утюжа носом балтийские волны, уже шел на огонь маяка острова Готланд.

Особенно тепло встречала советский корабль Норвегия. В Бергене, несмотря на морозящий дождь, весь рейд был усеян катерами и лодками. «Хипп! Хипп! Ура русским!» — неслоь отовсюду.

Трубы ледокола с их красными звездами поднимались выше мачт самых больших судов в порту. Гости из Бергена, дымя трубками, карабкались на штормовой мостик, к приборам походной метеорологической станции, заглядывали в радиорубку, толпились на металлическом помосте над машинным отделением. Внизу, словно в широком

колодце, виднелись три огромные машины, вращавшие винты ледокола. Десять тысяч лошадиных сил, развиваемых этими машинами, могли поспорить с очень крепкими и старыми льдами.

Когда ледокол, пополнив запасы угля, вдоль темных скал узкого фиорда пошел к выходу в море, с лодок и катеров закричали:

— Найдите нашего Амундсена! Найдите нам его!

Обходя айсберги, дробя рыхлые льдины, разбегаюсь для раскалывания ледяных полей, «Красин» шел по следам древних русских мореходов. Еще много веков назад первыми проложили они путь на Грумант, как называли тогда Шпицберген, и далеко по свету разнеслась их морская слава.

Но оставим пока. «Красина», полным ходом идущего к Шпицбергену В эти часы в лагере итальянцев как раз происходят события, которые взбудоражат весь мир.

Шведскому летчику Лундборгу, опытному пилоту, удается сесть около группы Нобиле. Раненый механик, старик Чечиони, ковыляет к кабине. Он прощается с товарищами. Его, как самого слабого, нужно вывезти первым. Но Лундборг отстраняет старика:

— Генерал Нобиле, пожалуйста!

Нобиле протестует: правда, он тоже ранен, но капитан должен покинуть корабль последним.

— Или вы, или никто. Таков приказ. Решайте скорее. Я запускаю мотор.

Нобиле садится в кабину.

Вскоре самолет шведа снова появляется над лагерем, идет на посадку, но, едва коснувшись льдины, переворачивается, жалко распластавшись на крыльях. Ошеломленный летчик вываливается из кабины. Старик Чечиони безудержно рыдает, грызет лед, выкрикивает молитвы, перемешанные с ругательствами.

Лундборг достает фляжку с ромом. С этого часа он беспробудно пьет и проклинает себя за то, что, сняв Нобиле, вздумал еще раз вернуться в лагерь. Он хочет застрелиться, хватается за пистолет.

— Надо разломать, спрятать самолет! — истерически кричит он. — Никто... понимаете, никто не захочет здесь садиться! Вид моей перевернутой машины остановит самого отчаянного пилота.

Но другой шведский летчик на небольшом самолете все же рискует сесть. Он забирает с собой здорового Лундборга, хотя старик Чечиони совсем плох.

Таковы последние события в лагере, о которых моряки «Красина», идущего уже вдоль берегов Шпицбергена, узнают по радио.

«Красин» приближается к бухте, где стоит «Читта-ди-Милано». Оттуда радируют:

«Генерал Нобиле хотел бы прибыть на борт «Красина», чтобы дать указания».

Ответ вежлив, но тверд: хотите прибыть — пожалуйста, выезжайте навстречу. Капитан «Красина» ради удовольствия видеть на борту генерала Нобиле менять маршрут не может.

Генерал обиделся и оставил советскую экспедицию без указаний...

«Красин», обогнув мыс Норд, идет к лагерю. Всё крепче льды. Поврежден один из корабельных винтов.

Ледокол пробивается к большому ледяному полю. Штурман определяет широту: 80° 54'. На льдине срочно расчищают аэродром.

10 июля. Летчик Борис Чухновский спускает с ледокола свой самолет. Моторы гонят назад снежную пыль. Самолет исчезает в небе. С севера ползет густой туман.

Вдруг — радиограмма от Чухновского, всего два слова: «Группу Мальмгрена...»

После этого — одиннадцать минут молчания и еще одно отрывочное слово: «островов».

— Где вы, где вы, отвечайте! — надывается радист «Красина».

Проходит полчаса, час. Чухновский молчит.

На льду жгут костры, пускают ракеты. Прожектор ледокола шарит в небе. Чухновский блуждает где-то в молочной мгле: о слепых арктических полетах в те годы еще только мечтали.

Но вот радист в рубке встрепенулся, карандаш побежал по бумаге: «Не можем подойти к «Красину» из-за тумана. Сейчас ищем посадку в районе Семи Островов».

И опять молчание. Час, два, три, четыре... На аэродроме тушат костры, гаснет луч прожектора: Чухновский уже не может прилететь, у него давно кончился бензин.

Мрачно на корабле. Никто не идет к ужину. Туман густ и зловещ.

А с Чухновским произошло вот что. В тот момент, когда самолет, прижатый туманом, низко летел над редкими льдинами, в отделение пилота вихрем ворвался механик:

— Люди! Люди!

Чухновский тотчас развернул машину, спустился совсем низко. Сквозь быстро несущиеся клочья тумана он увидел двоих на крохотной льдине, махавших тряпками, и недалеко от них — странную, неподвижную фигуру, распластавшуюся на льду.

Из радиограммы, рассказывающей об этом, на ледоколе уловили только два слова: «Группу Мальмгрена».

Туман все сгущался, и Чухновский стал искать место для посадки. Радио из района Семи Островов было при-

нято на «Красине» в тот момент, когда самолет снижался над торосистым полем. Затем Чухновский услышал треск ломающихся шасси. Самолет сильно трянуло; сломались оба винта, вышла из строя рация...

Глубокой ночью на «Красине» захлопали двери кают, и по всему кораблю словно пробежала электрическая искра: «Слышали? Чухновский заговорил».

Усталый радист «Красина» поймал позывные радиостанции Чухновского. Летчик сообщал, что туман мешает ему точно определить место посадки. Хотя самолет был сломан, а его экипаж находился в тяжелом положении, радиограмма заканчивалась не призывом о помощи, а словами: «Считаю необходимым «Красину» срочно идти спасать Мальмгрена».

* * *

Группа Мальмгрена... Группа Вильери... Группа Алессандрини... Теперь эти слова многими позабыты, но тогда, в 1928 году, их повторяли миллионы людей.

После того как Нобиле был доставлен на твердую землю, последние минуты «Италии» и подробности катастрофы стали известны всем.

Когда из-за ошибочного маневра с рулями дирижабль потерял высоту и стал обледеневать еще сильнее, неумолимая сила потянула его к острым выступам льдин. Вниз полетели баки с бензином, потом металлические шары балласта. Тщетно!

— Я приказал остановить моторы, чтобы избежать взрыва при ударе об лед, — рассказывал Нобиле. — Расстояние между гондолой и льдом уменьшилось до каких-нибудь десяти метров. Я отошел от окна. С поразительной ясностью вспоминаются мне те жуткие мгновения... Инстинктивно я схватился за руль в надежде еще успеть направить «Италию» на ровное ледяное поле, но было уже слишком поздно. Лед, состоявший из хаотических нагромождений, был совсем близко... Вот удар. С ужасным, отвратительным треском гондола коснулась льда... Я ударился обо что-то головой и сразу же почувствовал, как какая-то тяжесть наваливается на меня и давит со всех сторон. Ясно почувствовал, как что-то сломалось во мне. В это время на мою спину упал тяжелый предмет, опрокинул меня, и я полетел вниз головой. Инстинктивно закрыл глаза, и в голове молнией прошла мысль: «Теперь

всему конец». Это было 25 мая, в 10 часов 30 минут. Вся катастрофа продолжалась две-три минуты.

Первой коснулась льда задняя моторная гондола. Находившийся в ней машинист был убит на месте. Гондола оторвалась. Второй удар пришелся по главной гондоле, в которой находилась большая часть экипажа во главе с Нобиле. Тросы лопнули, она также осталась на льду.

Облегченный дирижабль взмыл в воздух и понесся дальше, унося шесть человек, оставшихся в бортовых моторных гондолах и килевом коридоре. Через некоторое время в той стороне, куда улетел дирижабль, поднялся столб дыма — такой, какой мог быть от взрыва резервуара с горючим. Видимо, несчастная «Италия» вновь ударилась о лед.

В оторванной и исковерканной главной гондоле оказалось десять человек, из них трое раненых: Нобиле, старый механик Чечиони и шведский ученый Мальмгрен. Остальные лишь сильно ушиблись.

На лед при катастрофе вывалилось немало продуктов. Уцелела небольшая радиостанция. Радиомачту сделали из алюминиевых обломков гондолы. Радист прильнул к ключу.

Но земля, огромная земля, не слышала их слабых сигналов. Так прошел день, другой, третий...

Тогда Мальмгрен, бывший спутник Амундсена, вызвался идти за помощью к Шпицбергену. Его рана болела, рука висела плетью, но лишь он один из всего экипажа путешествовал раньше по арктическим льдам. Повинуясь чувству долга перед товарищами по несчастью, Мальмгрен пошел к архипелагу. Сопровождать его были посланы итальянские офицеры Цзаппи и Мариано.

Уже давно самолеты разведали место катастрофы, основной лагерь на льду был нанесен на карты спасательных операций под названием «группы Вильери» — по имени лейтенанта, заменившего Нобиле, — а об улетевшей вместе с дирижаблем «группе Алессандрини», так же как и о Мальмгрене со спутниками, не было ни слуху ни духу.

И вот, судя по всему, Чухновский в первый свой полет сразу нашел «группу Мальмгрена», которую полтора месяца безрезультатно искали десятки других пилотов.

Когда связь «Красина» с самолетом наладилась, летчик сообщил подробности. Лыдина, на которой он видел

людей, очень мала. С самолета даже не рискнули сбросить несчастным продукты: легче скачущему всаднику попасть горошиной в муху.

«Красин» пошел туда, где летчик обнаружил «группу Мальмгрена». Десять тысяч лошадиных сил расправлялись со льдом. Пламя гудело в топках. От завываний судовой сирены и отрывистых призывных свистков болели уши. Те, на льдине, не могли не услышать.

И вот с капитанского мостика заметили черное на белом. Волнение на корабле достигло предела. Все ближе торос и фигурка на нем. Но всего одна фигурка, неистово размахивающая руками.

Осторожно подходит «Красин» к крохотной льдине. Нет, на ней двое, но второй уже не может подняться и ползет навстречу спасителям. Тут же валяются огромные брезентовые брюки. Не их ли принял Чухновский за третьего?

Матросы с носилками бегут на льдину. Тот, который размахивал руками, идет самостоятельно. Это здоровяк, незаметно даже, чтобы голод сильно подействовал на него. Одет он в хороший комбинезон. Десятки пар глаз следят за движениями здоровяка, на языке — тысячи вопросов. Но прежде всего — один:

— Вы — Мальмгрен?

— Я Цаппи...

— А Мальмгрен?

— Мальмгрен умер, нет Мальмгрена. Мальмгрен далеко на льду. Здесь Цаппи и Мариано... Я хочу на корабль... Мы хотим есть... Тринадцать суток без пищи...

Вносят на носилках плачущего Мариано. Он совершенно истощен, на нем какое-то тряпье, сквозь которое проглядывает голое тело.

Цаппи куда бодрее. Он разваливается в кресле кают-компании, дает себя раздеть. Под первой парой брюк оказывается вторая.

— Мальмгрен, — цедит итальянец сквозь зубы.

Странно!

На руке итальянца две пары часов.

— Мальмгрен, — повторяет он, показывая на вторые часы.

Странно, весьма странно!

У Цаппи развязывается язык. Он начинает сбивчивый рассказ:

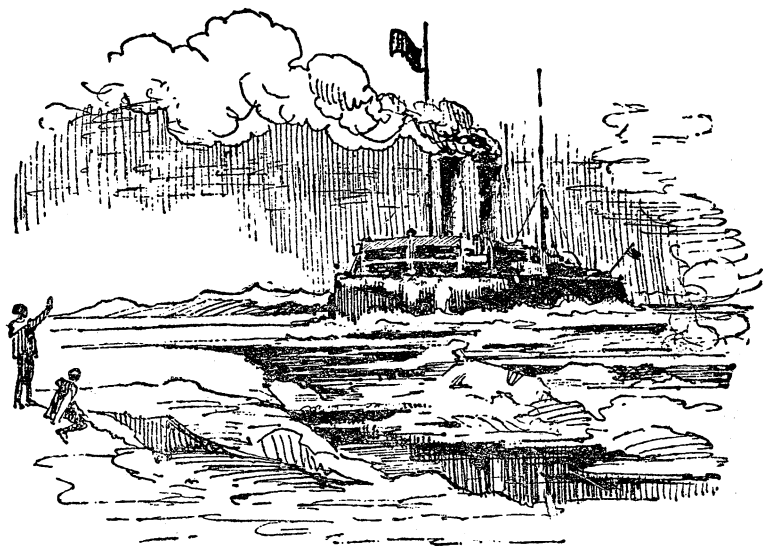
— Мы шли втроем. Продуктов у нас было мало, совсем мало. У Мальмгрена разболелась рука. Он причинял столько хлопот! Потом швед попал в полынью, а мы были слишком утомлены, чтобы ему помочь. Он вымок и отморозил себе ноги. Вы не представляете себе, что значит для здоровых людей, стремящихся к жизни, тащиться с больным человеком! Мальмгрен переползал через торосы на четвереньках. Наконец он понял, что его песенка спета. Умиравшему ведь не нужны продукты, правда? И платье — тоже. А мы должны были беречь силы... Он попросил нас вырубить во льду могилу. Могли ли мы отказать? Потом... Потом он разделся, совсем разделся. Я забрал его одежду и продукты, и мы пошли. Я сказал ему: «Вы будете лежать в могиле, как глазированный фрукт». Когда мы в последний раз оглянулись, он поднял из ямы руку. Мне было видно, как он слабо скреб ногтями край своей ледяной могилы. Мариано ревел, как девочка. Нет, пусть русские не думают: Мальмгрен не звал нас назад. Он только смотрел. И мы пошли. Потом у нас кончились продукты. Мариано, мой бедный Мариано, тоже выкупал ноги в воде, как Мальмгрен, и тоже отморозил их. В это время льдина, по которой мы шли, раскололась, и мы остались на маленьком торосе. У Мариано ноги все равно ничего не чувствовали, я взял обрывки одеяла, в которое они были укутаны, и завернул потеплее свои ноги. Этот бедняга Мариано слабел с каждым днем... Да, мы видели ваш самолет со звездами. Но он больше не возвращался. И Мариано, потеряв надежду, говорил мне: «Цзаппи, я прошу вас съесть мое тело, чтобы поддержать ваши силы. Моего трупа вам хватит надолго»... Что вы все устались на меня? Да, Мариано говорил так, спросите у него... Но тут пришел русский корабль. Мы очень любим русских, очень...

Хмуρο, молча выслушали моряки итальянца. Раздели и бросили на верную смерть товарища! И, кроме того, Цзаппи чего-то не договаривает. Что в действительности произошло с Мальмгреном? А эта фраза, которая прозвучала так ужасно: «Цзаппи, я прошу вас съесть мое тело...»

Снова вздрагивает корпус корабля. Штурман прокладывает новый курс.

Ледокол идет к главному лагерю итальянцев. Вильери радует, что он уже видит дым «Красина». Вскоре с капитанского мостика кинооператор снимает палатку на

льду, обломки гондолы, перевернутый самолет Лундборга. Кто-то плачет, кто-то ищет капитана, чтобы обнять его...

Радист Бьяджи отстукивает последнее известие из лагеря. Выключая передатчик, он говорит:

— Комедия окончена!

Итальянцы идут на корабль. На льду чернеет брошенная ими деревянная статуя мадонны. «Красин» медленно отходит от льдины.

Тысячи ротационных машин во всех уголках мира уже выбрасывают влажные, пахнущие типографской краской газетные листы с жирными заголовками: «Большевики спасли основную группу итальянцев»; «Советский ледокол и советские летчики сделали невозможное»; «Поразительные успехи русских»...

А в эти часы...

В Риме в эти часы жирный Муссолини проклинал спутников Нобиле, позволивших, чтобы их спасли посланцы Москвы. С тупой жестокостью отверг фашистский диктатор предложение русских по поводу розысков унесенной дирижаблем группы Алессандрини: «Итальянское правительство считает ненужным продолжать поиски».

В эти часы мужественный летчик Чухновский и его

товарищи потуже затягивали пояса, ожидая, пока к месту их вынужденной посадки сможет подойти ледокол.

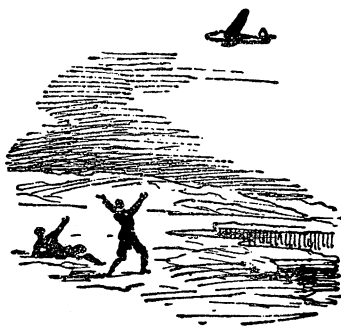
Цзаппи, самоуверенный, наглый, вполне довольный собой, кричал в это время на ломаном русском языке судовому санитару, назвавшего его товарищем:

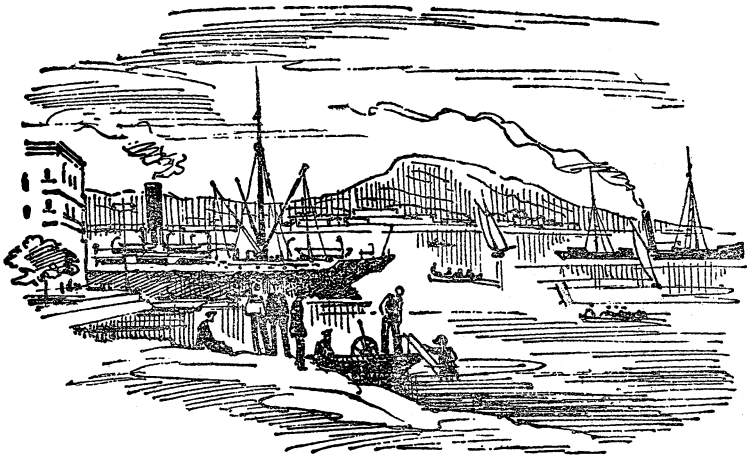
— Товалисч?! Нет Цзаппи товалисч! Цзаппи — господин! Цзаппи — офисер!

Он требовал, чтобы из госпитальной каюты удалили раненого старика Чечиони и заболевшего радиста Бьяджи: разве благородный офицер может дышать одним воздухом с простыми солдатами?

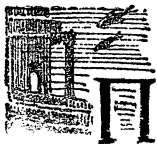
В эти же часы недалеко от северных берегов Норвегии волны гоняли поплавок с надписью «Латам» — все, что осталось от самолета Амундсена. Седоголовый орел заплатил жизнью за ошибки и промахи людей, притащивших к полюсу деревянный папский крест.

Гордые красные вымпелы реяли над мачтами «Красина» и «Малыгина». Звезды горели на крыльях самолетов. Алыми флажками на картах мир обозначил первый дальний маршрут советских людей к центру Полярного бассейна.

ПОДВОДНЫЙ АРХЕОЛОГ

Подумайте о кладбищах кораблей на дне морей и океанов. А таинственная Атлантида? Вы слышали, разумеется, об этом острове, который населяло могучее племя атлантов? Древнегреческое предание говорит, что Атлантида после страшного землетрясения опустилась на морское дно. Вот поднять бы оттуда образчики ее искусства, утвари...

Высокий человек с развевающимися седыми волосами произнес все это так, что нельзя было понять — шутит ли он или говорит серьезно. Шум осеннего моря скрадывал оттенки его голоса.

Слушатели — запоздалые курортники, попавшие на юг в самое неудачное время, — поеживались под ударами норд-оста.

У моря на камнях лежали мокрые костюмы из прорезиненной парусины, похожие на шкуры неизвестных животных. Накрапывал дождь, и было трудно представить себе мраморные храмы атлантов, лазурное небо, зелень виноградников, пронизанную жгучими солнечными лучами.

Когда курортники на следующий день снова пришли к бухте, море было спокойно и на его поверхности недалеко от берега лопались пузыри. Тяжело ступая по камням, на берег вышел водолаз. С него стекали струйки. Затем появился второй водолаз, за ним — третий. Они окружили уже знакомого курортникам человека с седыми волосами и что-то говорили ему, показывая на море.

Уж не напали ли водолазы на следы Атлантиды? Впрочем, что за вздор. Ведь вчера же профессор — как почтительно называли его водолазы — сказал, что по мнению некоторых ученых огромный остров мог, вероятнее всего, погрузиться после сильного землетрясения где-нибудь в Эгейском море. Искать его у берегов Крыма, в Коктебельской бухте, было бы просто смешно.

Но тут курортники обратили внимание на предмет, лежавший там, где профессор разговаривал с водолазами.

Это была каменная прямоугольная глыба, массивная и, видимо, очень тяжелая.

Откуда же она взялась на берегу?

* * *

Профессор Рубен Абгарович Орбели решил посвятить себя подводной археологии. Не правда ли, эти слова звучат странно? Археолог занимается раскопками древностей. Но разве можно вести раскопки под водой?

Еще в давние времена человек стремился проникнуть под воду за драгоценными жемчужными раковинами, за лакомыми устрицами, за красивыми кораллами. Потом его стали привлекать золото и драгоценности погибших кораблей; «водолазная лихорадка» началась в Европе после того, как у берегов Шотландии пошел на дно огромный испанский флот, с помощью которого король Филипп II думал покорить Англию.

А затем человек стал спускаться под воду и ради научных исследований. Лицо нашей планеты не раз менялось. Высоко в горах изумленные туристы наталкиваются ныне на окаменевшие отпечатки ракушек и рыб, а гидрографы, изучая морское дно, неожиданно обнаруживают подводные хребты с ущельями и скалистыми пиками.

В крепчайших стальных камерах — батисферах, — опускаемых с кораблей на длинном тросе, ученые проникли в такие глубины океана, где царит вечная тьма,

а давление колоссальной массы воды достигает многих сотен атмосфер. Но даже там были обнаружены живые существа: рыбы с чудовищными челюстями, гигантские спруты — кальмары, светящиеся черви, а еще ниже — фантастические грязновато-белые раки и крабы.

Человек проник и ниже дна. Там тоже найдено много интересного. Например, под верхним донным слоем в глубине Черного моря был обнаружен слой темного маслянистого ила — остатки морских животных, погибших давным-давно от какой-то причины.

Исследователи нашли эту причину: Черное море временами сильно опреснялось, и тогда морские жители начинали массами вымирать.

В тайны подводного мира постепенно стали проникать гидрологи, биологи, геологи, химики, физики. Но ведь на дне морском есть работа и для тех, кто изучает следы материальной культуры наших предков. Там, где море наступало на сушу, его воды сомкнулись над древними портами, скрыли храмы, в которых приносились жертвы богам торговли и мореплавания.

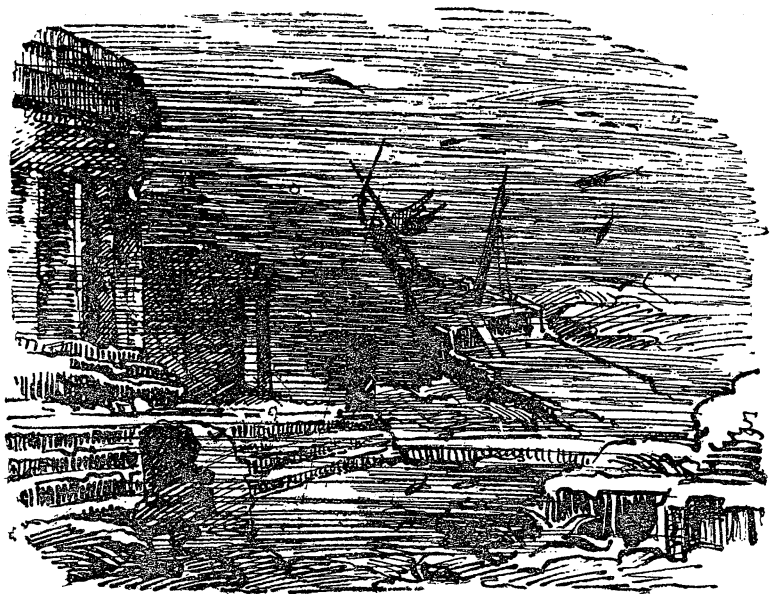
Профессору Орбели не пришлось долго доказывать, что подводная археология имеет право называться наукой. В его распоряжение сразу было выделено все, что он попросил. Подводного археолога горячо поддержала Академия наук.

Профессора особенно привлекало Черное море, у которого человек жил уже многие тысячелетия назад. На черноморских берегах обитали загадочные киммерийцы, разбивали свои шатры скифы, жили древние народы Кавказа, селились греки, шли в пыли военных дорог римские легионеры.

Профессор Орбели и его помощники, изучившие технику работы под водой, начали разведки. Они приехали в Севастополь и отправились к развалинам Херсонеса. Этот город существовал еще до нашей эры. За многие столетия его приморскую часть постепенно скрыли волны.

Помощники Орбели спустились на дно — и после недолгих поисков нашли следы древней херсонесской гавани.

А что делается под водой у основанной на берегах Днепро-Бугского лимана почти две с половиной тысячи лет назад Ольвии — того самого города, где некогда бывал «отец истории» Геродот?

В ложбине на берегу «наземные» археологи занимались раскопками городских кварталов. Ученые обрадовались приезду Орбели:

— Видите, кварталы обрываются у самой воды. Мы тут бессильны...

Перед подводными разведчиками в зеленоватом полумраке открылись очертания каких-то развалин. Свинцовые башмаки коснулись каменных ступеней полуразрушенной лестницы. Очевидно, это был парадный въезд в Ольвию, ее «морские ворота». Еще дальше, как и в Херсонесе, тянулись остатки древних портовых сооружений. Нижняя часть Ольвии, видимо, постепенно сползла в воду — берега здесь подвержены оползням. Льды и волны за долгие столетия разрушили, истерли сооружения, но водолазы все же нащупали часть стены, у которой причаливали за кольца челны и корабли.

Слух о том, что приезжие люди ищут подводные древности, заинтересовал многих краеведов. Один старик рассказал Орбели, что еще от отца он слышал, будто запорожцы затопили в бугских омутах суда с золотым ору-

жием. Другой утверждал, что в хорошую погоду рыбаки видели в море возле Феодосии сложенную из камней подводную стену. С особенным вниманием выслушал профессор человека, который сказал, что ребята, купаясь в Буге, нашли под водой какую-то лодку, грубо сделанную из одного куска дерева.

— Э-э, друзья, этот челн может оказаться драгоценнее золотого оружия запорожцев! Как бы только нам не опоздать!

И профессор волновался не зря: нашлись любители, которые сами попытались достать челн и... оторвали его корму.

Осторожно расчищая наносы, Орбели и его помощники извлекли нечто, с первого взгляда напоминавшее коллуду.

Челн был сделан из целого дубового ствола. К стволу не прикасалась пила: вероятно, его терпеливо выдалбливали и выжигали.

Находку доставили в Ленинград. Знатоки установили, что бугский челн сделан две с половиной — три тысячи лет назад. Его накрыли стеклянным колпаком и выставили в Центральном Военно-Морском музее, чтобы каждый мог видеть одно из древнейших в мире судов.

Профессору Орбели шлют письма из разных концов страны. Вот, например, открытка с берегов Ладоги: в засушливые годы из болот около реки Сясь слегка выступает остов странного судна с высоким носом. Топли мешают пробраться к нему, но ребятам это иногда удавалось, и они даже добывали из остова медные гвозди.

Каспийский рыбак пишет об остатках подводной стены вблизи Дербента.

Но не только письма говорят о местах, где стоит потрудиться подводным археологам. Профессор просматривает кипы книг и рукописей. «С полуострова Таманя, древнего Тмутараканского княжества, открылись мне берега Крыма, — с волнением читает он, — морем приехали мы в Керчь. Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапеи... Нет сомнения, что много драгоценного скрывается под землей, насыпанной веками...»

Это писал Пушкин. В те годы, когда он был в Керчи, там работал археолог Дюброкс. Дюброкс видел какие-то

развалины под водой Керченского пролива, и не с древним ли Тмутараканским княжеством связаны они?

В облаках пыли пришли некогда к проливу воины в кольчугах, с красными щитами, перепоясанные тяжелыми мечами — рать князя Святослава. Далеко от стен родного Киева, на Таманском полуострове, Святослав основал русское княжество, и в летописях появилось слово «Тмутаракань». Этот русский город упомянут и в знаменитом «Слове о полку Игореве».

А потом Тмутаракань бесследно исчезла, и предпринятые многие сотни лет спустя раскопки не дали никаких результатов. Обнаружен лишь камень, на котором выбита надпись о том, что в тысяча шестьдесят восьмом году князь Глеб от Тмутаракани измерял по льду ширину Керченского пролива.

В одной из летописей упоминается, что Тмутаракань находилась на острове. А в Керченском проливе море поглотило немало островов...

Зимой профессор — частый гость в хранилищах старинных документов. Из Ленинграда он едет в Москву, из Москвы — в Киев. Он хочет написать историю водолазного дела с древних времен до наших дней — особенно историю русского водолазного дела.

После кропотливых поисков в астраханском архиве профессор находит наконец в одном из старинных документов то, что ищет.

Этот документ — судебное дело, обычная тяжба из-за дворового участка, затеянная триста лет назад. Казалось бы, никакого отношения к тому, что интересовало Орбели, она не имеет. Но архивные розыски — занятие, требующее невероятного терпения и настойчивости. Просматривая листы судебного дела, Орбели читает в списке свидетелей: «посадский человек Офонька Степанов Огородников и патриарша домового водолаза Янкина жена...»

Водолаза! Значит, уже тогда были люди, кормившиеся водолазным делом, считавшие его своей основной профессией.

Перебрав еще тысячи пыльных страниц, профессор вскоре окончательно устанавливает, что по крайней мере три века назад в устье Волги работали русские водолазы. Они сооружали крепчайшие подводные частоколы для ловли рыбы. И трудились там не одиночки, а целые отряды подводников во главе со своими атаманами.

Труд этих людей считался очень важным. Им даже разрешалось курить, хотя всех других за это строго наказывали: табак церковь объявила греховным зельем. Разрешение давал сам патриарх; зато к его столу курильщики посылали много рыбы с волжского устья.

В одном из документов Орбели прочел, как святой старец Иосиф привез в Астрахань по распоряжению патриарха 40 ведер «зелена вина» — все для тех же водолазов, без которых, как видно, рыбка в «учугах» — так назывались подводные частоколы — ловилась плохо...

Шаг за шагом Орбели выяснил, что водолазы действовали под водой топорами, ножами и другим инструментом, выполняя довольно сложные работы. Не мог он установить только, дышали ли водолазы под водой через длинные камышовые трубки, как это делали воины-славяне, или пользовались каким-нибудь другим приспособлением.

Зато профессору Орбели выпала честь полностью разгадать другую тайну. Она занимала западноевропейских ученых почти четыре столетия. Известно, что после великого мыслителя, художника и инженера Леонардо да Винчи остались такие рукописи, содержание которых так и не удалось постигнуть.

Леонардо был левшой. Он часто писал справа налево, не дописывал слов, соединял два слова в одно, перевертывал некоторые буквы, пользовался значками, смысл которых оставался понятным только ему одному. Наконец, он делал на рукописи рисунки, разбрасывая их как попало.

Профессор Орбели, заинтересовавшись некоторыми из этих рисунков, с обычной своей настойчивостью пересмотрел рукописное наследство Леонардо. Вооружившись лупой и зеркалом, отражавшим перевернутый текст так, что он становился похожим на написанный обычно, слева направо, профессор расшифровал отрывочные записи и наброски: на заре XVI века Леонардо изобретал водолазный костюм и снаряжение для подводных работ!

Открытие Орбели поразило зарубежных ученых. Из Парижа, из Лондона, из Италии, где хранятся подлинники Леонардо да Винчи, посыпались запросы: не обнаружены ли в Советском Союзе новые рукописи великого мыслителя? Пришлось разъяснять, что открытие сделано путем внимательнейшего изучения копий давно всем известных рукописей.

А теперь вернемся в Коктебельскую бухту, с которой начинается наш рассказ, вернемся к курортникам, окружившим Орбели и его помощников.

Было похоже, что подводных археологов можно поздравить с удачей. Профессор гордо поглядывал на темную и скользкую глыбу у своих ног.

— Это, возможно, камень с пристани скифо-тавров, — многозначительно сказал он курортникам.

Но такое разъяснение никого не удовлетворило.

Тогда профессор пояснил, что греки любили описывать берега так, как человек видит их с борта корабля. Эти описания назывались периплами. В одном из периплов, написанных восемнадцать веков назад, упомянуто об «опустевшей пристани скифо-тавров», находящейся недалеко от Феодосии.

Как же было не заинтересоваться этим упоминанием! Ведь скифы, населявшие Крымский полуостров задолго до появления на нем греческих колоний, — одни из предков славян. Но где искать «опустевшую пристань»? Пришлось не только сличать разные периплы, но и осмотреть побережье Крыма с моря — так, как его видели древние греки. И все данные больше всего подходили вот к этой Коктебельской бухте.

— Поднимитесь повыше и в тихий, солнечный день посмотрите на бухту. Жаль, что сегодня тучи... Под водой вы увидите темное пятно отмели, уходящей вглубь моря. Но это не просто отмель...

Высокий, в рабочей блузе, с непокрытой головой, профессор напоминал художника или мыслителя древности. Ветер шевелил пряди его длинных седых волос.

Водолазы почтительно смотрели на камень, который сами же достали. Им показалось сначала там, в глубине, что перед ними — подводная скала. Однако ее трещины были подозрительно правильно расположены. Удары железного лома — и каменная глыба, несомненно отесанная рукой человека, отделилась от «скалы».

— Тут еще надо ждать открытий. И в море и повыше, на горе Тепсень. Надо искать сразу и здесь и там. Связать раскопки и подводную разведку.

Но профессору Орбели не удалось этого сделать. В тот год, когда он должен был продолжить работу в Крыму,

началась война. В осажденном Ленинграде, в холодном, нетопленном кабинете, при свете коптилки профессор Орбели работал над книгой по истории водолазного труда и мечтал о том времени, когда снова можно будет искать под водой следы эпох и культур. Это время для него не пришло. Весной 1943 года профессор Орбели умер, склонившись над рукописями. Но в науке эстафета открытий, выпавшая из одних рук, подхватывается другими.

На дне Каспия, около Дербента, недавно найдены остатки стены, сложенной более тысячи лет назад. Ее камни для тяжести залиты свинцом. Поблизости обнаружены другие древние постройки.

Раскрыта загадка Тмутаракани. Древний город находился на месте нынешней станицы Таманской. Это была крепость и крупный порт на берегу моря. Археологи нашли остатки его стен, храмов, жилищ. Не исключается, что на островах пролива, поглощенных морем, существовали постройки времен Тмутараканского княжества.

И в древней Ольвии и в других городах древнего Причерноморья найдены многочисленные следы скифской культуры. Возле Севастополя раскопаны руины Новгорода-Скифского, существовавшего задолго до нашей эры. В Керчи советские археологи под развалинами городов Боспорского царства попали на следы тех, кто населял берега Черного моря в эпоху бронзы, — видимо, на следы киммерийцев.

А в Коктебеле? На горе Тепсень раскопаны постройки и храмы славянского типа, остатки стенной росписи VII века. Возможно, что здесь удастся найти и памятники тех времен, когда пристань скифо-тавров еще не была опустевшей...

ПИК СТАЛИНА

Есть на земном шаре место, где природа словно решила сбить с толку географа.

Оно расположено рядом с Индией, но здесь иногда так же холодно, как в Арктике. Тут не бывает теплого лета, и лишь один месяц в году можно не опасаться морозов.

В этом уголке нет песчаных пустынь, и, однако, влаги здесь еще меньше, чем в Сахаре или Кара-Кумах. Снег, выпавший ночью, днем не тает, а испаряется: необыкновенно сухой воздух впитывает влагу, как губка.

Солнце светит здесь так ярко, как нигде на земном шаре, и человек, рискнувший загорать в течение часа, может получить страшные ожоги, угрожающие жизни. Но зато тут очень просто спастись от жары: достаточно с солнцепека, где термометр показывает больше 20 градусов тепла, сделать несколько шагов в тень — и ртуть опустится до черточки, показывающей 5 градусов холода.

В уголке земного шара, о котором идет речь, очень трудно, почти невозможно бегать: непривычный человек начинает задыхаться, пробежав всего десяток шагов. Кипяток там не горяч, и вода кипит уже при 80 градусах: настолько разрежен воздух и невелико давление.

В странном крае не растут обычные деревья и травы. Здесь можно встретить сухие, хилые кусты с необычайно толстыми корнями и серыми ветвями или яркие цветы, поднимающиеся совсем невысоко над землей, — мохнатые, с массивными, словно отлитыми из какого-то сплава, листьями.

А животные! Наиболее распространенное из них обладает широченной, могучей грудью. Похоже, что это создание позаимствовало от многих, хорошо известных человечеству видов всего понемногу. У него рогатая голова быка, пышный хвост лошади, теплая шерсть козы. Но оно не ржет, не мычит, не блеет. Кутас — так называется это животное — хрюкает.

Станный край, где причудливо переплетаются признаки тундры и пустыни, где можно в один и тот же день, даже в один и тот же час, замерзнуть на морозе и получить опасные солнечные ожоги, где все необычно и своеобразно, расположен на самой южной окраине нашей страны.

Это — Памир, «крыша мира».

Плоскогорья Памира в среднем на 4 тысячи метров выше уровня моря. Их окружают либо бездонные ущелья, либо хребты, поднимающиеся уже на совсем немислимую высоту. Такие же хребты местами вздымаются над самими плоскогорьями.

Памир издавна притягивал ученых и путешественников. Его отроги еще семь веков назад видел неутомимый Марко Поло. Экспедиции Федченко, Северцева и других выдающихся русских ученых открыли Памир для науки.

В советское время началось исследование его наименее доступной части. Она находилась в центре Западного Памира, где медленно течет величайший в стране ледник Федченко и где на головокружительной высоте сходятся вечноснежные хребты.

Изучить ее нужно было не только для того, чтобы стереть «белое пятно» с географической карты. Ведь ледники Памира питают реки, орошающие хлопковые поля таджиков. Здесь зарождается погода, от которой зависят урожаи во многих районах, далеких от Памира. Изучение

памирских хребтов тесно связывалось с бурным расцветом хозяйства нашей Средней Азии. Наконец, нужно было осваивать и самые плоскогорья, помочь горцам в борьбе с жестокой природой.

Первая большая экспедиция на Памир была снаряжена советским правительством в 1928 году. Ее участники прошли весь ледник Федченко. Они достигли места, откуда был виден стык хребта Петра Первого с неизвестным хребтом, которому дали название хребта Академии Наук.

Перед учеными и альпинистами высились в синеве неба ослепительно белые пики. Один из них массивной пирамидой возвышался над всеми другими. Далекий, недоступный, загадочный, он, казалось, обладал какой-то притягательной силой. Был ли то пик Гармо, который удавалось видеть с другой стороны, из долины реки Гармо, или экспедиции удалось открыть новую, еще неизвестную вершину?

И как пробраться к этому пику? Что за хребет венчает он? Как вообще расположены в этом месте гряды заоблачных гор и могучих ледников, «завязанные» в сложный узел?

Возникла трудная географическая задача — загадка узла Гармо.

Достоверно было лишь одно: вершина, которую увидели издалека участники экспедиции и высоту которой удалось определить с помощью геодезических инструментов, превосходила все другие горы страны. Она поднималась ввысь на 7495 метров.

В последующие годы отряды Памирской экспедиции продолжали работу на «крыше мира». Альпинисты всё ближе пробирались к узлу Гармо. Три группы смельчаков начали искать пути к высочайшей вершине страны. Они шли с различных сторон. Одна группа поднялась довольно высоко по северному гребню пика, другая разведала восточное ребро, третья на северо-западе уткнулась в отвесную стену скал и льда. Ни одна из групп не достигла цели.

Но когда исследователи собрались вместе и нанесли на карту свои маршруты, то выяснилось, что они поднимались... к двум разным вершинам!

Высочайший пик, открывшийся перед первой Памирской экспедицией, не был пиком Гармо. Это действительно была новая, неизвестная вершина, расположенная там,

где к хребту Академии Наук примыкал хребет Петра Первого. Пик Гармо остался в стороне.

Загадка была разгадана. Горный узел Гармо лег на карту. Теперь внимание исследователей было обращено на новый пик. Эту «гору гор», высочайшую вершину страны, назвали пиком Сталина.

Нужно было найти пути подъема по скалам и ледникам горного исполина и попытаться достигнуть его вершины.

Штурм пика Сталина назначили на 1933 год.

* * *

Медленно сняв с плеч тяжелые рюкзаки, альпинисты сели на землю. Один из них, плотный, коренастый, широкоплечий, вынул карманный альтиметр и определил высоту.

— Четыре тысячи шестьсот метров. На такой высоте, Данила Иванович, летчики уже надевают кислородную маску, — сказал он спутнику.

Альпинисты осмотрелись: да, во время первой разведки они выбрали самое подходящее место для лагеря. Отсюда можно по леднику, покрытому глыбами и трещинами, выйти на острое восточное ребро пика Сталина. Вот оно, это восточное ребро — единственный путь к вершине.

Высоко на склоне пика задымилось вдруг белое облачко. Оно не поднималось вверх, а, быстро увеличиваясь, катилось вниз. За ним сорвалось еще одно. Донесся глухой грохот лавин. Альпинисты молча проследили, как снежные потоки, увлекая за собой тяжелые камни, пересекли их будущий путь к вершине...

К ледниковому лагерю подошла вторая группа альпинистов и за ней — носильщики. Это были горцы, привычные и к холоду, и к разреженному воздуху, и к ходьбе по крутым склонам. Но и они были сильно утомлены.

— Пришли? Конец? — спросил один из них, обращаясь к альпинистам.

Коренастый рассмеялся:

— Видишь? Вон туда пойдём!

Он показал на ребро пика, полузакрытое облаками. Ребро чернело отвесными скалами, нависшими над пропастями.

— Ух! — зажмурился носильщик.

Другие покачали головой: наверно, Евгений шутит. Как можно туда подняться? Разве у людей есть крылья?

— Данила Иванович! — обернулся Евгений Абалаков к своему спутнику. — Как по-твоему: дойдут они до «пять шестьсот»?

Данила Иванович Гушин утвердительно кивнул и принялся развязывать рюкзак. Носильщики собрались в кружок и оживленно заговорили на своем гортанном языке, временами поглядывая на страшные ребра скалы. Там, наверху, — «тяжелый воздух», он давит грудь, им нельзя дышать. Да что говорить — Евгений с Данилой сами убеждаются в этом, если попробуют подниматься выше!

Носильщики и не подозревали, что альпинисты во время первой разведки уже побывали на ребре и там, где альтиметр показал 5600 метров, выбрали место для высокогорного лагеря.

До вершины от ледникового лагеря оставалось около трех километров. Чем выше, тем труднее будет идти. Кроме «5600», понадобятся еще другие промежуточные лагеря. Успешность восхождения будет зависеть от хорошей подготовки, точного расчета, дальновидной предусмотрительности. Одной смелости тут мало: нужны выдержка, умение выждать.

Альпинисты использовали короткий отдых для того, чтобы научить носильщиков самым основным приемам горовосхождения.

Подъем к лагерю «5600» начался утром. На полдороге у многих появились признаки горной болезни — головная боль, сильная одышка, рвота. В разреженном воздухе уже не хватало кислорода, а до вершины оставалось больше двух километров, и путь к ней был неведом.

Лагерь «5600». Крохотная площадка, на ней — четыре палатки, таких маленьких, что в них можно забраться только ползком. В легких спальных мешках из шелка, согреваемые прослойкой гагачьего пуха, лежат восходители. На большинство из них надежда плоха: они совершенно измучены горной болезнью.

Вечерет. Внизу плывут облака. Солнце садится за дальние хребты.

Абалаков сосредоточенно рассматривает ребро пика. Закат резко подчеркивает черными тенями все выступы, неровности, впадины. Если бы под рукой была глина, Аба-

лаков мог бы тут же вылепить макет ребра. Зорким, цепким глазом художника и скульптора он отмечает то, что может пригодиться завтра.

Потом вынимает блокнот и делает набросок. Путь будет дьявольски тяжелым! На ребре торчат шесть «жандармов» — шесть острых, крутых выступов. Они стоят друг за другом, словно башни — грозные, кроваво-красные в лучах заката. А под ними — черные пропасти почти отвесных скатов ребра.

Утром трое альпинистов, связавшись одной веревкой, идут к первому «жандарму». Они продвигаются медленно, осторожно, экономя силы. Впереди — Абалаков. Прежде чем сделать шаг, надо убедиться, что камень, на который станет нога в подбитом пластинчатыми гвоздями башмаке, надежен, что он не сорвется в пропасть. За плечами альпинистов — раздувшиеся, тяжелые рюкзаки.

Далеко не везде можно идти всем троим сразу. Пока один ползет вперед, двое других, став поустойчивее, «страхуют» его. Если идущий первым сорвется, «страхующие» удержат его на веревке. Альпинисты знают цену товарищеской помощи, товарищеской выручки не хуже, чем солдаты.

Следом за первой тройкой продвигается вторая. Она должна закрепить пройденный путь — сбросить ненадежные камни, вбить в скалы крючья и протянуть кое-где веревки, чтобы легче было идти носильщикам.

В этой тройке идет молодой инженер, весельчак Николаев. Тройка проходит второй «жандарм» в опасное время: солнце сильно пригревает, можно ждать камнепада. Быстрая смена температуры разрушает горные породы. Достаточно солнцу нагреть остывший за ночь склон, чтобы растаял лед, цементирующий камни, и они могут срываться вниз даже от порыва ветра.

Николаев — отличный скалолаз. Он замыкает тройку. Веревка? Она только стесняет. Отбросив ее, привычными, точными движениями преодолевает Николаев второй «жандарм».

Рука альпиниста ищет зацепку. Камень, который она ошупывает, еле держится. Эх, не надо было его трогать... Поздно! Камень срывается и ударяет альпиниста в плечо. Николаев старается удержать равновесие. И тут на него сыплются сверху еще камни, совсем уже мелкие...

Слабо вскрикнув, альпинист срывается со скалы. На

какую-то долю секунды его задерживает выступ, потом он все быстрее скользит по обледеневшему склону и исчезает в бездонной пропасти. Грохочет камнепад: тело увлекло за собой множество обломков.

Несчастье ужасно, непоправимо. Горе придавило оставшихся. Молча смотрят они вниз, туда, где еще клубится снежная пыль лавины над могилой их веселого товарища.

Тщетны поиски тела. Его поглотила бездна. Должно быть, оно попало в одну из трещин на леднике, тут же засыпанных лавиной.

Николаев погиб, двое альпинистов неожиданно заболели. В ледовом лагере, где все собрались вместе, — ни смеха, ни шуток. Свежа боль. Неясно, что делать дальше. Весь тщательно разработанный план штурма сломан. Раньше думали, что подготовительная группа поможет основной штурмовой группе сбэечь силы. Теперь подготовительной группы больше не существует.

Альпинисты стали совещаться.

— Может, отложить штурм? А? Маловато нас. Да и носильщики... — неуверенно произнес один из больных.

— Повернуть обратно — это осквернить его память, — сказал Абалаков. — Это все равно, что показать врагу спину.

— Но что ты предлагаешь?

— Самим проложить путь. Без вспомогательной группы. А что носильщики? Славные, смелые ребята. Да разве они только носильщики? Они такие же альпинисты, как мы. Но им труднее, чем нам. Надо рассказать им толком, зачем мы поднимаемся, какая от этого польза таджикским колхозам. Я думаю, что завтра надо идти. Вот в основном и все.

...Снова ползут альпинисты и пять наиболее крепких носильщиков мимо первого, потом мимо второго «жандарма». Еще свеж в памяти крик Николаева. Носильщики пугливо косятся то на нависшие сверху скалы, то на провал бездны.

Новый лагерь разбит на подступах к третьему «жандарму». Альтиметр показывает 5900 метров. Там, где недавно прошли альпинисты, проносится, сметая все на своем пути, вздымая снежные облака, лавина такой необычайной силы, что воздушная волна от ее падения едва не срывает палатки.

Третий «жандарм» изрядно изгрызен временем. Обломки то и дело отрываются от его стен и со свистом летят вниз. Препятствие преодолевают на рассвете, пока камни спаяны ночным холодом.

Позади остается и четвертый «жандарм». Альпинисты подходят к пятому.

Упрямо и зло он торчит отвесной глыбой. Обойти его нельзя.

Снизу кажется, что Абалаков приклеился к холодной стене и замер в неустойчивом равновесии. Перед ним — отвесная скала. Медленно, осторожно Абалаков забивает в нее крюк, защелкивает на нем «карабин» — кольцо с внутренним замком — и пропускает через него веревку. Другой конец веревки — в руках Гущина.

Абалаков шарит по стене ногой. Нога повисает, не встречая никакой опоры. Тогда он, сняв рукавицу, медленно ощупывает стену. Пальцы движутся, как при игре на рояле. Абалаков сердится: эти беспомощные движения свойственны обычно начинающим альпинистам, лезущим вслепую, без заранее продуманного плана.

Но что же делать? Неужели проклятый «жандарм» неприступен? Неужели поверхность камня так безнадежно гладка?

Несколько секунд он отдыхает. И вдруг ему необычайно отчетливо представляется родная Сибирь, Красноярск, трехэтажная школа, которую почему-то называли «кооперативной», железная лестница на крышу. На большой перемене ребята поднимались по этой лестнице, подтягиваясь и перебирая руками холодные, тонкие перекладки — кто выше. Кажется, что больше нет сил, но стиснешь зубы и немеющими руками перехватишь еще и еще. А снизу кричат: «Молодец, Луна!» Он улыбнулся, вспомнив свое прозвище — Луна. Это потому, что он был круглолицым. Сейчас, наверно, его бы так никто не назвал: щеки глубоко запали.

И еще вспомнились ему знаменитые красноярские «Столбы» — заповедник скал и тайги. Вместе с братом Виталием они научились там не бояться высоты и полюбили камень. Однажды Евгений лез новым «ходом» на очень трудную скалу. Было жарко, пахло сосновой хвоей. Он пересек каменный купол — «катушку», нащупал ногой выступ, потянулся, чтобы зацепиться пальцами за чуть заметную выбоину — «карман». Но пальцы встретили

гладкий камень. Он потянулся снова — «кармана» не было. Спускаться? Ну, нет! И он снова и снова шарил по камню — и нашел-таки какую-то трещинку. Плавно и осторожно подтянулся он тогда на одной руке, а другой ухватился за еле заметный «карман».

— Женья! Же-е-ня! — слышит. Абалаков. Это кричит снизу обеспокоенный Гушин.

— Страхуй крепче. Еще попробую! — встрепенулся Абалаков.

Чорт возьми, выступ на пятом «жандарме» — не совсем подходящее место для воспоминаний о детстве!

Теперь, отдохнув, Абалаков снова тянется вверх и вправо. Ага, вот чуть заметный выступ. Отлично! Теперь немного подтянуться, потом передвинуть ногу... Готово!

Гушин больше не видит Абалакова: тот скрылся за выступом скалы. Только тонкая веревка медленно ползет вслед за ним. Вдруг — грохот камней. Гушин вздрагивает, напрягается, ожидая рывка веревки. Нет, все спокойно. Он не сорвался там, за выступом, а просто сбрасывает опасные камни.

Веревка кончается. Гушин собирается крикнуть, предупредить Абалакова, но слышит из-за стены крик, очень похожий на «ура». А минуту спустя Абалаков уже появляется над ним, на вершине пятого «жандарма»:

— Данила Иванович, победа!

Он спускает Гушину веревку. Пятый «жандарм» взят. Шестой как будто не внушает особенных тревог. Его можно будет преодолеть с ходу.

Укрепив на пятом «жандарме» веревочную лестницу, альпинисты возвращаются назад в ледниковый лагерь. Теперь ход по ребру разведан, по пути вбиты крючья, протянуты веревки.

После отдыха можно начинать штурм вершины.

Правда, не все получилось так, как нужно. В высокогорном лагере очень скуден запас продовольствия. Носильщики пока не смогли подняться выше «5900». Мало надежд на их помощь за этой высотой и в дальнейшем. Значит, альпинистам придется идти с особенно тяжелой нагрузкой. Ведь на вершину надо поднять автоматическую метеорологическую станцию, которая должна посылать радиосигналы о погоде. А станция весит два пуда!

Уже совсем незадолго перед штурмом еще одно несчастье обрушилось на экспедицию. Небольшая группа

отправилась вперед, чтобы как можно выше поднять палатки, продукты и облегчить тем самым подъем главной штурмующей группы. На следующий день носильщики вернулись обратно. Один из них, Джамбай Ирале, был совсем плох: у него началось воспаление легких. Тщетно врач экспедиции пытался спасти больного: через день у ледникового лагеря появилась свежая могила...

22 августа 1933 года, 9 часов утра. Ледниковый лагерь покидает первая штурмующая группа — Абалаков и Гуцин. С ними идут трое носильщиков. Теперь, после подготовки пути, идти гораздо легче.

Когда на второй день пятерка поднялась до лагеря «5900», то увидела, что палатки, поставленные здесь, сползли в трещину. Пока их доставали, пока вырубали площадку в ледяной стене над пропастью, стало уже смеркаться. Тускло поблескивали во тьме ледники. Нигде ни огонька. Только горы и небо.

Назавтра альпинистам предстоял трудный день. Они наметили разбить лагерь за шестым, еще не преодоленным «жандармом»: ведь следом за ними шла вторая штурмующая группа, для которой надо было обязательно освободить место ночлега в лагере «5900».

Утром носильщики едва поднялись. Их мучила горная болезнь. Они и так сделали почти невозможное для людей, не имевших навыков в альпинизме. И Ураим Керим, и Закир Прен, и Нишан-Раби, и другие их товарищи честно делили с альпинистами все трудности, все опасности.

Абалаков и Гуцин прощаются с проводниками и вдвоем карабкаются на пятый «жандарм». Тяжелые рюкзаки оттягивают плечи. Около трех часов дня товарищи оказываются перед шестым «жандармом».

Как всегда, Абалаков впереди. Гуцин «страхует». Высота 6200. Абалаков продвигается вперед с предельной осторожностью, и все же на особенно крутом склоне его нога внезапно теряет точку опоры. Камень вырывается из-под нее, увлекает за собой другие.

Абалаков слышит болезненный крик Гуцина и чувствует, как ослабла веревка. Сердце падает куда-то вниз, сразу не хватает воздуха...

Нет, Гуцин жив! Он держит над головой руку. Кровь часто капает с нее на снег. А веревка перебита камнем как раз посередине.

Забыв всякую осторожность, Абалаков поспешно скользит вниз:

— Ранен?

— Угу, — мычит Гушин. Лицо его искажено болью.

Абалаков осматривает руку товарища. Дело дрянь! Камень рассек ладонь, рваная рана обильно кровоточит. Абалаков прежде всего связывает перебитую веревку, потом перевязывает рану и вопросительно смотрит на Гушина:

— Вниз?

Тот сердито хмурится:

— Дойду...

Нельзя терять ни минуты, скоро темнота накроет горы. Они могут либо вдвоем спуститься, либо вдвоем подняться. Обязательно вдвоем. Горы любят не только смелых, но и дружных людей, умеющих действовать сообща, коллективно.

Когда альпинисты выходят на ребро за шестым «жандармом», солнца уже давно нет. Альтиметр показывает 6400 метров. Они находятся почти на тысячу четырехста метров выше вершины Казбека, на восемьсот метров выше Эльбруса!

Выбирать место для ночлега некогда. Абалаков вбивает в скалу крючья, привязывает к ним рюкзаки. Устанавливать палатку нет сил. Они ложатся, подстелив ее под себя. Площадка мала для двоих, до края — меньше шага. Если Гушин во сне будет ворочаться от боли, то...

Абалаков привязывает Гушина, привязывается сам.

Он вспоминает изречение, которое любят повторять на Памире: «Путник, помни, что твоя жизнь — как слеза на реснице».

Гушин засыпает. Абалаков прислушивается к его стонам. Звезды усеяли холодное, черное небо. Тишина, звенящая тишина. Они одни над бездной. Одни? Нет, по их следам идут другие. Вторая партия сегодня, наверно, ночует в лагере «5900». Ниже, у ледника, — остальные, с нетерпением и тревогой ждущие известий. Есть на свете Москва — такая далекая и такая близкая, родная, и есть в ней люди, которым очень, очень важно, чтобы московский электромонтер Гушин и московский скульптор Абалаков не погибли в горах...

На следующий день Абалаков, занятый расчисткой более удобного места для лагеря и укреплением палатки,

услышал вдруг знакомые гортанные голоса. То были носильщики. Отдохнув, они сами, без альпинистов, прошли в высотный лагерь, пользуясь крючьями и веревочной лестницей.

Ах, как это было кстати! Носильщики принесли продукты и метеорологическую станцию. Даже сдержанный Абалаков разволновался и без конца жал руки Ураиму, Закиру и Нишану. А Нишан, плохо говоривший по-русски, улыбался и показывал пальцем на тюк с частями станции:

— Вода... пахта (хлопок). Хорошо!

Когда в лагерь «6400» пришла вторая группа альпинистов, она уже не застала Абалакова и Гущина. Те, взяв с собой станцию, снова ушли вперед, чтобы вернуться к вечеру. Их возвращения ожидали с тем большим нетерпением, чем сильнее сгущался туман, скрывавший вершину за вершиной. Но вот в серой мгле неясно замаячили две фигуры.

Теперь обе группы были в сборе. Абалаков рассказал, что ему и Гущину удалось подняться до высоты 7 тысяч метров и оставить там рюкзаки и станцию.

Пришло время штурма последних подступов к вершине.

Перед тем как начать его, альпинисты сели на снег около палаток. Их лица белы от мази, защищающей от солнечных ожогов. В темных очках, обросшие бородами, исхудавшие, они мечтали о похлебке, пахнущей дымом.

Но в царстве вечных снегов нет топлива для костра. Да и похлебку варить не из чего. Продуктов поднято совсем мало. Сейчас, когда придется тратить особенно много сил, завтрак, обед и ужин будут состоять из нескольких ложек манной каши, сваренной на кубиках сухого спирта, пяти-шести галет и двух кусков сахара. Оставалось еще пять банок консервов, но их берегли до дня подъема к самой вершине.

29 августа 1933 года штурмующая группа разбила лагерь «6900». В разреженном воздухе было мучительно трудно дышать, двигаться, нести тяжести. Ночью подул резкий ветер. При свете спички Абалаков взглянул на термометр: 20 градусов мороза!

К утру не осталось сомнений, что идти дальше могут только трое. Рука Гущина распухла под окровавленным бинтом и невыносимо ныла. Опасались гангрены. Другой

альпинист обморозил ноги. Третьего свалила горная болезнь.

Трое, связавшись веревкой, пошли вниз. Трое, связавшись веревкой, пошли вверх. До вершины оставалось всего полкилометра.

Но как мучителен был теперь каждый шаг для обесилевших людей! Они месили глубокий снег, то и дело останавливаясь, чтобы перевести дыхание. За полдня пройдено совсем мало. Нет, станция для них — непосильный груз. Нужно установить ее хотя бы тут, немного не доходя до вершины.

Эта работа совершенно изматывает альпинистов. Они едва добираются до палатки. А утром начинается вьюга, жестокая памирская вьюга. Идти вперед нельзя. Пошли проверить, как работает станция. Но станция совсем не работает. Ее приносят в палатку и разбирают негнущимися, обмороженными пальцами. Проверяют и снова устанавливают.

Снежная буря бушует над вершиной высочайшего пика Советского Союза весь день и следующую ночь. Воеет ветер, почти не смолкает грохот лавин и камнепадов. Термометр опускается до 45 градусов ниже нуля.

В тесной, маленькой палатке, придавленной, заваленной тяжелыми сугробами снега, задыхаются трое людей. Двое уже не в состоянии двинуть рукой. Третий начинает рыть коридор в снегу. Палатка может стать могилой, без доступа воздуха гибель неминуема. Абалаков делает еще одно усилие, отгребает последний слой снега.

В снежную пещеру врывается свежий воздух, влетает сухой колючий снег. Почти мгновенно заледеневают спальные мешки. Зато легче дышать.

Наступает 3 сентября — шестой день плена альпинистов в лагере «6900». Погода проясняется. Выглядывает солнце. По ослепительным полям крупнозернистого льда гуляет крепкий ветер. Снег, срываемый им, развеивается белыми космами.

Сегодня надо идти к вершине. Завтра будет поздно: продовольствия больше нет.

Один остается в палатке — он уже и сегодня не может идти. На штурм выходят двое — Абалаков и немолодой альпинист Николай Петрович Горбунов.

Они бредут по пояс в снегу. Десять шагов — остановка, десять шагов — остановка. Они связаны веревкой, в

руках у них ледорубы со стальным «клювом» и лопаткой. Ими можно рубить во льду ступени, цепляться за лед, задерживаться при скольжении на склонах. К башмакам ремнями привязаны острые шипы — «кошки», которые вонзаются в лед. За плечами — неизменные рюкзаки.

Солнце спешит на запад, а они прошли так мало. Вершина еще далека. Горбунов падает на лед. Вдвоем им не дойти...

Более сильный и молодой должен идти к вершине один, без «страховки», без товарищеской помощи в трудную минуту. Другого выхода нет.

Абалаков достает блокнот. Пока пальцы еще слушаются, он пишет записку и вкладывает ее в пустую консервную банку. Эта банка будет оставлена под грудой камней на вершине. А теперь — вперед!

Он то идет, то ползет. Ветер усиливается. Белые смерчи пляшут на гребне, жесткий снег больно режет лицо.

Что это? Трещина! Огромная, зияющая. У самой цели. Абалаков оглядывается. В одном месте пласт слежавшегося снега белеет над бездной. Выдержит ли он тяжесть тела?

Абалаков ложится, распластывается, вытягивает перед собой ледоруб и ползет. Снежный мост крепок.

Вот и последняя седловинка. Еще один крутой подъем — и на западе открывается хребет с белыми куполами вершин, извивающийся ледник и где-то бесконечно далеко — темные пятна зеленых долин.

Теперь надо преодолеть острый, как нож, вершинный гребень. Уже и рюкзак кажется непомерной тяжестью. Абалаков оставляет его в трещине, чтобы забрать на обратном пути. Ветер все крепчает. Он словно хочет сдуть человека с гребня.

Остаются лишь вершинные скалы. И тут странное чувство овладевает Абалаковым. Вдруг у него не хватит сил для этих последних метров? Ему кажется, что вершина вот-вот ускользнет от него.

Почти на четвереньках взбирается он на вершинную скалистую площадку — и падает на камни, обнимая их руками.

Вот она, победа!

Но отдыхать нельзя. Он встает, пошатываясь, и собирает камни для тура, под который будет положена консервная банка с запиской. Нужно набросать расположе-

ние хребтов, отлично видимых с этой самой высокой точки страны. Он ходит по площадке и вдруг замечает, что на облаках, далеко внизу, мечется тень какого-то гиганта. Абалаков останавливается, присматриваясь, — останавливается и тень. Да ведь это его тень, отбрасываемая на облака заходящим солнцем! Он взмахивает руками — и тень повторяет движение.

Так стоит он на вершине, невысокий, коренастый сибиряк, и его гигантская тень простирается над покоренными вершинами «крыши мира»...

* * *

У подножия пика Сталина, там, где был ледниковый лагерь «4600», на огромном камне теперь можно прочесть надпись:

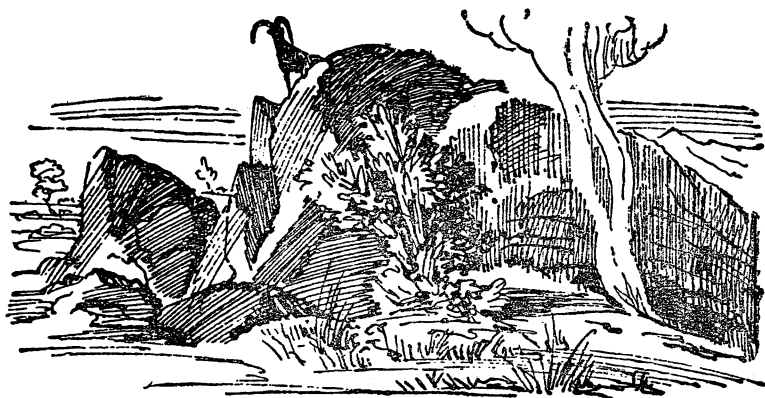
«Высочайшая вершина СССР пик Сталина высотой 7495 метров взята 3/IX 1933 г.

При подготовительной работе трагически погибли: альпинист Н. А. Николаев 30 лет и носильщик Джамбай Ирале 20 лет».

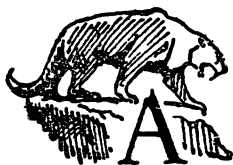
В таблице лучших первовосхождений советских альпинистов против слов: «Памир, пик Сталина», написано:

«Поднялся по восточному ребру — Евгений Абалаков (один)».

ЧЕРЕП НЕАНДЕРТАЛЬЦА

Аудитория Московского Политехнического музея была переполнена.

Среди студентов и школьников сидели профессора и учителя. Блестели погоны военных. Судя по обрывкам разговоров, в зале было много историков и археологов. Слышались странные слова: «нуклеус», «мустье», «скребло», «Тешик-Таш».

Прозвучал третий звонок.

— Слово имеет лауреат Сталинской премии, доктор исторических наук, профессор Алексей Павлович Окладников! — сказал председательствующий, когда наступила тишина.

Удивленный шопот всколыхнул аудиторию. К кафедре стремительно прошел высокий молодой человек с коротко остриженными русыми волосами. Неужели это и есть профессор Окладников? А где же седины, где желтоватая борода, которую во время лекции можно собирать рукой в горсть или любовно поглаживать? Право, совсем не похож на ученого, да еще на профессора-археолога, этот крепкий, плечистый человек с легкими и точными движениями спортсмена.

Профессор разложил бумаги, поднял глаза, узнал кого-то в зале и улыбнулся так юношески простодушно, что многие невольно улыбнулись тоже.

— Товарищи, мы будем говорить сегодня об очень далеких временах, — начал он. — Попытаемся на основе неопровержимых фактов представить себе, как жил человек не сотни и не тысячи лет, а десятки и даже сотни тысячелетий назад. Успехи советской археологии позволяют это сделать.

Профессор напомнил, что самыми древнейшими представителями человечества были обезьянолюди: питекантроп, остатки которого нашли на острове Ява, синантроп, кости которого обнаружили в 1927 году в Китае, наконец гейдельбергский человек, о котором можно судить по челюсти, найденной глубоко в песке около немецкого города Гейдельберга. Питекантроп жил свыше миллиона лет назад, синантроп несколько позже, а гейдельбергский человек совсем недавно — примерно, четыреста тысяч лет назад. Потом идут уже не обезьянолюди, а древнейшие представители современного человека — неандертальцы, названные так по месту находки их костей — в Неандертальской долине, вблизи Рейна. Они жили в каменном веке, который, как известно, длился отнюдь не век, а по крайней мере сотни тысячелетий.

Профессор упомянул, что в дореволюционной России было известно всего двенадцать стоянок пещерного человека. Теперь их найдено более трехсот, причем советскими археологами обнаружены самые северные и самые восточные на земном шаре места обитания людей древнего каменного века. Он рассказал, как при раскопках «Бугра сатаны» в Армении археолог Мария Захаровна Паничкина нашла каменные рубила, сделанные на самой заре человечества. Никому еще до сих пор не удавалось обнаружить в нашей стране так много этих бесценных памятников времен перехода от обезьяночеловека к человеку. И Мария Захаровна Паничкина, взяв в руки камень, грубо отесанный едва ли не полмиллиона лет назад, села на землю и заплакала от счастья...

— Установлено, что территория нашей страны была обитаема триста тысяч лет назад, — продолжал профессор. — Великое оледенение тогда еще не начиналось. Первобытные люди жили в вечнозеленых джунглях, где бродили гигантские слоны и саблезубые тигры. Затем

наступил ледниковый период. Стало холодно. Изменился животный мир. Не выдержав пронизывающего, сырого дыхания ползущих с севера ледников, вымерли многие звери. На смену им появились другие. Раскопки показывают, что даже в нынешней Молдавии тогда бродили обросший густой бурой шерстью мамонт, северный олень, полярная лисица. Но человек, древний человек, наш с вами предок, не вымер, не ушел далеко на юг! Он бросил вызов природе. Он надел на себя шкуры диких зверей и стал укрываться от холода в темных пещерах. Запылали никогда не гаснущие очаги. Настало суровое и трудное для человека мустьерское время, отделенное от наших дней десятками тысячелетий...

В зале потух свет, и на экране появилось изображение мустьерских пещерных людей, заметивших какого-то зверя. Приземистые, мускулистые, они сжимали в руках тяжелые дубины и острые куски камня. Из темноты пещеры выглядывали испуганные женщины.

...Два школьника, сидевшие во втором ряду, приподнялись со своих мест: им было плохо видно. Теперь они мешали сидящим сзади, на них шикали. «Да выведите их, чтобы не баловались», — пробасил кто-то.

Профессор протестующе протянул руку в полутемный зал и покачал головой. Ребята — всегда ребята. Им интересно — вот и хорошо. Зачем их выводить? Пусть бы попробовали вывести его, Алешу Окладникова, из той комнаты, где заезжий лектор поставил волшебный фонарь и на побеленной известью стене появилось вот такое же изображение пещерных людей! Давненько, правда, это было, давненько. В родной сибирской деревне, что затерялась в тайге у верховьев Лены. И откуда тогда появился в ней этот лектор? А после лекции он вынул из кармана горсть острых камешков и сказал: «А это я нашел у вас в деревне около кладбища. Каменные наконечники для стрел. Чуете, хлопцы?» Мальчишки не поверили. Около их деревни пещерные люди? А после побежали к кладбищу и сами нашли там наконечники — целую кучу. Как знать, может и эти двое, с таким неистовым мальчишеским любопытством рассматривающие сейчас мустьерских людей, тоже станут археологами. Еще, чего доброго, встретятся где-нибудь на раскопках: «А помните, Алексей Павлович, как вы в Политехническом музее...»

Изображение исчезло, в зале снова зажгли свет.

— Пещерные люди, как вы видели, во многом отличались от современного человека, — продолжал профессор, глядя на двух школьников и как будто обращаясь только к ним. — Да вы, наверно, сами заметили, что у неандертальцев еще сохранились кое-какие черты обезьян: скошенный череп, нависший валиками над глазами лоб, нижняя челюсть без выступающего подбородка. Ходили они еще не так прямо, как ходим мы; у них, как говорят, было несовершенное прямохождение. После раскопок вблизи Рейна кости неандертальцев находили в других местах Европы, а также в Африке и в Палестине. Но в Советском Союзе очень долго, несмотря на тщательные поиски, не удавалось найти кости мустьерских людей.

— Почему? — не утерпел кто-то в зале.

— Да потому, что такие находки вообще чрезвычайно редки. Кость может обратиться в прах за десятки лет, а не то что за десятки тысячелетий. Но вот наконец археолог Бонч-Осмоловский, раскапывая в 1926 году пещеры Крыма, нашел несколько костей взрослого неандертальца и плохо сохранившийся скелет младенца. Это было важнейшее научное открытие. Но особенно хотелось нам, советским археологам, найти остатки неандертальца в Средней Азии. Именно в Средней Азии.

Профессор в возбуждении сошел с кафедры и шагнул к слушателям.

— Понимаете, это была бы не просто находка, а еще один удар по расистам. Эти господа всячески открещивались от своего родства с неандертальцем. Белая раса, утверждали некоторые из них, произошла, не в пример неграм или китайцам, непосредственно от особых древних людей, населявших Среднюю Азию. Из Средней Азии предки этой будущей «расы господ» переселились в Европу, вытеснив живущих здесь неандертальцев. Поэтому искать в Средней Азии остатки неандертальцев совершенно бесполезно: их там никогда не было. Любые кости, сколько бы десятков тысячелетий ни были скрыты они землей, все равно будут похожи на кости современного европейца. Так утверждали расисты. Но мы, советские археологи, знали, что все это — вздор, ничего общего с наукой не имеющий.

Профессор говорил теперь резко, зло. Стало заметно, что он значительно старше, чем казалось сначала.

— И мы принялись искать неандертальца в Средней

Азии, чтобы заполнить огромный пробел во всемирной истории каменного века. У меня к тому времени накопился некоторый опыт. Я проплыл по трем великим рекам Азии — Амуру, Ангаре, Лене, изучая прибрежные стоянки и пещеры, объездил много мест в Сибири и на Дальнем Востоке. Теперь предстояло поработать вот здесь... — Профессор повернулся к карте Средней Азии. — Приехав сюда в 1938 году, мы направились на юг Узбекистана, прямо к долине горной реки Туган-Дарьи, пробивающей дорогу через хребет Байсун-Тау. У нас уже были первые нити для поисков. Смелый горный следопыт Ламаев, узнав от местных жителей о каких-то таинственных пещерах, сделал вместе с директором музея Парфеновым разведку и обнаружил в горах каменные орудия. Мы, в свою очередь, считали, что именно здесь, в этой горной стране, вероятнее всего можно было найти пещеры, где обитали неандертальцы. Вы увидите сейчас, как выглядела долина Туган-Дарьи, к которой прибыла наша экспедиция.

На экране возник суровый горный пейзаж. Крутые скалы были изрезаны глубокими поперечными ущельями. Скальные карнизы нависали над пропастями.

Профессор взял указку:

— Мы начали подъем вот здесь...

Он коснулся указкой изображения и начал рассказ о том, как экспедиция двигалась от пещеры к пещере.

Но читатель может теперь покинуть аудиторию Политехнического музея и перенестись прямо в долину Туган-Дарьи.

* * *

Это было уже на восьмой день утомительных блужданий сверху вниз и снизу вверх по скользким камням ущелий.

Окладников, опережая своих уставших спутников, излазил в одиночку немало гротов, сырых и темных, высоких и таких, в которые можно было вползти только на животе. Он измазался, ободрался. Ныло расцарапанное колено. Нет, все это не то! Может, в некоторых пещерах и стоило немного покопаться, но наметанный глаз и чутье археолога вели его все дальше и дальше. Вот если бы найти какой-нибудь признак, пусть самый ничтожный, что тут жили «они»!

Очередное узкое ущелье, или, как называют в Узбекистане, «сай», по которому карабкалась экспедиция, было особенно крутым и загроможденным.

— Рядом есть сай, называется «железные ворота», — сказал проводник, когда они уселись на камни, чтобы перевести дух. — Тот сай расколол весь хребет. Насквозь. Не веришь? Лет тысячу, а может, более назад ходили по тому саю из Самаркандского царства в Индию. Тимур... слышал о нем?.. велел повесить там железные ворота. Никого не пропускали через те ворота без дани.

Окладников читал уже раньше об этих знаменитых воротах. Где? Кажется, в записках испанского посла Клавихо, ездившего ко дворцу Тимура. Горная легенда подтверждает рассказ испанца. Что же, эти ущелья — вернее, щели — так узки, что их вполне можно закрывать воротами. Кстати, надо определить высоту. Ого, полторы тысячи метров над уровнем моря! Это уже настоящая альпийская страна.

А как хорошо вокруг!

Цветет бледнорозовый шиповник. Мощные арчевые деревья, похожие на гигантский можжевельник, вцепились корнями в камень рядом с черным кленом и горьким миндалем. В яркую синеву неба врезаны мрачные скалы, и какая-то птица, едва шевеля крыльями, плывет над ними в воздушных струях.

Отдохнув, археолог, его жена Вера Дмитриевна (тоже археолог и к тому же художница), сотрудник краеведческого музея и, наконец, Ламаев пошли дальше. Ламаев, который уже бывал раньше в этих местах, удивлял проводников тем, что ловил ядовитых змей голыми руками.

Против высокого дерева, выросшего как раз посередине ущелья, Окладников заметил в скале черный грот.

— Тешик-Таш, — сказал проводник, перехватив взгляд археолога. — Камень с дырой.

Окладников направился к «дыре». На месте неандертальца он непременно поселился бы тут: место удобное, хорошо защищенное.

Грот был неглубок. С потолка сочилась вода. Капли выдолбили ямки в полу. Окладников наклонился к одной из них. Он увидел мелкие кусочки сильно выветрившихся костей и камни — обычные камни, как сказал бы всякий, кому они попались бы под ноги. Всякий, кроме археолога.

Окладников поднял один из камней. Ему показалось...

Нет, не показалось: он увидел, что камень грубо обработала чья-то рука. Вся обработка заключалась в том, что от куска была отколота пластина. Но какая! Не узкая, а широкая, треугольная. Удар был направлен наискось. Знакомый прием!

— Мустье, — прошептал Окладников. — Мустьерская техника.

Он бросился к выходу из грота и крикнул:

— Пришли! Баста!

«А-а-ста!» — откликнулось эхо.

Они обосновались лагерем среди шиповника. На следующий день на помощь археологам поднялись из долины двадцать колхозников. Начались раскопки.

Вы думаете, что люди дружно налегли на лопаты, перекапывая верхний слой земли в гроте? Ничего похожего. Археологи — это ювелиры земляных работ. Легкий, прочный нож, которым с величайшей осторожностью снимают мелкие комочки земли, — вот их главный инструмент. Раскопки — тонкое дело, требующее большого терпения. Забегая вперед, скажем, что раскопки в гроте Тешик-Таш, по площади не превышавшем пола двух больших комнат, продолжались два года.

Чутье не обмануло Окладникова. Разведочная ямка — шурф — показала, что наклонный пол грота состоит из пяти «культурных» слоев с несомненными следами обитания человека. Их разделяли «стерильные» слои земли, не содержавшие таких следов. Значит, в пещере пять раз селились люди и пять раз надолго покидали ее. Что заставляло их уходить? Может быть, сырость, которая временами делалась нестерпимой: ведь и сейчас с потолка сочилась вода.

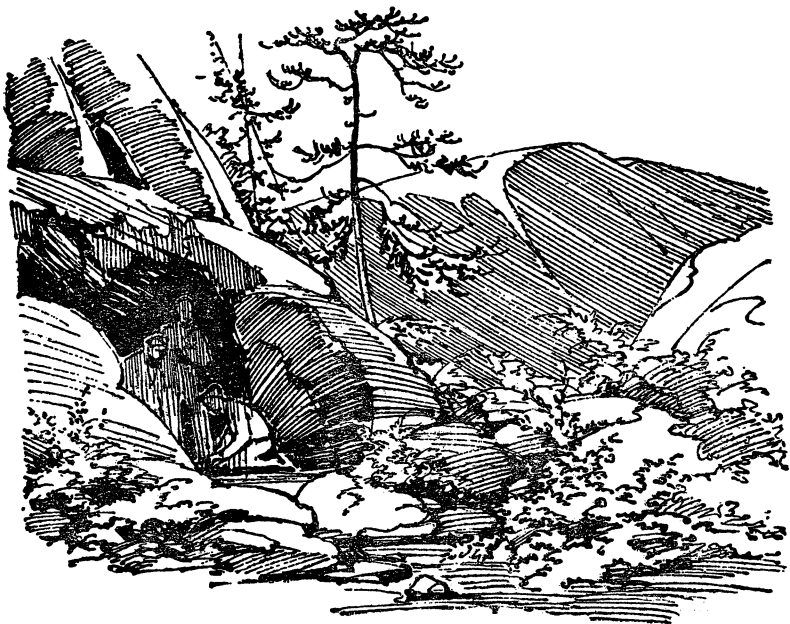
Но важно было не то, почему люди уходили. Главное — узнать, как давно это происходило.

— Посмотрим, посмотрим, — бормотал Окладников, орудуя ножом.

Рядом с ним на корточках сидели узбеки в своих зеленовато-лиловых халатах. Время от времени кто-нибудь вскрикивал:

— Суяк! Таш!

Это означало: «кость», «камень». Кости принадлежали горному козлу — кику. Они были раздроблены, из них, наверно, высасывали вкусный мозг. А камни... Вот в них-то и было все дело.

Когда углубились подалее, то нашли нуклеусы, или, проще говоря, каменные ядрища. От них ударами были отколоты куски — отщепы. Из таких кусков изготовлялись простейшие орудия. Они должны быть где-то поблизости!

И ножи археологов действительно наткнулись на скребла — камни, оббитые так, что ими можно было рубить и резать. Рядом лежали каменные остроконечники, служившие, вероятно, для охоты.

— А это что? — Колхозник показал на тонкую пластину с острым краем.

— Не узнал? — рассмеялся Окладников. — Нож. Ну да, каменный нож. Попробуй-ка вспороть им тушу зверя и снять с него шкуру. А они ничего, управлялись.

Археолог не сомневался теперь, что грубые каменные орудия Тешик-Таша относились к мустьерскому времени, когда на земле обитали неандертальцы. Тут, в этой пещере, много десятков тысячелетий назад жили первобытные охотники. Ему посчастливилось обнаружить то, что так

долго ускользало от исследователей: несомненные следы пещерных людей в Средней Азии.

Советская наука получила еще одно доказательство того, что здесь, как и на всем земном шаре, человечество тоже прошло стадию обезьянолюдей, а затем неандертальцев. Нигде оно не делилось на «высшие» расы, якобы миновавшие эти стадии, и «низшие», прошедшие их.

Находки в Тешик-Таше были очень важны для науки. Но темный грот в заросшем шиповником ущелье еще хранил самую важную свою тайну.

4 июля 1938 года Окладников работал у одной из стен грота. Как обычно, попадались расколотые кости горного козла. Осторожно проникая ножом в грунт, археолог неожиданно наткнулся на кусок какой-то другой кости. Не трогая находки, он кисточкой смел с нее остатки земли и наклонился ниже.

Перед ним лежал кусок кости человеческого черепа.

Обыкновенный кусок чуть желтоватой кости.

Это могли быть останки жившего всего несколько столетий назад и похороненного в пещере человека — какого-нибудь охотника или пастуха. Но кость могла принадлежать и современнику найденных в гроте каменных орудий. Вдруг это осколок черепа неандертальца?

Археолог хотел позвать жену. Сердце билось часто-часто. Неужели ему выпало счастье, о котором мечтает каждый археолог?

Но терпение, терпение. Не надо пока поднимать шума. Чувствуя дрожь в пальцах, Окладников осторожно расчистил кистью землю вокруг своей находки.

Перед ним была не единичная кость, а весь череп, раздавленный на множество кусков тяжестью обвалившейся некогда части свода.

Теперь Окладников окликнул жену, помощников. Всем передалось его волнение. Возбужденные люди склонились над находкой. Череп лежал теменем вниз. Скорей перевернуть его, посмотреть, убедиться в том, что над глазами есть надбровные валики, что подбородочный выступ на тяжелой нижней челюсти отсутствует...

— Алексей Павлович, да не томите же!

Но Окладников, овладев собой, отложил в сторону нож:

— Нет. Не будем трогать. — И, заметив почти испу-

ганные лица товарищей, добавил: — Повременим до последнего дня раскопок.

— До последнего дня?!

— Именно. Мы нашли череп где? В первом слое. Пороемся-ка сначала в нем хорошенько. Узнаем, что окружало этого неандер... виноват... что окружало обладателя черепа, кто бы он ни был. Мы ведь не охотники за редкостями. Попробуем узнать, чем занимались и как жили те, на чьи следы мы наткнулись. Попробуем узнать, как представляли они себе окружающий мир. Одним словом, сначала воскресим обитателей пещеры...

— Алексей! — с укоризной перебила мужа Вера Дмитриевна.

— А почему нет? Мы один за другим вскроем на большой площади все слои, проверим их последовательность. Тогда заговорят камни, кости. Заговорит зола очага, у которого он грелся. Заговорят орудия, которыми он действовал. — Тут археолог осторожно дотронулся до находки. — Они скажут нам, жил ли он в мустьерское время или попал сюда позднее. А потом мы перевернем череп и проверим свои выводы.

Тот, кто хочет проникнуть в самое далекое прошлое Земли, должен быть неистощимо терпеливым. Он должен научиться наблюдать. Он должен думать, размышлять над увиденным, призывая на помощь живое творческое воображение, восстанавливающее всю картину по разрозненным звеньям. Его мысль должна пытаться связать то, что сначала кажется совсем разобщенным. При этом он должен тщательно взвешивать, накапливать факты, проверять их и с помощью проверенных фактов оценивать свои догадки и предположения. Лишь тогда он настоящий археолог.

Почти каждый день дальнейших раскопок обогащал Окладникова знанием еще какой-то новой черточки прошлой жизни Тешик-Таша.

Были найдены угли и обожженная земля очагов. В сырые, туманные ночи к их трескучему огню жалась дети и женщины, ожидая ушедших на охоту мужчин. Тени металась по закопченным стенам, дым поднимался над гротом, и, почуяв его, с рычаньем уходил прочь свирепый леопард.

Но водился ли в этих местах леопард? Водился. Его кость нашли при раскопках. Было найдено также немного

костей оленя, лошади, гиены, медведя. Но больше всего в пещере было костей кииков, потомки которых и до сих пор встречаются в горах Средней Азии.

— Да как же ваши пещерные люди добывали козлов? — удивлялся Ламаев, которому когда-то удалось с большим трудом подстрелить киика для музея. — Ведь они, Алексей Павлович, по самым немыслимым кручам носятся. Я как увидел впервые козла, когда он по скале карабкался, так и подумал: ну, не иначе у него на ногах зацепки или присоски, что ли... На киика охотиться — головой не дорожить; того и гляди, в пропасть сорвешься. Так ведь это сейчас, с ружьем. А у ваших-то пещерных — одни камешки.

— Зато у наших с вами пещерных людей ножки были не ваши. И ручки тоже. Покрепче. Пещерный житель в ловкости и выносливости мог спорить с кииком. Но главное было не в этом, а в коллективе.

— Трудовая артель имени Тешик-Таша по совместной добыче козлов! — насмешливо пробурчал Ламаев.

— Смейтесь, смейтесь! Да, первобытный коллектив. Очевидно, охотники гнали животных к глубоким пропастям, и, прыгая вниз, козлы разбивались о камни.

— А чаще — сами охотники.

— Возможно. У них было так: либо рискуй, либо умирай с голоду. Но вот вы смеетесь, а ведь у этих наших предков было уже столько хорошего, человеческого. Почему в гроте так много костей?

— Ели мясо, вот и кости! — удивился Ламаев наивности вопроса.

— Но, добыв козла, охотники могли съесть его на месте: ведь неандертальцы еще не умели варить пищу. А они, карабаясь по кручам, волокли добычу в пещеру. Они думали не только о себе, но и о других. Обилие костей в нашей пещере говорит о зарождении первобытного коллектива в общем жилье, вокруг общего огня. Пещерные люди мустьерского времени находились на более высокой ступени развития, чем это часто считают. Они сделали большой скачок вперед по сравнению с обезьянолюдьми — вот вам первые выводы...

Уже были вскрыты на значительной площади все пять слоев, и Вера Дмитриевна тщательно нанесла на план, зарисовала и сфотографировала расположение каждой находки в каждом слое. Теперь череп лежал как бы на зем-

ляном столбе, возвышавшемся над снятыми слоями. Можно было уже твердо сказать, что эти слои хранили следы людей одной эпохи, хотя, может быть, они селились в гроте с промежутками в сотни и даже тысячи лет: для ранних периодов истории человечества это совсем небольшой срок, в течение которого обычно мало что изменялось.

Все признаки — каменные орудия, следы быта, раздробленные кости животных — говорили о том, что череп действительно должен принадлежать мустьерскому человеку — неандертальцу.

Настает наконец день, когда снова можно вернуться к главной находке. Археологи осторожно удаляют землю. Говорят полушопотом.

Череп, судя по размерам, принадлежит ребенку восьми-девяти лет. Он находится не в середине «культурного» слоя, а в самом его низу, как будто в специально вырытом углублении.

Из разрытого грунта появляются концы рогов горного козла. Рядом с ними — другие. Обе пары целы.

— А ведь рога-то торчат так, будто они воткнуты в землю! — удивленно шепчет Ламаев.

Вот остатки еще пары рогов. Вот четвертая, пятая, шестая пары.

Постепенно расчищаются кости детского скелета. Некоторые лежат разрозненно, других нет вовсе. На костях — следы острых зубов. Какой-то хищник пробрался в грот вскоре после того, как люди куда-то ушли, похоронив ребенка. Да, теперь смело можно говорить о похоронах. Ребенка зарыли в землю, а вокруг этого места воткнули рога самых крупных горных козлов. И эти рога принесли, может быть, издалека специально для похорон: ведь как показывали кости кииков, в пещеру обычно притаскивалось лишь то, что годилось в пищу. Даже копытца у туши обрубали древние охотники, чтобы не тащить по горам бесполезную тяжесть. А тут — рога.

— Какие-то сравнительно сложные идеи уже зарождались под обезьяноподобным черепом обитателей грота, — говорил Окладников, делая пометки о заключительных раскопках. — Это были уже не звери, а люди. У них было понятие о жизни и смерти. Судьба тела умерших уже интересовала их. Возможно, у них был какой-то обряд втыкания рогов, был первобытный культ горного козла,

мясо которого поддерживало их жизнь. Вот вам еще одно доказательство того, что примитивный физический облик неандертальцев заставил многих явно преувеличить примитивность их жизни, их духовного мира. Надо и здесь пересмотреть сложившиеся представления.

Щелкнул раз и два затвор фотоаппарата, объектив которого был направлен на остатки древнего погребения.

— Ну, поднимаем... — тихо сказал Окладников.

Проклеенные сверху и скрепленные марлевым покровом части черепа были разом подняты и перевернуты.

— Надбровные валики! Ура!

Оставалось найти нижнюю челюсть. Она лежала под черепом, на глубине пятнадцати сантиметров.

— Подбородочного выступа нет. Это неандерталец!

С тщательно упакованными драгоценными находками экспедиция начала спуск по извилистому ущелью.

* * *

В 1949 году вышла из печати книга «Тешик-Таш».

В ней были подведены итоги экспедиционной работы в гроте горного ущелья и десятилетнего изучения ее результатов. Алексей Павлович Окладников рассказал о находке в Тешик-Таше и блестяще доказал ее выдающееся значение для науки. Советские ученые Михаил Антонович Гремяцкий и Николай Александрович Синельников поделились на страницах книги результатами тончайшего исследования костей неандертальца. За открытие, изучение и описание остатков скелета палеолитического человека и предметов его материальной культуры, изложенные в научном труде «Тешик-Таш», этим трем ученым была присуждена Сталинская премия.

Выход книги нанес еще один удар реакционным американским археологам, отрицающим, что все человечество прошло стадию неандертальца. Правда, эти господа все равно стараются либо не замечать, либо извращать те ясные факты, которые опровергают их зловерные расистские измышления. Рассудку вопреки они и сегодня по-прежнему твердят, что негры — не люди, а полулюди, что китайский народ десятки и сотни тысячелетий находится в непрерывном застое и отсталости, как представитель «низшей» расы...

Что касается юного неандертальца из Тешик-Таша, то

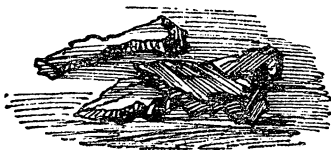
мы теперь точно знаем даже, как он выглядел. Лауреат Сталинской премии скульптор-археолог Михаил Михайлович Герасимов, разработавший удивительный способ восстановления очертаний лица по костям черепа, создал статую и скульптурный портрет тешик-ташского ребенка, жившего сто тысяч лет назад. Он, возможно, покажется вам некрасивым, даже уродливым со своим невысоким лбом, тяжело нависшими над глазами выступающими надбровных дуг и срезанным назад подбородком. Он ходил не так, как мы, а слегка наклонясь, вытянув вперед голову и свесив руки.

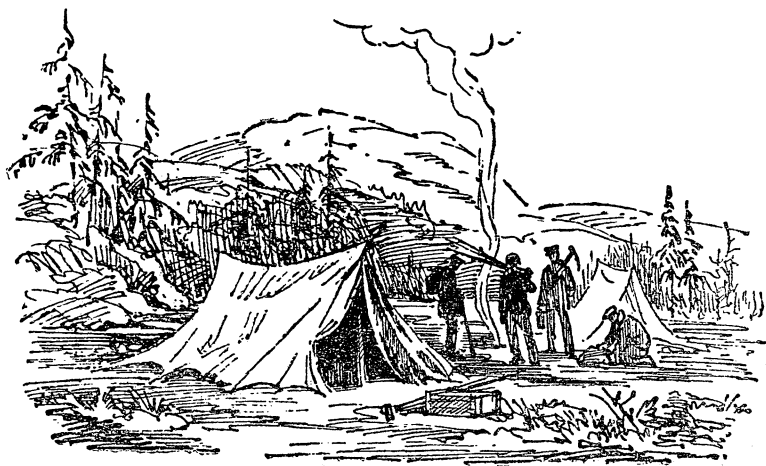
После раскопок в Средней Азии Алексей Павлович Окладников побывал во многих местах страны. Вспомним, что именно ему принадлежит честь выяснения обстоятельств выдающегося плавания русских полярных мореходов вокруг мыса Челюскин в начале XVII века. Сын таежных сибирских следопытов, он неумоимо ищет следы далеких эпох и исчезнувших с лица земли народов. Бурят-Монголия, Туркмения, Таджикистан, Якутия, Таймыр, пустыня Гоби, Тянь-Шань, Дальний Восток в равной мере привлекают его. Стремительный, напористый, о каких в народе говорят — «легок на подъем», он за лето успевает побывать в трех-четыре экспедициях. Из-под пера его вышло много книг и среди них — «История Якутии», где решена триста лет волновавшая ученых загадка происхождения якутского народа.

...А лекцию в Политехническом музее профессор Окладников заключил так:

— Начинается чрезвычайно увлекательное время невиданного расцвета советской археологии. Мы — на пороге новых больших открытий!

И весь зал горячо аплодировал этим словам.

КАМЕНЬ ПЛОДОРОДИЯ

Поезд, идущий в Мурманск, остановился на крохотной станции.

Хотя был май, но на горах, у которых затерялся станционный домик, белел снег. Ели с обломанными вершинами торчали на склоне, как бы жалуясь на то, что им приходится расти в краю, где ветры злы, а почвы бедны. За ближайшей горной грядой поднимались хребты, один внушительнее другого. При свете ночного солнца они казались раскаленными докрасна.

Грузный круглолицый человек в кожаной куртке легко соскочил с подножки одного из вагонов и с удовольствием расправил плечи. Оглядевшись, он пошел туда, где кусок скалы раскрошился грудой обломков. Человек поднял камень и посмотрел в излом.

— Нефелиновый сиенит, — пробормотал он. — И что-то еще... Что же именно?

Он разворошил груды, постоял в раздумье и быстро зашагал дальше, нагибаясь за камнями. Два пассажира, спустившиеся вслед за ним на насыпь, едва догнали его.

— Шустрый! — улынулся стрелочник.

— В кожанке-то? Это, брат, академик Ферсман, — отозвался машинист. — А вон тот — академик Карпинский. Третьего запомятовал. Члены правительственной комиссии. Смотрят, поди, нет ли в камнях золота...

Трое вернулись обратно не скоро. Их карманы распирала острые обломки камней.

В вагоне Александр Евгеньевич Ферсман разложил собранные образцы на крохотном столике и долго, внимательно рассматривал их. Он знал язык камней. Зеленоватые прожилки на некоторых обломках намекали на то, что где-то поблизости определенно стóит порыться в земле. Но кто же будет в такое время снаряжать геологические экспедиции? Страна голодает, всюду разруха, на юге еще идут бои. А давно ли смолкли выстрелы здесь, на Кольском полуострове?

Интервенты старались вцепиться в русский север мертвой хваткой. Академику рассказывали — в Лондоне выпущена карта, на которой Мурманский край закрашен в условный цвет английских колоний. Эрнст Шекльтон — кто мог ожидать что известный полярный путешественник падет так низко! — подписал с белогвардейцами договор на «постоянную и систематическую в течение девяти лет эксплуатацию естественных богатств» Кольского полуострова. Девяносто девять лет! Не успели, однако, высохнуть чернила на договоре, как интервентов вышвырнули вон с полуострова. Нет, господа, нам самим нужны богатства Мурмана!

Но с геологической экспедицией все же, видимо, придется подождать годика три-четыре...

Правительственная комиссия, обследовав полуразрушенную Мурманскую железную дорогу, вернулась в Петроград. А осенью того же, 1920 года академик Ферсман уже трясся в вагоне-теплушке, на котором размашисто написали мелом: «Экспедиция». Все произошло непостижимо быстро и просто. Его выслушали, выписали мандат, дали немного пшена, селедок, махорки: «Поезжайте, ищите».

Теплушку прицепили в хвосте поезда. Раза три ее отцепляли, надолго загоняли в тупик. Академик просил, требовал немедленной отправки, доказывая, что его экспедиция едет разведывать богатства для народа. Маневро-

вый паровозик снова подталкивал теплушку к товарному составу, лязгали буфера, и петроградские студенты-геологи, едущие с академиком, затягивали частушки с припевом «отцепили-прицепили».

Выгрузилась экспедиция на знакомой станции возле гор. Моросил дождь, земля раскисла. Без дорог, по компасу и старым картам, небольшой отряд пошел на разведку.

Хибинская тундра не похожа на болотистую равнину сибирского Заполярья: она распласталась по плоскогорьям, размытым реками и пересеченным хребтами. Трудно ходить по ее камням, облепленным набухшими от дождя лишайниками.

— Александр Евгеньевич, скользко!

— Знаете что? Подвяжем-ка мешки к ногам!

Последние дни осени разведчики месили болота, шагали по ледниковым моренам, мерзли в горах, плутали в тумане, перебредали потоки. Старые карты не годились: и хребты и голубовато-зеленые озера оказывались не там, где их нанес картограф.

Академик определил, что горный массив Хибин очень стар и, вероятно, был островом даже миллионы лет назад, когда море покрывало большую часть нынешней суши.

На привалах Александр Евгеньевич рисовал своим спутникам картины далекого прошлого.

Пышет нестерпимым жаром расплавленный океан первобытной Земли. На ней первые острова — материки гранитных пород. По мере остывания земной поверхности они сближаются между собой, подминая и подгибая под себя все, что их разделяло. Так сталкиваются льдины при ледоходе.

Проходят тысячелетия, десятки тысячелетий. Между материками или древними щитами то разверзаются морские глубины, то выпирают горные цепи. Вулканы извергают мощные потоки лавы, бесчисленное множество раскаленных струй огненными змеями окружает щиты. Горячие источники приносят металл, образуя рудные жилы; вытягиваются пояса рудных месторождений.

Метутся, перемещаются, рассеиваются и снова накапливаются в земле отдельные химические элементы.

И это накапливание происходит не случайно. Залежи металлов, руд, солей рождаются в полном согласии с законами физики и химии. Вовсе не в беспорядке разброса-

ны эти залежи на земном шаре. Тот, кто познает законы их рождения, сочетания, перемещения, — тот сможет открыть своему народу невиданные ископаемые богатства.

Он будет искать эти богатства не вслепую, не на ощупь. Ему поможет новая наука — геохимия. Она стремится постигнуть химию земной коры, поведение в земле каждого атома химического элемента, его сочетание с другими, пути его странствований в разных геологических условиях и в разные геологические времена. Этой науке принадлежит будущее!

Студентам становилось понятным, почему особенно важно порыться в земле именно здесь, на Кольском полуострове, у окраин древнего щита, у его рудных поясов.

Александр Евгеньевич всегда напоминал, что творцом геохимии был его учитель, академик Владимир Иванович Вернадский; свои же огромные заслуги в создании и развитии новой науки он неизменно оставлял в тени.

После первой недели хибинского похода у его участников втянулись щеки: ели одну кашницу, сдобренную грибами. Ферсман был беспощаден. Он не давал поспать лишнюю минуту по утрам и не разрешал дремать на привале до тех пор, пока не будет высушена одежда и пока каждый не приведет в порядок свои записи.

— Времени мало, работы много, — твердил он. — Потерпите, потерпите...

Уже незадолго до возвращения экспедиции на станцию студенты, ушедшие на разведку, вернулись с известием, что неподалеку в горах ими обнаружен таинственный знак. Ферсман поспешил туда.

Он увидел треугольник, нарисованный на камне. Краска казалась совсем свежей. Она была красной, как кровь.

То был опознавательный знак английского корпуса, недавно изгнанного с русского севера. Как видно, тут побывал один из отрядов, посланных господином Шекльтоном в свои на девяносто девять лет откупленные владения...

Экспедиция Ферсмана уехала из Хибин с несколькими пудами минералов, показавших лишь, что на Кольский полуостров безусловно стоит снарядить вторую экспедицию.

А ведь кое-кто из студентов надеялся вернуться в Петроград уже с планом новых богатейших месторождений и со славой удачливых разведчиков.

Но академик утешал своих спутников, говоря, что так

бывает, увы, очень редко. Без упорной борьбы тайнами природы не овладеешь. И в этой упорной борьбе — счастливый удел ученого. В этом — его жизнь, полная радостей и горестей, увлечений и страстей.

Александр Евгеньевич возвращается в Хибинны на следующий год. Проходит еще одна зима — и короткое северное лето снова застает его в Хибинах. Нагруженные палатками, котелками, барометрами, молотками, биноклями, идут за ним его старые и новые спутники. Отряды намереваются проникнуть в центральную часть Хибин — к горе Кукисвумчорр, к прозрачному и холодному озеру Малый Вудъявр.

Дорог нет, край безлюден. Александр Евгеньевич ведет свой маленький отряд по ущелью, которое тут же назвали ущельем Географов. Другой отряд пробивается где-то рядом. Сходятся на северном берегу озера. Над ними в облаках — Кукисвумчорр.

Весь день уходит на то, чтобы найти туда путь.

Но вот и вершина, срезанная, плоская, как стол. Ночной холодный ветер освежает разгоряченные лица.

На севере — отвесный обрыв. Внизу, в пропасти, — зеркала горных озер с ослепительными пятнами льдин. Со скал тяжело свисают снежные шапки: вот-вот сорвутся вниз неудержимой лавиной. Вдали видны другие плато с обрывистыми, неприступными стенами. Дикие Хибинны, дики...

Ветер все резче, все холоднее. Это только сначала он показался приятным. Начинает накрапывать дождь. Согревая дыханием руки, торопливо зарисовывают геологи расположение гор, поспешно набивают рюкзаки образцами. У Александра Евгеньевича невозможный характер: он требует, чтобы каждый образец завернули в бумагу, чтобы о каждом записали, где, при каких обстоятельствах найден...

А спускаться уже нельзя: туман, и какой густой! Он держится остаток ночи и весь следующий день, не редет и к вечеру.

На вершине Кукисвумчорра нет ничего, что может гореть. От камней несет холодом. Одежда пропитана влагой тумана. Ну и ночка!

Зато утром разведчики наталкиваются на жилу, богатую минералами. Тут есть даже вишнево-красные кристаллы эвдиалита.

Но Александр Евгеньевич забывает и про эвдиалит, когда в руки ему попадает какой-то зеленоватый камень.

— Апатит, — говорит академик. — Это он, обманщик..

— Александр Евгеньевич, разве апатит — такая редкость? — удивляются студенты, видя, как взволнован и обрадован академик.

— Редкость? Апатит — камень плодородия, камень фосфора. Без фосфора нет ни жизни, ни мысли.

— А вы назвали его обманщиком.

— Апатит — это и значит обманщик. По-гречески. И название очень верное. Внешний вид апатита удивительно разнообразен. То это прозрачные кристаллики, похожие на кварц, то плотный камень, напоминающий известняк или мрамор, а то и рассыпчатая масса. Апатит может обмануть даже знатока. Но нас с вами он не обманет, мы до него доберемся.

Экспедиция увозит в Петроград первые образцы апатита.

С тех пор повелось: едва отшумят над Мурманом зимние вьюги и весенние воды пронесутся по ущельям, — голоса людей будят эхо в горах.

У академика появились друзья в Хибинской тундре. Это саами, или, как их называли раньше, лопари. Они кочуют как раз там, где работает теперь экспедиция, ищущая зеленоватый камень. Саами Алексей становится ее проводником. Скуластый мальчик Фомка души не чает в русском большом начальнике.

На привалах, когда синий дым костра тянется к вершинам елей и похлебка булькает в большом котле, вокруг академика собирается тесный кружок. Одни лежат, подложив под голову руки, другие подбрасывают хворост, третьи, не дождавшись обеда, украдкой жуют хлеб.

— Эх, открыть бы что-нибудь такое, чтобы на всю страну прогреметь! — говорит студент-геолог, перебирая собранные с утра камни.

— И откроем, — поддерживает его Александр Евгеньевич. — Обязательно откроем! Но, может, не в этом году и не в следующем. Придется нам сюда не раз путешествовать! А хорошо путешествует тот, кто много знает и много размышляет.

Тут академик не забывает добавить, что самый острый и самый важный инструмент исследователя — его глаз, от которого ничего, решительно ничего не должно ускользать.

А ненадежный инструмент — память. На нее никогда нельзя полагаться. Разведчик должен записывать все сразу, точно и безошибочно. Его записная книжка — это «святая святых», которую нужно беречь пуще зеницы ока.

Внимательно слушают студенты: еще бы, ведь сам Александр Евгеньевич не только ученый, но и опытный путешественник, исколесивший полмира. Его советы чего-нибудь да стоят! Он побывал в Германии, Швейцарии, Франции, Италии, видел удивительные месторождения самоцветов на острове Эльба. Он жил много месяцев в тайге, среди уральских «горщиков» — искателей золотистых топазов и горящих холодным огнем аметистов. Его обдувал ветер ледников Алтая, укрывала пещера на берегу Байкала, палило солнце монгольских пустынь. Палатки его экспедиций стояли в сибирской тайге, на берегах залива Кара-Богаз-Гол, в горах северного Таджикистана. Это ведь об Александре Евгеньевиче и его спутниках сказал Алексей Максимович Горький: «...По Уралу, в непроходимых горах, бродят, составляют фантастические коллекции драгоценных камней для Академии наук, месяцами не видят куска хлеба. Спрашивается, чем живы? Охотой живы, как дикари, да-с. И это, знаете ли, не Калифорния, не золотая лихорадка. Бессребренники, а не добытчики в свой сундук. Гордиться надо таким народом».

...Дымит костер, булькает в котле похлебка.

— Александр Евгеньевич, а в чем же все-таки секрет поисков и находок? — спрашивает тот самый студент, который хочет прославиться на всю страну. — В чутье?

— В маленьком росте, — шутит академик. — Маленькому лучше видны камни на земле.

— Нет, серьезно...

— А серьезно — поискам надо учиться, учиться упорно и вдумчиво. Прежде всего учиться наблюдательности. Наблюдать — это значит подмечать сходство и различие, по одному мелкому факту находить более крупные явления, приучить себя вдумчиво относиться ко всему. Разведчик не должен разбрасываться. И, самое главное, — он должен увлекаться своим делом, гореть желанием найти для народа скрытые в недрах земли богатства, положить начало их использованию.

— А чутье?

— Если чутье — это тонкое понимание, подсознательный нюх, то и чутье. И вот еще — разведчик должен быть

немного романтиком, человеком больших страстей. Право, я не знаю ни одного месторождения, открытого чиновником от науки...

* * *

Осенью 1922 года к бревенчатым домикам станции Имандра вышел заросший бородой человек в порыжевшей и разодранной куртке. Через плечо у него висела большая сумка, на поясе — жестяная кружка. В руках он держал самодельный суковатый посошок.

Прохожий присел отдохнуть на станционное крыльцо, снял потертую кепку, положил ее на колени и, закрыв глаза, глубоко задумался. Морщины на его лице обозначились резко, по-стариковски.

Вдруг что-то упало в кепку. Старик вздрогнул и приподнял веки: в кепке лежала монета.

Растерянный Александр Евгеньевич хотел уже окликнуть вернуть сердобольную женщину, но вдруг весело рассмеялся. Хорош же, должно быть, у него вид! Когда бродишь в горах, забыв о бритве, обдирая куртку о камни, когда сам латаешь дыры, прожженные отскочившим от костра сучком, — тогда не обижайся, если в тебе не сразу узнают академика!

Александр Евгеньевич бережно спрятал монетку в карман. Он сохранил ее и иногда показывал друзьям.

В тот день, когда Ферсман получил милостыню на станции Имандра, в его сумке лежал план, на котором значками были отмечены сказочно богатые клады земли.

Прошло еще немного времени — и об этих кладах заговорили всюду. Новые разведки, которые продолжили минералогии и геологи, дали ошеломляющие результаты. Оказалось, что уже в недрах только двух разведанных гор — Кукисвумчорра и Юкспора — находится баснословно много минерала плодородия.

— Он пришел сюда из жерл хибинских вулканов, чтобы помочь мирным труженикам, — говорил академик в своих докладах. — Дайте миллионы тонн порошка, приготовленного из апатита, нашим полям и лугам — и удвоятся урожаи, увеличатся размеры свеклы, разрастутся белоснежные коробочки хлопка, нальется зерно...

Но странное дело: Геологический комитет, которому поручены разведки полезных ископаемых в стране, весьма холодно относится к открытию в Хибинах. Ферсман про-

сит денег для продолжения работ — ему отказывают. Деньги? Слава богу, в комитете сидят люди, умеющие беречь государственную копейку. Зачем искать то, что все равно нельзя использовать? Ведь для добычи апатита за Полярным кругом надо строить города, рудники, заводы. Во что это обойдется? Право, дорогой Александр Евгеньевич, дешевле привозить удобрение из-за границы!

Ферсман колеблется: действительно, добывать апатит в Хибинах трудно. Страна еще так бедна. Машин мало. В апатите много ненужных примесей, и отделять их сложно.

Если бы в часы этих раздумий и колебаний Ферсман почаще вспоминал о красном треугольнике на скале! Но доверчивый академик даже мысли не допускал о том, что горные инженеры из Геологического комитета советовали ему не связываться с хибинским апатитом из каких-то темных побуждений. Мог ли он думать, что ночами, при закрытых дверях и спущенных шторах, ненавидя и боясь друг друга, они делят пачки хрустящих долларов...

Но вредителям, которым их иностранные хозяева поручили всячески мешать использованию богатств Мурмана, удалось лишь ненадолго оттянуть разработку хибинских апатитов.

На залежи минерала плодородия обратила внимание партия.

Темной ночью, в конце декабря 1929 года, в дверь барака, построенного для геологов недалеко от Кукисвумчорра, вбежал взволнованный человек:

— Киров приехал! Киров!

На улице мела пурга. Сергей Миронович, отряхивая снег, поднялся из саней-розвальней. Он сильно продрог.

Наскоро выпив чаю, Киров собрал геологов. Ферсман коротко рассказал о работе четырнадцати разведочных отрядов, работавших в тот год. Сергей Миронович внимательно слушал, задавал вопросы. Он был в курсе дела: в Ленинграде, в его кабинете, имелась полная коллекция всех хибинских минералов. Оставалось только решить, как надо тряхнуть эту старую землю, чтобы она отдала все свои богатства советскому народу.

Киров вместе с учеными отправился выбирать место для будущего города. Засыпанная снегами долина Умптэк, что на саамском языке означает «трижды замкнутая», лежала перед небольшой группой людей. Сергей

Миронович долго любовался одетой снегом верхушкой горы Кукисвумчорр.

— Крутая гора, как наука, — сказал он. — Посмотришь со стороны — не взять, а осмелеешь, подойдешь ближе да начнешь взбираться — то в одном, то в другом месте сыщешь тропинку.

С этого дня началась борьба за обладание хибинскими апатитами. Взрывы кромсали склоны Кукисвумчорра. Взлетела на воздух скала с выцветшим красным треугольником. От маленького разъезда протянулась в горы железнодорожная колея. Там, где бродил без троп академик Ферсман, строители заложили новый город...

И вот уже вагоны с апатитом побежали по всем железным дорогам страны. Апатитовую муку повезли морские суда. Камень плодородия, попав из Заполярья на поля и в сады, дал жизнь и силу колосу пшеницы, наполнил соком апельсины и лимоны, ускорил рост листиков чайного куста.

Апатит повезли и на заводы — он ведь не только удобрение, но и важное техническое сырье.

А началось все с находки обломка камня с зеленоватыми прожилками...

* * *

Апатит разведан. Но сколько других кладов еще хранит древняя северная земля! И Александр Евгеньевич снова идет по следу, заметному лишь человеку, любящему и знающему камень.

Большая лодка пересекает озеро Имандру. Академик налегает на весла. Озеро отделяет Хибины от закутанного в кисею тумана хребта Монча. Уже видны его вершины, его каменистые кручи, его леса, где, как рассказывают охотники, бродят лоси и дикие олени.

Пусть пока бродят! Но если не обманывают куски камня, привезенные оттуда одним из географов, лосям вскоре придется поискать другие места. Сами по себе камни не представляют интереса, но они иногда сопутствуют очень нужным полезным ископаемым. Надо будет походить по отрогам Мончи, посмотреть камень, «поговорить с ним наедине» где-нибудь в глухом ущелье.

Лодка входит в Монча-губу, тихий и узкий залив озера. Здесь академика встречают друзья — рыбаки

саами. Не так давно, когда Александр Евгеньевич простудился, старая саами Аннушка заботливо ухаживала за ним в своей «веже» — крытом мешками шалаше.

Аннушка угощала его чаем, вкусной рыбой, поджаренной, по обычаю тундры, на палочке. Укрытый оленьими шкурами, он слушал светлой летней ночью саамскую легенду о том, как в тундру нагрянули чужие люди — шведы. У саами даже ножей не хватало, а у шведов — ружья. Отобрали шведы оленей, заняли рыбацьи места, заманили людей на озеро Сейтявр и стали там их крошить. Кровью забрызгали все горы, всю тундру. И до сих пор эта кровь осталась. Академику вспомнился тогда чудесный камень тундры — эвдиалит, действительно похожий на красные капли...

От Монча-губы предстоит плыть по порожистой реке. Весла тут не годятся — надо отталкиваться от дна шестами. А дальше — сквозь бурелом, присматриваясь к зарубкам на деревьях, сделанным каким-то охотником.

— К чорту! — ворчит академик. — Лучше уж пески Кара-Кумов, где испаряешься, как стакан с кипящей водой, чем это Заполярье. Там хоть комаров нет и болот тоже.

Болота сменяются осыпями, где, того и гляди, вывихнешь ногу. Но вот, осматривая в бинокль скалы, академик замечает в одном месте какие-то бурые пятна.

Да, здесь стóит ударить киркой.

Однако когда в лаборатории заканчивается анализ привезенных из Мончи образцов, то оказывается, что открыто очень бедное месторождение. Повторные пробы дают тот же результат. Геологи покачивают головами. Стоит ли продолжать поиски?

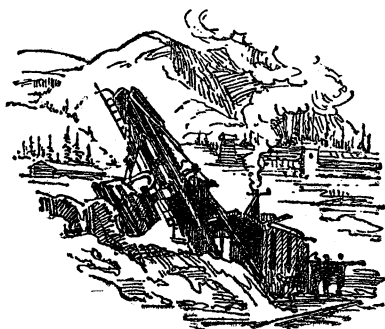
Академик идет к Кирову, делится своими сомнениями, советуется, получает поддержку. Поиски усиливаются, исследования расширяются.

И разведчики все же добиваются до сокровищ Мончатундры. Через несколько лет картографы наносят на карты Кольского полуострова еще одно название — Мончегорск. Город никеля вырос между тремя озерами у подножия Мончи, против Кировска — города апатита.

Почти двадцать лет Хибины заполняли все думы академика Ферсмана. Страна отметила его труд Сталинской премией.

Вместе с ученым трудилось целое племя молодых и старых хибинцев, по следам которых шли горняки, закладывавшие шахты, строители, воздвигавшие заводы и города, агрономы, выращивающие овощи в тундре. И всем им ученый повторял:

— Не увлекайся своими победами, человек! Не думай о том, что ты овладел всеми тайнами природы и завладел всеми ее богатствами. Ты еще мало сделал и мало что знаешь!

КРАСНАЯ ПЛАНЕТА

Произошло это на исходе ночи. Над Землей пронеслось, оставляя зеленоватый след, неведомое небесное тело. Упало оно недалеко от английского городка Уокинга.

Астроном Оджилви, раньше других оказавшийся там, где это произошло, увидел, что в песок Хорзеллского луга врезалась не бесформенная глыба метеорита, а громадный обгорелый цилиндр, покрытый темным нагаром. Тут астроном вдруг вспомнил о странных вспышках раскаленных газов на Марсе, которые были незадолго до этого отмечены несколькими обсерваториями.

Вскоре на глазах у Оджилви и собравшейся толпы зевак цилиндр стал медленно развинчиваться. В тот час, когда миллионы англичан читали в вечерних газетах сообщение о необычайном событии в Уокинге, крышка, отвинтившись, упала на песок, и на край цилиндра выполз марсианин.

Что произошло потом, вы знаете сами — если, разумеется, читали фантастический роман английского писателя Герберта Уэллса «Борьба миров»...

Но красноватая планета, спокойно мерцающая в темном небе, волнует не только авторов фантастических романов. Уже не один век к ней по ночам устремлены внимательные взоры астрономов всех стран мира.

Однако почему именно к Марсу?

Ведь яркая Венера, звезда утренней или вечерней зари, — не только наша ближайшая соседка, но и двойник Земли по размерам. Казалось, следовало бы отдать предпочтение именно ей.

Но, увы, ни одному астроному даже в самый сильный телескоп еще не удалось рассмотреть поверхность Венеры. Наша соседка всегда окутана ослепительно белыми и непроницаемыми для глаза парами, потому что она гораздо ближе к солнцу, чем мы, и на ее поверхности жарче, нежели было на нашей родной планете в далекие времена зарождения жизни.

А Марс? На нем, напротив, нам показалось бы чересчур холодно: он получает в два с четвертью раза меньше солнечного света и тепла, чем Земля. Он невелик: пришлось бы сложить шесть Марсов, чтобы получилась наша планета.

Обычно Марс далек от нас. Но раз в пятнадцать или семнадцать лет, в годы «великих противостояний», его путь сближается с орбитой нашей планеты. Марс и Землю разделяют тогда только 56 миллионов километров. Это, конечно, тоже не так уж близко. Но у астрономов свои понятия о расстояниях.

Стараясь не потерять даром ни одного часа, они изучают приблизившуюся во время «великого противостояния» красноватую планету, на которой так много знакомого, «земного».

Да, да, именно земного! На Марсе, как и у нас, чередуются дни и ночи. Сменяются и времена года — только марсианские зима, весна, лето, осень приблизительно вдвое длиннее наших. У Марса, как и у Земли, есть атмосфера.

И, наконец, что особенно важно, — на Марсе может существовать жизнь, пусть отдаленно, но все же схожая с той, которую мы видим каждый день, каждый час вокруг себя на родной своей планете. Какое это чудесное, великолепное слово — жизнь! У кого не потеплеет на сердце от одной только мысли, что в бездонной черной бездне неба затерян мир, где не все нам чуждо и незнакомо...

Наверно, среди нас уже живет тот, пока еще ничем

не знаменитый человек, которому суждено первым увидеть с соседней планеты мерцание далекой голубоватой Земли. Но и до того, как мы торжественно проводим этого человека в его космический полет, другие люди уже сделали ряд открытий, после которых многие тайны Марса перестали быть тайнами.

Упорная человеческая мысль, опередив межпланетный корабль будущего, с каждым годом как бы приближает, подтягивает к нам загадочную красноватую планету.

* * *

Гавриил Адрианович Тихов осторожно, стараясь не стукнуть, прикрыл дверь квартиры и пошел по длинному гулкому коридору в среднюю башню Пулковской обсерватории. Было тихо и прохладно. Деревья старинного парка чуть слышно шелестели за окнами.

В башне было темно. Некоторое время астроном давал полный отдых глазам и старался не думать ни о чем неприятном: волнение мешает наблюдать небо. Потом он подошел к телескопу, навел его на Марс, устроился удобнее и, ровно дыша, стал смотреть в большую трубу.

Он увидел то, что видел уже много ночей подряд: кружок планеты, названный именем римского бога войны за свой цвет пожаров и крови. Оранжево-красный диск едва заметно вздрагивал: часовой механизм плавно вел трубу телескопа следом за планетой.

Майское небо было чистым, воздух — прозрачным. Отлично, отлично! Нечего и ждать лучшей ночи для продолжения опытов со светофильтрами. Эти цветные стекла, пропускающие, отфильтровывающие лучи только одного цвета, право, еще недостаточно оценены в астрономии. А ведь они так помогают наблюдателю! Светофильтры резче, контрастнее, нагляднее отделяют друг от друга всё, что имеет различные оттенки, с трудом улавливаемые человеческим глазом.

Тихов вставил красное стекло.

Тотчас на кружке планеты отчетливо обозначились ее материки. Они занимали приблизительно пять шестых поверхности Марса. Светофильтр подчеркнул, усилил ржавокрасный цвет пустынь. Рядом с ними резко выделились темные пятна марсианских «морей».

Сегодня на соседней планете все спокойно. А вот не-

сколько ночей назад часть материка помутнела, расплылась, и легкая желтоватая вуаль поползла с нее на соседнее море. Как видно, над марсианскими пустынями время от времени проносятся свирепые пыльные бури.

Натренированный глаз астронома постепенно стал различать и густую сеть знаменитых марсианских каналов — тонких темных линий, пересекающих почти всю планету. Вот в этой самой Пулковской обсерватории ему, Тихову, во время «великого противостояния» 1909 года первому удалось сфотографировать их в телескоп. Они тянутся не только через материки, но и через темные пятна марсианских морей — Эритрейского, Киммерийского, Тирренского, моря Сирен, моря Времени...

Тихов заменил красный светофильтр зеленым.

Сколько сразу перемен! Исчезло резкое различие между материками и морями. Диск планеты стал однообразно тускловатым. Зато как великолепно выделилась полярная шапка в южном марсианском полушарии!

Сколько лет известны астрономам эти шапки у полюсов Марса? Наверно, лет двести. И двести лет о них спорят. Это замерзшая углекислота, говорили одни. Нет, возражали им, шапки состоят из соли. Но, спрашивали третьи, почему же тогда ваши соляные шапки растут, расширяются марсианской зимой и сокращаются, почти исчезают, марсианским летом? Вероятнее всего, это снег.

И в том же счастливом 1909 году ему, русскому астроному, удалось опыты, доказывающие, из чего именно состоят шапки Марса. Помог цвет. Как много значит он в астрономии!

Белые шапки, оказывается, имеют зеленоватый оттенок — и зеленый светофильтр подчеркнул это. Но ведь снег, обычный земной снег, не бывает зеленоватым. Зато лед... Да, именно лед и оледеневший снег при разглядывании и фотографировании через тот же зеленый светофильтр оказались удивительно похожими на вещество марсианских шапок.

Дав короткий отдых глазам, Тихов снова прильнул к телескопу. Сейчас, когда у берегов Балтики весна, в южном полушарии Марса середина лютой зимы. Там ледяная шапка расползлась далеко от полюса. В северном полушарии, где теперь середина лета, от шапки, напротив, осталось лишь бледнозеленое пятнышко с темными краинами. Шапка, видимо, почти вся растаяла. Таяла она

очень быстро; должно быть, слой ее льда не превышает нескольких сантиметров. А крайины — это, вероятно, потемневшая от воды почва.

Синий светофильтр, которым Тихов сменил зеленый, размыл резкие очертания на поверхности планеты. Но зато возле кромки морей выступили вдруг узкие полосы, почти такие же светлые, как полярные шапки. Они двигались, меняли очертания. Облака? Легкие марсианские облака, проносящиеся в разреженной атмосфере...

Остаток ночи астроном, по обыкновению, посвятил марсианским морям. Они занимали его больше всего. Да, теперь науке уже ясно, что с настоящими морями они имеют мало общего. Это моря без воды. Или ее там очень мало. Марс вообще беден влагой: после таяния его полярных шапок вешние потоки едва могли бы наполнить, скажем, Ладожское озеро.

Но если марсианские моря вовсе не моря, то что же они такое? Швед Аррениус говорит: глинистая жижа, вязкие болота, набухающие весной. Однако ведь с морями красноватой планеты происходят весьма странные вещи. Разве глинистая жижа может менять цвет в зависимости от времен года? А моря Марса не только темнеют с наступлением весны и лета, но и приобретают голубовато-зеленоватый оттенок.

Зеленый цвет — цвет жизни. С Марса наши земные леса тоже казались бы пятнами, меняющими окраску, зеленеющими к лету...

Тихов взглянул на светящиеся часовые стрелки: пора уходить. Глаза утомлены, точность наблюдения снижается.

Астроном вышел в парк. Какая тишина! Слышны далекие гудки. Это в Петрограде. Нет еще четырех часов, а уже совсем светло: начались белые ночи. Недурно бы теперь позавтракать. Хлеб он доел с вечера, но холодной пшенной каши как будто немного осталось. Говорят, скоро должны прибавить паек.

Вздыхнув, астроном неторопливо побрел домой. Хорошо еще, что кончились бои. Сколько тревожных дней пережили обитатели Пулкова недавно, когда на Петроград шел Юденич! Пришлось вывинчивать и прятать объективы телескопов. Вон на главной башне до сих пор следы осколков — во дворе обсерватории стояли красные, противник бил по ним из пушек.

Да, трудные времена. И огороды астрономам пришлось сажать и пешком ходить за хлебом по глубокому снегу в Петроград. Изголодались, обносились товарищи звездочеты. Но сделали-то за этот тревожный, трудный год, право, не меньше, чем за любой дореволюционный...

* * *

Прошла четверть века.

Член-корреспондент Академии наук СССР Гавриил Адрианович Тихов готовился к публичной лекции о Марсе.

Он жил теперь в городе Алма-Ата. Приехав на время в Среднюю Азию, ученый полюбил ее небо и решил остаться в Казахстане. Здесь не надо было охотиться за Марсом, вылавливать его сквозь просветы в облаках и просветления в тумане, как это частенько приходилось делать в Пулковке: в небе над Алма-Атой звезды светят ярко и щедро.

Итак, Тихов готовился к лекции. Теперь он знал о Марсе гораздо больше, чем четверть века назад. В руках астрономов были уже тысячи снимков красноватой планеты. Правда, ее изображение на фотопластинке получалось не больше 2—3 миллиметров и рассматривали его потом в микроскоп, но все же эти снимки помогли уточнить карту Марса.

В марсианской атмосфере были обнаружены пары воды, углекислый газ, а самое главное — кислород; правда, может быть лишь тысячные доли того количества, которое содержится в земной атмосфере.

Наконец, Марсу смерили температуру. Чувствительные термоэлементы показали, что на его полярных шапках морозы достигают 70—80 градусов. Почти так же холодно зимой на большей части планеты. Зато в летний полдень лучи солнца, легко проходя через разреженную атмосферу, нагревают марсианские моря до 10, 15 и даже 30 градусов тепла.

Да, наука лучше стала знать Марс. Но над многими его загадками еще предстояло думать и думать.

Тихов и другие астрономы не раз наблюдали удивительную картину шествия марсианской весны. Как только начинала таять полярная шапка, каналы вблизи нее, до той поры едва заметные, темнели, вырисовывались всё отчетливее и отчетливее, как на фотографической плас-

тинке, опущенной в проявитель. Постепенно это потемнение захватывало половину полушария, распространяясь до экватора.

Что же происходит весной на далекой планете? Уж не марсиане ли, неведомые нам разумные существа, построили гигантские каналы для орошения своих полей водой тающих полярных шапок?

Астронома Лоуэла, утверждавшего, что дело обстоит именно так, прозвали даже «отцом марсиан». Однако сам «отец марсиан» не мог представить достаточных научных доказательств существования своих «детей»...

Но каково бы ни было происхождение каналов, их потемнение, а также летнее потемнение морей являлись доказанным фактом, требующим объяснения. И Тихов дал такое объяснение: вдоль каналов и на морях летом появляется растительность. В самом деле, что может мешать ее развитию на Марсе? Холод? Но ведь в Верхоянске, на земном «полюсе холода», где растут не только мхи и травы, но даже леса, средняя годовая температура ниже, чем на некоторых марсианских морях.

Правда, у тех, кто не согласен с ним и утверждает, что на Марсе нет растительности, похожей на земную, имеются в запасе два весьма весомых довода.

Для того чтобы наши растения могли жить, их зеленое вещество — хлорофилл — должно поглощать часть солнечных лучей. Это может проверить каждый, воспользовавшись особым прибором — спектроскопом. Но сколько ни изучали астрономы с помощью этого прибора марсианские моря — никаких признаков так называемой главной полосы поглощения хлорофилла не нашли.

И второе «против». Земные растения рассеивают и отражают невидимые инфракрасные лучи. А моря Марса этим свойством не обладают.

Значит, утверждали противники Тихова, их зеленоватый или голубовато-лиловый цвет зависит не от растительности, а от каких-то других причин...

На лекции, собравшей сотни слушателей, Тихов привел все «за» и «против» своей гипотезы. После лекции ему задали много вопросов. И случилось так, что в одном из этих вопросов был скрыт ключ к решению загадки, которая занимала астронома больше четверти века!

А вопрос был такой:

— Гавриил Адрианович, ведь инфракрасные лучи не-

сут почти половину солнечного тепла. Зачем же марсианским растениям, живущим в холодном климате, рассеивать эти лучи, зря отдавать тепло, которое им самим нужно? Может быть, они, в отличие от наших земных растений, наоборот поглощают инфракрасные тепловые лучи, приспособившись к суровому климату?

Тихов глубоко задумался. А ведь и в самом деле! Просто удивительно, что эта интересная мысль раньше не пришла в голову астрономам. Вот так вопрос! На него сразу и не ответишь: нужно многое взвесить, проверить.

Придя после лекции домой, Тихов первым делом разыскал записки своего друга и ученика Евгения Леонидовича Кринова. Этот молодой ученый, участник экспедиции за тунгусским метеоритом, несколько лет разъезжал с полевым спектрографом по стране и летал над ней на самолете. Путешествуя, Кринов узнавал, как отражают свет леса и степи, пустыни и льды, дороги и болота.

Результаты его наблюдений Тихов и стал просматривать теперь самым внимательным образом. Да, вот оно: северная ель, сберегая тепло, рассеивает втрое меньше инфракрасных лучей, чем цветущая береза. Растущий на вечной мерзлоте тундры можжевельник, говорили данные Кринова, поглощает втрое больше тех же несущих тепло лучей, чем зеленый овес, выращенный жарким летом в Подмосковье!

Но ведь если марсианские растения приспособиваются к климату подобно земным, то тогда этим можно объяснить не только их «жадность» к теплу инфракрасных лучей, но и отсутствие у них полос поглощения хлорофилла. Почему бы не допустить, что им для жизни нужно поглощать значительную часть несущей тепло красной половины спектра солнечного света, а не узкие ее полоски, как земным?

Однако, где и как проверить эти выводы? На Марсе? Нет, пока на Земле.

Обсерватория возле Алма-Аты снарядила несколько экспедиций. Сам Тихов надел походный рюкзак и отправился в предгорья Ала-Тау. Часть его помощников уехала в сибирскую тундру, где условия жизни растений приближаются к тем, какие должны быть на экваторе Марса.

И вот из Сибири пришло первое важное сообщение: блестящие листочки карликовой березы и другие расте-

ния тундры даже в теплом июле не дают полосы поглощения хлорофилла.

Как раз в это время сам Тихов установил, что спектр голубоватой канадской ели, растущей в окрестностях Алма-Аты, почти не отличается от спектра марсианских морей. И, наконец, экспедиция, поднявшись на хребты выше, нашла там немало наших земных растений самых что ни на есть марсианских оттенков — голубоватого, синевато-лилового, лиловато-фиолетового. И главной полосы поглощения хлорофилла у этих высокогорных растений тоже либо вовсе не было, либо она была едва заметной...

Так оба «против» превратились в «за», подтверждающие, что на Марсе есть растительность, схожая с земной.

В эти дни больших открытий родились новые науки — астрономическая ботаника, астрономическая биология. В Алма-Ате под руководством Тихова было создано первое на Земле научное учреждение, изучающее земные растения для того, чтобы раскрыть тайны растительности соседних планетных миров.

И, может быть, к тому времени, когда первый межпланетный корабль покинет Землю и помчится на Марс, в руках астронавтов уже будет ботаническая карта марсианской поверхности.

По всем данным, именно нашему веку суждено стать первым веком межпланетных путешествий, возможность которых была доказана еще в конце прошлого столетия основателем науки звездоплавания, великим ученым Циолковским. Он предложил идею единственного корабля, пригодного для межпланетных путешествий. Этот корабль — ракета.

Идеи Циолковского осуществляются. Поднялись уже с поверхности Земли ее советские искусственные спутники. Это первый шаг человечества к овладению межпланетным пространством.

Вторым шагом будет полет спутников с двигателями и запасом топлива. Такие спутники, управляемые астронавтами, смогут сближаться, образуя промежуточные летающие станции. По-видимому, на одной из этих станций и будет снаряжена экспедиция на далекую красную планету.

Правда, сначала нужно решить много сложных вопросов. Но уже проверено, например, что человек без вреда для здоровья может переносить то ускорение дви-

жения, которое будет иметь ракетоплан, мчащийся на Марс.

...Лет через двадцать, а может, через сорок школьник придет в библиотеку и скажет:

— Дайте, пожалуйста, что-нибудь о межпланетных путешествиях.

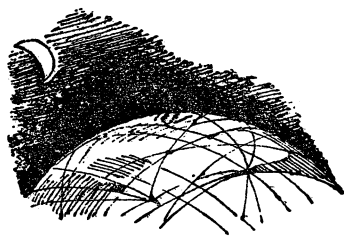
— А что ты любишь, мальчик: старинную фантастику или современные научно-популярные книжки?

— Научные...

— Тогда вот возьми. Это о том, как люди впервые попали на Марс.

Школьник начнет листать книжку и прочтет: «Первый земной ракетоплан снизился на Марсе на рассвете. Он неглубоко вдавился в песок на лугу, покрытом голубоватыми жестколистыми растениями, названными «травой Тихова». Это место находится недалеко от восточной окраины пустыни, известной на картах Марса под старинным названием Элезиум — страна счастливых»...

— Что ж, — скажет школьник, — я, пожалуй, возьму книжку. Хотя вообще-то нам уже рассказывали об этом на уроке.

СОДЕРЖАНИЕ

Находка на необитаемом острове	3
Конец капитана Кука	15
Антарктида	24
Вглубь Таймырской земли	48
К истокам Нила	72
И другие...	89
Семьдесят тысяч верст по Сибири	99
Курс — вокруг света	117
Последнее путешествие Александры Потаниной	141
По стране долларов без долларов	158
Скачка к полюсу	174
Два капитана	185
Загадки мертвого города	203
Рейс канонерки	217
За небесным гостем	229
Гибель «Италии»	251
Подводный археолог	266
Пик Сталина	275
Череп неандертальца	291
Камень плодородия	305
Красная планета	317

Для средней школы

Кублицкий Георгий Иванович

ПО МАТЕРИКАМ И ОКЕАНАМ

Ответственный редактор

Г. В. Малькова

Художественный редактор

Н. С. Яцкевич.

Технический редактор

В. А. Голубева.

Корректоры

Н. В. Белякова

и Е. Н. Трушковская

Подписано к печати 29/XI 1957 г. Формат

84×108^{1/16}—10,25 печ. л.=16,84 усл. печ. л.

(16,83 уч.-изд. л.). Тираж 100000 экз.

Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., д. 1.

Заказ № 1818. Цена 7 р. 55 к.

Отпечатано с матриц фабрики детской книги

Детгиза, Москва, на Книжной фабрике

им. Фрунзе Главиздата Министерства

культуры УССР, Харьков,

Донец-Захаржевская, 6/8.

